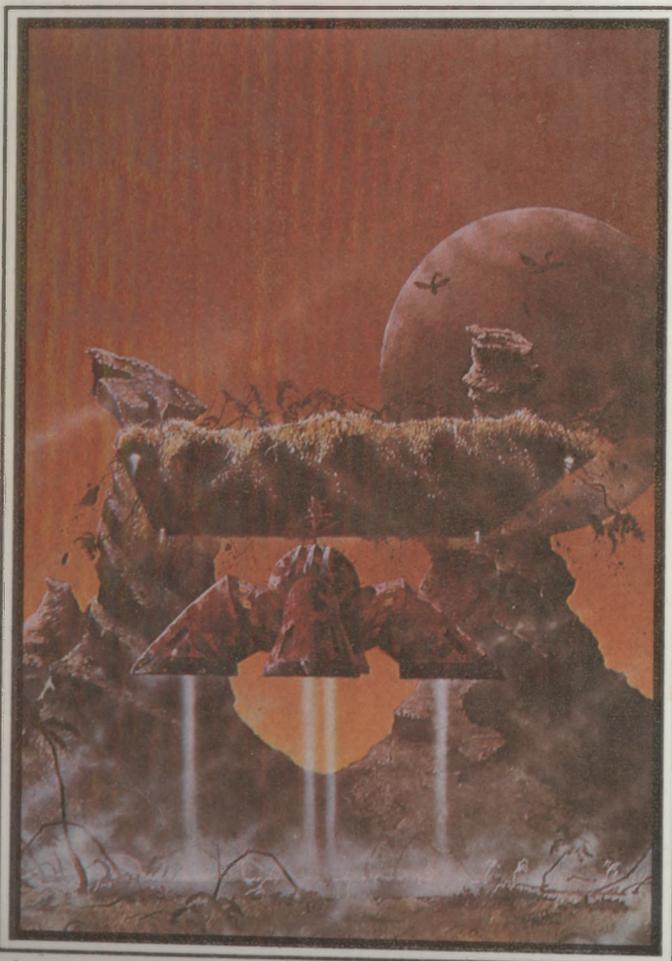

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

9

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ISAAC ASIMOV

Volume nine

FOUNDATION'S EDGE

«POLARIS» PUBLISHERS
1994

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Книга девятая

КРАЙ АКАДЕМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994

Foundation's Edge
Copyright © 1982 by Nightfall, Inc.

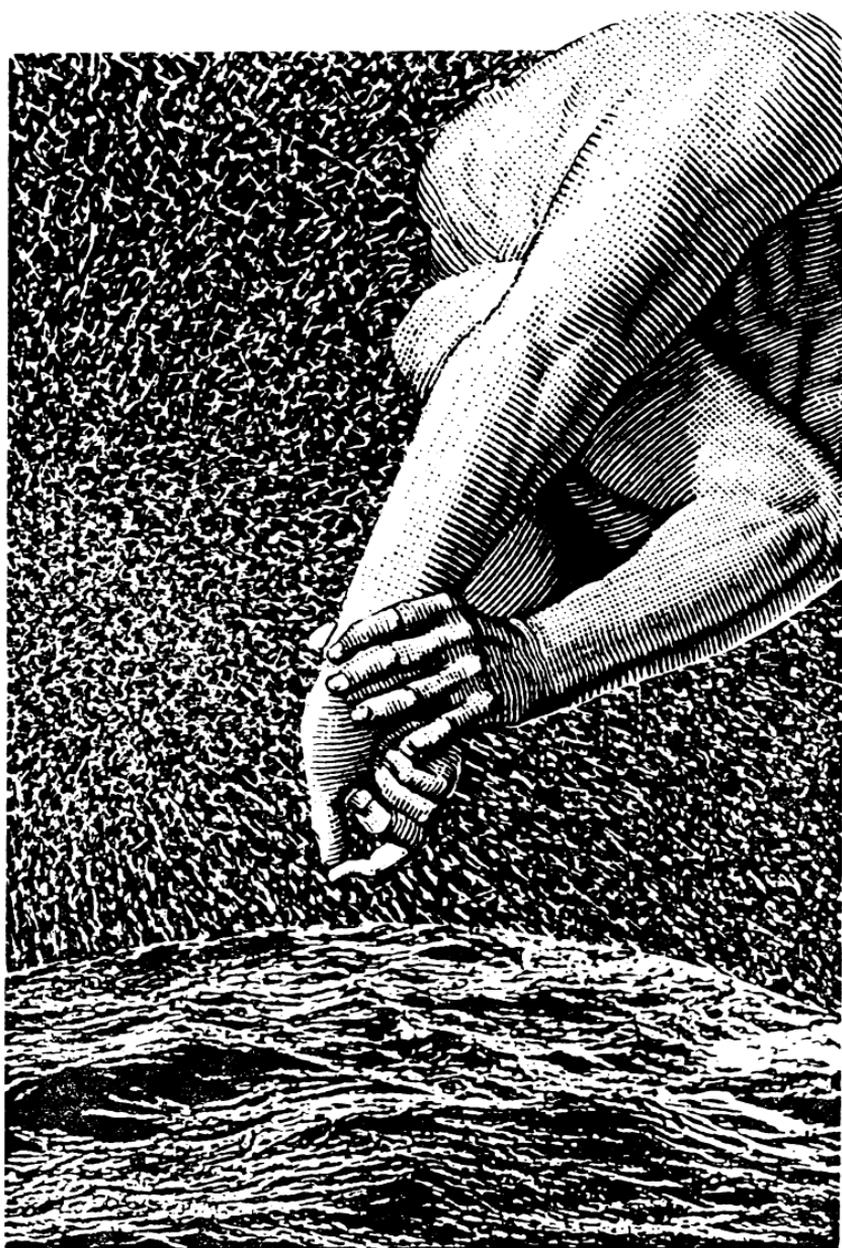
© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
*перевод на русский язык, оформление,
название серии*

Книга выпущена при участии
издательства «Фоллио», г. Харьков

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

А 4703040100—037 Без объявл.
94

ISBN 5-88132-066-2

КРАЙ АКАДЕМИИ

ПРОЛОГ

Гибель Первой Галактической Империи была неотвратима. Ее медленный распад и загнивание тянулись уже не одно столетие. Но только один-единственный человек знал об этом наверняка.

Звали его Гэри Селдон. Он был последним из величайших ученых Первой Империи. Именно ему принадлежит честь создания науки о поведении человека, науки, сведенной к математическим уравнениям.

Поведение отдельного человека непредсказуемо, но, как обнаружил Селдон, статистической обработке вполне поддаются реакции человеческих сообществ. И чем выше численность сообщества, тем точнее статистика. Свои исследования Селдон основывал на реакциях сообществ, численность которых составляла не менее населения всех обитаемых миллионов миров Галактики.

Выведенные Селдоном формулы показали ему, что, будучи оставленной на произвол судьбы, Галактическая Империя погибнет и пройдет тридцать тысячелетий страданий и агонии, прежде чем на руинах Первой родится Вторая Империя. Однако, решил он, если изменить некоторые условия, период Межвластия можно сократить до одного тысячелетия.

Для того чтобы это произошло, Селдон основал два поселения ученых, названных им Академиями, и произвольно расположил их «на противоположных концах Галактики». Первая Академия, деятельность которой была сосредоточена на развитии физических наук, была основана открыто, публично. Основание же другой, Второй Академии, мира психоисторической и «ментальной» науки, совершилось тайно.

В трилогии «Академия» описываются события, происходившие в течение первых трех столетий Межвла-

стия. Первая Академия (чаще упоминаемая просто как «Академия», ведь о существовании Второй долго никто не догадывался) начала свое бытие как скромная колония, поселение, затерянное в пустотах Внешней Периферии Галактики. Время от времени Академия сталкивалась с кризисами, каждый из которых характеризовался разнообразными вариантами поведения людей и различными политическими и экономическими тенденциями того времени. Свобода действий, свобода выбора была ограничена определенной, одной-единственной линией, и, когда Академия делала очередной шаг в этом направлении, перед ней открывались новые горизонты. Все это было спланировано Гэри Селдоном, который к тому времени уже давно покоился в мире.

Первая Академия, располагая новейшими достижениями науки, одолела окружавшие ее варварские планеты. Ей пришлось поочередно вступать в схватку то с анархистами, то с отколовшимися от погибающей Империи диктаторами, и победа была всегда на ее стороне. На долю Академии выпала и битва с останками самой Империи, которыми правил последний из могущественных Императоров. Армией Империи командовал последний из великих военачальников, но Академия и в этой схватке одержала победу.

Казалось, будто план Селдона выполняется, как задумано, что ничто не может помешать созданию Второй Империи в предсказанный срок — за одно тысячелетие.

Однако психоистория — наука сугубо статистическая. И всегда существует вероятность непредсказуемого поворота событий. И случилось то, что Гэри Селдон лишен был возможности предсказать. Неизвестно откуда появился человек по кличке Мул. Он обладал ментальными способностями, которых больше ни у кого в Галактике не было. Он был способен управлять людскими эмоциями, манипулировать умами так, что превращал самых злейших своих врагов в послушных, обезволенных рабов, а то и в ярых приверженцев. Целые армии не могли одолеть его одного. Первая Академия пала, и казалось — План Селдона никогда не возродится.

Но существовала таинственная Вторая Академия — застигнутая врасплох неожиданным появлением Мула на исторической сцене, она вскоре приступила к постепенному развертыванию контратаки. Главное средство защиты Второй Академии заключалось в том, что ее местонахождение оставалось тайной за семью печатями. Мул жаждал сразить ее, чтобы целиком и полностью обрести власть над Галактикой. Люди из Первой Академии, верившие в существование Второй, искали ее, чтобы обрести помощь и поддержку.

Найти ее никому не было суждено. Мул был недалек от успеха, но его остановил героический подвиг женщины, Байты Дарелл, что дало Второй Академии время подготовиться к решающему контрудару и остановить Мула навсегда. Постепенно Вторая Академия подготовилась и к воссозданию Плана Селдона.

Однако эти события в некоторой степени раскрыли тайну существования Второй Академии. Узнав о ее сущности, Первая Академия воспротивилась будущему, в котором за ней наблюдали бы и которое для нее предопределяли бы психологи из Второй Академии. Первая Академия превосходила Вторую военной мощью, поэтому задача Второй Академии усложнилась вдвое — ей нужно было не только приструнить Первую Академию, но и восстановить свою анонимность.

И это ей удалось под руководством величайшего «Первого Оратора», Прима Пальвера. Первой Академии было позволено одержать мнимую победу, ее влияние и могущество в Галактике росло, она жила и процветала, не подозревая о том, что Вторая Академия продолжает не только существовать, но и действовать.

Итак, минуло четыреста девяносто восемь лет после создания Первой Академии. Она — на вершине могущества. Все уверены в этом, кроме одного человека...

Глава 1

СОВЕТНИК

1

-Нет, не верю, — решительно произнес Голан Тревайз, стоя на широкой лестнице Селдон-Холла и глядя на город, озаренный лучами теплого, ласкового солнца.

Климат Терминуса издавна славился мягкостью. Площадь суши на планете значительно уступала площади водной поверхности, а внедрение системы искусственного кондиционирования способствовало еще большему сглаживанию погодных условий и, как частенько думал Тревайз, начисто лишило его какой бы то ни было экзотики.

— Ничему не верю, — повторил он, и улыбка промелькнула на его моложавом загорелом лице.

Его спутник Мунн Ли Компор — Советник, как и сам Тревайз, — носивший тройное имя вопреки давно установившимся на Терминусе традициям, недоуменно пожал плечами:

— Чему же ты не веришь? Тому, что мы спасли город?

— О, в это я верю на все сто. Спасли, спасли, и Селдон лично подтвердил, что мы это сделаем, и что это правильно, и что ему про это было все известно аж пятьсот лет назад.

Компор перешел на полусшепот.

— Слушай, Голан, я не против, со мной можешь вести такие речи — мне-то что, но если тебе взбредет в голову орать такое толпам народу, честно говоря, не

хотелось бы стоять с тобой рядом, когда ударит молния. Как знать, в кого из нас она угодит.

— А что я такого сказал? — невинно поинтересовался Тревайз. — Мы спасли город, сказал я. Что в этом крамольного? Да еще и без войны обошлось — просто красота.

— А воевать было не с кем, — парировал Компор, слегка сощутив небесно-голубые глаза.

Как и имя, внешность у него была на редкость несовременная: светлые глаза, соломенно-желтые вьющиеся волосы. Порой ему жутко хотелось выглядеть иначе.

— А о гражданской войне ты не слышал, Компор? — спросил Тревайз.

Он был строен и высок, темные волосы его едва заметно завивались. Руки его по обыкновению были засунуты в кармашки мягкой поясной сумки — сумок таких у него был целый набор, и он никогда и нигде не появлялся без этого неотъемлемого, почти ритуального аксессуара.

— Гражданская война по поводу местоположения столицы? Смешно.

— Не сказал бы. Вопрос оказался достаточно серьезным для того, чтобы разразился очередной седдоновский кризис. Политическая карьера Хенниса полетела в тартарары, мы с тобой были избраны в Совет, и вопрос, так сказать, повис в воздухе...

Он медленно, плавно покачал рукой, как маятником, готовым вот-вот остановиться.

Мимо приятелей по ступеням лестницы спускались члены правительства, корреспонденты, представители высшего света — все, кто откликнулся на приглашение засвидетельствовать очередное явление Седдона (точнее, его изображения). Кто-то болтал, кто-то довольно смеялся, кто-то выражал неподдельный восторг по поводу одобрительных высказываний Седдона.

Тревайз упрямо стоял на месте, позволяя веселой толпе огибать себя. Компор, успевший спуститься на две ступени ниже, тоже остановился. Казалось, между ними протянулась невидимая нить.

— Ты идешь или нет? — не оборачиваясь спросил Компор.

— Торопиться некуда. Заседание Совета не начнется, пока Мэр Бранно не изучит ситуацию и не изложит ее по своему обыкновению — по слогам, через час по чайной ложке. А я не жажду выслушивать очередную напыщенную речь. Лучше взгляни на город!

— Вижу. И вчера видел.

— Да, но разве ты видел его пятьсот лет назад, когда он был основан?

— Четыреста девяносто восемь лет назад, — автоматически уточнил Компор. — Через два года — пятисотлетний юбилей, и к тому времени Мэр Бранно все еще будет у власти, противостоя событиям невысокой степени вероятности, как мы все надеемся.

— «Как мы все надеемся»... — сухо повторил Тревайз. — И все же, каков он был пятьсот лет назад? Один-единственный город на планете! Маленькое поселение, где жила горстка ученых, готовивших к изданию Энциклопедию, которая так никогда и не вышла в свет.

— О чем ты? Энциклопедия была издана, в этом нет сомнений.

— А ты о чем? О той Галактической Энциклопедии, которой мы располагаем сейчас? То, что имеем мы, это совсем не то, над чем работали они. У нас теперь все данные введены в компьютер и ежедневно подвергаются пересмотру. А неоконченный оригинал ты когда-нибудь видел?

— Тот, что в Музее Гардина?

— Тот, что находится в Музее Первоисточников имени Сальвора Гардина. Если уж ты так любишь точность, давай употреблять полные названия. Ну так видел ты оригинал или нет?

— Нет. А что, стоило посмотреть?

— Да нет. Не стоило. Но тем не менее все было именно так: ничтожная горстка Энциклопедистов — ядро города, одного маленького города, практически лишенного металлов, на планете, обращающейся вокруг солнца, отдаленного от остальной Галактики: на окраине, на самом ее краю. А теперь — пасторальный мир, один сплошной парк куда ни глянь, и у нас есть все металлы, какие душе угодно. Теперь мы — центр всего на свете!

— Не совсем, — не согласился Компор. — Мы по-прежнему обращаемся вокруг солнца, отдаленного от всей Галактики. И мы по-прежнему на самом ее краю.

— Ну нет, это ты брякнул не подумав. В этом-то как раз и заключается смысл теперешнего маленького седоновского кризиса. Мы теперь — не крошечный мир Терминуса. Мы — Академия, протянувшая свои щупальца по всей Галактике и управляющая ею отсюда, с самого края. Мы способны на это потому, что больше не пребываем в изоляции — разве что в географическом смысле, а это не считается.

— Ладно. Согласен.

Компору был явно неинтересен этот разговор, и он шагнул еще на одну ступеньку вниз. Невидимая ниточка между приятелями слегка натянулась.

Тревайз выбросил вперед руку, будто пытался вернуть товарища назад.

— Разве ты не видишь разницы, Компор? Изменения колоссальны, но мы не желаем этого замечать. В душе мы хотим, чтобы по-прежнему была маленькая Академия, маленький мир, живущий сам по себе, внутри себя самого, как встарь — в дни нестигаемых героев и благородных святых, которые ушли навсегда.

— Ну и что?

— То самое. Ты на Седдон-Холл погляди. Начнем с того, что во времена первых кризисов, в дни правления Гардина существовал всего-навсего Склеп Седдона — маленькая аудитория, где появлялось голографическое изображение Седдона. И все. Теперь же это — грандиозный мавзолей. Но где тут силовое подъемное поле? Или спуск? Гравитационный лифт, на худой конец? Ничего нет — только эта лестница, и мы спускаемся и поднимаемся по ней точно так же, как спускался и поднимался Гардин. В странные, непредсказуемые времена мы в страхе цепляемся за прошлое.

Он страстно взмахнул рукой.

— Попробуй отыскать в постройке хоть какие-то признаки наличия металлов! Нет их. И тут быть их не может, потому что во времена Гардина здесь не было ни крошки природных металлов, да и импорт был с гулькин нос. Нет, когда воздвигли этот колосс, раздобыли где-то старинный пластик, порозовевший от вре-

мени, чтобы гости из других миров могли всплеснуть руками и воскликнуть: «Ах, какой чудный, восхитительный старинный пластик!» Говорю тебе, Компор, это чистойшей воды самообман.

— Значит, именно в это ты не веришь? В Селдон-Холл?

— И во все его содержимое, — яростным шепотом проговорил Тревайз. — Действительно — не верю в то, что мы обязаны таиться здесь, на краю Галактики, только потому, что так жили наши предки. Я считаю, что мы должны быть там, в центре, в сердцевине!

— Но сам Селдон перечит тебе. План Селдона выполняется и должен выполняться.

— Знаю! Знаю! Каждый младенец на Терминусе с колыбели верит в то, что Гэри Селдон придумал План, что он все предвидел и предсказал пятьсот лет назад, что все наши кризисы predeterminedены, что его голографический образ будет являться нам всякий раз, как разрешится очередной кризис, и сообщать тот необходимый минимум информации, что поможет нам жить до следующего кризиса, и, таким образом, План проведет нас через тысячелетие, по истечении которого мы сможем без хлопот создать Вторую, Великую Галактическую Империю на руинах старой, погибшей формации, распад которой во всей красе начался пять веков назад и два века назад благополучно завершился.

— Мне-то зачем рассказываешь все это, Голан?

— Затем, чтобы ты понял, что все это — притворство и самообман. Все — обман. Вернее, это стало обманом теперь! Мы сами себе не хозяева. Это не мы выполняем План.

Компор более внимательно взглянул на приятеля.

— Слышал от тебя и раньше подобные речи, Голан, но мне всегда казалось, что ты несешь околесицу только для того, чтобы позлить, подразнить меня. Но теперь, черт подери, мне кажется, ты говоришь всерьез.

— Конечно, всерьез.

— Не может быть. Либо это какая-то чересчур забористая шутка, мне не понять, либо ты сошел с ума.

— Ни то ни другое, — возразил Тревайз, ставший вдруг совершенно спокойным, и сунул руки в любимую сумку — видимо, жестикуляция больше не требова-

лась ему для выражения эмоций. — Да, я подумывал обо всем этом и раньше, но все было на уровне интуиции. Сегодняшний же утренний фарс, однако, мне все прояснил окончательно. Ну а я, в свою очередь, намерен все объяснить Совету.

— Нет, — прошептал Компор, — ты действительно сошел с ума!

— Брось. Пошли послушаешь.

Они вместе пошли вниз по лестнице. Только они двое там и остались — остальные давно ушли. И когда Тревайз немного обогнал приятеля, губы Компора дрогнули и он беззвучно проговорил, глядя в спину Тревайза:

— Дурак!

2

Мэр Харла Бранно открыла заседание Исполнительного Совета, призвав собравшихся к порядку. Взгляд ее без видимого интереса скользил по лицам Советников, однако никто ни на мгновение не сомневался, что она отметила для себя, кто присутствует, а кто запаздывает.

Ее седые волосы были тщательно уложены в прическу, которая не была выраженно женственной, но все же не напоминала мужскую стрижку. Ее прическа — не более того. Лицо ее красотой не блистало, но, собственно говоря, никому и в голову не приходило подумать об этом.

Харла Бранно была выдающимся руководителем. Конечно, ей было далеко до блистательности Сальвора Гардина или Хобера Мэллоу, чьи жизненный путь и карьера стали символами первых двух столетий существования Академии, но никто не посмел бы обвинить ее в непроходимой тупости представителей династии Индбуров — правителей Академии во времена перед воцарением Мула.

Ораторские способности ее не потрясали слушателей, не слыла она и прирожденной актрисой, но зато обладала талантом принимать хладнокровные, продуманные решения и придерживаться их, покуда она сама верила, что права. Так, не обладая ни одним из перечисленных дарований, она умела заставить тех, кто голосовал за принятие решений, поверить, что они непогрешимы.

Исходя из доктрины Селдона, историческим переменам противостоять крайне трудно (правда, всегда существует элемент непредсказуемости, о котором предпочитают забывать большинство селдонистов, несмотря на головокружительный инцидент с Мулом), и Академия могла сохранить свою столицу на Терминусе при любых условиях. Именно «могла», однако Селдон, только что явившийся в обличье пятисотлетней давности, объявил, что вероятность сохранения столицы на Терминусе составляла восемьдесят семь и две десятых процента.

Так что даже селдонисты были вынуждены признать — вероятность переноса столицы в некое другое место, поближе к центру Федерации Академии, с исходящими из этого малоприятными последствиями, составляла двенадцать и восемь десятых процента. Об этих последствиях Селдон также упомянул. И то, что этот вариант не прошел, целиком и полностью явилось заслугой Мэра Бранно.

Она упорно боролась, доказывая свою точку зрения; пережив времена серьезной непопулярности, она продолжала стоять на своем: Терминус должен, обязан оставаться традиционным местом резиденции правительства Академии. Политические враги Мэра старались на все лады высмеять ее: в газетах то и дело мелькали карикатуры, на которых весьма выразительно красовалась ее тяжеловатая нижняя челюсть (а она таки была тяжеловата, что правда, то правда), а кое-кто изображал Мэра в виде неприступного гранитного утеса.

Но теперь сам Селдон подтвердил ее правоту, и как минимум на время это давало ей значительное политическое преимущество. Поговаривали, что она якобы год назад обмолвилась о том, что в случае одобрения Селдоном ее действий во время его грядущего явления она будет считать, что задачу свою выполнила, уйдет в отставку и станет внештатным консультантом правительства — устала, дескать, рисковать, сражаться и гадать, чем кончится очередная политическая драка.

Мало кто в это поверил. Никакие политические баталии ей не были страшны — в их сумятице она чувствовала себя как рыба в воде — это была ее стихия. Теперь же, когда Селдон явился и сказал то, что сказал, она, похоже, и думать забыла о своей отставке.

Мэр начала свою речь хорошо поставленным голосом, с откровенным акцентом Академии (она одно время служила послом в Мандрессе, но так и не переняла староимперского выговора, что был сейчас в таком фаворе — наглядный пример проимперских настроений во внутренних провинциях):

— Седоновский кризис миновал, и согласно мудрой традиции не допускается никаких упреков по адресу тех, кто думал иначе, — ни словом, ни делом. Многие честные граждане полагали, что имеют веские причины хотеть того, чего не хотел Седдон. Несправедливо унижать их, заставляя публично признать величие Плана Седдона, дабы они образумились и обрели уважение к самим себе. Кроме того, существует не менее добрая традиция — те, кто поддерживал проигравшую сторону, должны принять поражение как данность и воздержаться от каких бы то ни было дальнейших обсуждений. Эта тема закрыта для обеих сторон навсегда.

Выдержав паузу, Мэр обвела взглядом лица Советников и продолжила:

— Минула половина срока, Советники, пройдена половина пути между двумя Империями — дорога длинной в пять столетий. Трудные были времена, но мы пережили их. На самом деле, фактически мы уже стали Галактической Империей, и серьезных внешних врагов у нас нет. Период Межвластия мог бы тянуться тридцать тысячелетий, если бы не План Седдона. Случись так, могло бы оказаться, что некому было бы заняться воссозданием Империи. Разобщенные, гибнущие миры — вот все, что осталось бы к тому времени... Всем, что у нас есть сегодня, мы обязаны Гэри Седдону, его почившему гению мы обязаны тем, что, как мы все верим и надеемся, случится с нами в будущем. Следовательно, опасность, Советники, кроется в нас самих — теперь, с настоящего момента, просто не может быть никаких официальных сомнений в верности и ценности Плана. Давайте же теперь придем к согласию — пусть впредь более не звучат публично высказываемые критика, осуждения истинности Плана Седдона. Мы обязаны поддержать его целиком и полностью. За пять столетий он оправдал себя. В нем — безопасность и на-

дежда человечества, и ни при каких условиях он не должен быть искажен. Согласны?

Советники ответили на ее вопрос тихим шепотком. Мэру вовсе не нужны были визуальные выражения согласия. Она досконально изучила всех членов Совета и знала, какотреагирует каждый. На гребне победы никаких возражений и быть не могло. Потом — может быть. Но не сейчас. Со всеми проблемами, что возникнут потом, она потом и разберется.

Итак, общее согласие... Но, как обычно...

— Запрет на высказывания, Мэр Бранно? — громко спросил Голан Тревайз, шагая по проходу. Место его, новоиспеченного Советника, находилось в задних рядах.

Бранно, не поднимая глаз, процедила сквозь зубы:

— Ваша точка зрения, Советник Тревайз?

— Моя точка зрения такова: правительство не имеет права накладывать вето на право свободного изложения мыслей. Моя точка зрения такова: все без исключения — а в первую голову Советники и Советницы, с этой целью избранные, — все имеют право обсуждать злободневные политические вопросы, и ни один политический вопрос не может быть решен в отрыве от Плана Селдона.

Мэр Бранно скрестила руки на груди и посмотрела на Тревайза.

— Советник Тревайз, — сказала она, не изменившись в лице, — вы вмешались в дебаты, нарушив повестку дня. Этого вам делать не следовало. Однако я позволила вам высказать вашу точку зрения, и теперь отвечу вам... Никаких ограничений на свободное изложение своих мыслей в рамках Плана Селдона нет. Единственным ограничением является сам План, по его собственной природе. Можно как угодно интерпретировать события до того, как образ Селдона объявляет окончательное решение, но после того как решение выслушано, в Совете оно более не оспаривается. Не принято его обсуждать и заранее — по типу: если Селдон скажет то-то и то-то, он будет неправ.

— Ну а если кто-то совершенно искренне так думает, Мэр Бранно?

— В таком случае этот кто-то имеет право на высказывание своего личного мнения в частной беседе.

— Следовательно, все ограничения на свободное выражение мыслей относятся исключительно к членам правительства?

— Именно так, и это отнюдь не новый принцип в законах Академии. Его применяли все Мэры в прошлом, от какой бы партии ни выступали. Частная точка зрения ровным счетом ничего не меняет, а вот официальное выступление всегда весомо, а порой и опасно. Сейчас нам не стоит рисковать.

— Позвольте заметить, Госпожа Мэр, что упомянутый вами принцип применялся не так уж часто, да и то по отношению к весьма специфическим действиям со стороны Совета. Никогда и никто не пользовался им в отношении чего-либо столь глобального и безупречного, как План Селдона.

— План Селдона более всего нуждается в защите. Его осуждение может оказаться фатальным.

— А вам не кажется, Мэр Бранно, — произнося эти слова, Тревайз развернулся и обратился ко всем членам Совета, которые, затаив дыхание, ожидали окончания дуэли, — а вам, уважаемые члены Совета, не кажется, что есть все причины предположить, что никакого Плана Селдона вообще не существует?

— Однако все мы сегодня видели его в действии, — возразила Бранно, говоря тем более хладнокровно, чем сильнее распалялся Тревайз.

— Вот именно потому, что все мы видели его сегодня в действии, Советники и Советницы, мы и должны сделать вывод о том, что того Плана Селдона, в который нас приучили верить, не существует.

— Советник Тревайз, вы нарушаете порядок заседания. Я лишаю вас слова.

— Я располагаю официальными привилегиями, Мэр.

— Отныне вы лишены этих привилегий, Советник.

— Вы не имеете никакого права лишать меня привилегий. Ваше заявление об ограничении свободы на высказывание взглядов не может носить характер закона. Формального голосования в Совете по этому поводу не было, Мэр, да если бы и было, я бы первым оспорил легальность такого закона.

— Лишение вас привилегий, Советник, не имеет ничего общего с моим заявлением относительно необходимости защиты Плана Селдона.

— Чем же оно, в таком случае, вызвано?

— Вы обвиняетесь в измене, Советник. Мне бы хотелось склонить Совет к милосердию и просить, чтобы ваш арест не был произведен в зале Заседаний, но за дверью вас ожидают представители Службы Безопасности, которые сопровождают вас в место заключения, как только вы покинете зал. Теперь я попрошу вас спокойно удалиться. Если вы совершите какой-либо опрометчивый поступок, мне, к великому сожалению, придется счесть ваше поведение опасным и пригласить представителей Службы Безопасности войти в зал Заседаний. Искренне надеюсь, что этого не потребуются.

Тревайз нахмурился. В зале стояло гробовое молчание. (Неужели все ожидали этого — кроме него самого и Компора?) Он непроизвольно оглянулся на входные двери. Они были закрыты, но он ни на йоту не сомневался, что Мэр Бранно не пошутила.

— Я представляю влиятельную фракцию! — возмущенно воскликнул он.

— Что ж, я искренне сочувствую тем, кто выдвинул вас в Совет. Они будут весьма разочарованы.

— И на каком же основании мне выносятся такое нелепое обвинение?

— Обвинение будет предъявлено вам в положенный срок, но не сомневайтесь, оснований для этого у нас вполне достаточно. Вы славитесь легкомыслием, молодой человек, но постарайтесь понять: кое-кто здесь может быть вашим другом, но при этом вовсе не жаждет последовать вместе с вами за решетку.

Тревайз резко обернулся и встретился с непроницаемым взглядом голубых глаз Компора.

Мэр Бранно спокойно проговорила:

— Призываю всех в свидетели, Советники: после моего заявления Советник Тревайз обернулся и посмотрел на Советника Компора. Ну, так вы покинете зал, Советник, или вынудите нас на неприятную процедуру производства вашего ареста в помещении зала Заседаний?

Голан Тревайз медленно повернулся на каблуках, медленно взошел по ступеням лестницы. У дверей его крепко взяли под руки двое вооруженных до зубов охранников.

А Харла Бранно, проводив его бесстрастным взглядом, одними губами проговорила:

— Дурак!

3

Лайоно Коделл занимал пост Директора Службы Безопасности все то время, пока правила Мэр Бранно. «Работенка не пыльная», — любил поговаривать он, но врал или нет — этого никому знать было не дано. Нет-нет, на вруна он нисколько не походил — но это, опять-таки, ничего не значило.

И внешность Коделла, и манера себя вести прямо-таки излучали дружелюбие и мягкость. Очень может быть, что это как нельзя лучше помогало его работе. Рост у него был ниже среднего, вес — гораздо выше среднего. Он носил густые, кустистые усы (исключительная редкость для жителя Терминуса), на вид скорее белесые, чем седые. Очень красили его живые, ярко-карие глаза. Нагрудный карман его блеклой униформы украшала яркая нашивка.

— Присаживайтесь, Тревайз, — сказал он. — Давайте постараемся удержаться в рамках дружеской беседы, если получится.

— Дружеская беседа? С изменником?

Тревайз решительно сунул руки в прорези сумки и не откликнулся на предложение садиться.

— С обвиняемым в измене. Мы пока еще не дожили до времен, когда обвинение, высказанное даже Мэром, становится эквивалентом приговора. И надеюсь, никогда не доживем. Мое дело — поговорить с вами и все выяснить. С гораздо большим удовольствием я бы сделал это сейчас, пока не приключилось серьезной беды и пока, кроме вашего самолюбия, ничто не пострадало. Честное слово, мне гораздо приятнее побеседовать с вами с глазу на глаз, чем доводить дело до открытого судебного процесса. Надеюсь, вас это тоже больше устраивает.

Тревайз не клюнул.

— Знаете что? Давайте не будем в игрушки играть. Ваше дело — обходиться со мной так, как будто я и есть изменник. Поскольку я сам считаю, что это не так, я смиряюсь с необходимостью доказать это вам, чтобы вы остались довольны. А чтобы и я остался доволен, придерживайтесь рамок лояльности. Идет?

— В принципе — никаких возражений. Печальный факт, однако, заключается в том, что на моей стороне — сила, а на вашей ее нет. Поэтому вопросы тут буду задавать я, а не вы. Если, не дай бог, на меня падет подозрение в измене, я, скорее всего, потеряю свой пост, и допрашивать меня будет кто-то другой. И я искренне надеюсь, что он со мной обойдется не хуже, чем я с вами.

— И как же вы намерены со мной обойтись?

— Полагаю — как с другом, как с равным, если вы оплатите мне тем же.

— Может, еще и выпить дадите? — язвительно усмехнулся Тревайз.

— Отчего же? Можно и выпить, только попозже, а пока садитесь. Прошу, как друга.

Тревайз немного помедлил и сел. Дальнейшие препирательства внезапно показались ему бесполезными.

— Ну и что теперь?

— Теперь позвольте поинтересоваться: готовы ли вы отвечать на мои вопросы честно, ничего не утаивая, без уклонений?

— А если — нет? Что мне грозит в таком случае? Психозондирование?

— Надеюсь, нет.

— Я тоже на это надеюсь. Вы должны понимать, что это — не для Советника. Психозондирование никакой измены с моей стороны не выявит, и, когда я буду оправдан, я получу вашу политическую голову, и голову Мэра в придачу. Так что, знаете, в какой-то степени для меня даже лучше было бы, если бы пошли на психозондирование.

Коделл нахмурился и слегка покачал головой:

— О нет. Нет. Что вы! Слишком велик риск поражения мозга. После этого порой слишком долго оправляются, вам это совершенно ни к чему. Вы же знаете —

стоит применить психозондирование, когда обследуемый в раздраженном состоянии, и...

— Это угроза, Коделл?

— Констатация факта, Тревайз. Не извращайте смысла моих слов, Советник. Если я вынужден буду прибегнуть к психозондированию, я сделаю это, и даже если вы окажетесь невиновны, я вам не завидую.

— Что вы хотите узнать?

Коделл нажал кнопку на крышке стола.

— Все, что я у вас спрошу, и все, что вы мне ответите, будет записано и визуально, и вербально. Я не хочу от вас никаких добровольных признаний, но также не желаю, чтобы вы что-то утаили от меня. Надеюсь, вы меня понимаете.

— Понимаю я только то, что вы будете записывать исключительно то, что вам нужно, — убежденно ответил Тревайз.

— Это верно, но опять-таки не выворачивайте мои слова наизнанку. Я не извращу ничего из сказанного вами. Я этим либо воспользуюсь, либо нет. Но вы будете знать, чем именно я не воспользуюсь. Тем самым мы сэкономим и ваше время, и мое.

— Посмотрим.

— У нас есть причины полагать, Советник Тревайз (нотки официоза в голосе Коделла показали, что запись пошла), что вы не раз открыто утверждали, будто Плана Седдона не существует.

Тревайз медленно, покачиваясь на стуле, проговорил:

— Ну, если об этом я говорил открыто и не раз — чего же вам еще?

— Давайте не будем тратить время на препирательства, Советник. Поймите, мне нужны ответы, произнесенные вашим собственным голосом. Полученная запись будет исследована в сравнении с эталоном вашего голоса в состоянии, когда вы полностью отвечаете за сказанные слова.

— Понятно. Видимо, применение гипноза, химических препаратов или того и другого вместе исказило бы звучание моего голоса?

— Да, и весьма значительно.

— А вам, конечно, безумно хочется показать, что вы не пользовались при допросе Советника нелегальными методами? Я вас в этом не обвиняю.

— Искренне рад. В таком случае продолжим, Советник. Вы не раз открыто заявляли, будто Плана Селдона не существует. Признаете вы это?

Тревайз ответил, старательно подбирая слова:

— Мое мнение таково: то, что мы привыкли именовать Планом Селдона, не имеет того значения, которое мы ему приписываем.

— Туманный ответ. Не будете ли любезны пояснить, что имеете в виду?

— Я считаю наивным общепринятое представление о том, что Гэри Селдон пятьсот лет назад, занимаясь разработкой математических основ психоистории, учел течение истории человечества до мельчайших деталей, о том, что мы идем по предначертанному пути от Первой Галактической Империи ко Второй по линии максимальной вероятности. Это невозможно.

— Хотите ли вы сказать, что, по вашему мнению, Гэри Селдона на самом деле никогда не было?

— Вовсе нет. Безусловно, он существовал.

— Может быть, вы хотите сказать, что он никогда не создавал психоисторической науки?

— Да нет же! Ничего подобного! Послушайте, Директор, если бы мне позволили, я бы все объяснил Совету. Могу объяснить и вам. Все так просто на самом деле...

Директор Службы Безопасности спокойно и откровенно отключил записывающее устройство.

Тревайз умолк и нахмурился:

— Зачем вы это сделали?

— Вы тратите мое время, Советник. Я не просил вас произносить речи.

— Но вы просили меня выразить мою точку зрения, не так ли?

— Не совсем. Я просил вас отвечать на вопросы — просто, прямо, без лишних подробностей. Отвечать **только** на вопросы и не добавлять ничего такого, о чем у вас не спрашивают. Поступайте так, и тогда наша беседа не займет много времени.

— Хотите выудить у меня заявления, которые помогут вам состряпать официальную версию моей предполагаемой измены?

— Наше единственное желание — получить от вас честные ответы. Уверяю вас, извращать их никто не собирается. Прошу вас, давайте попробуем сначала. Мы говорили о Гэри Селдоне.

Коделл включил записывающее устройство и методично повторил вопрос:

— Может быть, вы хотите сказать, что он никогда не создавал психоисторической науки?

— Несомненно, он создал науку, именуемую нами психоисторией, — отвечал Тревайз, безуспешно пытаясь взять себя в руки.

— Как бы вы определили ее сущность?

— Обычно, — отвечал Тревайз, стараясь не скрипеть зубами, — ее определяют как отрасль математики, оперирующую понятиями, описывающими общие реакции больших групп людей на заданные стимулы при заданных условиях. Другими словами, предполагается, что с ее помощью можно прогнозировать социальные и исторические перемены.

— Вы сказали «предполагается». Ваши сомнения основаны на математической экспертизе?

— Нет, — усмехнулся Тревайз. — Я не психоисторик. Как, впрочем, и ни один из членов правительства Академии, и ни один из граждан Терминуса, и ни один из...

Рука Коделла приподнялась над столом.

— Советник, прошу вас, — укоризненно проговорил он, и Тревайз умолк.

Коделл перешел к следующему вопросу:

— Есть ли у вас причина утверждать, что Гэри Селдон не произвел должного объема исследований, в которых были бы учтены с наибольшей точностью все факторы максимальной вероятности и минимальной длительности пути от Первой Империи до Второй под эгидой Академии?

— Меня там не было, — съязвил Тревайз. — Откуда мне знать?

— Так известно ли вам, что он этого не сделал?

— Нет.

— Может быть, вы отрицаете, что голографическое изображение Гэри Седдона, являвшееся во время ряда исторических кризисов за истекшие пятьсот лет, представляет собой подлинную видеозапись Гэри Седдона, сделанную в последний год его жизни?

— Нет, пожалуй, я этого не отрицаю.

— «Пожалуй» вы говорите. Как-то неточно. Не утверждаете ли вы, что это подделка, подмена, произведенная ранее или в более позднее время кем-то с какой-то целью?

— Нет, — вздохнул Тревайз, — я этого не утверждаю.

— Готовы ли вы признать, что речи, которые перед нами произносит Гэри Седдон, не сфабрикованы кем-то?

— Готов. У меня нет никаких причин подозревать какую бы то ни было фабрикацию. Не думаю, чтобы подобная подделка повлекла за собой что-либо существенно полезное, да и вообще не считаю такое возможным.

— Понятно. Вы были свидетелем последнего явления Седдона. Заметили ли вы, что анализ ситуации, проведенный им пятьсот лет назад, не совпал с реальными событиями наших дней довольно-таки точно?

— Совсем наоборот! — с неожиданным оживлением отозвался Тревайз. — Очень точно совпал!

Всплеск эмоций собеседника не вызвал у Коделла никакой реакции.

— И тем не менее, Советник, даже после явления Седдона вы продолжаете утверждать, что Плана Седдона не существует.

— Конечно, продолжаю. Я утверждаю, что его не существует именно потому, что анализ был произведен настолько точно.

Коделл выключил записывающее устройство.

— Советник, — с упреком сказал он, — вы вынуждаете меня стереть ваш ответ. Я спросил вас о том, продолжаете ли вы придерживаться своего странного убеждения, а вы опять начинаете излагать мне его причины. Позвольте, я повторю вопрос: и тем не менее, Советник, даже после явления Седдона, вы продолжаете утверждать, что Плана Седдона не существует?

— Откуда вам это известно? Вряд ли у вас была возможность побеседовать с моим приятелем Компром. Вероятно, он ваш осведомитель.

— Скажем так: мы догадались, Советник. Допустим, что на самом деле вы мне ответили: «Да, конечно». Если вы сами произнесете этот ответ без добавления отсебятины, мы покончим с этим вопросом.

— Да, конечно, — послушно, но не без сарказма произнес Тревайз.

— Отлично, — улыбнулся Коделл. — Сюда я вставлю «Да, конечно» из ваших ответов, которое будет звучать наиболее естественно. Благодарю вас, Советник.

Коделл выключил записывающее устройство.

— Это все? — удивленно спросил Тревайз.

— Все, что нам нужно.

— Ясно. Вам нужен набор вопросов и ответов, который вы сможете представить Терминусу и всей Федерации Академии, дабы показать, что я целиком и полностью принимаю легенду о Плане Седдона. Следовательно, любое отрицание или сомнение с моей стороны, высказанное впоследствии, выставит меня эксцентриком, а то и того хуже — просто безумцем.

— Более того, изменником в глазах большинства тех, кто понимает, как важен План для сохранения безопасности Академии. Возможно, мне и не придется обнародовать материалы нашей беседы, Советник Тревайз, если мы достигнем некоторого понимания. Но в случае необходимости, будьте уверены, мы проследим за тем, чтобы Федерация это услышала.

— Послушайте, сэр, — нахмутив брови, сказал Тревайз, — не хотелось бы считать вас тупицей, но неужели вам так-таки неинтересно то, что я собирался сказать на самом деле?

— Как человеку, почему же, очень даже интересно, и в более подходящий момент я бы вас с превеликим удовольствием выслушал — с удовольствием, но не без здорового скепсиса. А как Директор Службы Безопасности я сейчас располагаю всеми необходимыми сведениями.

— Надеюсь, вы понимаете, что происшедшее ничего хорошего ни вам, ни Мэр не сулит?

— Как ни странно, у меня на этот счет противоположное мнение. Можете идти. В сопровождении охраны, как это ни прискорбно.

— Можно поинтересоваться, куда?

— До свидания, Советник, — широко улыбаясь, проговорил Коделл. — Вы, правда, не были откровенны до конца, но ожидать от вас этого было бы наивно.

Он протянул Тревайзу руку в знак прощания.

Тревайз на это проявление вежливости и дружелюбия никак не ответил. Он встал, расправил изнутри складки любимой сумки, вытащил руки и, прищурившись, отчеканил:

— Вы просто оттягиваете неизбежное. Так, как я думаю сейчас, могут думать и другие, или станут так думать позднее. Посадите меня в тюрьму, казните — это вызовет удивление и только ускорит распространение подобных взглядов. Но в конце концов мы победим — истина и я.

Коделл отдернул протянутую руку и медленно покачал головой:

— Нет, Тревайз. Вы таки дурак.

4

Только к полуночи явились двое охранников, чтобы увести Тревайза из роскошных апартаментов Дирекции Службы Безопасности. Роскошных, но запертых на замок. Тюрьма она и есть тюрьма, как ни назови.

Четыре часа с лишним Тревайз чинил допрос самому себе, шагая из угла в угол комнаты и лишь изредка присаживаясь.

Как он мог довериться Компору!

А почему он должен был не доверять ему? Вроде бы тот был всегда согласен с ним... Нет, не то. Всегда не прочь был поспорить? Нет, опять не то. Просто Компор представлялся ему легко внушаемым человеком, начисто лишенным собственного взгляда на вещи, и Тревайз частенько наслаждался возможностью использовать его в качестве звукового стенда. Компор помогал Тревайзу шлифовать собственные мнения и укрепляться в них. Он был удобен, и доверял ему Тревайз не по

какой-либо другой причине, а только потому, что доверять Компору было удобно.

Теперь бесполезно было гадать, что он упустил и когда стоило приглядеться к Компору получше. Видимо, решил Тревайз, никогда нельзя изменять принципу: «Не доверяй никому».

Но как можно жить, не доверяя никому?

Мерзко, но деваться некуда.

Но кто бы мог представить, что Бранно решится на публичное изгнание Советника из зала Заседаний? Что ни один Советник пальцем не пошевелит, рта не раскроет, чтобы защитить его? Пусть они были не согласны с Тревайзом в глубине души, пусть они были готовы пролить свою кровь, до последней капли, на алтарь правоты Бранно, но, не защитив его, они же сами себя на веки вечные лишили стольких прав и привилегий! «Бранно Бронзовая» — так порой величали Мэра. Да, действовала она поистине с металлической жестокостью...

А вдруг она действует не по своей воле?

Нет! Так и до паранойи недалеко!

И все же, все же...

Навязчивая мысль на цыпочках вершила круги в его сознании и не уходила, никак не уходила... Вошли охранники.

— Вам придется проследовать с нами, Советник, — сообщил старший по званию (судя по знакам отличия, лейтенант) голосом вышколенного служаки. На правой щеке его был заметен небольшой шрам, и вид у него был бесконечно усталый. Казалось, он несет службу, не получая никакой отдачи. — дело понятное, чего еще ждать от службы солдату, чей народ живет в мире и спокойствии больше века?

Тревайз не пошевелился.

— Ваше имя, лейтенант.

— Лейтенант Эвандер Сопеллор, Советник.

— Вы осознаете, что нарушаете закон, лейтенант Сопеллор? У вас нет права арестовывать Советника.

— У нас приказ, сэр.

— Это неважно. И быть такого не может. Вам не могут приказать арестовать Советника. Трибунала вы не боитесь?

— Мы не арестуем вас, Советник.
— Значит, я не обязан следовать с вами, так?
— Нам дан приказ сопроводить вас домой.
— Я знаю дорогу.
— Мы должны охранять вас по пути.
— От чего? От кого?
— Вокруг вас может собраться толпа.
— Толпа? В середине ночи?
— Потому мы и ждали полуночи, сэр. А теперь, сэр, ради вашей же безопасности, прошу вас следовать с нами. Не хотелось бы угрожать вам, сэр, но я обязан сообщить вам, что в случае необходимости у нас есть право прибегнуть к применению силы.

Тревайз заметил у обоих охранников нейронные хлысты. Изю всех сил стараясь показаться равнодушным и не утратить достоинства, он встал со стула.

— Ну что ж — домой, так домой, — сказал он как можно более небрежно. — Хотя вполне может оказаться, что не домой, а в тюрьму.

— У нас нет инструкций обманывать вас, сэр, — возразил лейтенант с гордостью. Тревайз понял, что имеет дело с профессионалом, который и совет только по приказу, но тогда уж ни выражение лица, ни интонация голоса его не выдадут.

— Прошу прощения, лейтенант, — извинился Тревайз. — Я вам верю.

На улице их ждал автомобиль.

Вокруг не было ни души. Какая толпа? Хотя, собственно, лейтенант никакой толпы не обещал. Он только сказал, что она может собраться.

Лейтенант теснил Тревайза к машине. Ни отойти в сторону, ни сделать резкое движение было невозможно. Скользнув в дверцу сразу же за Тревайзом, лейтенант захлопнул ее и уселся рядом с Советником.

Машина тронулась.

Не оборачиваясь, Тревайз спросил:

— Я полагаю, что, как только окажусь дома, имею право вести себя, как мне заблагорассудится — уехать, к примеру?

— У нас нет инструкций каким-то образом мешать вам, Советник, но отныне мы обязаны охранять вас.

— Что сие означает?

— Я имею распоряжение сообщить вам, что, как только вы окажетесь дома, вы не должны будете никуда выходить. Улица для вас небезопасна, а я отвечаю за вашу безопасность.

— Ясно. Домашний арест.

— Я не юрист, Советник. Не знаю, как это называется.

Лейтенант на Тревайза не смотрел — взгляд его был устремлен вперед, на дорогу, но локоть довольно чувствительно упирался в бок Советника, и при всем желании Тревайз не смог бы даже пошевелиться, чтобы лейтенант этого не заметил.

Автомобиль затормозил у маленького коттеджа Тревайза на окраине Флекснера. Ждать его дома было некому — нынешняя его подруга, Флавелла, устала от напряженной, беспорядочной жизни, которую ему, профессиональному политику и члену Совета, приходилось вести, и не так давно перебралась к себе.

— Могу я выйти? — спросил Тревайз.

— Я выйду первым, Советник. Мы проводим вас в дом.

— Печетесь о моей целостности и сохранности?

— Да, сэр, — невозмутимо отозвался лейтенант.

За дверью их ожидали еще двое охранников. Снаружи казалось, что в доме темно, но, оказывается, окна были зашторены и горел ночник.

В первое мгновение Тревайз собрался было выразить возмущение, но тут же взял себя в руки — чего уж теперь возмущаться. Если собратья-Советники не смогли защитить его в зале Заседаний, то уж дом его тем более перестал быть его крепостью.

— Сколько же вас тут? Полк? — попытался пошутить Тревайз.

— Нет, Советник, — послышался в ответ твердый, уверенный голос. — Кроме тех, кого вы видите, только один человек — я, и жду вас уже очень долго.

В дверях гостиной стояла Харло Бранно, Мэр Терминуса.

— Нам пора побеседовать, не правда ли?

Тревайз не мог сдержать изумления:

— И весь этот маскарад для того, чтобы...

— Спокойно, Советник! — сказала Бранно тихо, но властно. — А вы, все четверо, пошли вон! Вон! Тут все будет в порядке. Марш отсюда!

Четверо охранников отсалютовали, развернулись на сто восемьдесят градусов и удалились. Тревайз и Бранно остались наедине.

Глава 2

МЭР

5

Последний час Бранно провела в напряженных раздумьях. Фактически она была виновна во взломе. Более того, она самым неконституционным образом нарушила иммунитет Советника. По суровым законам, принятым, когда миновали годы правления династии Индбуров и Мула, Мэр мог быть подвергнут импичменту за превышение полномочий.

Жаль, что это произошло в тот день, когда ей следовало бы быть непогрешимой.

«Ну да ладно. Это пройдет», — подумала она, раздраженно пошевелившись в кресле.

Первые два столетия существования Академии стали ее Золотым Веком, Эрой Героев — по крайней мере, так казалось теперь: кто знал, как жилось людям в то беспокойное время? Те годы дали Академии двух величайших героев — Сальвора Гардина и Хобера Мэллоу, полубогов, способных в славе поспорить с самим несравненным Гэри Селдоном. На этих трех китах покоилась не только легенда об Академии, но и ее истинная история.

Однако в те дни Академия была крошечным, уязвимым миром, с колоссальным трудом удерживающим владычество над Четырьмя Королевствами, и не знала наверняка, насколько крепка десница Плана Селдона, надежно заслонившая ее от останков могущественной Галактической Империи.

И чем сильнее росло политическое и экономическое могущество Академии, тем менее значительными фигу-

рами становились ее борцы и правители. О Латане Девересе почти позабыли. Если и вспоминали о нем, то лишь из-за его трагической гибели на невольничьих рудниках, а никак не по поводу ненужной, но героической схватки с Белом Риозом.

Да и сам Бел Риоз, величайший и наиболее титулованный из врагов Академии, ушел в небытие. Его заслонила тень Мула — единственного страшного врага, которому удалось разрушить План Селдона, покорить Академию и править ею. Он был Великим Врагом, но последним из Великих.

Мало вспоминали и о том, что победу над Мулом одержала женщина — Байта Дарелл и что сразилась она с ним в одиночку, без чьей-либо помощи и поддержки — и План Селдона не был ей подспорьем. Немногие помнили, что ее сын и внучка — Торан и Аркади Дарелл — победили Вторую Академию, после чего Академия, Первая Академия, стала единственной, вне всякой конкуренции.

Они, герои позднейших времен, героями не числились — пребывали в категории простых смертных. Помимо всего прочего, написанная Аркади Дарелл книга — биография ее бабушки — и вовсе превратила этот персонаж из исторического в литературный.

С тех пор героев не стало никаких, даже литературных. Калганская война была для Академии последним поводом для беспокойства, да и то весьма второстепенным. Два столетия ровного, спокойного, ничем не нарушаемого мира! За сто двадцать лет — всего-то пара царапинок на обшивке корабля!

Мир был прекрасен, более того, он был исключительно выгоден — с этим Бранно спорить не стала бы.

Академия не создала пока Второй Империи: согласно Плану Селдона, она находилась лишь на полпути к ней, но Федерация Академии держала под крепчайшим экономическим влиянием треть рассеянных по Галактике политических единиц, и даже там, где не в полной мере контролировала ситуацию, власть ее была велика. Мало осталось мест, где слова «я — гражданин Академии» не были бы встречены с подобающим уважением. Во всех миллионах обитаемых миров ни один правитель не мог сравниться с Мэром Терминуса.

Этот титул существовал до сих пор, переходя по наследству от градоправителя крошечного поселения в затерянном на задворках цивилизации мире. Титул учредили пять веков назад, но никому до сих пор не приходило в голову изменить его или добавить к его звучанию хоть один лишний атом. Пожалуй, только громогласное звание Его Императорского Величества могло тягаться в величии со скромным титулом Мэра.

Так было везде, кроме самого Терминуса. Здесь власть Мэра была жестко ограничена. Еще не стерлась память об Индбурах. Но не их тиранию помнил народ, а то, что они покорились Мулу.

Теперь Терминусом правила она, Харла Бранно, могущественнейшая из лидеров Академии со времен кончины Мула, всего лишь пятая женщина, занимавшая этот высокий пост. И сегодня в ее жизни был единственный день, когда она могла полностью использовать свою власть и могущество.

Она вступила в схватку, чтобы доказать упрямой оппозиции, что права она, а не они, мечтавшие достичь престижа в Центре Галактики, стремящиеся к ауре имперского владычества, и выиграла бой!

Как долго ей приходилось сдерживать себя! «Еще рано», — то и дело твердила она. Поспешешь — людей насмешишь, нельзя торопиться выступать против Центра. Но явился Селдон и подтвердил справедливость ее собственных слов.

Это, хотя бы на время, сделало ее в глазах Академии такой же мудрой и прозорливой, как сам Селдон. Она знала — этого часа, что бы ни случилось потом, никто никогда не забудет.

Но надо же было, чтобы в такой, лучший из дней ее жизни, этот сосунок, этот выскочка осмелился бросить ей вызов!

Вызов — ладно, но он осмелился быть прав!

Он был прав — опаснее быть не могло. Именно поэтому он мог погубить Академию.

Теперь он восседал перед ней.

— Ну разве вы не могли, — начала она укоризненно, — прийти ко мне лично? Неужели так необходимо было устраивать истерику в зале Заседаний, желая

выставить меня в дурацком свете? Что вы наделали — вы, беспечный, сумасшедший мальчишка?

6

Тревайз понял, что вот-вот вспыхнет, но сдержался и промолчал. Неловко грубить женщине почти вдвое старше себя — в следующий день рождения Мэру исполнялось шестьдесят три.

Кроме того, Тревайз отлично знал, сколь опытна она в ведении политических дебатов и прекрасно понимает, что стоит вывести противника из равновесия в самом начале сражения — и он уже у нее в кармане. Но для пущей эффективности подобной тактики необходима была аудитория, в глазах которой противник был бы унижен. Аудитории не было. Он и она.

Так что он оставил без внимания сказанное ею и принялся как можно более бесстрастно ее разглядывать. Пожилая дама, одетая во что-то на редкость бесполое — такая одежда была теперь весьма популярна в Академии, но и этот наряд Мэру был совершенно не к лицу. Она, руководитель галактического масштаба (если тут уместно само понятие «руководитель», может ли быть руководитель у Галактики?), была самой обычной старухой — на самом деле ее легко было принять за старика, если бы ее седые волосы не были гладко зачесаны назад — мужчины предпочитали более фризовые прически.

Тревайз весело улыбнулся. Как бы престарелый оппонент ни старался заставить эпитет «мальчишка» звучать оскорбительно, адресат оскорбления располагал явными преимуществами в виде молодости и красоты и ни на минуту не забывал об этом.

— Что правда, то правда, — сказал он. — Мне тридцать два, и в каком-то смысле я мальчишка. А еще я Советник, то есть человек не от мира сего, по определению. Первое — неизбежность, а по поводу второго я искренне сожалею.

— Да вы понимаете, что натворили? Прекратите упражняться в остроумии. Садитесь. Будьте любезны сосредоточиться и отвечайте на мои вопросы серьезно.

— Я понимаю, что натворил. Я сказал правду, сказал то, что думаю.

— И в такой день вы надеялись попасть в цель? В тот самый день, когда престиж мой настолько высок, что я смогла запросто вышвырнуть вас из зала Заседаний, и даже никто не пикнул?

— Пикнут еще, успеется. Образумятся, начнут дышать ровнее и пикнут. Будет протест. Может быть, он уже зреет сейчас. Уверяю вас, ко мне еще сильнее прислушаются после ваших драконовских издевательств надо мной.

— Никто к вам не прислушается. Если мне покажется, что вы будете продолжать заниматься тем, чем занимались, в моих глазах и глазах всех вы по-прежнему останетесь изменником.

— Тогда я должен буду предстать перед судом. А в суде праздник будет на моей улице.

— Не рассчитывайте на это. Чрезвычайные полномочия Мэра безграничны, хотя прибегают к ним редко.

— На каком же основании вы прибегнете к использованию чрезвычайных полномочий?

— Найду основание. Придумаю, изобрету. Не волнуйтесь, у меня достанет воображения, чтобы рискнуть. Не заводите меня, молодой человек. Либо мы сейчас здесь придем к согласию, либо вы никогда больше не будете разгуливать на свободе. Остаток своей жизни вы проведете за решеткой. Это я вам гарантирую.

Они не сводили глаз друг с друга. Серо-стальные глаза Бранно, казалось, видели собеседника насквозь. А взгляд светло-карих глаз Тревайза был язвителен и саркастичен.

— Какого рода согласие вы предлагаете, Мэр?

— Ага. Вам любопытно. Так-то лучше. Следовательно, вместо перепалки займемся разговором. Итак, ваше мнение.

— Вам оно прекрасно известно. Я так понимаю, что вместе с Советником Компором вы уже успели основательно покопаться в моем грязном белье.

— Я хочу все услышать из ваших уст — в свете только что разрешившегося кризиса Селдона.

— Что ж, отлично, если вы этого хотите, Госпожа Мэр! (Чуть было не сорвалось с языка «старуха».)

Образ Седдона был просто потрясающе точен. Поразительно, невообразимо точен — а ведь прошло уже пять веков. Насколько мне известно, это его восьмое по счету явление. В ряде случаев во время явлений в Склепе никого не было. Но как минимум однажды, во времена правления Индбура-III, он наговорил такого, что было ох как далеко от реальности. Правда, тогда появился Мул. Но когда, когда еще он был настолько точен, как сегодня? — Тревайз усмехнулся и сам себе ответил: — Никогда, Госпожа Мэр, на нашей памяти Седдону не удавалось так четко, до мельчайших подробностей обрисовать ситуацию.

— Вы что, хотите сказать, что нынешнее явление Седдона было спектаклем? Что кто-то придумал ему текст роли — я, к примеру, и какой-то актер сыграл ее?

— Это не так уж невозможно, Госпожа Мэр, но я этого сказать не хотел. Правда гораздо более горька. Я верю, что мы видим истинный образ Седдона, что описание нынешней исторической ситуации есть то самое, что он подготовил пятьсот лет назад. То же самое я сказал вашему приспешнику, Коделлу. Надо сказать, дока он в ведении допросов. Так ловко все обстряпал, что теперь, похоже, не найдется в Академии большего тупицы, чем я.

— Да. Запись вашего допроса в случае необходимости будет использована, чтобы Академия могла убедиться, что вы на самом деле никогда не были оппозиционером.

— Ну, это уж вы извините! — Тревайз театрально развел руками. — Оппозиционер я и оппозиционером останусь. Плана Седдона не существует, заявляю я вам, — не существует в том смысле, в каком мы привыкли его воспринимать, верить в него, — его не существует по меньшей мере уже два столетия. Я уже не первый год подозревал это, и то, что мы выслушали сегодня в Склепе, только подтвердило мои подозрения.

— Потому что Седдон оказался прав? Настолько прав?

— Именно. И не улыбайтесь. Это железное доказательство.

— А я не улыбаюсь. Я вас слушаю. Продолжайте.

— Но откуда взялась такая точность? Ведь два века назад анализ Седдоном тогдашней ситуации оказался в корне ошибочным! Тогда минуло триста лет после осно-

вания Академии, а он уже успел так ошибиться. То есть напрочь ошибиться!

— Это, Советник, вы сами только что прекрасно объяснили. Все из-за Мула. Мул был мутантом с интенсивнейшим ментальным полем, и в Плане никак не мог быть предусмотрен.

— Но он, как бы то ни было, существовал — можно это было предусмотреть или нельзя. План был разрушен. Мул правил недолго, наследников у него, слава богу, не было. Академия восстановила свою независимость и влияние, но вот как мог План Селдона вернуться на круги своя, как можно было заштопать в нем эту громадную дырищу?

Бранно нахмурилась и сжала кулаки.

— Ответ вам известен. Мы были одной из двух Академий. Вы читали учебники истории?

— Читал. Еще я читал принадлежащее перу Аркади Дарелл жизнеописание ее бабки — эта книжка была в школьной программе, но я читал и ее роман. Знакомы мне и разнообразные воззрения на историю Мула, высказанные в более поздние времена. Имею я право на сомнения?

— Какого рода сомнения?

— По официальной версии, мы, Первая Академия, призваны были сохранить знания в области физики и расширить их. Мы должны были существовать явно, открыто, а наше историческое развитие происходило — неважно, знали мы об этом или нет — по Плану Селдона. Однако существовала и Вторая Академия, задача которой заключалась в сохранении и развитии психологических наук — психоистории, в частности, — и их существование должно было оставаться тайной даже для нас. Вторая Академия была хранителем и проводником Плана, она управляла течением истории Галактики, следила за тем, чтобы никто не сворачивал с дорог, Планом предначертанных.

— Ну вот, вы сами себе отвечаете, — сказала Мэр. — Байта Дарелл подставила Мулу подножку — скорее всего, это было сделано ею под вдохновляющим началом Второй Академии, хотя внучка утверждает, что это не так. Но несомненно другое: именно Вторая Академия разработала мероприятия по возвращению

истории на стезю Плана после смерти Мула, и, очевидно, она добилась успеха. Так о чем же вы толкуете, Советник?

— Госпожа Мэр, если мы оттолкнемся от того, что написано у Аркади, мы убедимся, что Вторая Академия, предпринимая попытки коррекции истории Галактики, хранила План в жесточайшем секрете — эти попытки могли дорого им обойтись: они утратили бы инкогнито. Первая Академия жила, развивалась и не смогла бы жить дальше, сознавая, что ею кто-то манипулирует, что кто-то направляет все ее действия. Поэтому мы решили найти Вторую Академию и уничтожить ее.

Бранно кивнула:

— И преуспели в этом, судя по тому, что пишет Аркади Дарелл. Но случилось это никак не ранее, чем тогда, когда Вторая Академия уже успела вернуть поток истории в нужное русло, измененное Мулом. И с тех пор он течет по этому руслу.

— Вы верите в это? В книге написано, что Вторая Академия была обнаружена и что с некоторыми ее сотрудниками расправились. Было это в триста семьдесят восьмом году А. Э., то бишь сто двадцать лет назад. Пять поколений успело родиться на свет с тех пор, как мы вроде бы существуем в одиночку, без Второй Академии. И тем не менее остались так близки к Плану, что и вы, и образ Селдона сказали практически одно и то же!

— Это можно объяснить моей исторической прозорливостью.

— Прошу прощения. В вашей прозорливости у меня лично нет никаких сомнений, однако более очевидным мне представляется другое объяснение. Я полагаю, что Вторая Академия не была уничтожена. Она до сих пор управляет нами. Мы до сих пор в ее руках. Только поэтому мы и вернулись на стезю Плана Селдона.

7

Трудно сказать, шокировало ли Мэра это заявление. Виду она, по крайней мере, не подала.

Час пополудни — время позднее, и ей отчаянно хотелось поскорее покончить с этим разговором, но

торопить события она не могла. Этого юнца следовало обыграть, и нельзя было позволить ему раньше времени порвать финишную ленточку. Пусть сначала сослужит ей службу, а потом от него можно будет избавиться.

— Правда? — Бранно скептически вздернула брови. — Вы утверждаете, следовательно, что повествование о Калганской войне и победе над Второй Академией — вранье? Чепуха? Досужий вымысел?

Тревайз пожал плечами:

— Почему? Совсем не обязательно. Не об этом речь. Предположим, что рассказ Аркади совершенно достоверен, настолько, насколько она имела представление о ходе событий. Предположим, все происходило именно так, как пишет Аркади: логово Второй Академии было обнаружено и ликвидировано. Но как можем мы с уверенностью заявлять, что уничтожили их всех, до последнего? Вторая Академия манипулировала всей Галактикой, не только Терминусом и Академией. Она заботилась не только о существовании нашего столичного мира, не только всей нашей Федерации. На тысячу парсеков отсюда, а то и больше, наверняка трудились другие представители Второй Академии. Как же можно утверждать, что мы избавились ото всех до единого?

— Если это так, то что толку в нашей победе? Что толку было во всех завоеваниях Мула? Да, он захватил Терминус и все миры, которые Терминус контролировал, но Миры Независимых Торговцев продолжали сражаться. Он покорила Миры Независимых Торговцев, но остались трое беженцев — Эблинг Мис, Байта Дарелл и ее муж. Оба мужчины были у Мула в руках, и только Байту Дарелл он пощадил — если верить Аркади — исключительно из сентиментальных побуждений. Но этого оказалось достаточно. У одной только Байты была возможность вести себя так, как она хотела, и благодаря ее действиям Мулу не удалось определить местонахождение Второй Академии — это стало началом его поражения.

Один-единственный человек остался нетронутым, и все было кончено! Так насколько же важна, оказывается, роль одного-единственного человека, несмотря на то, что все взахлеб орут, будто в рамках Селдона индивидуум — ноль без палочки, а массы решают все.

Ну а если мы оставили в живых не одного-единственного представителя Второй Академии, а несколько десятков, что тогда? Что мешало им собраться вместе, объединить усилия, воссоздать и приумножить свои сокровища, возобновить свою деятельность, увеличить число сотрудников за счет обучения и тренировки и снова повести нас за руку?

— И вы верите этому? — утрировано спросила Бранно.

— Я в этом уверен.

— Но зачем им это, скажите на милость, Советник? Зачем тем жалким останкам, что выжили, пытаться продолжать деятельность, которую никто в Галактике не приветствует? Что побуждает их удерживать Галактику на пути ко Второй Галактической Империи? Даже если эта жалкая горстка людей так жаждет этого, нам-то что за дело? Работают — и ладно. Разве не в наших интересах оставаться на пути Плана? Разве не стоит сердечно поблагодарить их за то, что они заботятся о нас — пекутся, чтобы мы не сбились с пути, не заблудились?

Тревайз устало потер рукой глаза. Хоть он и был моложе, походило, что из двоих он устал больше.

— Просто не верится, — сказал он, глядя на Мэра в упор. — Неужели вы сохраняете иллюзию, будто Вторая Академия все это делает для нас? Думаете, они идеалисты? Как вы, профессиональный политик, собаку съевший в вопросах практики применения власти, управления, можете думать, что они делают это не для себя?.. Мы — лезвие бритвы. Мы — сила, тягач. Мы трудимся, истекаем потом и кровью, стонем и рыдаем. А они? Они вертят ручки туда-сюда, там-сям замыкают контакты — с легкостью и без всякого риска для себя. А потом, когда все будет сделано, когда минет тысяча лет борьбы и страданий и мы создадим Вторую Галактическую Империю, они въедут в нее на наших согбенных плечах как правящая элита.

— Надо понимать, вы хотите уничтожить Вторую Академию? — спросила Бранно. — На полпути ко Второй Империи взять все на себя, чтобы правящей элитой стали мы. Так?

— Конечно! Конечно! Разве вы не хотите того же самого? Вы и я — мы не доживем, не увидим этого, но

у вас есть внуки, надеюсь, в один прекрасный день они будут и у меня. А у них, в свою очередь, тоже будут внуки. Я хочу, чтобы они вкусили плоды наших трудов, я хочу, чтобы источник этих плодов они видели в нас, и благодарили, и славил нас за это. Я не хочу, чтобы все свелось к жизни в рамках предопределения и конспирации, воздвигнутых Селдоном — он не мой герой. Поверьте, он может быть гораздо более опасным, чем Мул, — если мы позволим Плану продолжать осуществляться. Ей-богу, я бы предпочел, чтобы Мул на самом деле разрушил План до основания — во веки веков! Мула мы бы пережили. В конце концов он оказался весьма и весьма смертен. А вот Вторая Академия, похоже, вечна.

— Но вы хотели бы ее уничтожить?

— Если бы я знал как!

— Ну, если вы не знаете как, не кажется ли вам вероятным, что они запросто могут уничтожить вас?

Тревайз прищурился:

— Знаете, честно говоря, у меня было подозрение, что даже вы находитесь под их контролем. Вы так точно предвидели все, что скажет Селдон, а потом так круто обошлись со мной — ведь все это могло быть спровоцировано Второй Академией. Вы могли служить пустым сосудом, в который заглянула Вторая Академия и наполнила ее содержимым по своему усмотрению.

— Почему же вы тогда со мной так разговариваете?

— Потому что если бы вами манипулировала Вторая Академия, я бы так или иначе проиграл — даже если бы не выразил своего негодования вслух. Поэтому я на всякий случай сделал ставку на то, что вы вовсе не под их контролем, а просто, прошу прощения, не ведаете, что творите.

— Ставку вы сделали верно, — кивнула Бранно, — и выиграли. Ни под чьим контролем я не нахожусь, кроме своего собственного. Но в любом случае, как вы можете быть уверены, что я вам не лгу? Будучи под контролем Второй Академии, разве я бы призналась в этом? Да и знала бы я сама, что «обработана»? Однако подобные вопросы лишены всякого смысла. Я считаю, что я не под контролем, и вам остается одно — поверить в это. Тем не менее давайте обсудим кое-что. Если

Вторая Академия существует, несомненно, она должна быть убеждена, что никто в Галактике о ее существовании не догадывается. План Селдона только тогда работает на все сто, когда мы, марионетки, не знаем о том, каким образом он работает, каким способом нами манипулируют. Именно потому, что Мул привлек внимание Первой Академии к проблеме возможности существования Второй, она и была разбита во времена Аркади. Видимо, следовало добавить «вероятно» — так, Советник?.. Отсюда следуют два вывода. Во-первых, резонно предположить, что к откровенным вмешательствам представители Второй Академии прибегают крайне редко — так редко, как только могут. Вряд ли они в таких условиях способны захватить власть над нами целиком и полностью. Все имеет свои ограничения — и деятельность Второй Академии тоже. Покорить некоторых, а остальным позволить гадать над свершившимся фактом — такое вызвало бы серьезные искажения в Планах. Вывод таков: их вмешательство настолько деликатно, косвенно и редко, что, следовательно, я не «обработана». Так же, как и вы.

— Первый вывод я готов принять, но, скорее всего, потому, что мне хотелось бы так думать. А второй?

— Он гораздо более прост и намного более неизбежен. Если Вторая Академия существует и намерена охранять тайну своего существования, только об одном можно судить наверняка: всякий, кто думает, что она жива и здорова и вопит об этом на всю Галактику, должен быть каким-то тихим и ненавязчивым способом удален со сцены, как можно скорее стерт с лица истории. Вам такой вывод не напрашивался?

— И поэтому вы взяли меня под стражу, Госпожа Мэр? Чтобы защитить меня от Второй Академии?

— В каком-то смысле. До некоторой степени. Произведенная Лайоно Коделлом подробная запись ваших высказываний будет обнародована не только для того, чтобы оградить народ Терминуса и всей Академии от вашей пустой болтовни, но и для того, чтобы не тревожить лишний раз Вторую Академию. Не хотелось бы привлекать к вашей персоне ее внимание, если она существует.

— Ну надо же, — иронично отозвался Тревайз. — За что же такая честь? Не за красивые же глаза?

Бранно поерзала в кресле и неожиданно тихо рассмехалась:

— Я еще не так стара, Советник, — сказала она, — чтобы не замечать, что у вас действительно красивые глаза. Лет тридцать назад это, пожалуй, было бы более веским мотивом. Сейчас, уверяю вас, я бы пальцем не пошевелила, чтобы сбересть ваши прекрасные глазки, да и все остальное. Но если Вторая Академия существует и вы ухитритесь привлечь к себе ее внимание, они на вас не остановятся. Тогда в опасности будет и моя жизнь, и жизнь других людей — поумнее вас и подостойнее. Тогда под угрозой окажутся все намеченные нами планы.

— Вот как? Значит, вы тоже верите, что Вторая Академия существует? Видимо, верите, раз так боитесь ее.

Тяжелая рука Бранно опустилась на столик.

— Конечно, верю, законченный вы идиот! Если бы я не знала, что Вторая Академия существует, если бы я не боролась с ними так упорно и успешно, было ли бы мне хоть какое-то дело до вашей болтовни? Если бы ее не было, озаботило бы меня хоть на мизинец то, что вы утверждаете, будто она существует? Еще пару месяцев назад, когда вы принялись принародно произносить свои спичи, я хотела попросить вас заткнуться, но тогда я просто не могла позволить себе так резко обойтись с Советником. Явление Седдона выставило меня в наилучшем свете и дало мне неограниченную власть — пускай на время, и как раз тут-то вас понесло на публичные разглагольствования. Как видите, среагировала я мгновенно, и теперь ничто не помешает мне покончить с вами, не поколебавшись ни на сотую долю секунды — если вы не станете делать то, что вам будет сказано. Наша встреча, затеянная в такое время, когда мне, честно говоря, гораздо приятнее было бы крепко спать, была задумана исключительно для того, чтобы вы мне поверили. Хочу, чтобы вы знали: проблема существования Второй Академии, на которую я так умело навела вас и позволила вам высказаться о ней, дает мне веское основание прекратить даже вашу жизнь без суда и следствия.

Тревайз подскочил, но на ноги встать не успел.

— О, не пытайтесь дергаться, — остановил его властный голос Бранно. — Я, конечно, лишь старая женщина — ведь вы об этом сейчас подумали, но вы умрете, прежде чем посмеете ко мне прикоснуться. Рядом мои люди, молодой тупица.

Тревайз откинулся на спинку кресла. Голос его едва заметно дрожал.

— Но вы... вы сами себе противоречите! Если бы верили, что Вторая Академия существует, вы бы не смогли позволить себе говорить о ней так открыто. Вы бы не стали подвергать себя опасности — ведь вы считаете, что я рискую!

— Тем самым, сударь, вы делаете мне комплимент — со здравым смыслом у меня получше, чем у вас. То бишь вы верите, что Вторая Академия существует и говорите об этом открыто, потому что вы — дурак набитый. А я верю, что она существует и говорю об этом открыто, но только потому, что мною приняты меры предосторожности. Судя по нашему разговору, вы довольно неплохо знакомы с литературными трудами Аркади. Думаю, вам нетрудно припомнить, что в одной из ее книг упоминается устройство, изобретенное ее отцом, — «менторезонатор». Прибор этот служил ширмой против того рода ментального воздействия, которым располагала Вторая Академия. Он существует до сих пор в условиях величайшей секретности. Ваш дом в данный момент совершенно свободен от такого воздействия. Если вам это ясно, позвольте объяснить, что вы должны делать.

— Что же?

— Вы должны выяснить, правы ли мы. Вы должны выяснить, существует ли Вторая Академия, и если да, то где. Это означает, что вы должны покинуть Терминус и отправиться неизвестно куда — даже если, в конце концов, окажется, что, как во времена Аркади, Вторая Академия находится здесь, среди нас. Это означает, что вы не имеете права вернуться без каких-либо сведений. Не раздобыв их, вы не вернетесь никогда, и на Терминусе станет на одного идиота меньше.

Тревайз вскинулся, с удивлением обнаружив, что заикается:

— Н-но к-как же, черт подери, я буду искать их, не выдав себя? Они п-просто-напросто прикончат меня, и от этого на Терминусе ни у кого ума не прибавится!

— Значит, не ищите их, наивное вы дитя. Ищите что-нибудь другое. Ищите всем сердцем и душой что-нибудь другое, но если в процессе поисков вы наткнетесь на них — вот и славно! Тогда пошлите нам зашифрованную экранированную информацию по гиперволнам и можете возвращаться за положенной наградой.

— У меня есть подозрение, что вы уже придумали, что мне искать.

— Несомненно. Вам знаком Джен Пелорат?

— Даже не слышал о таком.

— Завтра познакомитесь. Он вам и расскажет о том, что вам следует искать. Он станет вашим спутником, и вы получите в распоряжение один из самых лучших наших кораблей. Вас будет только двое — вполне достаточно для риска такого рода. Но если вам взбредет в голову вернуться обратно, не располагая, по нашему мнению, удовлетворительной информацией, вы будете вышвырнуты в открытый космос, прежде чем успеете подлететь к Терминусу ближе, чем на парсек. Все. Разговор окончен.

Она поднялась, посмотрела на свои руки, медленно натянула перчатки. Не успела она повернуться к двери, как тут же вошли двое охранников с оружием на изготовку и расступились, дав ей пройти.

На пороге она обернулась и сообщила:

— Снаружи есть еще охрана. Постарайтесь не заставлять их нервничать, чтобы мы были спокойны за вашу жизнь. Хотя, с другой стороны, поступайте с ней, как вам угодно.

— Ну что вы, — попытался отшутиться Тревайз. — Теперь, когда я облечен столь высоким доверием...

— Посмотрим, оправдаете ли, — сказала Бранно со злорадной усмешкой.

8

На улице Мэра ждал Лайоно Коделл.

— Я все слышал Мэр, — сказал он. — Вашей выдержке можно позавидовать.

— Устала зверски. Такое впечатление, что сегодня в сутках было как минимум семьдесят два часа. Теперь — ваша очередь.

— Хорошо. Я понял. Только скажите — дом действительно был защищен менторезонатором?

— О Коделл, — устало проговорила Бранно. — Кому это должно быть известно лучше, если не вам? Какова была вероятность того, что кто-то следит за домом? Неужели вы воображаете, что Вторая Академия — такое уж недреманное око? Я не романтик-со-сунок типа Тревайза. Это он такое мог выдумать, но не я. Но даже будь это так, будь повсюду глаза и уши Второй Академии, разве наличие менторезонатора не выдало бы нас с головой? Разве само наличие ментально-непроницаемого поля в каком-то районе не вызвало бы у Второй Академии подозрений, что кто-то сопротивляется их вмешательству? Разве тайна существования такого поля — до тех пор пока у нас не будет возможности применить его в полном объеме — не более ценна, чем не только Тревайз, но и вы, и я вместе взятые? И все-таки...

Машина уже неслась по ночным улицам. Коделл сидел за рулем.

— «И все-таки»? — переспросил Коделл.

— Что «и все-таки»? Ах да. И все-таки этот молодой человек не так прост. Его раз двадцать идиотом обозвала, чтобы он понял, кто в доме хозяин, но ведь я сама отлично понимаю, что это не так. Он молод и начитался книг Аркади, и поверил, будто Галактика действительно такова — но в уме и сообразительности ему не откажешь. Жаль будет потерять его.

— А вы абсолютно уверены, что он не вернется?

— Уверена, к сожалению, — грустно ответила Бранно. — Но как бы то ни было так будет лучше. Не нужны нам зеленые романтики, слепцы, готовые в одно мгновение разбить в пух и прах все то, на создание чего у нас ушли годы и годы. Ну и потом, службу он нам сослужит, это без сомнения. Он обязательно привлечет внимание Второй Академии — если, конечно, она действительно существует и мы действительно ее интересуем. Но пока они будут интересоваться им, по всей вероятности, они проигнорируют нас. А это сулит нам

не просто удачу. Проявлением интереса к Тревайзу они могут себя выдать, а это даст нам возможность и время подготовиться к контратаке.

— Тревайз, следовательно, будет нашим громоотводом.

Губы Бранно скривились в усмешке:

— Ага, вот та метафора, которую я искала. Да, он станет нашим громоотводом — примет молнию на себя и защитит нас от ее удара.

— А этот Пелорат — ему тоже придется принять на себя удар молнии?

— Не исключено. Но тут ничего не попишешь.

Коделл кивнул:

— Вероятно, вы припомнили известное изречение Сальвора Гардина — «Никогда не позволяйте морали удерживать вас от правильных поступков»?

— Нет, сейчас я далека от соображений морального порядка, — покачала головой Бранно. — Одна только усталость, и все кости ломит. Но знаете я бы могла назвать целую уйму людей, с кем я рассталась бы с более легким сердцем. Голан Тревайз... такой красивый, такой молодой... Конечно, он сам это знает...

Последние слова она пробормотала едва слышно, веки ее сомкнулись, и она крепко заснула.

Глава 3

ИСТОРИК

9

У Джена Пелората внешность была на редкость невыразительная — жидкие белесые волосы, бледное, безразличное лицо. Надо сказать, выражение безразличия очень нечасто сменялось каким-либо другим. Среднего роста, сутуловатый, худощавый, ходил он медленно и как-то робко, и примерно так же разговаривал. Выглядел он гораздо старше своих пятидесяти двух лет.

Ни разу в жизни он не покидал пределов Терминуса — трудно сказать, как это ему удалось при его профессии. Он и сам бы вряд ли объяснил причину своего домоседства — не то оно напрямую связано с его работой, не то существует вопреки ей.

Увлекся историей он совершенно неожиданно для себя: ему было всего пятнадцать, когда он (крайне неохотно) прочел книгу древних сказаний и обнаружил в ней рефреном повторяющуюся мысль о том, что некогда существовал некий мир — одинокий, изолированный, сам не подозревающий о своей изоляции, потому что кроме себя самого ни о чем не имел представления.

Безразличие как рукой сняло. Двое суток подряд, не смыкая глаз, он перечитывал книгу от корки до корки и перечитал трижды. На третий день он сидел у терминала собственного компьютера, выуживая из памяти машины любые источники, способные содержать подобные легенды. Компьютер его был коммутирован с Университетской Библиотекой Терминуса.

Всю свою жизнь с тех пор он посвятил этим самым легендам. Университетская Библиотека оказалась не слишком большим подспорьем, но прошли годы, и он познал радость межбиблиотечного абонирования, получая в свое безраздельное пользование репринты из библиотек по гиперволновой связи — из самых разных районов Галактики — вплоть до Ифнии.

Он стал профессором древней истории, и впервые за тридцать семь последних лет должен был уйти в отпуск, во время которого намеревался совершить свое первое межпланетное путешествие — и не куда-нибудь, а на Трентор!

Пелорат и сам понимал, что торчать всю жизнь на Терминусе, никуда носа не высывая, мягко говоря, необычно. Нет, у него вовсе не было какой-то принципиальной позиции в этом отношении. Все выходило как-то само собой: стоило ему куда-то собраться, как в руки попадала новая, безумно интересная книга, и он немедленно принимался за очередное исследование. Как обычно, он откладывал путешествие на потом и продолжал работать, пока не выжимал, как лимон, до последней капли, новый предмет изучения и, по возможности, прибавлял новый факт, вывод, догадку к куче уже собранных. Сожалел он по-настоящему лишь о том, что за всю жизнь не удосужился совершить самого важного путешествия — на Трентор.

Трентор был столицей Первой Галактической Империи, резиденцией Императоров в течение двенадцати тысячелетий, а до того — столицей одного из крупнейших доимперских королевств, которое мало-помалу захватило или поглотило иными способами другие королевства, дабы основать Империю.

Трентор был огромной планетой, целым миром, и мир этот был закован в прочнейшую стальную оболочку. Пелорат читал о нем в работах Гаая Дорника, который посетил Трентор при жизни самого Гэри Селдона. Томик работ Дорника давно стал библиографической редкостью, и Пелорату стоило больших трудов раздобыть себе личный экземпляр. Книга стоила ему половины годового жалования, но одна мысль о возможности расстаться с ней приводила историка в ужас.

Несомненно, мечтая о Тренторе, Пелорат мечтал исключительно о Галактической Библиотеке. Во времена Империи она называлась Имперской и была крупнейшей в Галактике. Трентор был главным городом самой могущественной, самой многонаселенной Империи, какую когда-либо знало человечество. Он сам по количеству населения равнялся целому миру — там жило сорок миллиардов человек. В тамошней Библиотеке были собраны все значительные и не слишком значительные труды человечества, вся сумма людских знаний. Все хранимые в Библиотеке источники были компьютеризированы и притом так замысловато, что для работы с компьютерами требовались специально обученные сотрудники...

А самое главное — Библиотека существует до сих пор! Именно это было предметом удивления и тихого восторга Пелората. Примерно два с половиной столетия назад Трентор пал, был разграблен, подвергся колоссальным разрушениям — страшно представить себе, каким страданиям, какой нищете суждено было покориться тем из его обитателей, что остались в живых. Но Библиотека выжила, и спасли, защитили ее студенты Университета. Так, по крайней мере, все говорили, а еще говорили, будто бы студенты воспользовались при защите Библиотеки каким-то совершенно гениальным, ими изобретенным оружием. Кое-кто, правда, считал, что рассказы об этой героической обороне сильно пахивают выдумкой.

Но главное — Библиотека существовала. Эблинг Мис, попав на Трентор, работал в ней, и все там было так, как во времена Седдона, а весь Трентор лежал в руинах. Еще чуть-чуть, и Мис отыскал бы Вторую Академию. (Так гласила легенда, и народ в Академии верил в нее до сих пор. Историки, правда, сильно сомневались в ее подлинности.) Три поколения Дареллов: Байта, Торан и Аркади — все они, каждый в свое время, побывали на Тренторе. Аркади, правда, до Библиотеки не добралась, и потом про Библиотеку позабыли, и в истории Галактики она даже не упоминалась.

За сто двадцать лет ни один представитель Академии не сошелся на Трентор — но ведь из этого вовсе не следовало, что Библиотеки не существует. То, что Га-

лактическая история молчала о ней, как раз и было наинадежнейшим подтверждением ее существования. Будь она разрушена, разграблена, наверняка поднялся бы шум.

Оборудование Библиотеки, по нынешним временам, не выдерживало никакой критики — оно устарело еще в то время, когда там побывал Эблинг Мис, — но Пелората это вовсе не огорчало. Он радостно потирал руки при одной мысли о том, чтобы поработать в древней, старомодной Библиотеке. Ведь чем древнее и старомоднее она была, тем скорее в ней могло отыскаться то, о чем он мечтал. Сколько раз он мысленно входил туда и дрожащим от волнения голосом спрашивал: «Надеюсь, в Библиотеке не было ремонта? Надеюсь, вы не выбросили старое компьютерное оборудование и записи?» И в ответ всегда слышал шелестящие голоса покрытых пылью веков библиотекарей: «Нет, Профессор, у нас все, как было, все по-старому».

Наконец его мечтам суждено было сбыться! И не кто-нибудь, а лично Мэр Бранно завершила его в этом. Правда, Пелорат никак не мог взять в толк, откуда ей было известно о его работе. Публикаций у него было крайне мало: большая часть его трудов не была столь безупречна, чтобы их публиковать, а те, что выходили в свет, большого фурора, прямо скажем, не производили. Поговаривали, правда, что Бранно Бронзовой ведомо все, что творится на Терминусе, что ушки у нее всегда на макушке, око недреманное, и все такое прочее. Пелорат был готов поверить в это. Странно было другое — почему она не оказала ему финансовой и другой поддержки гораздо раньше, если понимала всю важность его работы?

Наверное, думал он, это потому, что взоры всех в Академии устремлены в будущее. Вторая Империя и собственная судьба — вот что их всех заботит. Нет у них ни времени, ни желания оглянуться в прошлое, а те, кто туда оглядываются, только раздражают их.

Сам он, конечно, считал законченными идиотами людей таких убеждений, но не мог же он в одиночку сражаться с их тупостью. Кто знает — может, так оно и лучше было. Это давало ему возможность быть единственным обладателем драгоценного сокровища. Наста-

нет день, пробьет час, и его будут вспоминать как одного из Великих Первопроходцев.

Увы, это значило (Пелорат был слишком честен, чтобы не закрыть на это глаза), что и он не свободен от мыслей о будущем — о таком будущем, где его признают, где он станет таким же великим героем, как Гэри Селдон. Да нет, что там говорить — еще более великим! Разве может тягаться самая распрекрасная, самая детальная из всех детальных проработок будущего продолжительностью всего-навсего в одно тысячелетие с анализом прошлого длиной, самое малое, в двадцать пять тысячелетий?!

Настал день, и пробил его час.

Мэр сказала, что это случится на следующий день после явления Селдона. Только по этой причине Пелората и интересовал последний селдоновский кризис, о котором последние месяцы было столько трепотни на Терминусе, да и во всей Федерации.

Ему лично не было никакого дела до того, где будет размещаться столица Академии — останется ли она жить-поживать на Терминусе или ее переместят в какое-то другое место. Теперь же, когда кризис миновал, Пелорат даже не удосужился поинтересоваться, чем же он завершился, чью точку зрения поддержал Селдон, да и вообще, касался ли он этого вопроса.

Для него главное было, что явление Селдона состоялось и сегодня был назначенный Мэром день.

Чуть позже двух часов пополудни около его одинокого домика на окраине Терминуса остановился автомобиль.

Распахнулась задняя дверца. Вышел офицер в форме Службы Безопасности Мэра, с ним — незнакомый молодой человек, а следом — еще двое охранников.

Пелорат не мог не удивиться. Оказывается, Мэр не только была в курсе его работы, но и придавала ей такое большое значение! Человеку, который должен был сопровождать его в путешествии, была придана почетная охрана, а в распоряжение их обоих был отдан первоклассный корабль. О, как лестно! Как почетно...

Домоправительница Пелората открыла дверь. Молодой человек вошел, а двое охранников встали по обе стороны от входа. В окно Пелорату было видно, что третий охранник остался у дорожки, и тут подъехала

еще одна машина. Нет, ну надо же. Еще охрана? Даже странно.

Он оторвался от окна, обернулся и с удивлением посмотрел на вошедшего молодого человека. Он сразу узнал его — не раз видел на экране холовизора.

— Вы Советник, — сказал Пелорат. — Советник Тревайз!

— Голан Тревайз. Все точно. А вы — Профессор Джен Пелорат?

— Да-да, — радостно закивал головой Пелорат. — Значит, вы и есть тот, кто поведет...

— Да, мы попутчики, — сухо оборвал его Тревайз. — Так мне, по крайней мере, сказали.

— Но... вы ведь не историк?

— Нет. Я Советник, вы не ошиблись. Политик.

— Ну да, ну да... Собственно, что я вас об этом спрашиваю... Историк я, а больше и не нужно, верно? Вы умеете водить корабли?

— Да, и неплохо.

— Ну вот и славно, больше ничего и не нужно. Просто превосходно! Я, знаете ли, не слишком силен во всяких практических вопросах, так что, если вы человек умелый и сообразительный, у нас выйдет отличная команда.

— Знаете, — буркнул Тревайз, — я сейчас вряд ли могу похвастаться практичностью и сообразительностью, но, похоже, выбора у нас нет, так что хочешь не хочешь, а попытаться составить что-то вроде команды нам придется.

— Ага... Ну что ж, будем надеяться, что я освоюсь в космосе. Я, знаете ли, никуда ни разу не летал, Советник. Самая что ни на есть сухопутная крыса. Хотите чашечку чаю? Я сейчас скажу Клоде, чтобы она нам что-нибудь приготовила. У нас ведь еще имеется несколько часов до вылета, правда? Хотя я лично, знаете ли, готов отправиться хоть сейчас. У меня все готово для нас обоих. Мэр была исключительно, исключительно любезна. Просто удивительно, насколько она заинтересована в этом проекте!

Тревайз удивленно спросил:

— Следовательно, вы знали об этом заранее? И как давно, если не секрет?

— Мэр обратилась ко мне... (Пелорат нахмурился, пытаясь припомнить, когда же это было) две... нет, пожалуй, три недели назад. Я был просто в восторге, знаете ли. А теперь, когда я понял, что со мной полетит не второй историк, а пилот, то есть вы, дружочек, я просто в восторге, что это будете вы.

— Две-три недели назад... — изумленно пробормотал Тревайз. — Значит, она давно наготове. А я-то...

Он оборвал себя и умолк.

— Простите, дружочек?

— Да нет, ничего особенного, Профессор. У меня дурацкая привычка разговаривать с самим собой. Придется вам к этому привыкнуть, особенно если наше путешествие затянется надолго.

— Затянется? Конечно, затянется! — радостно воскликнул Пелорат, увлекая нового знакомца к столу, уже накрытому домохозяйкой для легкого чая. — Совершенно неясно, знаете ли, сколько оно продлится. Мэр сказала, что продолжаться оно может, сколько нам будет угодно, что к нашим услугам вся Галактика, что, куда бы мы ни отправились, мы сможем беспрепятственно пользоваться фондами Академии. Правда, она сказала, что нам не следует переходить границ разумного. Это я ей пообещал.

Он прищелкнул языком и довольно потер руки.

— Садитесь, дружочек, садитесь. Видимо, мы с вами в последний раз поедим на Терминусе.

Тревайз сел к столу и спросил:

— У вас есть семья, Профессор?

— У меня есть сын. Он уже большой мальчик — декан факультета в Сантанийском Университете. Химик, если не ошибаюсь. Пошел по стопам матери. Мы уже давно живем врозь, так что, знаете ли, можно сказать, у меня ни перед кем нет ответственности, да и завещать мне, честно говоря, особенно нечего. Надеюсь, вы тоже ничем таким не обременены? Угощайтесь сэндвичами, мой мальчик.

— Да, родственников у меня нет. Кое-какие женщины время от времени. Но они приходят и уходят.

— Да. Да. Приходят и уходят. Это замечательно, когда так получается. Прекрасно, знаете ли, когда это не принимаешь всерьез. Детшек нет, как я понимаю?

— Нет.

— Замечательно! У меня, знаете ли, очень приподнятое настроение сейчас. Правда, поначалу, когда вы только вошли, я немного опешил, признаюсь. Но теперь я вижу, что вы очень милый молодой человек. Мне как раз не хватает молодости, энтузиазма, знаете ли. Нужен кто-то, кто мог бы отыскать дорогу в Галактике. Нам ведь предстоит поиск, знаете ли. Потрясающий поиск.

Равнодушное лицо Пелората, его тихий голос оживились.

— Вы знаете об этом, дружок?

Тревайз сощурился:

— Потрясающий поиск, говорите?

— О, поистине, поистине! Жемчужина, бесценная жемчужина спрятана посреди миллионов обитаемых миров Галактики, а мы располагаем лишь туманными догадками, чтобы отыскать ее. Но как будем мы вознаграждены, если сумеем найти ее! Если нам это будет суждено, мой мальчик, — простите за фамильярность, Тревайз, — если это сделаем мы — вы и я, наши имена прославятся в веках до скончания времен.

— Что за награда? Что за бесценная жемчужина? О чем вы, Профессор?

— Ах, я, видимо, заговорил в духе Аркади — той писательницы, которая... Ну, вы, наверное, знаете. Она писала о Второй Академии. Понятно, почему вы так удивлены.

Пелорат запрокинул голову — похоже было, что он громко рассмеется, но он всего-навсего улыбнулся.

— О нет, уверяю вас, никаких таких высокопарных глупостей!

— Ну если не о Второй Академии, так о чем же вы тогда говорите, Профессор?

Пелорат сразу изменился в лице, стал печален и удивленно, даже укоризненно спросил:

— Разве Мэр вам ничего не сказала?.. Странно, знаете ли... Я столько лет возмущался политикой нашего правительства, его невниманием к важности моей работы, но вот теперь наконец Мэр Бранно проявила такое удивительное благородство...

— О да... — сказал Тревайз, не пытаясь скрыть иронии. — Эта дама, вероятно, страдает тайной филантропией. Мне она, однако, ничего не сказала. Я не в курсе.

— Значит, вы не знакомы с моими исследованиями?

— Нет, как это ни прискорбно.

— О, не стоит сокрушаться. Это так естественно. Ведь я, знаете ли, звезд с неба не хватал. Но если позволите, я вам немного расскажу. Вам и мне предстоит найти, именно найти — поскольку я располагаю уникальными сведениями и догадками, — мы должны найти Землю!

10

В эту ночь Тревайз почти не спал. Краткие минуты забытья перемешивались с явью, и ему все время мерещилась жуткая старуха, тащившая его в застенки, откуда не было выхода.

Он и наяву прекрасно понимал, что Бранно сцапала его, а самое ужасное — он ничего не мог поделать. Она была настолько спокойна, самоуверенна, что ее не смутила даже откровенная антиконституционность собственных деяний. Он так рассчитывал на привилегии Советника, права гражданина Терминуса — она же плевать на них хотела.

А теперь еще этот Пелорат — чудаковатый ученый, который, казалось, живет в мире, сам его частью не являясь, — объявил ему, что эта кошмарная старушенция уже не одну неделю вела приготовления к атаке!

Тревайз начинал чувствовать себя тем самым «мальчишкой», как вчера обозвала его Мэр.

Итак, ему суждено отправиться в ссылку с сумасшедшим историком, для которого он был уже «дружок» и «мой мальчик». Очень мило. Старик был, похоже, просто вне себя от счастья от перспективы отправиться по всей Галактике, чтобы искать Землю?!

Одной прабабушке Мула ведомо, на что ему сдалась эта Земля и что это такое, если на то пошло?

Надо спросить. И как только это слово было сказано, Тревайз тут же спросил.

— Простите, Профессор, — сказал он. — В вашей области я полный профан. Не могли бы вы мне популярно объяснить, что такое «Земля»?

Секунда двадцать Пелорат смотрел на него не мигая. Наконец дар речи вернулся к нему.

— Это планета. Планета-прародина. Та самая, где когда-то родились первые люди, дружочек. Там они появились впервые.

Тревайз в недоумении уставился на него.

— Впервые появились? Откуда же?

— Ниоткуда. Человеческие особи на этой планете развились из низших животных форм в процессе эволюции.

Тревайз немного подумал и покачал головой:

— Я вас не понимаю.

Пелорат был явно недоволен тем, что имеет дело с дилетантом. Справившись с раздражением, он пустился в объяснения:

— Были времена, когда Терминус был необитаем. На нем не было людей. Люди прибыли на эту планету из других миров. Это, надеюсь, вам известно?

— Естественно, — буркнул Тревайз. Лекторская интонация собеседника ему была не по душе.

— Ну вот. Аналогична ситуация и со всеми другими мирами — Анакреоном, Сантаннией, Калганом и прочими. Все они были в то или иное время основаны. Люди прибывали туда из других миров. Не избежал такой участи даже Трентор. Да, в течение целых двадцати тысячелетий он был гигантской метрополией, но и на нем когда-то не было людей.

— А что же там было?

— Ничего! То есть, по крайней мере, людей не было.

— Верится с трудом.

— Тем не менее это правда. Таковы древние исторические свидетельства.

— И откуда же взялись люди, впервые обосновавшиеся на Тренторе?

— Никто не знает наверняка. Есть масса планет, где с пеной у рта утверждают, будто они были населены еще в туманной древности. У народов этих планет существуют замечательные легенды о том, как и откуда

туда впервые прибыли люди. Но ученые предпочитают отрешиваться от подобных баск и не ломать голову над «Вопросом о Происхождении».

— Что за вопрос такой? Никогда не слышал.

— Я несколько не удивлен. В наши дни это далеко не самая популярная историческая проблема, а вот во времена начала распада Империи она привлекла к себе значительный интерес ученых. О ней, кстати, кратко упоминает в своих мемуарах Сальвор Гардин. Проблема заключается, знаете ли, в названии и местонахождении одной-единственной планеты, с которой пошел род человеческий. Стоит оглянуться назад, и мы увидим, что людские потоки текут вспять — от недавно обжитых планет к более древним, оттуда — к еще более древним, и наконец образуется единое русло, а исток его находится на одной планете — самой древней.

Тревайз тут же усмотрел порочность в рассуждениях собеседника.

— Но разве подобных прапланет не могло быть больше?

— Нет, что вы! Все человеческие существа в Галактике — представители одного вида. Один и тот же вид никак не мог зародиться сразу на многих планетах. Совершенно невозможно, знаете ли.

— Откуда вы знаете?

— Во-первых... — начал было Пелорат, и все шло к тому, что сейчас последует долгое и подробное объяснение: профессор покачался на стуле, уставился в потолок, соединил кончики пальцев в глубокой задумчивости. Прошла минута. Пелорат перестал качаться, разнял пальцы и торжественно провозгласил:

— Даю вам честное слово, что это так!

Тревайз церемонно кивнул:

— Да я и не думал сомневаться, Профессор. Ладно, допустим, что планета-прародина была единственная, но, вероятно, честь эту могут оспаривать многие?

— Не только могут, но и делают это. Однако совершенно бездоказательно, знаете ли. Ни на одной из сотен планет, пытающихся доказать свой приоритет, нет и следов докосмической цивилизации и не обнаруживается никаких признаков эволюции человека из низших организмов.

— Следовательно, вы утверждаете, что первичная планета существует, но существование ее по какой-то причине скрыто от всех?

— Именно так.

— И вы собираетесь искать ее?

— Мы. Это наша с вами миссия, дружочек. А организовала наше путешествие Мэр Бранно. Вам предстоит повести наш корабль на Трентор.

— На Трентор? Почему? Трентор — вовсе не первичная планета. Вы же сами только что говорили...

— Да, Трентор не первичная планета.

— При чем тогда Трентор?

— Видимо, я неудачно выразился, знаете ли. «Земля» — название легендарное, упоминаемое в древних сказаниях. Истинное значение этого слова нас не интересует, просто удобнее произносить его, чем длинную, знаете ли, фразу «планета-прародительница рода человеческого». Но какая именно планета в реальном космическом пространстве именно та, что зовется Землей, — неизвестно.

— А на Тренторе знают?

— Очень надеюсь, что нам повезет, и я сумею найти там кое-какие сведения. На Тренторе находится Галактическая Библиотека — самая древняя и крупная из всех библиотек.

— Сомневаюсь, чтобы ее давным-давно не обшарили те, кто, как вы говорили, проявляли интерес к «Вопросу о Происхождении» еще во времена Первой Империи.

— Да-да, возможно, — кивнул Пелорат, — но, вероятно, не слишком тщательно. Не побоюсь, знаете ли, сказать, что мне известно по «Вопросу о Происхождении» много такого, чего подданные Империи пятьсот лет назад не ведали. И я бы мог подойти к анализу древних источников с большим пониманием сути дела. Я так долго думал обо всем этом, и у меня есть одна замечательная догадка — поистине замечательная, знаете ли!

— Значит, все это вы рассказали Мэру Бранно, и она, так сказать, одобрила ваше начинание?

— Одобрила? Дружочек, она... она просто пришла в экстаз, да-да, знаете ли, в экстаз. Она сказала мне, что Трентор — то самое место, где я могу узнать все, что мне нужно.

— Понятно... — тихо пробормотал Тревайз.

Итак, еще один кирпичик в стену догадок, построенную за бессонную ночь... Бранно отправила его на поиски Второй Академии. С ним вместе отправлялся Пелорат, чтобы замаскировать истинную цель путешествия поисками таинственной Земли. Эти искания могли завести их черт знает куда по всей Галактике. Прикрытие отличное, ничего не скажешь. Да, гениальная все-таки женщина Мэр, как ни крути.

На Трентор?! Но это странно. Ведь стоит им добратся до Трентора, как Пелорат тут же занырнет в недра Галактической Библиотеки и никогда не вынырнет на поверхность! Там такая уйма книг, пленок, записей, бесконечные компьютеры с устаревшей, требующей расшифровки символикой — нет, он явно никуда оттуда улетать не захочет.

И потом...

На Тренторе однажды побывал Эблинг Мис — во времена Мула. История гласит, что именно там он обнаружил свидетельства местонахождения Второй Академии и погиб, прежде чем успел сказать об этом вслух. Потом этой проблемой занялась Аркади Дарелл и преуспела. Но гнездо Второй Академии было обнаружено на самом Терминусе, где и было разгромлено. Где Вторая Академия располагается теперь? Да где угодно, так что от Трентора — никакого толку. Куда угодно, только не на Трентор!

И еще...

Какие еще камни за пазухой были у Бранно, Тревайз не знал, но подчиняться ей беспрекословно — нет уж, увольте! Как там сказал Пелорат — это привело ее в экстаз? Что ж, если Бранно до смерти хочется, чтобы они летели на Трентор, пусть будет что угодно, только не Трентор!

Только на рассвете Тревайз уснул тяжелым сном.

11

А у Мэра Бранно следующий после ареста Тревайза день сложился на редкость удачно. Она добилась большего, чем хотела, — никто и словом не обмолвился о вчерашнем инциденте.

Она не обольщалась, нет. Она прекрасно понимала, что Совет пока просто в шоке, но скоро оправится, и вопрос о правомочности ее деяний будет поднят. Действовать надо быстро. Поэтому, оставив на потом уйму важных дел, она решила довести дело Тревайза до конца.

В то самое время, когда Пелорат с Тревайзом вели столь отвлеченную беседу о Земле, в кабинете Бранно проходила ее встреча с Советником Мунном Ли Компором. Мэр в упор разглядывала собеседника, сидевшего напротив.

Тот был ниже ростом, более щуплый, чем Тревайз, и всего на пару лет старше. И Мунн, и Тревайз в Совете работали без году неделя и, вероятно, только поэтому и держались вместе. В остальном они были люди совершенно разные.

Там, где у Тревайза изо всех дыр лезла агрессивность, Компор так и светился лучезарным, беспечным спокойствием. Не исключено, что виной тому были его светлые волосы и голубые глаза — как мы уже говорили, внешность крайне нетипичная для обитателей Академии. Была в нем какая-то изломанность, женственность, что ли, и это (по мнению Мэра), вероятно, делало его не таким дамским любимцем, как Тревайз. Однако этот молодой человек старался выжать из своей романтической внешности все возможное — волосы локонами спускались до плеч, под глазами была умело наложена голубая тень, подчеркивающая их цвет (кстати говоря, в последние десять лет мужчины на Терминусе всюду пользовались косметикой).

Бабником Компор не числился. Жил-поживал с законной супругой, детей у них пока не было, но любовниц у Советника тоже не отмечалось. В этом он также был полной противоположностью Тревайза, который менял подружек, как поясные сумки — предмет его обожания.

Ведомство Коделла знало абсолютно все об обоих молодых людях, а сам Коделл теперь восседал в углу кабинета, пребывая в традиционно благодушном настроении.

Бранно сказала:

— Советник Компор, вы оказали важную услугу Академии. Правда, как это ни прискорбно, это не тот поступок, за который вы могли бы получить общественное признание или государственную награду.

Компор понимающе улыбнулся. Зубы у него были ровные, ослепительно белые, и Бранно пришла в голову довольно странная мысль — а у всех ли обитателей Сирианского Сектора такие великолепные зубы? Компор был родом именно оттуда — там родилась его бабушка по материнской линии, тоже голубоглазая блондинка. А она, в свою очередь, утверждала, что и ее мать родом оттуда же. По сведениям Коделла, однако, четких доказательств тому не было.

— Бабы есть бабы, — говаривал Коделл. — Могут такого наговорить и таких предков отыскать — лишь бы напустить тумана и экзотики.

— По вашему мнению, все женщины таковы? — поинтересовалась Мэр, когда Коделл однажды выразил эту точку зрения.

Тогда Коделл смущенно улыбнулся и пояснил, что имел в виду обычных, рядовых женщин.

— Мне совершенно безразлично, — сказал Компор, — узнает ли об этом народ Академии. Вполне достаточно, что все известно вам, Госпожа Мэр.

— Известно. Уверяю вас, я этого не забуду. Но не думайте, что теперь мы с вами распрощаемся. Вы ступили на кривую дорожку, и придется вам идти по ней дальше, ничего не поделаешь. Нам нужно узнать о Тревайзе кое-что еще.

— Я вам рассказал все, что знал.

— Не исключено, что вы рассказали ровно столько, чтобы я поверила, будто бы это все, что вам известно. Очень может быть, вы и сами в это искренне верите. Как бы то ни было, извольте отвечать на мои вопросы. Знаком вам джентльмен по имени Джен Пелорат?

Компор нахмурился, пытаясь припомнить, но морщинки на лбу быстро разгладились, и лицо его скоро приняло обычное выражение безмятежного спокойствия.

— Может быть, я бы узнал его, если бы увидел, но имя не вызывает у меня никаких ассоциаций.

— Он ученый.

Губы Компора вытянулись в трубочку и издали невыразительное «о-о-о!». Видимо, он был не на шутку удивлен тем, что Мэр думает, будто он хорошо знаком с научным миром.

Бранно продолжала:

— Пелорат — личность небезынтересная. У него есть собственные веские причины стремиться побывать на Тренторе. Советник Тревайз будет сопровождать его. Поскольку вы хороший приятель Тревайза, вам, вероятно, неплохо знакома его психология. Скажите мне, как вам кажется, Тревайз согласится отправиться на Трентор?

Компор пожал плечами:

— Если вы посадите его в корабль, летящий на Трентор, куда он денется?

— Вы меня не поняли, Советник. Он и Пелорат на этом корабле будут одни. Корабль поведет Тревайз.

— Вы хотите понять, полетит ли он на Трентор добровольно?

— Вот именно.

— Госпожа Мэр, но как мне знать, что ему в голову взбредет?

— Советник Компор, вы были близкими друзьями с Тревайзом. Вам известно, что он уверен в существовании Второй Академии. Разве он никогда не говорил вам о своих предположениях относительно того, где, по его мнению, она может находиться?

— Никогда, Госпожа Мэр.

— Как вы думаете, он найдет ее?

Компор скептически хмыкнул:

— Полагаю, Госпожа Мэр, что Вторая Академия, каковы бы ни были ее масштабы и что бы она собой ни представляла, была уничтожена до основания во времена Аркади Дарелл. Я склонен верить ее книгам.

— Вот как?! Зачем же, в таком случае, вы предали своего товарища? Если он вбил себе в голову такую блажь, как поиски чего-то несуществующего, какой вред мог из этого проистечь?

Компор возразил:

— Вред может принести не только правда. Предположения его могут быть и туманные, и бездоказательные, но они могли посеять сомнения в умах народа Термину-

са, а эти сомнения повлекли бы за собой другие — сомнения в том, какую роль играет наша Академия в истории Галактики, ослабили бы ее позиции лидера Федерации, нанесли бы удар по мечте о создании Второй Империи. Думаю, это ясно и вам, иначе вы не решились бы арестовать Тревайза в зале Заседаний Совета и не держали бы его сейчас в заточении без суда и следствия. Почему вы так поступили, если, конечно, мне будет позволено спросить?

— Скажем так: я пошла на это потому, что допустила, что Тревайз может быть прав — пускай вероятность его правоты ничтожно мала. Все равно открытое выражение им своих взглядов таило в себе большую опасность.

Компор промолчал.

— Вы правы, Советник, что сомневаетесь. Да, все это пахнет вымыслом. Однако, учитывая возложенную на меня ответственность, я обязана принимать во внимание все, даже такие мелочи. Итак, я снова спрашиваю вас: есть ли у вас хоть какая-то идея на предмет того, что думает Тревайз о местонахождении Второй Академии и куда в этой связи он может отправиться?

— Ни малейшего представления.

— Что, он никогда даже словом не обмолвился об этом?

— Нет.

— Нет? Не торопитесь, Советник. Подумайте. Никогда?

— Никогда, — твердо ответил Компор.

— Никаких намеков? Шутливых замечаний? Дурачества? Отвлеченных высказываний, которые теперь, в свете всего происшедшего, обретают конкретный смысл?

— Ничего такого. Я же сказал вам, Госпожа Мэр: его мечты о Второй Академии — не более чем свет звезд далекой туманности. Вам это известно не хуже, чем мне. К чему тратить время и эмоции?

— А может быть, Советник, вы вдруг взяли да передумали, сменили диспозицию и теперь пытаетесь выгородить преданного вами дружка?

— Нет, — отрезал Компор. — Я предал его исключительно из соображений патриотизма и благородства.

У меня нет повода сожалеть о содеянном и менять свое отношение к случившемуся.

— Значит, вы даже намекнуть мне не можете, куда бы Тревайз мог отправиться, получив в свое распоряжение корабль?

— Я уже сказал вам...

— Тем не менее, Советник... (черты лица Мэра приняли выражение глубокой задумчивости)... мне бы хотелось знать, куда он направится.

— Чего проще? Установите на его корабле гиперреле.

— Я думала об этом, Советник. Однако Тревайз — человек неглупый и, думаю, сумел бы обнаружить это устройство, как бы хитро оно ни было запрятано. Конечно, можно попробовать разместить гиперреле таким образом, что от него нельзя будет избавиться, не рискуя повредить корабль. Тогда он просто вынужден будет оставить его нетронутым.

— Отличная мысль!

— Но тогда, — не моргнув глазом, продолжала рассуждать Бранно, — он не будет свободен, он не сможет отправиться туда, куда хотел бы. Он поймет, что за ним следят. Вся полученная мной информация станет совершенно бесполезной!

— Выходит, следовательно, что вы никак не можете узнать, куда он отправится?

— Могу, поскольку собираюсь поступить весьма просто и бесхитростно. Видите ли, Советник, человеку, настроенному на хитрости и уловки, никогда не придет в голову учесть более простой вариант, более очевидный. Полагаю, за Тревайзом надо установить слежку. Нужен хвост.

— Хвост?

— Именно. Нужен другой пилот, который полетит на другом корабле. Видите, как вас поразила эта идея? Вряд ли ему придет в голову обшаривать близлежащий космос в поисках отправленного за ним вслед корабля, а уж мы позаботимся, чтобы его собственный корабль не был оборудован масс-детектором — нашим новейшим достижением.

— Госпожа Мэр, — покачал головой Компор, — прошу простить меня, но я вынужден заметить: вам явно недостает опыта в области космонавигации. Сле-

жение за одним кораблем с помощью другого обречено на неудачу. Тревайз ударит при первом же гиперпространственном Прыжке. Даже если он не будет знать, что за ним хвост, первый же Прыжок откроет ему путь к свободе. Если на его корабле не будет гиперреле, проследить за ним ни за что не удастся.

— О да, опыта мне действительно недостает. В отличие от вас и Тревайза я никогда не изучала космонавигацию. Однако мои консультанты, не лишённые образования в этой области, сообщили мне, что, если пристально пронаблюдать за кораблем непосредственно перед Прыжком, то есть определить его скорость, направление и ускорение, это даёт возможность прогнозировать исход Прыжка, пускай даже в общих чертах. При условии же оснащённости корабля слежения высококлассным компьютером и наличия у навигатора неплохой головы на плечах пилот корабля слежения может достаточно точно продублировать Прыжок преследуемого, в особенности если корабль слежения оборудован чувствительным масс-детектором.

— Может быть, один раз такое и получится, — согласился Компор. — Может быть, и во второй раз повезет, но не более. Нельзя рассчитывать на бесконечное везение.

— А я думаю, что рассчитывать как раз можно... Советник Компор, вы ведь в свое время участвовали в космических гонках, не так ли? Видите, как я много знаю о вас. Вы превосходный пилот, а в преследовании соперников в гиперпространстве вам просто равных не было.

Компор понял, куда клонит Мэр. Он широко раскрыл глаза и чуть было не вскочил.

— Но... это было давно! Я тогда учился в колледже. Теперь я не так молод!

— Но не так уж вы и стары. Вам еще тридцати пяти не исполнилось. Итак, Советник, в слезку за Тревайзом отправитесь именно вы. Куда бы его ни понесло, вы будете следовать за ним и постоянно посылать мне донесения. Старт следом за Тревайзом — через несколько часов. Если откажетесь от выполне-

ния задания, будете арестованы как изменник. Если вам не удастся безукоризненно провести слежение, можете не заботиться о возвращении на Терминус. Предпримете такую попытку — будете взорваны в космосе вместе с кораблем.

Компор резко вскочил.

— Я хочу жить своей жизнью! У меня работа, жена, наконец! Не могу же я все это бросить!

— Придется. Те из нас, кто встал на путь служения Академии, должны быть готовы в любое мгновение встать по тревоге и выполнить любое задание, каким бы долгим и трудным оно ни было.

— Моя жена, конечно, полетит со мной?

— Не принимайте меня за дурочку, Советник. Ваша жена останется здесь.

— Как заложница?

— Это как вам угодно. Я бы, правда, предложила другое объяснение, примерно такое: вам предстоит опасное задание, и я предпочитаю не подвергать вашу супругу риску из соображений гуманности. Обсуждать тут нечего. Решение окончательное и обжалованию не подлежит. Вы задержаны, Советник, так же как ваш друг Тревайз. Уверена, вы понимаете, что мне нужно торопиться, пока Терминус не очнулся от эйфории. Звезда моя взошла, но очень скоро может закатиться.

12

— Сурово вы с ним, Госпожа Мэр, — отметил Коделл.

— Интересно! Он товарища предал, а мне с ним миндальничать прикажете?

— Но его предательство было нам на руку, согласитесь.

— Не спорю. Это предательство — да. А новое — кто знает.

— Откуда взяться новому?

— Слушайте, Лайоно, — одернула его Бранно, — дурачка из себя не стройте, не надо. Предал раз — предаст и другой, это закон.

— Хотите сказать, будто он может снова подружиться с Тревайзом, и они вместе...

— Вы, конечно, в это не верите. Я тоже не очень. Тревайз самонадеян, горяч, но к цели будет идти до последнего. Он не простит предательства и ни за что больше не доверится Компору.

— Прошу прощения, Мэр, — встрял Коделл, — но как же тогда вас понимать? До какой степени, в таком случае, Компору можете доверять вы? Как вы можете быть уверены, что он станет следить за Тревайзом и отправлять вам честные донесения? На что вы рассчитываете — на его беспокойство за судьбу жены и желание к ней вернуться?

— И на это тоже. Но не это главное. На корабле Компора будет установлено гиперреле. Тревайз заподозрит слежку и станет выяснять, кто за ним следит. А вот Компор, сам будучи преследователем, скорее всего за собой хвоста искать не будет. Но уж если такое паче чаяния случится, тогда нам придется положиться на обаяние и привлекательность его подруги жизни.

Коделл расхохотался:

— Замечательно! Такое впечатление, что вы у меня практику проходили! Ну а цель слежки?

— Двойная страховка. Если Тревайз провалится, задание будет поручено Компору, и он предоставит нам те сведения, которых не даст Тревайз.

— Понятно. Вопрос такой: что, если мы узнаем-таки о существовании Второй Академии, неважно от кого из двоих или несмотря на гибель обоих?

— Лайоно, я надеюсь, что Вторая Академия существует, — тихо, но уверенно сказала Бранно. — Во всяком случае, Плану Селдона давно пора на покой. Великий Гэри Селдон разработал его в дни гибели Империи, когда технический прогресс фактически остановился. Селдон был человеком своего времени — тут ничего не поделаешь, и как бы совершенна и блестяща ни была его полулегендарная психоистория, она ненамного поднялась выше своих корней. Она никак не могла учитывать бурного развития техники. А в Академии это произошло, в особенности в течение

последнего столетия. Мы владеем масс-детекторными устройствами, о которых раньше никто и мечтать бы не осмелился, компьютерами, управляемыми силой мысли, а самое главное — ментальным экраном. Вторая Академия не может больше контролировать нас, управлять нашими действиями. Я хочу, Лайоно, не потратить даром последние годы своего правления и стать тем человеком, который выведет Терминус на новый путь.

— Ну а если Второй Академии не существует?

— Тогда мы станем на этот путь немедленно.

13

Тревайз очнулся от тяжелого сна — кто-то тряс его за плечо.

Тревайз рывком сел, протер глаза, не понимая, почему он в чужой постели.

— Что такое? Что?! — хрипло крикнул он.

Пелорат смущенно проговорил:

— Прошу простить меня, Советник Тревайз. Вы мой гость, и следовало бы, знаете ли, дать вам отдохнуть, но... здесь Мэр.

Хозяин стоял рядом с кроватью, одетый во фланелевую пижаму, и заметно дрожал. Тревайз проснулся окончательно и все вспомнил.

Бранно ожидала их в гостиной, как обычно, уверенная и спокойная. Ее сопровождал Коделл — он добродушно поглаживал белесые усищи.

Тревайз на ходу поправил сумку на поясе. «Интересно, — подумал он, — они теперь так и будут везде парочкой ходить?»

Язвительно спросил:

— Ну как, Совет уже проспался? Обеспокоен отсутствием коллеги?

Мэр холодно ответила:

— Кое-какие признаки жизни отмечаются, но вам надеяться особенно не на что. У меня до сих пор хватает власти, чтобы заставить вас улететь. Вас сопровождают в космопорт Ультимейта...

— Вот как? Старт оттуда? А я-то думал, вы подарите мне возможность на прощание насладиться зрелищем утирающей слезы тоски толпы горожан Терминуса...

— Я вижу, вы уже вполне оправились от потрясения, Советник. Шуточки, как обычно, дурацкие, но я рада за вас. Значит, с головой у вас все в порядке. Итак, вас сопровождают в космопорт Ультимейта, откуда вы и Пелорат тихо и спокойно полетите...

— Чтобы не вернуться никогда?

— Может быть, и никогда, если только... (она усмехнулась) не обнаружите чего-либо важного и полезного, настолько важного, что мне доставит радость встреча с вами. Тогда и только тогда вы вернетесь. Очень может быть, вас встретят с почетом.

— Не исключаю такой возможности, — театрально раскланялся Тревайз.

— И я не исключаю. Все возможно... Во всяком случае, полетите с комфортом. Вам предоставлен только что спущенный с верфи небольшой крейсер «Далекая Звезда», названный так в честь легендарного корабля Хобера Мэллоу. С ним может вполне справиться один навигатор, но места там хватит на троих.

— Надеюсь, корабль вооружен? — уже без ехидства спросил Тревайз.

— Нет, Советник, не вооружен, но оборудован всем необходимым. Куда бы вы ни отправились, вы останетесь гражданами Академии, везде и всюду вы можете разыскать наших консулов, к которым можете обратиться за помощью, так что оружие вам не потребуется. Вам обеспечена и материальная поддержка: денег вам должно хватить, но не советую тратить их безрассудно.

— Вы бесконечно благородны и щедры, Госпожа Мэр.

— Приятно слышать, Советник. Прошу вас не забывать об одном: вы вместе с Профессором Пелоратом отправляетесь на поиски Земли. И как бы вам ни казалось, что вы ищете нечто другое, помните: вы ищете Землю. Это должно быть очевидно абсолютно для всех, с кем вам суждено будет встретиться. И никогда не забывайте — «Далекая Звезда» не вооружена.

— Я... ищу... Землю... Угу. Постараюсь не забыть, — сверхсерьезно проговорил Тревайз, а глаза его смеялись вовсю.

— Что ж, если вам все понятно, вы отправитесь в космопорт незамедлительно.

— Прошу прощения, но мы еще не все обсудили. В свое время я действительно пилотировал кое-какие корабли, но опыта вождения современного малогабаритного крейсера у меня нет. Вдруг окажется, что я не сумею с ним справиться?

— Мне сообщили, Советник, что «Далекая Звезда» полностью компьютеризирована. Предупреждая ваш следующий вопрос, скажу: вам нет нужды получать какие-либо инструкции по обращению с главным корабельным компьютером. Он вам сам скажет все, что вам необходимо узнать. Что вас еще интересует?

Тревайз придирчиво оглядел себя с головы до ног.

— Не помешала бы смена одежды.

— Все найдете на корабле. Даже целый набор этих потешных кошельков, или муфточек — не знаю, как они называются. У Профессора также будет все необходимое. Вы ни в чем не будете нуждаться, разве что представительницами женского пола я вас обеспечить не смогу.

— Вот это очень жаль. Правда, у меня сейчас нет на примете подходящей кандидатуры. Ну да ладно. Галактика велика, а я так понимаю, что как только уберусь отсюда, я получаю на этот счет полную свободу?

— Что касается подружек? Ради бога. — Бранно тяжело поднялась на ноги. — Я вас провожать не поеду, — сообщила она. — Проводят вас другие, и убедительно прошу вас, ведите себя прилично. Попытайтесь удрать — вас тут же прикончат. То обстоятельство, что меня с вами рядом не будет, исключает другие варианты решения вопроса.

— Да нет, что вы, Мэр, я и не собирался, я только хотел вам кое-что сказать на прощание...

— Слушаю вас.

Тревайз на мгновение задумался. Лицо его озарилось улыбкой — ему очень не хотелось, чтобы она выглядела вымученной.

— Может настать день, Госпожа Мэр, — сказал он, — когда вы **попросите** меня уступить вам. Тогда я поступаю, как сочту нужным, и ни за что на свете не прощу вам всего, что случилось за эти два дня. Ни за что.

— Не надо мелодрамы, — поморщилась Бранно. — Будет день, будет и пицца. Пока все решаю я.

Глава 4

КОСМОС

14

Тревайз помнил, в каких восторженных выражениях рекламировались крейсера нового класса, и теперь имел возможность лично убедиться в великолепии корабля.

Впечатляли не его размеры — нет, он как раз был довольно-таки маленький, но зато мог великолепно маневрировать, набирать колоссальную скорость. Тревайз знал, что у корабля был гравитационный двигатель, а самое главное — совершеннейшее и наисовременнейшее компьютерное оборудование. Грандиозность такому кораблю была ни к чему, она бы только помешала выполнению задания.

Это одноместное транспортное средство с успехом заменяло старые громоздкие корабли, где была необходима команда не меньше дюжины человек. Имея возможность принять на борт еще одного, а то и двух членов команды, этот юркий кораблик мог запросто сразиться с целой флотилией превосходящих его по размерам кораблей других государств. Кроме того, он мог оставить любой корабль позади, если бы потребовалось удрать.

Крейсер был изящен и компактен: ничего лишнего, ни одной ненужной линии — ни внутри, ни снаружи. Каждый кубометр поверхности и пространства использовался с максимальной отдачей, но, как ни странно, казалось, что внутри прямо-таки просторно. Никакие уверения Мэра в важности и ответственности его мис-

сии не впечатлили бы Тревайза сильнее, чем корабль, с помощью которого он призван был эту миссию осуществить.

«Эта ушлая старуха, Бранно Бронзовая, — с досадой подумал Тревайз, — сделала все, как хотела. Поручила мне задание величайшей важности. Черта с два я бы на это согласился, если бы она все не провернула так, будто я сам только этого и хочу!»

Что касается Пелората, то пожилой историк был потрясен и растерян одновременно.

— Поверите ли, дружок, — робко проговорил он, осторожно коснувшись пальцем обшивки корабля, — но до сих пор я и близко не подходил к кораблю?

— Поверить-то я поверю, раз вы так говорите. Весь вопрос в том, как вам это удалось?

— Не знаю, дружок, как-то уж так само выходило. Ну вот, я опять вас дружочком назвал. Как-то, дорогой мой Тревайз, так получалось — слишком сильно я был занят своими изысканиями. Знаете ли, когда у вас дома стоит превосходный терминал, коммутированный с другими компьютерами по всей Галактике, то и лететь никуда не надо... Но, честно говоря, мне казалось, что корабли должны быть немножко побольше, чем этот. Или я неправ?

— Корабль совсем новой модели. Он действительно маленький, но зато внутри он гораздо просторнее, чем другие корабли.

— Разве это возможно? Вы, вероятно, шутите, пользуясь моей некомпетентностью?

— Нет-нет. Истинная правда. Просто это корабль с гравитационным двигателем.

— Что это значит? О, только если в этом много физики, лучше не объясняйте. Я готов верить вам на слово, как вчера вы поверили мне, когда я рассказывал о прародине человечества.

— Попытаюсь, Профессор. Дело в том, что на протяжении всей истории космических полетов люди пользовались различными типами двигателей — химическими, ионными, гиператомными, и все эти штуковины были жутко громоздкими. В староимперском флоте имелись корабли длиной метров в пятьсот, а жизненного пространства внутри — с гулькин нос. К счастью, в

течение всего своего существования Академия была просто-таки вынуждена прибегать к принципу миниатюризации — из-за постоянной нехватки материальных ресурсов. Этот корабль — кульминация этого принципа. В основу его заложен эффект антигравитации, а устройство, обеспечивающее этот эффект, занимает... вернее, не занимает почти никакого места. Фактически оно вмонтировано в обшивку корабля. Если бы нам до сих пор приходилось пользоваться гиператомным...

Беседу прервал приблизившийся к ним охранник:

— Вам пора занять свои места, джентльмены. Прошу вас проследовать на борт.

Предраассветные сумерки рассеивались, но до восхода солнца оставалось еще добрых полчаса.

Тревайз посмотрел по сторонам.

— Мой багаж погрузили уже?

— Да, Советник, на корабле вы найдете все необходимое.

— Я себе представляю — одежда не моего размера или не в моем вкусе.

Охранник неожиданно улыбнулся — дружелюбно и искренне, совсем по-мальчишески.

— Думаю, все в порядке, — сказал он. — Мы, как проклятые, все для вас собирали почти двое суток — так Мэр распорядилась. Так что надеюсь, вам все подойдет и понравится. И денежки приготовлены, не сомневайтесь. Послушайте... (Он воровато оглянулся, дабы убедиться, что никто не подслушивает.) Вам повезло! Это самый лучший корабль на свете. Такое оборудование! Оружия, правда, нет. Но полетите как по маслу, гарантирую.

— Сильно опасаюсь, что масло может оказаться прогорклым, — буркнул Тревайз. — Ну, Профессор, вы готовы?

— С этим хоть на край света, — сообщил Пелорат, гордо продемонстрировав спутнику небольшую коробочку в футляре из серебристого пластика.

Только сейчас Тревайз вспомнил, что с этой штукой Пелорат не расставался с тех самых пор, как они выехали из дому, даже тогда, когда остановились, чтобы перекусить.

— Что это такое, Профессор?

— Моя библиотека. Индексирована по тематике и алфавиту, и все умещается на одной кассете. Корабль, конечно, чудесный, но как насчет такой библиотеки, а? Здесь все, что я собрал за свою жизнь. Разве это не чудесно? По-моему, просто восхитительно!

— Ну что ж, — усмехнулся Тревайз, — тогда в путь! Может, и правда, полетим как по маслу.

15

Изнутри корабль понравился Тревайзу ничуть не меньше, чем снаружи. Проблема использования пространства была решена просто гениально. Тут была кладовая с запасами продовольствия, одежды, фильмов и игр. Гимнастический зал, гостиная и две почти одинаковые каюты.

— Эта, по всей вероятности, ваша, Профессор, — предположил Тревайз. — По крайней мере, тут стоит факс-терминал.

— Прелесть какая! Зря, зря я пренебрегал космическими полетами. Оказывается, тут замечательно можно жить и работать.

— Да. Здорово. Еще просторнее, чем я ожидал.

— И... двигатели действительно в обшивке, дружок?

— Как и вся система обеспечения движения. Нам нет нужды запасаться никаким горючим, оно нам просто не понадобится. К нашим услугам — громадные запасы энергии всей Вселенной — наше горючее повсюду, — сказал Тревайз, небрежно махнув рукой.

— Но... как подумашь... а вдруг что-нибудь сломается?

Тревайз пожал плечами:

— У меня есть кое-какой опыт в космонавигации, но на таких кораблях летать не доводилось. Если что-то выйдет из строя в системе гравитации, боюсь, я ничего не сумею поделать.

— Но вы сумеете вести этот корабль? Справитесь?

— Я сам об этом думаю, Профессор.

Пелорат нахмурился, но вскоре просиял:

— А... может быть, это, знаете ли, автоматизированный корабль? Мы, наверное, просто пассажиры, и нам только и надо — сидеть и ничего не делать?

— Подобные транспортные средства существуют, — кивнул Тревайз. — Грузовые корабли, которые курсируют между планетами и доставляют все необходимое на межзвездные космические станции, но об автоматизации гиперкосмических перелетов я не слыхал. Пока, по крайней мере, не слыхал.

Он внимательно оглядел каюту и поймал себя на том, что душу его гложут сомнения. Неужто злобная старуха и это предусмотрела? Кто знает — может быть, Академия уже имела на вооружении автоматизированные гиперпространственные перелеты? Не успеешь глазом моргнуть, а ты уже на Тренторе, против своей воли. Что можно изменить, когда ты всего-навсего лишнее кресло на таком корабле?

С воодушевлением и радушием, которого вовсе не испытывал, Тревайз подбодрил Пелората:

— Да вы не волнуйтесь, Профессор. Садитесь, будьте как дома. Мэр сказала, что этот корабль полностью компьютеризирован. Раз уж в вашей каюте есть факс-терминал, то в моей наверняка стоит пульт управления компьютером. Вы тут устраивайтесь, а я прогуляюсь к себе и вообще осмотрюсь, как тут и что.

Пелорат внезапно встревожился:

— Тревайз, дружок, вы же не собираетесь меня тут бросить одного?

— О нет, это не входит в мои планы, Профессор. Попытайся я это сделать, меня тут же прикончат на месте. Так распорядилась Мэр. Я просто хочу разобраться, как лучше управлять «Далекой Звездой», вот и все. Я вас не покину, Профессор, — сказал Тревайз с улыбкой.

Улыбка исчезла с его лица только тогда, когда он вошел в свою каюту и закрыл за собой дверь. Тревайз немедленно приступил к поискам средства связи — обязательно должно быть средство связи, они не могли быть выброшенными в космос, не имея возможности с кем-то хоть словом перемолвиться. Где-то должен быть передатчик. Нужно было связаться с офисом Мэра и спросить, где находится пульт управления компьютером.

Сантиметр за сантиметром Тревайз обследовал стены, изголовье кровати, гладкую поверхность удобной, уютной мебели. Если в каюте ничего не обнаружится, придется обшарить весь корабль.

Не найдя ничего хотя бы смутно напоминающего средство коммуникации, он был готов выйти из каюты, но в последнее мгновение краешком глаза уловил вспышку света на гладкой светло-коричневой поверхности письменного стола. В два шага он оказался у стола и прочел в кружкѣ крошечные буквы, которые гласили: «Инструкции по пользованию компьютером».

Ура!

Сердце Тревайза бешено колотилось. Неплохо! Однако кто знает, сколько времени уйдет на освоение инструкций? Существовали такие компьютеры и такие программы, на изучение которых требовались долгие годы. Тупицей себя Тревайз не числил, но «Великим Мастером» в этой области не был никогда. Он отлично знал, что он не из тех, кто обладает врожденными способностями к общению с компьютерами.

Во Флоте Академии он дослужился до звания лейтенанта, и как-то раз во время дежурства ему довелось попытаться над корабельным компьютером. Но наедине с компьютером, без страховки, он не оставался никогда, и никогда от него не требовалось большего, чем выполнение обязанностей дежурного офицера.

Со страхом не умеющего плавать утопающего он вспомнил толстенные тома полного программного обеспечения компьютера. Как живой, предстал перед ним Технический Сержант Крэнет, сидевший за пультом управления... Он играл на этом пульте, как на сложнейшем музыкальном инструменте в Галактике, и выходило это у него на удивление изящно, даже небрежно. Казалось, ему это прискужало до невероятности. Но и Сержанту Крэнету порой приходилось заглядывать в инструкции. Тогда он матерился, как сапожник.

Тревайз немного боязливо коснулся пальцем светящегося кружка, и вся поверхность стола немедленно ожила. Посередине крышки стола возникли очертания человеческих рук, правой и левой; крышка мягким, легким движением наклонилась под углом в сорок пять градусов.

Тревайз сел в кресло перед столом. Никого ни о чем спрашивать было не нужно. Все ясно.

Спокойно, без напряжения он опустил руки ладонями вниз на обозначенные на крышке стола очертания. Поверхность оказалась мягкой, почти бархатистой на ощупь, ему показалось, что руки как бы погрузились в нее.

На самом деле никакого погружения не произошло — это было удивительно! Руки лежали на поверхности стола. Тревайз не мог не поверить собственным глазам, но не мог отделаться от ощущения, будто что-то притягивало его руки и держало их, нежно и тепло.

Что, это все? А дальше?

Он удивленно огляделся по сторонам. Внезапная догадка мелькнула в мозгу, и в ответ на собственное предположение Тревайз прикрыл глаза.

Он ничего не услышал. Ровным счетом ничего!

Только в глубине сознания, как его собственная мысль, возникли совершенно отчетливые фразы: «Пожалуйста, закройте глаза. Расслабьтесь. Мы соединимся».

Что значит «соединимся»? Через посредство рук? Хорошенькое дело!

Если Тревайз как-то и представлял себе возможность «соединения» с компьютером, то ему казалось, что это должно происходить через какой-нибудь шлем с электродами, словом, через голову, грубо говоря.

Но... руки?!

А почему бы и нет?.. Тревайзу казалось, что он куда-то уплывает, во что-то погружается... Но острота восприятия была при нем. Ладно, решил он, руки так руки. В конце концов, что такое глаза? Не более чем органы чувств. А мозг что такое? Всего-навсего главный пульт управления, заключенный в костяную черепную коробку и отделенный от рабочей поверхности тела. А что самое важное в этой рабочей поверхности? Конечно, руки, руки, лежащие на пульсе Вселенной и управляющие ею.

Разве люди не думали руками? Ведь именно руки давали ответы на любые проявления любопытства: они щупали, хватали, трогали, переворачивали, поднимали и бросали. У некоторых животных был очень большой

мозг, но не было рук, и от большого мозга толку было мало.

Итак, Тревайз и компьютер взяли друг друга за руки, их мышление объединилось, и теперь было все равно — открыты у Тревайза глаза или закрыты. Раскрой он глаза, он не увидел бы больше; закрой он их, он не ослеп бы.

Даже с закрытыми глазами он совершенно ясно видел всю свою каюту, и не только в том направлении, куда бы смотрел с открытыми глазами, но всю целиком — позади себя, вверху и внизу.

Его взору были доступны все помещения корабля и все, что было за его пределами. Возшло солнце, оно светило пока не в полную силу, яркость его лучей была приглушена утренним туманом, но Тревайз смотрел на него не жмурясь — компьютер автоматически фильтровал световые волны.

Тревайз ощущал легкое, ласковое прикосновение утреннего ветерка, услышал все звуки мира вокруг корабля. Определил силу притяжения планеты, ощутил покалывание разрядов атмосферного электричества в обшивке корабля.

Он понял всю систему управления кораблем, всю целиком, не вдаваясь в детали. Ясно было одно: если ему захочется поднять корабль, повернуть его, прибавить скорость, привести в действие любую из систем, которыми он оснащен, достаточно будет просто подумать об этом, представить, что эти действия он производит с собственным телом. Корабль будет повиноваться его воле — вот и все!

Между прочим, и собственная воля, видимо, не всегда была так уж обязательна. Компьютер многое умел делать сам. Тревайз все слышал внутри сознания в форме лаконичных, отточенных фраз и точно знал, когда и как корабль возьмет все функции на себя. В этом не было никаких сомнений. А потом — это Тревайз знал четко — он и сам сумеет принимать решения.

Забросив сеть своего усиленного компьютером сознания глубже, Тревайз обнаружил, что сможет определить состояние верхних слоев атмосферы, все условия за бортом корабля, видеть другие стартующие и

идущие на посадку корабли. Все это было необходимо, и все это компьютер учитывал. Не умел бы сам, стоило мысленно приказать, и сумел бы.

Просто блеск! И никаких фолиантов с инструкциями в помине нет! Тревайз снова вспомнил Сержанта Крэенера и улыбнулся. Ему доводилось читать о том, какую замечательную революцию произведет в Галактике антигравитация, но слияние компьютера с мозгом человека до сих пор держалось в строжайшем секрете. Такая революция обещала быть еще более грандиозной.

Тревайз чувствовал, как течет время. Он точно знал, который сейчас час по местному времени Терминуса и по Галактическому Стандарту.

А это как произошло?

Стоило ему задуматься об этом, как руки его утратили ощущение контакта, крышка стола вернулась в первоначальное положение, и Тревайз стал самим собой.

Ему сразу показалось, что он не то ослеп, не то стал беспомощен — будто бы нечто, некое сверхсущество, помогавшее ему, вдруг его покинуло. Не знай он, что в любое время может вернуть себе эту помощь и поддержку, он, наверное, здорово бы расстроился. Может быть, даже расплакался бы.

Но поскольку все было в порядке, он радостно потянулся, встал и вышел из каюты.

Пелорат, естественно, уже вовсю трудился у экрана факс-терминала. Взглянув на Тревайза снизу вверх, он сообщил:

— Восхитительно работает! Поисковая программа просто превосходна. Ну а как вы, мой мальчик? Отыскали пульт управления?

— Да, Профессор. Все в полном порядке.

— Ага... Наверное, теперь нам нужно подготовиться к старту? Пристегнуться там или еще что-то? Я, знаете ли, поискал инструкции, но ничего не нашел. Несколько забеспокоился, знаете ли, и решил заняться библиотекой. А когда я работаю...

Тревайз решил успокоить Профессора, однако руки на плечи ему он положить не решился, и они застыли в воздухе. Заговорил он громко, как будто убеждал не только Пелората, но и себя самого.

— Не волнуйтесь, Профессор. Пристегиваться не надо. Антигравитация — это... как бы вам сказать... это эквивалент неинерции. При изменении скорости мы ничего не ощутим, поскольку соответствующие изменения произойдут сразу повсюду на корабле.

— Вы, дружок, хотите сказать, что мы даже не узнаем, когда покинем нашу планету и очутимся в космосе?

— Именно так, Профессор. Собственно говоря, мы уже взлетели. В ближайшие минуты мы преодолеем верхние слои атмосферы, а через полчаса будем в открытом космосе.

16

От этого известия Пелорат сразу как-то весь съежился, сильно побледнел, стрельнул испуганным взглядом по сторонам.

Тревайз вспомнил свои собственные впечатления во время первого полета за пределы атмосферы и сказал как можно более спокойно и небрежно:

— Джен (он впервые назвал Профессора по имени и пошел на фамильярность только потому, что вынужден был играть роль космолетчика-аса, успокаивающего зеленого новичка), бояться совершенно нечего. Мы в полной безопасности. Мы с тобой на борту корабля Флота Академии. Мы, правда, не вооружены, но во всей Галактике нет такого места, где имя Академии не защитило бы нас. Даже если какому-то кораблю взбредет в голову дурацкая мысль атаковать нас, мы смоемся в одно мгновение — только он нас и видел. Кроме того, я только что убедился, что с управлением я справлюсь просто замечательно.

Пелорат дрожащим голосом, хрипло проговорил:

— П-просто, Го... Голан, я подумал о п-пустоте, в которой...

— Ну если на то пошло, разве Терминус не пустотой окружен? Ведь между нами, находящимися на поверхности планеты, и вакуумом космоса лежит всего лишь тонкая прослойка атмосферы. Вот мы сейчас эту прослойку и пересекаем.

— Это я понимаю. Конечно, атмосфера очень тонкая, но все-таки... с ее помощью мы дышим...

— Здесь мы тоже дышим. Воздух внутри нашего корабля еще лучше и чище, чем естественная атмосфера Терминуса.

— А... метеориты?

— Что — «метеориты»?

— Атмосфера защищает нас от метеоритов, так ведь? Ну и от радиации, если на то пошло.

— Джен, человечество совершает космические полеты уже двадцать тысячелетий, так что...

— Двадцать два. Если мы обратимся к хронологии Хальбока, то, считая от...

— Стоп, стоп! Ты лично когда-нибудь слышал о случаях столкновения с метеоритами или гибели от радиации? В последнее время, я имею в виду. Происходило что-либо подобное с кораблями Академии?

— Конечно, я не слишком внимательно следил за новостями в этой области, мой мальчик, и...

— Когда-то, очень давно, такие случаи бывали, но ведь техника не стоит на месте. Метеорит, достаточно крупный, чтобы нам повредить, просто не сможет приблизиться к кораблю на такое расстояние, что мы не успеем принять соответствующие меры. Пожалуй, если на нас полетят сразу четыре метеорита одновременно с четырех сторон, тогда наше дело было бы плохо, но попробуй рассчитать вероятность такого столкновения и поймешь, что имеешь шанс умереть от старости триллион триллионов раз, пока у тебя появится возможность хотя бы с половинной долей вероятности полюбоваться этим небезынтересным зрелищем.

— Вы... ты хочешь сказать, этого не случится, если ты будешь управлять компьютером?

— Нет, Джен, если управлять компьютером буду я, то будут задействованы мои собственные эмоции и реакции и все может случиться, прежде чем я сам успею понять, что произошло. А компьютер реагирует на всевозможные опасности намного быстрее, чем ты и я.

Он протянул спутнику руку:

— Джен, пойдём, я покажу тебе, на что способен компьютер. А еще я покажу тебе космос.

Пелорат некоторое время смотрел на Тревайза не мигая, нервно рассмеялся и сказал:

— Не уверен, что мне этого хочется, если честно.

— Не уверен? Ну конечно, ты просто не знаешь, что увидишь! Брось! Пошли в мою каюту.

Тревайз схватил Профессора за руку и почти поволок за собой в свою каюту. Бодро усевшись за компьютер, он спросил:

— Ты когда-нибудь видел Галактику, Джен? Смотрел на нее когда-нибудь?

— Это ты про небо, дружок?

— Про небо, конечно.

— Небо я видел. Это, знаешь ли, любой видел. Посмотришь наверх и увидишь.

— А вот смотрел ли ты когда-нибудь на небо в темную, ясную ночь, когда «Алмазы» висят над самым горизонтом?

«Алмазы» — те из немногих звезд, что озаряли ночное небо Терминуса, небольшое созвездие, склонение которого составляло не более двадцати градусов. Большую часть ночи эти звезды располагались за линией горизонта и лишь ненадолго всходили над ним. Кроме этого созвездия, небеса Терминуса оживляли редкие, тусклые, далекие звездочки, с трудом различимые невооруженным глазом. А Галактика светилась далеким млечным сиянием — другого вида ночного неба и не мог ожидать тот, кто всю свою жизнь прожил на Терминусе, расположенном на самом краю самого дальнего витка громадной спирали Галактики.

— Наверное, — пожал плечами Пелорат. — Не понимаю, какой смысл на них смотреть. Звезды как звезды, ничего особенного.

— Вот все так думают, потому никто ничего и не видит. Что толку смотреть, когда это можно видеть каждую ночь? Но теперь я покажу тебе небо так, как ни ты, ни кто-то другой не мог бы его увидеть с Терминуса, где вечно туман и тучи. Ты все увидишь так, как не увидел бы в самую ясную ночь. Скажу тебе честно, я жутко жалею, что не новичок в Галактике, как ты. Как прекрасно увидеть Галактику впервые, в ее обнаженной, откровенной красоте! — Тревайз подтолкнул одной рукой стул, стоявший рядом с ним. —

Садись, Джен. Придется немного подождать. Сейчас я договорюсь с компьютером. Пока мне ясно, что изображение будет голографическим, значит, никакой экран нам не понадобится. Компьютер напрямую связан с моим сознанием, но думаю, я сумею дать ему указание репродуцировать объективное изображение, и ты увидишь то же самое, что и я. Будь добр, выключи свет. О боже, какой же я балбес! Компьютер сам все сделает. Сиди, не беспокойся.

На этот раз Тревайз соединился с компьютером гораздо более уверенно и спокойно. Теперь это было похоже на рукопожатие с добрым знакомым. Свет померк, и вскоре стало совсем темно. Было слышно, как Пелорат заерзал на стуле.

Тревайз посоветовал ему:

— Не нервничай, Джен. Сейчас все будет в порядке. Так... Вот! Видишь свечение? Полукруг видишь? Похоже на серп. Видишь?

Светящийся серп повис в темноте перед ними. Поначалу сияние его было тусклым, изображение немного подрагивало, но постепенно обрело четкость и яркость.

— Это... Терминус? — хрипло спросил Пелорат. — Мы уже так далеко от него?

— Да, корабль летит очень быстро.

Корабль скользил в ночную тень Терминуса, ограниченную ярким полумесяцем. У Тревайза возник порыв послать корабль прямо под эту световую арку, чтобы они смогли увидеть Терминус во всей его красе с орбиты, но он вовремя удержался. Конечно, в этом для Пелората был бы элемент новизны, но, с другой стороны, вид Терминуса с орбиты был запечатлен и на глобусах, и на фотоснимках. Каждый ребенок знал, как выглядит Терминус из космоса — громадные водные пространства, небольшие материки и острова. Всякому было известно, как мало на Терминусе полезных ископаемых, но зато тут прекрасно развито сельское хозяйство. Тяжелая промышленность никогда не отличалась большими успехами, а вот тонкие технологии и прогресс в области миниатюризации всевозможных устройств не знали себе равных в Галактике.

Можно было бы отдать компьютеру приказ применить микроволновое зондирование, транслировать изо-

бражение, тогда они увидели бы каждый из обитаемых островов Терминуса и тот единственный, что тянул на звание континента, тот самый, где находился Терминус-Сити, но...

Отвернись! Не думай об этом!

Стоило только мелькнуть этой мысли, стоило только проявить волю, и картина тут же переменялась. Светящийся полумесяц приблизился к границам зрения и исчез. Каюту наполнила темнота, непроницаемый мрак беззвездного пространства.

Пелорат прокашлялся.

— А нельзя ли вернуть назад Терминус, дружочек? А то у меня, знаешь ли, такое чувство, будто я ослеп.

Он был напуган не на шутку.

— Нет, ты не ослеп. Смотри!

Посреди каюты возникла зыбкая, неровная светящаяся лента. Она становилась все шире и ярче, свечение наполняло кабину целиком...

«Сожмись!»

Короткий приказ — и Галактика сразу уменьшилась, будто на нее посмотрели с противоположного конца телескопа, и вместо увеличения прибавляли и прибавляли уменьшение. Яркость свечения в разных участках Галактики была разной.

Не изменяясь в размерах, Галактика засветилась ярче. Из-за того, что звездная система, где находился Терминус, располагалась выше плоскости Галактики, она не была видна целиком, от края до края. Она представляла собой сильно сжатую двойную спираль с извилистыми прорехами темных туманностей, пересекавшими ярко светящийся виток, находящийся ближе к Терминусу. Ядро Галактики выглядело тусклым, плотным комком, не слишком впечатляюще.

Пелорат взволнованно прошептал:

— Ты прав... Так я ее никогда не видел. Даже не думал, что в ней так много всего...

— Иначе и быть не могло! Ты же не мог увидеть вторую половину неба, когда между тобой и ней был Терминус и слой атмосферы. А уж ядра Галактики с Терминуса и вовсе не видно.

— Как жаль, что мы видим ее только в прямой проекции!

— Почему жаль? Компьютер может показать нам ее в любой проекции. Стоит мне только этого пожелать, даже не нужно произносить своего желания вслух...

«Смени координаты!»

Не слишком четкое указание, но картина Галактики начала медленно, постепенно изменяться — компьютер был послушен разуму и воле Тревайза.

Галактика поворачивалась, раскручивалась, как гигантская улитка, извилистые полосы черноты чередовались с узлами и нитями различной степени яркости. Центральный участок по-прежнему был виден нечетко.

Пелорат спросил:

— Но... как компьютер может видеть Галактику отсюда так, будто мы находимся совсем в другом месте, которое, насколько я могу судить, не меньше чем в пятидесяти парсеках от нас? Прости меня, пожалуйста, дружок, — добавил он извиняющимся шепотом, — что я тебя про это спрашиваю. Ведь я ничего в этом не понимаю.

Тревайз ответил:

— Не переживай и не извиняйся. Я об этом компьютере знаю ненамного больше тебя. Но даже гораздо менее сложный, маленький компьютер способен менять проекцию и показывать Галактику в разных ракурсах, начиная с изображения, помогающего нам ощутить ее реальное положение, то есть соответствующее реальному положению компьютера и корабля в пространстве. Конечно, когда такой компьютер дает изображение, он использует только начальный объем информации; и когда даешь увеличение, видишь крупные участки затемнения, всякие провалы, но в данном случае...

— Да?

— В данном случае изображение просто потрясающее! Видимо, наш компьютер владеет полной картой Галактики и способен показывать ее в любой проекции с одинаковой легкостью без потерь в изображении.

— Полная карта Галактики — но что это значит, дружок?

— Координаты каждой звезды в пространстве — все это в памяти компьютера.

— Каждой звезды?

Похоже, Пелорат был просто-таки сражен этим заявлением Тревайза.

— Ну, может быть, не всех трехсот миллиардов. Но наверняка он имеет сведения обо всех звездах, освещающих населенные миры, обо всех звездах спектрально-го класса К и ярче. А это означает как минимум семьдесят пять миллиардов.

— Он знает каждую звезду, освещающую населенные миры?

— Боюсь ошибиться. Может, и не каждую. Но послушай: уже во времена Гэри Седдона было известно двадцать пять миллионов обитаемых миров — звучит внушительно, но это значит — одна звезда из каждых двенадцати тысяч. Прошло пять веков после кончины Седдона, и распад Империи не препятствовал дальнейшей колонизации Галактики. Мне лично кажется, что ей даже способствовал. До сих пор в Галактике есть куда податься — масса пригодных для обитания планет, где-то около тридцати миллионов. Так что очень может быть, что даже в Академии учтены не все новозаселенные миры.

— Ну а древние? Те, что заселены давно? Эти-то, наверное, должны быть учтены все без исключения?

— Думаю, да. Гарантировать, конечно, не могу, но сильно удивлюсь, если окажется, что в памяти компьютера отсутствует хоть одна из давно населенных систем. А теперь... давай-ка я попробую показать тебе еще кое-что, если, конечно, слажу с компьютером.

Руки Тревайза немного напряглись, ему показалось, что они глубже погрузились в крышку стола. Наверное, вовсе и не надо было напрягать мышцы, достаточно было просто более четко и определенно сформулировать указание.

«Терминус» — была его мысль. В ответ на нее на самом краю спирали зажглась красноватая точка.

— Это наше солнце, — объяснил он, сам удивленный до предела. — Звезда, вокруг которой обращается Терминус.

— Ах! — восхищенно выдохнул Пелорат.

Но тут же в густом скоплении звезд, в самом сердце Галактики ожила яркая желтая точка, чуть сбоку от

ядра, чуть ближе к тому краю спирали, где находился Терминус.

— А вот это, — сообщил Тревайз, — солнце Трентора.

Шумно, глубоко вдохнув, Пелорат проговорил:

— Ты уверен? Ведь про Трентор всегда говорят, что он — в самой середине Галактики.

— В каком-то смысле так оно и есть. Он ближе к ее центру, чем любая другая обитаемая планета, чем любая из обитаемых систем. А истинный центр Галактики представляет собой черную дыру с массой, равной массе почти миллиона звезд. Думаю, это не слишком приятное местечко. Насколько известно на сегодняшний день, в самом ядре Галактики жизни не существует, наверное, ее там и быть не может. Итак, Трентор — самая близкая к центру Галактики планета, и если бы ты увидел ее на ночном небе, ты бы точно подумал, что она в самом центре и находится. Она окружена очень плотным звездным скоплением.

— Ты бывал на Тренторе, Голан? — поинтересовался Пелорат с нескрываемой завистью.

— Нет, но голографическую картину его неба видел.

Тревайз восхищенно разглядывал Галактику. Во времена Великих Поисков Второй Академии — в дни царствования Мула — все кто ни попадя забавлялись с моделями Галактики. Сколько томов было исписано, сколько фильмов снято!

А все потому, что когда-то давным-давно Гэри Селдон изрек: «Вторая Академия будет основана на другом конце Галактики» и назвал это место «концом Звезд».

«На другом конце Галактики»... Стоило Тревайзу подумать об этом, как в поле зрения возникла тонкая голубая линия и протянулась от Терминуса через черную дыру в центре на другой конец Галактики. Тревайз чуть не подпрыгнул. Он вовсе не хотел, чтобы эта линия появилась, но, видимо, мысль его оказалась достаточно четко сформулированной — для компьютера этого вполне хватило.

О нет, прямой путь на другой конец Галактики — нонсенс. Не об этом говорил Селдон. Эту его загадку разгадала Аркади Дарелл (если верить ее автобиографической книге). Ответ был самый простой и проистекал

из детской поговорки «у кольца нет начала и конца». Тогда всем показалось, что это и есть правильный ответ. И хотя Тревайз всеми силами постарался отбросить возникшую мысль, компьютер успел опередить его. Голубая линия пропала, вместо нее возникло кольцо, описавшее всю Галактику, пересекая красную точку — солнце Терминуса.

У кольца не было конца. Если оно начиналось с Терминуса, оно там и кончалось, и именно там была обнаружена Вторая Академия, жившая и работавшая там же, где и Первая.

Но что если на самом деле это всего лишь самообман? Что за пределами прямой линии и круга имело хоть какой-то смысл?

— Ты играешь, Голан? — спросил Пелорат. — Что это за кружок?

— Да так, проверял кое-что в системе управления... А хочешь — найдем Землю?

Мгновение-другое ответа не было.

— Ты шутишь? — прошептал Пелорат.

— Вовсе нет. Сейчас попробую.

И попробовал. Ничего не вышло.

— Прошу прощения, — пробормотал Тревайз, донельзя удивленный.

— Ее нет? Нет Земли?

— Скорее всего, я не точно сформулировал команду, но... это маловероятно. Скорее всего, Земли нет в памяти компьютера.

— Может быть, она внесена в его память под другим названием? — предположил Пелорат.

— Под каким другим названием, Джен? — ухватился за эту мысль Тревайз.

Пелорат ничего не ответил, а Тревайз улыбнулся. Ну что ж, все становится на свои места. Молчит, и ладно. Дозреет. Он решил сменить тему.

— Вот интересно, а не можем ли мы поманипулировать временем?

— Временем? Как это? Неужели это возможно?

— Галактика вращается, Джен. Для того чтобы пройти по ее окружности один-единственный раз, Терминусу потребуется почти миллиард лет. Звезды, что расположены ближе к центру, такое путешествие, естествен-

но, совершают гораздо быстрее. Скорость обращения каждой звезды вокруг центральной черной дыры наверняка зафиксирована в памяти компьютера. Если так, то можно попросить компьютер ускорить любое движение в миллион раз и сделать эффект вращения видимым. Вот я и попытаюсь...

Попытка далась нелегко. Тревайзу показалось, будто он взял всю Галактику в свои руки и, преодолевая чудовищное сопротивление, принялся раскручивать ее.

Галактика послушалась! Медленно, тяжело, величественно начала она вращение в направлении, соответствующем сжатию витков спирали.

Время текло удивительно быстро — ненастоящее, искусственное время, и звезды все время меняли свои размеры.

Кое-какие из более крупных становились ярче и постепенно превращались в красные гиганты. Некоторые звезды в области центральных скоплений время от времени взрывались с бесшумными вспышками, на долю мгновения озарявшими всю Галактику и так же бесшумно гаснувшими... Потом подобное происходило и на витках спирали — то на одном, то на другом, то ближе, то дальше от центра...

— Сверхновые... — изумленно проговорил Тревайз.

Но как компьютеру удавалось предсказывать взрывы сверхновых? Откуда он знал, когда это произойдет? Может быть, это только приближение с большой долей ошибки?

Пелорат торопливо, взволнованно прошептал:

— Она живая, Голан! Галактика похожа на живое существо! Смотри, как она движется, будто кто-то живой, громадный, кто живет прямо в космосе...

— Да, похоже, — согласился Тревайз. — Но я, честно говоря, притомился. Пока не научусь тратить поменьше сил, не смогу играть в эти игры подолгу.

Он отсоединился от компьютера. Галактика замедлила ход, постепенно остановилась, уменьшилась в размерах и скоро приняла тот вид, который был в самом начале.

Тревайз прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Открыв глаза, он увидел Терминус — тот становился все меньше и меньше, исчезая позади. Их корабль покидал

атмосферу. Тревайз видел корабли, кружившие на орбите вокруг Терминуса — одни взлетали, другие шли на посадку.

Ему и в голову не пришло проверить, не было ли чего-то особенного в каком-то из этих кораблей, поискать, нет ли среди них корабля, оборудованного точно таким же гравитационным двигателем, как их собственный, и двигающегося по сходной траектории чересчур точно, чтобы это могло быть чистой случайностью...

Глава 5

ОРАТОР

17

Трентор!

Восемь тысячелетий Трентор был столицей гигантской и могущественной политической структуры, которая правила процветающим Союзом Миров. Еще двенадцать тысячелетий Трентор был столицей Империи, правившей всей Галактикой, ее сердцем и мозгом, ее моделью в миниатюре.

Нельзя было представить себе Империю без Трентора.

Парадоксально, но наивысшего расцвета, вершины могущества Трентор достиг тогда, когда Империя по уши увязла в трясине распада. Там, на Тренторе никто не замечал, как безнадежно больна Империя, что ей больше не суждено сделать ни шагу вперед, — Трентор сиял в лучах славы, отражавшихся от его металлической поверхности.

Вся планета стала одним огромным городом. Об ограничении народонаселения впервые задумались тогда, когда число обитателей Трентора дошло до сорока пяти миллиардов. Непроницаемую стальную броню Трентора оживляли лишь два покрытых живой зеленью островка — окрестности Императорского Дворца и комплекс зданий Галактического Университета со знаменитой Библиотекой.

Стальная оболочка крепко и надежно обнимала планету. И пустыни, и плодородные равнины уравнились в правах и стали жилыми кварталами, джунглями административных построек, хитросплетениями компьютери-

зированных систем жизнеобеспечения, гигантскими хранилищами продовольствия, складами запасных частей. Горные вершины сровняли с землей, впадины засыпали. Под континентальными шельфами были проложены бесконечные коридоры города, а сами океаны были превращены в подземные плантации аквакультуры, ставшие единственным, весьма незначительным источником питания и кое-каких минералов.

Связь с другими мирами, из которых Трентор черпал все необходимое для своего существования, обеспечивали тысячи его космопортов, сотни тысяч торговых кораблей и миллионы космических грузовиков.

Ни один из крупных городов Галактики не существовал в таком режиме экономии. Ни одна планета не достигла таких высот в области использования солнечной энергии, нигде так гениально не была решена проблема избавления от избыточного тепла. Отраженные лучи тянулись к верхним слоям атмосферы на ночной стороне и отбрасывались на металлическую поверхность дневной стороны. Планета вращалась, терморадаторы вращались вместе с ней вслед за ночной тенью. Такова была искусственная асимметрия Трентора — его своеобразный символ.

Итак, на пике своего могущества Трентор правил Империей!

И если он правил ею не слишком хорошо, все равно — лучше бы не смог править ею никто. Империя была слишком велика для того, чтобы с управлением ею сладил один-единственный мир, пускай даже под руководством могущественнейшего из Императоров. Да и как Трентор мог править Империей мудрее, если в век начала распада Имперскую Корону швыряли друг другу, как мячик, тупоголовые политики, амбициозные и недалекие дилетанты, когда бюрократия и коррупция превратились в мощную субкультуру?

Но даже в самые худшие времена Империя не могла бы существовать без Трентора — своего главного двигателя.

Дерево Империи тут и там давало трещины, но ее сердцевина — Трентор — была цела и создавала впечатление гордости, тысячелетних традиций, и питалась соками самоэкзальтации.

Лишь тогда, когда случилось непредсказуемое, немислимое — когда Трентор пал и был захвачен, когда миллионы его жителей погибли, а миллиарды были обречены на голодную смерть, когда стальную кожу планеты избороздили шрамы и раны, наносимые ей жестокими атаками варварского флота, — тогда и только тогда было понято, что Империя при смерти. Уцелевшие жалкие отщепенцы некогда могущественнейшего из миров еще сильнее разрушили то, что оставалось от Трентора, и за жизнь одного поколения он из величайшей планеты за всю историю Галактики превратился в жуткое скопище развалин.

Случилось это два с половиной столетия назад. В Галактике не забыли о Тренторе, о том Тренторе, которым он был когда-то. Ему суждено было остаться вечно живым как месту развития сюжетов исторических романов, стать символом великого прошлого, войти в пословицы и поговорки типа: «все корабли приземляются на Тренторе» или «это все равно, что найти нужного человека на Тренторе», или «если это Трентор, то я — Император» и тому подобные.

Но это — в Галактике...

А на самом Тренторе все было совсем иначе! Былая слава его была забыта, похоронена под руинами. Металлическое покрытие планеты исчезло, Трентор стал малонаселенным миром крестьян, ведущих натуральное хозяйство. Сюда редко заглядывали торговые корабли, да их тут, честно говоря, особо и не ждали. Да и само название «Трентор», официально существовавшее, в разговорной речи местных жителей почти не применялось. Теперешние тренториане называли планету «Дум», что на их диалекте значило «Дом».

Обо всем этом и о многом другом, пребывая в привычном полудремотном состоянии, раздумывал Квиндор Шендесс, дав своему сознанию волю блуждать без привязи по потоку мыслей, непрерывно текущих и пересекающихся.

Уже восемнадцать лет он занимал пост Первого Оратора Второй Академии и мог бы остаться на этом посту еще лет десять, если бы удалось сохранить остроту мышления и умение вести политические баталии.

Фактически он был аналогом, зеркальным отражением Мэра Терминуса, правителя Первой Академии, но никакого сходства между ними не было и в помине. Мэра Терминуса знала вся Галактика, и Первая Академия для всех была просто «Академией». Первый Оратор Второй Академии был известен лишь своим сотрудникам.

И все же Вторая Академия существовала, управляемая им и его предшественниками, обладавшими реальной властью. Первая Академия сохраняла приоритет в области физической науки, техники, вооружений. А Вторая не знала себе равных на поприще развития ментальных наук, власти психологической, способности управлять сознанием. Случись двум Академиям столкнуться в бою, было бы совершенно неважно, сколько кораблей выставила бы Первая Академия против Второй — Вторая сумела бы справиться с разумом и кораблями тех, кто управлял кораблями и оружием Первой.

Но как долго можно было рассчитывать на покой и равновесие в осуществлении этой тайной власти?

Шендесс был двадцать пятым по счету Первым Оратором, и преимущества его власти были скорее иллюзорны, чем реальны. Не следовало ли, например, быть менее настойчивым в поддержке молодых аспирантов? Взять хотя бы Оратора Гендибалья, самого способного и самого нового за Столом Ораторов? Сегодня они должны были встретиться, и Шендесс думал об этой встрече. Стоит ли предполагать, что Гендибаль в один прекрасный день займет его место?

Ответ был прост — Шендесс не хотел уходить со своего поста. Слишком сильно он любил свою работу.

Конечно, он был очень стар, но с обязанностями своими пока справлялся прекрасно. Седина мало изменила его внешний облик — в молодости он был светло-волос, а короткая стрижка создавала впечатление, что он по-прежнему блондин. Глаза у него были тускло-голубые, одевался он более чем скромно, почти как тренторианские крестьяне.

Первый Оратор мог бы запросто сойти за думлянина, но его скрытые силы никогда не покидали его. В любое мгновение он мог заставить любого человека думать так, как хотелось ему, и сделать так, чтобы ни один,

испытавший такое воздействие, никогда и не вспомнил о встрече с ним.

Но такое случалось редко, вернее, почти никогда не случалось. Золотое Правило Второй Академии гласило: «Прибегай к действию лишь в случае крайней необходимости, но перед тем, как действовать, подумай!»

Первый Оратор тихо вздохнул. Живя здесь, в стенах Древнего Университета, совсем недалеко от печального великолепия руин Императорского Дворца, порой волей-неволей приходилось задумываться о том, каким Золотым было это Правило...

Во времена Великого Побоища Золотое Правило готово было порваться, как до предела натянутая струна. Нельзя было спасти Трентор, не пожертвовав Планом Седдона, планом создания Второй Империи. Ради сохранения Плана представлялось гуманным дать погибнуть сорока пяти миллиардам обитателей Трентора, хотя их гибель неминуемо влекла за собой и смерть ядра Первой Империи. Сохранить людей — только отдалить неизбежное. Так или иначе, несколько веков спустя, разрушение неминуемо, только тогда его масштабы могут оказаться столь грандиозны, что ни о какой Второй Империи и речи быть не может...

Прежние Первые Ораторы трудились над задачей неотвратимого Великого Побоища целые десятилетия, но не находили ответа — как сберечь Трентор и построить Новую Империю. Из двух зол нужно было выбрать наименьшее, и Трентор погиб!

Сотрудникам Второй Академии тех времен удалось спасти Университет и Библиотеку, сделав их местом выживания Академии, но это навсегда поселило в их сердцах чувство вины. Никто никогда не говорил вслух о том, что между сохранением Университета и Библиотеки и взрывоподобным возвышением Мула есть признаки причины и следствия, но интуиция всегда подсказывала, что неразрывная связь между тем и этим существует.

Сколь ужасны были последствия!

Но вслед за Великим Побоищем и годами царствования Мула наступил Золотой Век Второй Академии.

До этих времен, в течение двух с половиной столетий после кончины Седдона, Вторая Академия, словно

стая кротов, таилась в недрах Библиотеки, скрываясь от взглядов последних подданных Империи. В умирающем мире Трентора сотрудники Академии стали тихими, незаметными библиотекарями. Это было удобно, ведь в Галактическую Библиотеку наведывались все реже и реже, потихоньку стали забывать, как она называется. Этого-то и надо было Второй Академии.

Такую жизнь можно было назвать жизнью лишь с большой натяжкой. Существование ради сохранения Плана — вот что это было. А на другом краю Галактики в это самое время Первая Академия не на жизнь, а на смерть билась с врагами, которые раз от разу становились все опаснее и сильнее, и не только не имела никакой помощи от Второй Академии, но и не подозревала о ее существовании.

Великое Побоище развязало руки Второй Академии — не так давно молодой Гендигаль имел дерзость объявить, что в этом как раз и состояла главная причина, по которой было позволено произойти Великому Побоищу.

После Великого Побоища Первая Империя прекратила свое существование, и за все последующие годы никто из оставшихся в живых на Тренторе никогда не переступал границ Второй Академии без приглашения. Сотрудники Второй Академии пристально следили за тем, чтобы Университет и Библиотека, уцелевшие во времена Великого Побоища, благополучно пережили и годы Великого Возрождения. Из древних построек сохранились только руины Императорского Дворца. Остальное пространство планеты навсегда сняло свои металлические одежды. Бесчисленные, бесконечные коридоры были засыпаны землей, перекрыты, повернуты, разрушены — острые камни и голая земля стали привычным пейзажем везде, за исключением университетского комплекса, где металл по-прежнему покрывал участки почвы, не занятые постройками.

В общем-то ничего особенного — нечто вроде мемориала былого величия, гробницы Империи, но для тренториан, точнее — для думлян, это было заколдованное место, дом с привидениями, куда лучше было носа не совать. Так что только сотрудники Второй Академии безбоязненно ступали внутрь древних под-

земных коридоров и касались сверкающего титана поверхности.

Но даже при такой сверхпредосторожности все чуть не пошло прахом из-за Мула.

Мул лично побывал на Тренторе. Что, если бы он проведал, чем в действительности является мир, где он находится? В ту пору его материальное оружие было гораздо мощнее того, каким располагали во Второй Академии, а психологическое — почти таким же грозным. Второй Академии пришлось прибегнуть к тактике сдерживания, минимуму действий — любая попытка победить в мгновенной схватке привела бы к тяжелейшим, необратимым последствиям.

Исход поединка целиком зависел от Байты Дарелл, от ее решительности и смелости. А ведь она совершила свой подвиг без вмешательства Второй Академии!

Потом наступил Золотой Век — Первым Ораторам, возглавлявшим в те времена Вторую Академию, удалось проявить небывалую активность, положить конец завоевательской карьере Мула, взяв под контроль его сознание. Удалось им остановить и Первую Академию, сдержав ее упрямство и любопытство в поисках местонахождения и сущности Второй Академии. Тем, кому принадлежала честь спасти План Селдона, был Прим Пальвер, девятнадцатый в череде Первых Ораторов. План был спасен, но не обошлось без жертв.

Теперь, через сто двадцать лет, Вторая Академия снова была вынуждена скрываться в заброшенной части Трентора. Пряталась она уже не от подданных Империи, а именно от Первой Академии, могущество которой достигло небывалых высот, власть которой в Галактике была почти равна власти Первой Галактической Империи, а что касается развития техники, то она давно обошла Империю.

Веки Первого Оратора сомкнулись, он впал в забытьё. Он не спал, но и не бодрствовал, полностью расслабившись.

Хватит печалиться. Все будет хорошо. Трентор — до сих пор столица Галактики, потому что именно здесь находится Вторая Академия, и она сильнее и мудрее любого из Императоров.

Настанет черед, и возникнет Вторая Империя, совсем не похожая на Первую. Это будет Федеративная Империя: миры, составляющие ее, будут обладать значительными правами в области самоуправления, а память об унитарном, централизованном правительстве, тщетно строящем хорошую мину при плохой игре, пытаясь выдать собственную слабость за могущество, навсегда останется в прошлом. Новая Империя должна стать пластичной, гибкой, способной адаптироваться, умеющей выдерживать и амортизировать напряжение... И всегда, всегда ею будут править никому не известные мужчины и женщины из Второй Академии. Трентор по-прежнему останется столицей, и под управлением сорока тысяч психоисториков он станет величавее и могущественнее, чем под управлением сорока пяти миллиардов...

Первый Оратор очнулся. Садилось солнце. Не поговорился ли он? Не обронил ли лишней мысли?

Если любому во Второй Академии приходилось знать много, а говорить мало, то Правящим Ораторам следовало знать еще больше, а говорить еще меньше. А уж Первому Оратору суждено было знать больше всех, а говорить, естественно, меньше всех.

Шендесс криво усмехнулся. Сколь соблазнительна всегда была идея тренторианского патриотизма — видение всей цели созидания Второй Империи в образе сотворения гегемонии Трентора! Сам Селдон предостерегал против этого. Еще пять столетий назад он предвидел, что подобных мыслей не избежать.

Первый Оратор понял, что впал в забытие совсем ненадолго. До встречи с Гендибалем еще оставалось время.

Шендесс ждал личной встречи с молодым Оратором. Гендибаль мог взглянуть на План свежим взглядом, достаточно острым, чтобы увидеть то, чего не видят другие. Не исключено, что кое-чего и сам Шендесс не видел.

Никому не было ведомо, сколь много почерпнул Прим Пальвер, сам Великий Пальвер из встречи с юным Колем Бенджоамом, которому в ту пору не было и тридцати. Тогда они говорили о возможных вариантах правления Второй Академии, о построении схемы ее

отношений с Первой. Бенджоам, впоследствии прославленный теоретик, самый выдающийся теоретик со времен Селдона, никогда никому не рассказывал об этой встрече, но именно ему суждено было стать двадцать первым из Первых Ораторов. Некоторые считали, что он затмил самого Пальвера теми уникальными изменениями в Плане, которые были внесены по его предложению в План в годы правления Пальвера.

Шендесс принялся размышлять о том, что ему может сказать Гендибаль. По традиции способные молодые сотрудники при встрече с Первыми Ораторами всю свою доктрину излагали в начальной фразе. И конечно же, они никогда не просили об этой первой аудиенции по какому-либо тривиальному поводу — для решения малозначительного вопроса. Это могло на корню разрушить всю их последующую карьеру. Не дай бог показаться Первому Оратору легкомысленным прожектером!

Минуло четыре часа, и Гендибаль явился. Внешне он не выглядел взволнованным. Он спокойно ждал — разговор должен был начать Первый Оратор.

— Вы попросили о личной аудиенции, Оратор, — сказал Шендесс, — по вопросу, который вам представляется важным. Не могли бы вы вкратце изложить мне суть дела?

И Гендибаль с олимпийским спокойствием, как будто у него спросили о том, что он ел на обед, ответил:

— Дело в том, Первый Оратор, что План Селдона — бессмыслица!

18

Стор Гендибаль был сам себе голова. Он вовсе не нуждался в похвалах со стороны и не помнил такого времени, чтобы ему казалось, будто он никому не нужен. Во Вторую Академию он попал девятилетним мальчиком — его разыскал агент, ощутивший в нем громадные потенциальные способности.

Гендибаль успешно постигал науки, увлекся психоисторией и втянулся в нее, как звездолет в гравитационное поле. Психоистория окликнула его, и он пошел на ее зов. Он прочел от корки до корки труды Селдона

в том возрасте, когда другие только пытаются решать дифференциальные уравнения.

Когда ему исполнилось пятнадцать, Гендибаль поступил в Галактический Университет Трентора (так он официально назывался). На предварительном собеседовании у него спросили, каковы его цели на будущее, и он без запинки ответил: «Стать Первым Оратором до сорокалетия».

Но он вовсе не собирался занять пост Первого Оратора, не получив необходимого образования. Он просто считал, что это должно произойти, а каким образом, при каких обстоятельствах — неважно. Приму Пальверу было всего сорок два, когда он занял эту должность.

Квиндор Шендесс воспринял заявление Гендибаля скептически, и скепсис собеседника не укрылся от молодого Оратора, в совершенстве владеющего психологической речью. Он прекрасно понял, как если бы Первый Оратор сказал это вслух: теперь в его досье появится отметка о том, что он, Гендибаль, резок и несговорчив.

Обязательно!

Ну и что? А Гендибаль и не собирался быть покладистым.

Ему уже за тридцать. Еще два месяца — и будет тридцать один, и он уже заседал за Столом Ораторов. На то, чтобы стать Первым Оратором, оставалось еще девять лет, и он знал, как этого достичь. Сегодняшняя встреча с Первым Оратором имела определяющее значение для всех его планов и для того, чтобы произвести то впечатление, которое ему хотелось произвести; ему не было нужды изощряться в шлифовке психоязыка.

Когда двое Ораторов Второй Академии говорят между собой, они не пользуются ни одним из известных в Галактике языков. Их речь скорее напоминает мгновенную жестикуляцию, понимание сказанного собеседником заключается в выявлении перемен в линиях мышления.

Чужак не понял бы ни слова, а Ораторы за кратчайший промежуток времени обменивались необходимым объемом информации, и при этом сказанное ими передать буквально смог бы только еще один Оратор.

Этот язык имел огромные преимущества — скорость общения и тончайшая нюансировка. Главным же его недостатком было то, что абсолютно невозможно было скрыть от собеседника свое истинное мнение.

Мнение Гендибаль о Первом Ораторе было совершенно определенное: он считал Шендесса человеком, лучшие времена которого остались далеко позади. Старик, как думал Гендибаль, не ждал кризиса, не был к нему готов. Разразись кризис — ему не хватило бы остроты мышления, чтобы осознать действительность и справиться с ней. При всей доброте, мягкости и прочих привлекательных душевных качествах Шендесс был тем самым материалом, из которого строятся несчастья.

Свое мнение Гендибалью следовало не только камуфлировать словами, жестами и выражением лица, но сами мысли держать подальше. Однако он не знал, как сделать, чтобы Первый Оратор не догадался, о чем он думает.

Не могло от него укрыться и понимание того, что думает о нем самом Первый Оратор. Сквозь совершенно очевидные и искренние дружелюбие и доброту виднелась далекая стена удивления и снисходительности. Гендибаль напряг до предела собственную защиту, стараясь если не скрыть все, что видел и понимал, то, по крайней мере, не демонстрировать этого слишком открыто.

Первый Оратор улыбнулся и откинулся на спинку кресла. Нет, ноги на стол он не забросил, но излучил верно подобранную смесь самоуверенности, насмешливости и неформальной фамильярности — ровно настолько, чтобы у Гендибаль зародилась неуверенность в том, какой именно эффект произвело его заявление.

Поскольку Гендибалью не было предложено сесть, он был крайне ограничен в средствах нивелировки собственной неуверенности. Скорее всего, Первый Оратор именно на это и рассчитывал.

— План Селдона — бессмыслица? — переспросил Шендесс. — Потрясающее заявление! Вы заглядывали в последнее время в Главный Радиант, Гендибаль?

— Я постоянно сверяюсь с ним, Первый Оратор. Это моя обязанность. Но помимо всего прочего, это доставляет мне удовольствие.

— Вероятно, вы изучаете постоянно лишь те участки Плана, которые вам положено наблюдать по долгу службы. Вероятно, ваша работа носит микроскопический характер — вычленение отдельных систем уравнений, коэффициентов приведения. Дело, безусловно, важное и нужное, но я всегда полагал, что время от времени исключительно полезно упражняться в прослеживании всей линии Плана. Изучение отдельных участков Главного Радианта дает свои плоды, но обследование его как громадного континента — вот что по-настоящему вдохновляет, заставляет переосмыслить многое. Сказать правду, Оратор, я сам давненько этим не занимался. Давайте посмотрим вместе?

Гендибаль не осмелился колебаться. Нужно было либо с готовностью согласиться на предложение Первого Оратора, либо наотрез отказаться.

— Это было бы великой честью и удовольствием для меня, Первый Оратор.

Шендесс нажал рычажок на крышке письменного стола. Такое устройство находилось теперь в кабинете любого Оратора, и в кабинете Гендибаля в том числе — явное проявление демократии. Вторая Академия представляла собой сообщество равных возможностей во всех проявлениях, порой самых незначительных. Ведь единственной фактической прерогативой Первого Оратора было слово, содержащееся в его титуле — он всегда говорил Первым.

Комната постепенно погрузилась в темноту, но вскоре во мраке засветилась жемчужная дымка. Обе длинные боковые стены кабинета стали молочно-белыми, свечение их разгоралось все сильнее, и наконец на их поверхности возникли аккуратно очерченные уравнения — такие крошечные, что прочитать их можно было с большим трудом.

— Если вы не возражаете, Оратор, — предложил Шендесс с полной уверенностью в том, что возражений и быть не может, — мы уменьшим изображение для того, чтобы одновременно увидеть как можно больше.

Мелкие значки съезжились, превратились в тончайшие — с волосок — линии, образовавшие причудливые рисунки на жемчужно-белом фоне.

Первый Оратор коснулся клавиш небольшого пульта, встроенного в подлокотник кресла.

— Вернемся в самое начало — во времена Гэри Селдона. И сообщим Радианту некоторое движение вперед. Скорость его составит одно десятилетие за момент наблюдения. При этом у нас возникнет восхитительное ощущение плавания по реке истории, не отвлекаясь на детали. Интересно, вы когда-нибудь проделывали подобное?

— Именно в таком виде — никогда, Первый Оратор.

— А следовало бы. Чувство просто потрясающее. Вот, обратите внимание: сколь широка черная линия в самом начале. В течение первых нескольких десятилетий вероятность отклонений была чрезвычайно низка. Со временем число ответвлений от генеральной линии экспоненциально нарастает, увы. Если бы не тот факт, что при избрании определенного ответвления множество остальных со временем угасает, отмирает, ход истории был бы неуправляем. Конечно, думая о будущем, мы должны быть крайне осторожны в том, на какие угасания рассчитывать и какие ответвления избирать.

— Знаю, Первый Оратор, — сухо отреагировал Гендибаль и ничего не смог поделать с ноткой раздраженности, промелькнувшей в речи.

Первый Оратор пропустил его реплику мимо ушей.

— Обратите внимание на извилистые линии красных значков. В них есть определенная закономерность. По смыслу они должны выглядеть произвольно, случайно, ведь каждый Первый Оратор вступает на высокий пост за счет внесения дополнений и изменений в План Селдона. Кажется, будто нет никакой возможности предсказать, кому из Ораторов такое дастся легко, а кому придется напрячься изо всех сил, но тем не менее у меня всегда было подозрение, что черные линии Плана Селдона и красные — Ораторских Изменений — следуют четкому закону с явной зависимостью от времени и мало от чего более.

Гендибаль следил взглядом за течением лет, видел, как красные и черные линии пересекаются. Картина создавалась почти гипнотическая. Конечно, линии сами по себе мало что значили — главными были символы, значки, их составляющие.

То тут, то там в красно-черное хитросплетение линий вкрадывался синий ручеек. Затем он исчезал или вливался либо в черную, либо в красную линию.

— Синие Девиации, — сказал Первый Оратор, и чувство недовольства вспыхнуло в сознании обоих Ораторов, заполнив, казалось, все пространство между ними. — Все чаще и чаще мы сталкиваемся с ними и наконец приближаемся к Столетию Девиаций...

Так все и было. Невооруженным глазом было видно, когда именно убийственный феномен Мула выплеснулся на Галактику и буквально переполнил ее — Главный Радиант разросся в ширину, переплелся со множеством синих ручейков. Их стало так много, что не сосчитать. Казалось, вся комната стала синей, а линии все утолщались, ветвились и испещряли поверхность стены, все более и более покрывая собой генеральную линию Плана...

Достигнув пика, синева постепенно померкла, линии стали тоньше, слились воедино на одно долгое столетие, чтобы потом исчезнуть навсегда. В том месте, где синие линии пропали и остались только черные и красные, к Плану приложил руку великий Прим Пальвер.

Вперед, вперед...

Линии сплелись в причудливый узел, целиком черный, с редкими тонкими красными пометками.

— Это — создание Второй Империи, — сказал Первый Оратор, отключил Радиант, и комната постепенно наполнилась обычным светом.

— Весьма эмоциональное путешествие, — сказал Гендибаль.

— О да, — улыбнулся Первый Оратор. — И вы удивительно старательно прятали свои эмоции, насколько могли. Но это неважно. Позвольте, я выскажу кое-какие соображения. Во-первых, от вашего зора не должно было укрыться практически полное отсутствие Синих Девиаций со времен Прима Пальвера — другими словами, за последние сто двадцать лет. Думаю, вы заметили также, что в будущие пять столетий серьезных вероятностей появления Синих Девиаций также не наблюдается. Надеюсь, от вас не укрылось и то, что мы уже начали расширять возможности психоистории за пределы создания Второй Империи. Без сомнения, вам

известно, что Гэри Седдон, гениальность которого непререкаема, не был и не мог быть всезнающим. Мы оживили его теорию. О психоистории мы теперь знаем куда больше, чем знал он сам.

Седдон завершил свои расчеты временем создания Второй Империи, но мы пошли дальше. Фактически — и мне не стыдно в этом признаться — разработка нового Гипер-Плана, рассчитанного на времена после создания Второй Империи, — это моя заслуга, и именно это позволило мне занять пост Первого Оратора.

Все это я говорю вам, чтобы избежать лишних слов в предстоящей беседе. Учитывая все это, как можете вы утверждать, что План Седдона — бессмыслица? Он безупречен. Тот простой и очевидный факт, что мы пережили Столетие Девиаций, при всем уважении к гению Прима Пальвера, — лучшее подтверждение безошибочности Плана. Где же вы видите просчеты, молодой человек? Как можете вы заявлять, что План — бессмыслица?

Гендибаль выпрямился во весь рост.

— Вы совершенно правы, Первый Оратор. План Седдона безупречен.

— Следовательно, вы отказываетесь от своего заявления?

— Нет, Первый Оратор. Именно его безупречность порочна. Более того, она фатальна!

19

Взгляд Первого Оратора был хладнокровен. Он умел скрывать свои чувства, и некомпетентность Гендибалья в этом отношении забавляла его. Молодой человек из всех сил старался маскировать эмоции при каждом мыслеобмене, но всякий раз обнаруживал себя целиком.

Шендесс бесстрастно разглядывал молодого Оратора: Гендибаль был строен и поджар. У него были тонкие губы и жилистые, беспокойные руки с длинными, изящными пальцами. В глубоко посаженных темных глазах таился тлеющий огонь.

«Трудновато будет, — подумал Первый Оратор, — заставить такого отказаться от своих убеждений».

— Вы упражняетесь в парадоксах, Оратор, — сказал Шендесс.

— Безусловно, мое утверждение звучит парадоксально, Первый Оратор, поскольку мы слишком сильно привыкли многое в Плане принимать как данность, не задаваясь вопросами.

— Какой же вопрос задаете вы, в таком случае?

— Дело в самой сущности Плана. Нам всем известно, что План не сработает, если его природа и даже самое его наличие станет известно слишком многим из тех, чье поведение предполагается прогнозировать.

— Полагаю, Гэри Селдон это понимал. Полагаю, кроме того, что именно это стало одной из аксиом психоистории.

— Он не предусмотрел появления Мула, Первый Оратор, и поэтому не мог предвидеть того интереса, который проявит ко Второй Академии Первая, когда мы вынуждены были раскрыться.

— Гэри Селдон... — начал Первый Оратор, осекся и умолк.

Все сотрудники Второй Академии знали, как выглядел Гэри Селдон внешне. Его двух- и трехмерные изображения, барельефы и статуи можно было встретить повсюду. Но на них он всегда был запечатлен таким, каким был в последние годы жизни — стариком, с изборожденным морщинами мудрой старости лицом, символизируя квинтэссенцию зрелости гения.

И вдруг, совершенно неожиданно для себя самого, Первый Оратор вспомнил фотографию, которая, как предполагалось, изображала Селдона в молодости. На нее никто большого внимания не обращал — сама мысль представить Селдона молодым казалась нелепой. Однако Шендесс видел эту фотографию, и Стор Гендигаль на мгновение показался ему поразительно похожим на молодого Селдона!

Он тут же одернул себя. Смешно и глупо! Просто один из предрассудков, которым подвержены все люди без исключения, как бы рациональны ни были. Конечно, его поразило чисто внешнее сходство. Если разобраться, сомнительное. Будь у Шендесса сейчас перед глазами та фотография, он бы обязательно уверился, что

никакого особого сходства нет — иллюзия. Но вот только почему эта нелепая мысль пришла ему в голову именно сейчас?!

Он быстро овладел собой. Мгновенное колебание, краткая рассеянность, слишком мимолетная, чтобы кто-то мог заметить ее, разве только другой Оратор. Пусть Гендибаль интерпретирует эту рассеянность, как ему заблагорассудится.

— Гэри Седдон, — твердо, уверенно повторил он, — прекрасно знал, что существует колоссальное число вероятностей, предвидеть которые он не в силах, и именно поэтому создал Вторую Академию. Мы также не предвидели появления Мула, но быстро распознали его, а когда он выступил против нас, остановили его. Мы не предвидели и возможного интереса к нам со стороны Первой Академии, но как только он возник, мы и ему положили конец. Где вы видите ошибку, Оратор?

— Во-первых, — сказал Гендибаль, — интерес к нам в Первой Академии вовсе не иссяк.

Первый Оратор сразу заметил, насколько увереннее заговорил Гендибаль. Значит, от него не укрылось краткое замешательство Первого Оратора, и он интерпретировал его как некую слабость. Это надо учесть.

— Позвольте возразить, — пошел в атаку Шендесс. — Вполне вероятно, что в Первой Академии могут сыскаться люди, которые сравнят ту полную тревогу и потерю жизни, что вела Первая Академия в течение почти четырех столетий, с ее безоблачным, безмятежным существованием на протяжении последних ста двадцати лет. Сравнят и придут к выводу, что это связано с той заботой, какую Вторая Академия проявляет о выполнении Плана, — тут им не откажешь в правоте и справедливости. Сделав такой вывод, они могут решить, что на самом деле Вторая Академия уничтожена не была, и также будут правы. И действительно, у нас есть сведения о том, что некий молодой человек из столицы Академии, Терминуса, член тамошнего правительства, просто-таки убежден в этом... Имя его запомню, к сожалению...

— Голан Тревайз, — уточнил Гендибаль. — Именно я первым сообщил об этом, именно я направил материалы на эту тему вам, Первый Оратор.

— О! — воскликнул Первый Оратор с подчеркнутым уважением. — И как же вышло, что он привлек ваше внимание?

— Один из наших агентов на Терминусе прислал традиционный отчет о вновь избранных членах Совета Академии — дело привычное, и Ораторы, как правило, особого внимания к такого рода сообщениям не проявляют. Однако именно этот отчет вызвал у меня интерес, не сам отчет, конечно, а то, как необычно и подробно в нем описан этот молодой Советник, Голан Тревайз. Судя по характеристике, которую ему дает наш агент, этот человек необычайно самоуверен и настроен крайне воинственно.

— Почувствовали родственную душу?

— Вовсе нет, — не отреагировав на язвительное замечание, парировал Гендибаль. — Он показался мне беззлобным человеком, совершающим экстравагантные поступки, но такая характеристика меня не устроила. Я приступил к более углубленному исследованию. Довольно быстро я понял, что этот человек мог бы стать крайне ценен для нас, если бы нам удалось завербовать его, когда он был моложе.

— Весьма вероятно, — сказал Первый Оратор. — Однако вам прекрасно известно, что мы не занимаемся вербовкой на Терминусе.

— Известно, конечно. Как бы то ни было, даже при отсутствии нашей тренировки и обучения он обладает необычайной интуицией. Она, правда, совершенно неупорядочена. Меня несколько не удивило, что этот человек догадался, что Вторая Академия до сих пор существует. Мне это представилось настолько важным, что я немедленно послал сообщение вам, Первый Оратор.

— Судя по тому, как вы рассказываете об этом, появились новые подробности?

— Да. Поняв, что мы до сих пор существуем, этот Тревайз изложил свою точку зрения в крайне резкой форме, нарушив некие принципы Академии. В результате он изгнан с Терминуса.

Брови Первого Оратора резко вздернулись.

— Неожиданный оборот событий. Вы хотите, чтобы я дал оценку происходящему, не так ли? Без помощи

компьютера оценка будет приблизительная, грубая... Попробую решить несколько уравнений Селдона в уме... Мой вывод таков: проницательная Мэр, также способная предположить, что Вторая Академия все еще существует, предпочла избавиться от неудобного ей Советника, который кричит об этом на всю Галактику и тем самым рискует навлечь опасность на Первую Академию. Полагаю, Бранно Бронзовая решила, что будет спокойнее услатить Тревайза подальше от Терминуса.

— Она могла бы посадить его в тюрьму или тайно казнить.

— Уравнения становятся ненадежны, Оратор, если их применять при рассмотрении поведения отдельного человека, это вам должно быть известно. Они имеют смысл только в приложении к реакциям крупных сообществ. Поведение отдельных людей, следовательно, непредсказуемо, и вероятно предположить, что Мэр — гуманный человек и считает тюремное заключение, не говоря уже о казни, немилосердным.

Гендибаль молчал. Но это было не просто молчание, это было преднамеренное молчание. Он затянул паузу ровно настолько, чтобы у Первого Оратора зародились сомнения в высказанной им оценке событий, но чтобы рассердиться тот не успел.

Паузу Гендибаль выдержал и сообщил:

— А я не склонен к такой интерпретации. Я полагаю, что Тревайз в данный момент является оружием величайшей опасности за всю историю Второй Академии — гораздо более грозным, чем Мул!

20

Гендибаль был доволен. Новое заявление сработало превосходно. Первый Оратор этого не ожидал и вышел из равновесия. Теперь перевес был на стороне Гендибаля. Если и были у него какие-то сомнения в собственном превосходстве, они тут же развеялись после вопроса Шендесса:

— Имеет ли это какое-то отношение к вашему предыдущему заявлению относительно бессмысленности Плана Селдона?

Гендибаль на полной скорости рванул вперед по волнам уверенности, не давая Первому Оратору опомниться.

— Первый Оратор, тот факт, что Прим Пальвер восстановил русло течения Плана, никаких сомнений не вызывает. Ему удалось компенсировать те страшные aberrации, которые возникли в конце Столетия Девиаций. Взгляните на Главный Радиант, и вы увидите, что Девиации сохранялись всего два десятилетия после смерти Пальвера, и с тех пор их просто не было. Ни единой! Честь столь гладкого течения Плана должна бы, по идее, принадлежать Первым Ораторам, занимавшим этот высокий пост после Прима Пальвера, но это мне не представляется вероятным.

— Вот как? Ну конечно, Пальверов среди нас не было, но... что тут такого невероятного?

— Да будет мне позволено изложить свою точку зрения, Первый Оратор? Пользуясь методами психо-исторической математики, я мог совершенно точно показать, что шансы полного исчезновения Девиаций ничтожно малы — независимо от того, что бы ни принимала Вторая Академия. Вы можете отказаться от подробного заслушивания, это займет примерно полчаса вашего драгоценного времени. Тогда, если вы откажетесь, я могу созвать общее Собрание Стола Ораторов и изложить все там. Но мне не хотелось бы упускать время и провоцировать ненужные споры.

— Да. Верно. Кроме того, для меня это означало бы потерю авторитета. Излагайте немедленно. Но... одно предупреждение.

Первый Оратор ухватился за соломинку.

— Если окажется, что все это глупо и бессмысленно, я этого не забуду, учтите.

— Если это окажется глупо и бессмысленно, — гордо и легко сказал Гендибаль, — я отступлюсь и немедленно подам в отставку.

Объяснение заняло гораздо больше получаса: поскольку Первый Оратор самым скрупулезным образом рассматривал все детали математической проработки.

Некоторое время у Гендибала ушло на умелую демонстрацию собственного микро-Радианта. Это прибор,

с помощью которого можно было вычленить любой участок генеральной линии Плана в голографическом изображении, и при этом не требовалось ни горизонтальной поверхности стен, ни пульта размером с письменный стол — его начали применять всего десять лет назад, и Первый Оратор с ним еще не освоился. Гендигаль знал об этом, а Шендесс видел, что Гендигаль это знает.

Гендигаль набросил петельку микропульта на большой палец правой руки, а четырьмя остальными пальцами принялся манипулировать крошечными кнопками с такой легкостью, будто играл на музыкальном инструменте (раскроем секрет: он заранее подготовился к разговору и написал себе шпаргалку, но Первый Оратор ее не видел).

Уравнения, которые демонстрировал Гендигаль, скользили вперед и назад, как юркие змейки, сопровождая его пояснения. Он мог, если бы это понадобилось, представить подробнейшие объяснения, аксиомы и графики, как двух-, так и трехмерные, не говоря о проекциях многомерных взаимосвязей.

Пояснения Гендигалья были продуманы, остры и изящны, и Первый Оратор отставил всякие мысли о психологическом состязании. Он был побежден.

— Не могу припомнить такого анализа, — сказал он. — Чья это работа?

— Моя, Первый Оратор. Моя собственная. Математические выкладки уже опубликованы.

— Весьма похвально, Оратор Гендигаль. Если вы будете продолжать в таком духе, это позволит вам занять пост Первого Оратора после моего ухода в отставку.

— Я и не помышлял об этом, Первый Оратор... но, поскольку вы мне все равно не поверите, я лгать не стану. Да, я думал об этом, и надеюсь, что стану Первым Оратором, поскольку кто бы ни метил на этот пост, он должен будет совершить процедуру, суть которой известна пока лишь мне одному.

— От скромности вы не умрете, — вздохнул Первый Оратор. — Что за процедура? И не мог ли бы нынешний Первый Оратор осуществить ее? Если я оказался слишком стар для того, чтобы отважиться на

такой творческий подвиг, какой совершили вы, может быть, мне еще хватит ума для того, чтобы пойти в указанном вами направлении?

Признал поражение, милосердная уступка! Сердце Гендибаля дрогнуло, смягчилось, он по-человечески оценил этот шаг Первого Оратора, хотя понял, что намерения старика именно таковы, как он сказал.

— Благодарю вас, Первый Оратор. Безусловно, мне понадобится ваша помощь и поддержка. Не смею ожидать, что мне удастся убедить Стол Ораторов в своей правоте, если вы меня не поддержите (добром за добро). Надеюсь, вы согласны со мной теперь, когда я продемонстрировал невероятность того, что исчезновение Девиаций — целиком и полностью дело наших рук.

— Это для меня очевидно, — согласился Шендесс. — Если ваши математические выкладки верны, из них следует, что для восстановления Плана необходимо учесть возможность прогнозирования малых групп людей, даже отдельных людей, с высокой степенью вероятности.

— Именно так. Поскольку же психоисторическая математика такого не позволяет, Девиации исчезнуть не могли, более того, их не может не быть. Следовательно, вы понимаете, что именно я имел в виду, заявив ранее, что как раз безукоризненность, безупречность выполнения Плана Седдона и делает его ошибочным.

— Следовательно, — сказал Первый Оратор, — либо План Седдона действительно не предусматривает Девиаций, либо что-то не так с вашей математикой. Поскольку же в Плане Седдона действительно не отмечается Девиаций уже столетие с лишним, тем более вероятно, что в ваших математических выкладках есть погрешность... но никаких ошибок я не заметил.

— Вы были бы совершенно правы, Первый Оратор, если бы не существовало третьей альтернативы. Очень может быть, что и План Седдона не допускает Девиаций, и с моей математикой все в порядке, когда она доказывает, что это невероятно.

— Не вижу альтернативы.

— Давайте допустим, что выполнение Плана Селдона контролируется с помощью психоисторического метода, совершенного настолько, что поведение маленьких групп людей, даже отдельных людей, прогнозироваться может. Иными словами, может с помощью такого метода, которым ни вы, ни я не располагаем, да и никто во Второй Академии. Тогда и только тогда мои математические выкладки покажут, что в Плане Селдона действительно нет Девиаций, и быть не может!

Наступила пауза (по обычным представлениям, никакой паузы и в помине не было, лишь по стандартам Второй Академии). Затем Первый Оратор сказал:

— Мне такой метод психоисторического анализа действительно незнаком, и, насколько я понял, вам тоже. Если он неведом нам с вами, остается единственная возможность — некий Оратор или группа Ораторов разработала такого рода микропсихоисторию и утаила этот секрет от остальных членов Стола. Надеюсь, вы не откажетесь признать, что вероятность такого оборота событий ничтожно мала? Или вы не согласны?

— Согласен.

— Следовательно, либо ваш анализ неверен, либо микропсихоистория находится в руках некой группы за пределами Второй Академии.

— Совершенно верно, Первый Оратор. Именно о такой альтернативе я думал.

— Можете продемонстрировать справедливость этого предположения?

— Формально — не могу. Но вспомните: разве уже не было в истории случая, когда один-единственный человек повредил Плану Селдона, обрабатывая сознание отдельных людей?

— Вы говорите о Муле?

— Конечно.

— Но Мулу удалось лишь на время сорвать выполнение Плана. Теперь же проблема состоит в том, что План Селдона выполняется прекрасно — слишком хорошо, как показывает ваша математическая проработка. Для такого нужен... Анти-Мул — некто, способный нарушить План, но действующий из совершен-

но иных соображений: не сорвать План, а усовершенствовать его.

— Все верно, Первый Оратор. Я не додумался до такого определения. Кем был Мул? Мул был мутантом. Но откуда он взялся? Какова причина его появления на свет? Этого никто не знает. Разве их не могло быть больше?

— Не могло, скорее всего. Ведь единственное, что мы знаем о Муле наверняка, так это то, что он был бесплоден. Отсюда и произошла его кличка. Или вы полагаете, что это — легенда?

— Я говорю не о потомках Мула. Разве невероятно, что Мул был чем-то вроде выродка в некоем сообществе, которое теперь значительно расплодилось и, обладая в полной мере способностями Мула, не стремится нарушить План Селдона, а наоборот — помогает его выполнению?

— Но почему, ради всего святого, они обязаны нам помогать?

— А мы почему сохраняем План? Мы собираемся создать Вторую Империю — вернее будет сказать, это суждено совершить нашим интеллектуальным наследникам. По нашим расчетам, именно они станут теми, кто будет принимать решения в будущем. Если же некая другая группа печется о сохранении Плана еще более усердно, чем мы, они, видимо, вовсе не собираются предоставить нам право принимать решения. Решения будут принимать они — но какие? Так не следует ли нам попытаться выяснить, к какого рода Второй Империи они нас влекут?

— Каким же образом вы предлагаете выяснить это?

— Начнем с того, Первый Оратор, что попробуем уяснить, зачем Мэру Терминуса понадобилось отправлять в ссылку Голана Тревайза? Ведь, поступив так, она позволила потенциально опасному человеку разгуливать по всей Галактике. В то, что она действовала из соображений гуманности и милосердия, я не верю. В исторической ретроспективе лидеры Первой Академии всегда действовали сугубо реалистично — чаще всего это означает, что факторы морального порядка не имели для них определяющего значения. Один из их

героев — Сальвор Гардин — открыто заявлял, что он против всякой морали вообще. Нет, я не думаю, что Мэр действовала по принуждению агентов Анти-Мулов, да будет мне позволено воспользоваться вашим определением. Я думаю, что Тревайза завербовали они и что он служит оружием величайшей опасности для нас. Смертельной опасности.

И Первый Оратор сказал:

— Клянусь Селдоном, вы можете быть правы. Но как мы сумеем убедить в этом Стол?

— Первый Оратор, не приуменьшайте собственно-го авторитета.

Глава 6

ЗЕМЛЯ

21

Тревайз устал, вспотел, был раздражен. Они с Пелоратом только что позавтракали в маленькой столовой — отдельном отсеке.

— Удивительно! — нарушил молчание Пелорат. — Мы летим только два дня, а я уже привык, освоился, чувствую себя превосходно! Правда, недостает природы, свежего воздуха и всякого такого прочего. Странно... Странно, что недостает, правда? Раньше, когда все это было вокруг меня, я на такие мелочи внимания не обращал, знаешь ли. Но самое главное — со мной моя любимая библиотека, то есть все, что мне нужно по-настоящему, и поэтому мне ни капельки не страшно в космосе теперь. Просто потрясающе, знаешь ли!

Тревайз издал какой-то неопределенный звук. Он, казалось, смотрел внутрь себя.

— Ты о чем-то думаешь, Голан? Прости, я не хотел тебя тревожить. Просто мне показалось, что ты меня слушаешь. Я понимаю — собеседник из меня никудышный, я всегда был занудой, знаешь ли. Вот. Но о чем ты думаешь?.. Скажи, что-нибудь не так? Мы попали в беду? Скажи, не бойся. Помощи от меня, конечно, мало, но я не испугаюсь, ты не думай, дружок.

— Попали в беду? — рассеянно переспросил Тревайз, стяхнул задумчивость и нахмурился. — С чего ты взял?

— Я про корабль. Ну все-таки — новая модель. Мало ли что, вдруг что-то не в порядке?

Пелорат неловко улыбнулся.

Тревайз энергично покачал головой:

— Зря беспокоишься, Джен. Все в полном порядке, все работает, как надо. Просто... я искал гиперреле.

— А, понятно... то есть совсем непонятно, знаешь ли. Что такое «гиперреле»?

— Сейчас объясню, Джен. Мне нужно держать связь с Терминусом. Я могу выйти на связь в любое время, как только захочу, а Терминус, со своей стороны, может в любое время связаться со мной. Они знают координаты корабля, наблюдают за траекторией нашего полета. Даже если бы они не знали, где мы находимся, они могли бы лоцировать местонахождение нашего корабля методом масс-сканирования. Этим способом можно найти в космосе нечто объемное — корабль или, скажем, метеорит. Отличить корабль от метеорита они могут за счет обнаружения источника энергии, а найдя таковой, можно идентифицировать конкретный корабль. Понимаешь, нет двух кораблей, совершенно одинаковых с точки зрения использования энергии. Что-то есть в нашем корабле типичное только для него, и его особенности зафиксированы в реестрах Терминуса.

— Знаете, Тревайз... знаешь, Голан, — задумчиво проговорил Пелорат, — у меня такое впечатление, что все успехи цивилизации — не что иное, как упражнения в ограничении свободы.

— Не исключено, что ты прав. Однако раньше или позже мы будем вынуждены перейти в гиперпространство, иначе нам придется вечно болтаться в парсеке — двух от Терминуса. О межзвездных перелетах тогда и говорить нечего. Переходя в гиперпространство, мы теряем связь с обычным пространством. Перемещение происходит за краткие мгновения реального времени, и при этом мы покрываем расстояние в сотни парсеков. После перемещения мы можем оказаться в месте, координаты которого трудно прогнозировать заранее, и фактически обнаружить нас будет трудно.

— ...Понимаю, — кивнул Пелорат. — Понимаю.

— Трудновато, если только на нашем корабле не установлено гиперреле. Гиперреле способно послать сигнал через гиперпространство — такой сигнал у каждого конкретного корабля свой собственный. И

тогда на Терминусе знали бы, где мы находимся. В любое время. Вот подтверждение твоей мысли, Джен. Тогда нигде, во всей Галактике мы бы не смогли спрятаться от поисковой техники Академии.

— Но, Голан... зачем нам прятаться? Разве мы не нуждаемся в защите Академии?

— Почему? Нуждаемся, конечно, но только тогда, когда сами об этом попросим. Ты же сам сказал: «успехи цивилизации — не что иное, как упражнения в ограничении свободы». Ну так вот: мне такое ограничение не по вкусу. Я хочу лететь куда угодно, куда захочу, чтобы меня не трогали, если только мне не понадобится помощь и защита. И в этом смысле я чувствовал бы себя гораздо спокойнее, если бы у нас на борту не было гиперреле.

— Но... ты нашел его, Голан?

— Нет. Не нашел. Нашел бы — наверное, сумел бы его поломать.

— А ты бы узнал его, если бы нашел?

— В том-то и загвоздка! Я могу не узнать его по виду! В принципе, я представляю себе, как должно выглядеть гиперреле, но ведь это корабль последней модели, и тут его могли так хитро запрятать, что ни за что не догадаешься, где оно.

— Но ведь, с другой стороны, ты мог его не найти именно потому, что его просто нет.

— Не знаю. Пока не уверюсь, что его действительно нет, о Прыжке даже и думать не хочу.

— А-а-а... Так вот в чем дело! А я-то думал, почему это мы все плывем и плывем в пространстве, и все не прыгаем... Я, знаешь ли, слышал о Прыжках. Признаться, немного побаивался и все ждал, когда ты скажешь мне, что надо пристегнуться, или таблетку какую-нибудь дашь... ну или что-то в этом роде.

Тревайз не смог сдержать улыбки:

— Бояться нечего. То, о чем ты говоришь, — страшная древность. На таком корабле, как у нас, все представлено компьютеру. Нужно только дать ему соответствующие инструкции, а все остальное он сделает сам. Даже не почувствуешь, что что-то произошло, только картина в иллюминаторе изменится, вот и все. Если ты видел когда-нибудь слайд-шоу, то представляешь себе,

как это бывает, когда кадры быстро сменяют друг друга. Вот так примерно выглядит Прыжок.

— Бог мой! Я ничего не почувствую? Правда? Это даже как-то обидно, знаешь ли.

— Ну я, по крайней мере, никогда ничего не ощущал, а ведь я летал не на таких современных кораблях, как наша малютка... Но Прыжок мы пока не совершили не только потому, что я не нашел гиперреле. Нам нужно улететь подальше от Терминуса и от его солнца. Чем дальше мы будем находиться от любого объекта с большой массой, тем легче проконтролировать Прыжок и произвести выход в обычное пространство в заданных координатах. В экстренных случаях можно, конечно, пойти на риск и совершить Прыжок, находясь всего в двухстах километрах от поверхности планеты, но тогда приходится положиться на удачу и надеяться, что все сойдет благополучно. Правда, пустого пространства в Галактике гораздо больше, чем занятого, но всегда есть вероятность, что после Прыжка окажешься где-нибудь поблизости от крупной звезды, а то и в самом центре Галактики. Тогда и глазом моргнуть не успеешь, как заживо изжаришься. Чем дальше держишься от крупных объектов, тем меньше такая вероятность.

— Что ж, тогда я целиком полагаюсь на твою осторожность. Насколько я понимаю, торопиться нам особо некуда.

— Вот именно... В особенности потому, что я бы сейчас душу отдал на заклятие, чтобы найти гиперреле до первого Прыжка... либо я должен убедиться, что его здесь нет.

Тревайз снова глубоко задумался, и Пелорат осторожно, но довольно громко поинтересовался:

— И долго ты будешь искать? Сколько времени это займет?

— Что именно?

— Я хотел спросить... когда бы ты совершил Прыжок, если бы не искал гиперреле?

— Ну... при нашей скорости и траектории... скажем, на четвертый день после старта. К концу четвертого дня. Точное время определю с помощью компьютера.

— Значит, на поиски у тебя еще целых два дня. Можно, я выскажу предложение?

— Валяй высказывай.

— В своей работе мне часто приходилось сталкиваться... конечно, у меня совсем другая работа, не такая, как твоя... но все-таки что-то общее всегда есть. Словом, когда зацикливаешься на чем-то одном, постоянно об этом думаешь — толку мало. Но стоит расслабиться, отвлечься, заняться чем-то другим — и твое подсознание, освободившись от гнета раздумий, сможет решить твою проблему.

Тревайз зажмурился и рассмеялся:

— Действительно, а почему бы и нет?!.. Скажи-ка мне, Профессор, почему тебя так интересует Земля? И почему вообще затеян этот странный поиск конкретной планеты? Этой прародины человечества?

— А, понятно... — Пелорат радостно покивал головой. — Это было давно. Лет этак тридцать назад. Я, знаешь ли, собирался выучиться на биолога, когда поступал в колледж. Особенно меня интересовало разнообразие биологических видов в различных мирах. Хотя... разнообразие — не совсем верное слово. Вариаций, как тебе известно... хотя, наверное, неизвестно, — очень немного. Все формы жизни по всей Галактике — как минимум известные нам на сегодняшний день, — обладают белково-водно-нуклеиновой структурой.

— Я учился в военном колледже, — сказал Тревайз, — и там больше внимания уделялось ядерной физике и гравитации, но не такой уж я узкий специалист. О химических основах жизни я кое-что знаю. Нас учили тому, что вода, белки и нуклеиновые кислоты — единственная возможная основа для биологической жизни.

— Несколько поспешное заключение, знаешь ли. Правильнее было бы сказать, что до сих пор не найдено других форм жизни. Гораздо более удивительно то, что индигенные, эндемичные формы жизни — виды, которые бы обнаруживались только на одной планете, удивительно немногочисленны. Большинство из существующих видов, включая и *Homo sapiens*, расселены по всем или, по крайней мере, большинству обитаемых миров Галактики и весьма сходны между собой био-

химически, физиологически и морфологически. Индигенные виды же, с другой стороны, резко отличаются по межвидовым и внутривидовым признакам.

— И что из этого следует?

— Вывод таков: какой-то один мир в Галактике — один-единственный — отличается от всех остальных. Десятки миллионов миров в Галактике развили жизнь — простейшую, примитивную, хрупкую, трудно сохраняемую, не слишком разнообразную, не легко распространяемую. И единственный мир, только один, развил жизнь миллионов видов, да-да, именно миллионов, и некоторые из этих видов были высокоспециализированными, высокоразвитыми, с громадными способностями к размножению и распространению, включая нас. Мы оказались настолько разумны, что создали цивилизацию, разработали технику космических полетов и колонизировали Галактику. А распространяясь по Галактике, мы всюду брали с собой и распространяли другие виды, другие формы жизни, связанные между собой и с нами.

— Не понимаю, что тут такого удивительного, — равнодушно сказал Тревайз. — Все разумно. Да, в итоге мы имеем «человеческую» Галактику. Если предположить, что начало этому было положено в одном-единственном мире, то он действительно должен был отличаться неким многообразием видов. А почему бы и нет? Вероятность столь бурного развития жизни ничтожно мала, один против миллиона, следовательно, такое могло случиться в одном из сотен миллионов миров. Вполне может быть, что такой мир действительно был только один.

— Но что сделало этот мир столь уникальным, не похожим на другие? — подхватил его мысль Пелорат. — Какие условия?

— Простая случайность, наверное. Ведь, в конце концов, люди и те формы жизни, что они таскали за собой, теперь живут на десятках миллионов планет, а раз каждая из них способна поддерживать существование жизни, значит, каждая и годится на эту роль.

— Нет! — горячо возразил Пелорат. — Нет и нет! С тех пор как человечество развило технику и вовлекло себя в тяжкую борьбу за выживание, оно действитель-

но научилось адаптироваться в любом мире — даже таком, прямо скажем, малогостеприимном, как Терминус. Но разве можно себе представить, что на Терминусе могла зародиться разумная жизнь? Ведь когда на Терминус прибыли первые Энциклопедисты, они обнаружили там лишь мохоподобную растительность на скалах и кое-каких насекомых. Почти все они были уничтожены, люди заселили землю и водоемы рыбой, кроликами и козами, посадили деревья, засеяли землю зерном и так далее. Мы не оставили от индигенной жизни ничего — только то, что теперь живет в зоопарках и аквариумах.

— Гм-м-м... — нахмурился Треввайз.

Пелорат с минуту молча смотрел на него, потом вздохнул:

— Тебе до этого дела нет, я понимаю. Неудивительно. Правду сказать, мало я встречал людей, кому это было бы интересно. Наверное, я сам виноват — не умею увлекательно рассказывать, хотя меня самого это ужасно интересует.

— Почему? — пожал плечами Треввайз. — Очень интересно. Ну... ну и что?

— Разве тебе не кажется, что с чисто научной точки зрения было бы интересно исследовать мир, давший начало единственному по-настоящему процветающему экологическому равновесию, который когда-либо знала Галактика?

— Наверное, если бы я был биологом... Но я же не биолог, так что ты должен меня простить.

— Ну конечно, дружочек, конечно... Но дело в том, что я и биологов мало встречал, кто бы этим заинтересовался. Ну так вот... Как я уже сказал, я увлекался когда-то биологией. Я попробовал заговорить об этой проблеме с профессором, но он остался равнодушен. Посоветовал мне уделять больше внимания практическим вопросам, не витать в облаках. Но мне было так скучно, что в конце концов я переключился на историю, ею я увлекался еще в подростковом возрасте, но тогда это было просто хобби... В общем, я принялся изучать «Вопрос о Происхождении» с этой точки зрения.

— По-моему, — вставил Тревайз, — тебе следовало бы возблагодарить своего профессора: он подарил тебе дело жизни.

— Да, пожалуй, можно и так сказать. Это ведь так замечательно! Знаешь, я никогда не устаю от своей работы, она мне никогда не надоедает. О, как бы мне хотелось, чтобы тебе это тоже стало интересно! Я так устал говорить с самим собой...

Тревайз запрокинул голову и громко расхохотался.

— Почему ты смеешься надо мной, Голан? — оторопело и обиженно спросил Пелорат.

— Не над тобой, Джен! Над собственной тупостью. Дело в том, что ты был совершенно прав. Там, где ты корифей, я полный профан. Да, ты прав на все сто.

— В чем? В постановке вопроса о происхождении человечества?

— Да нет! Прости, не исключено, что и в этом тоже. Я хотел сказать, как прав ты был, когда посоветовал мне отвлечься от того, о чем я думал. Все сработало! И когда ты говорил о том, как появилась жизнь, я понял, как найти гиперреле, если оно, конечно, есть.

— О, вот как?

— Да, вот так! Ведь это просто сводило меня с ума. Я искал реле так, будто нахожусь на корабле древней модели — таком тренировочном корабле, на каком летал когда-то, то есть занимался тем, что изучал все отсеки глазами, разыскивая нечто такое, что выглядело бы не похожим на все остальные предметы. Я забыл, что этот корабль — продукт тысячелетнего развития технической цивилизации. Понимаешь?

— Нет, Голан, — признался Пелорат.

— У нас есть компьютер. Как я мог о нем забыть?

Он схватил Пелората за руку и потащил в свою каюту.

— Сейчас попытаюсь связаться... — сказал Тревайз, положив ладони на крышку стола.

Нужно было попробовать наладить связь с Терминусом, который находился от них на расстоянии в несколько тысяч километров.

«Выходи на связь. Говори!»

Он чувствовал себя так, будто все нервные окончания вытянулись, натянулись, как струны, рванулись наружу с кошмарной скоростью — не иначе, как со скоростью света, ведь именно она была нужна, чтобы наладить связь.

Тревайз ощутил прикосновение, нет, не прикосновение... не было для этого подходящего слова, но он знал, что Терминус на связи, и хотя расстояние между кораблем и планетой преодолевалось со скоростью примерно двадцать километров в секунду было полное ощущение, что корабль недвижим, и между ними всего несколько метров...

Он ничего не сказал. Он молчал. Он просто проверял сам принцип связи. И молчал.

Неподалеку, всего в восьми парсеках находился Анакреон, по Галактическим стандартам ближайшая крупная планета для задворок Галактики. Чтобы сигнал дошел туда, потребовалось бы пятьдесят два года при скорости света, достаточной для связи с Терминусом.

«Доберись до Анакреона! Думай об Анакреоне! Думай о нем четко, ясно, как только можешь. Ты знаешь о своем положении относительно Терминуса и Центра Галактики, ты изучал планетографию и историю, решал военные задачи. Помнишь эти задачи на необходимость захвата Анакреона? Господи! Да ведь ты был на Анакреоне! Картинку! Представь себе Анакреон! Будь здесь гиперреле, ты бы представил его себе, как наяву! Ну! Ну!»

Ничего. Ноль эмоций. Нервные окончания дрогнули, расслабились, напряжение спало.

— Нет у нас гиперреле, Джен. Я уверен. А если бы не внял твоему совету, я бы искал его еще неизвестно сколько времени.

Пелорат, не изменившись в лице, довольно кивнул:

— Как я рад, что хоть чем-то сумел тебе помочь. Означает ли это, что мы совершим Прыжок?

— Нет, все-таки выждем два дня, чтобы все вышло, как нужно. Я говорил тебе, помнишь, — нам нужно улететь подальше от Терминуса. У меня так или иначе ушло бы пару дней на ознакомление с ко-

раблем незнакомой конструкции и расчет Прыжка, но... у меня такое впечатление, что компьютер отлично сам справится.

— Ой... значит, нам предстоит скучать еще целых два дня?

— Скучать? — широко улыбнулся Тревайз. — Ничего подобного! Мы, дружище Джен, будем говорить о Земле.

— Правда?! — обрадованно воскликнул Пелорат. — Тебе хочется сделать старику приятное?! Как мило с твоей стороны. Очень мило, дружок.

— Ерунда. Не надо так радоваться. На самом деле я хочу сделать приятное себе. Джен, да ты просто гений! После твоих объяснений мне стало ясно, что Земля — это самое интересное, что есть в Галактике!

22

И действительно, мысль эта промелькнула в сознании Тревайза, когда Пелорат говорил о Земле. Он отвлекся от нее только потому, что так упорно думал о гиперреле. Теперь, когда этот вопрос был снят, он понял, как это важно.

Ведь самой распространенной из цитат Селдона была его реплика относительно того, что «Вторая Академия находится на другом конце Галактики» от Терминуса. Селдон добавил еще одну характеристику этого места, сказал, что там «конец звезд».

Эти сведения содержались в отчете Гаая Дорника о знаменитом процессе — в описании им дня, предшествовавшего последнему слушанию дела Селдона. «Другой конец Галактики», — если верить Дорнику, Селдон произнес именно эти слова, и с этого дня весь мир пытался решить, что имел в виду Селдон.

Что связывало один конец Галактики с другим? Прямая линия, спираль, круг? Что?

На Тревайза неожиданно снизошло озарение, ему стало ясно, что не должно быть ни линии, ни круга, ни спирали — не они должны быть начертаны на карте Галактики. Все было гораздо тоньше и сложнее...

На одном конце Галактики, по определению, находился Терминус и Первая Академия. Это действительно был край Галактики, отчего слово «конец» принимало буквальное значение. Помимо всего прочего, Терминус был самым новым миром в Галактике в те времена, когда Селдон произносил свою сакраментальную фразу, миром, которого тогда фактически еще не существовало — он только должен был быть основан.

Что же, в свете этого, могло быть другим концом Галактики? Тем ее краем, где располагалась Вторая Академия? Ну конечно, самый древний мир в Галактике! И судя по фактам, которые излагал Пелорат, сам не догадываясь, как это важно для Тревайза, этим миром могла быть только Земля. Вторая Академия за просто могла находиться на Земле!

..Да, но Селдон сказал также, что там — «конец звезд». Но разве можно утверждать, что это не поэтический образ? Ведь если попробовать проследить историю человечества в обратном направлении, как это сделал Пелорат... то образуется потрясающая картина: от звезды к звезде, от одной обитаемой системы к другой протянутся нити — пути миграции, и в конце концов все нити приведут к той самой планете, откуда произошло человечество. К звезде, освещающей Землю. К концу звезд.

Тревайз улыбнулся и почти любовно попросил:

— Расскажи мне побольше о Земле, Джен.

Пелорат покачал головой:

— Я тебе все рассказал. Остальное мы узнаем на Тренторе.

— Нет, Джен. Там мы ничего не найдем. Почему? Потому что на Трентор мы не полетим. Корабль везу я, и ты можешь быть совершенно уверен — на Трентор мы не полетим.

Пелорат раскрыл рот, закрыл, опять открыл. Долго молчал, наконец, с трудом справившись с собой, выговорил:

— Ка-кая н-неожиданность, д-дружочек...

— Не расстраивайся, Джен. Не стоит. Мы будем искать Землю.

— Но только на Тренторе...

— Нет. На Тренторе ты не разыщешь ничего, кроме потрескавшихся кинопленок и пыльных документов, и сам потрескаешься и запылишься.

— Я столько лет мечтал...

— Ты мечтал найти Землю.

— Да, но...

Тревайз вскочил, схватил Пелората за край рукава:

— Все, хватит, Профессор. Хватит, слышишь? Ты же сам сказал мне, что мы обязательно найдем Землю — еще на Терминусе, помнишь, ты похвастался, я цитирую твои собственные слова: «я располагаю уникальными сведениями и догадками». Так вот — ни слова больше о Тренторе. Я желаю узнать, что у тебя за догадки.

— Но... но это действительно только догадки! Надежды, всякие туманные идеи, знаешь ли...

— Прекрасно! Рассказывай!

— Ты не поймешь. Не поймешь! Я же не единственный, кто проводил исследования в этой области. Тут нет ничего исторического, ничего твердо доказанного, ничего реального. С одной стороны, люди говорят о Земле, как будто ее существование — факт, но, с другой стороны, во всем этом много мифического, легендарного. Существуют миллионы противоречащих друг другу сказаний...

— Ну хорошо. Лично твое исследование в чем состояло?

— Я вынужден был собирать все до единого сказания, исторические упоминания, легенды, самые невероятные мифы. Даже фантастику. Все, все, где фигурирует слово «Земля», все, где есть упоминание о планете-прародине. Целых тридцать лет я собирал все это. К моим услугам были все библиотеки Галактики. И теперь, если бы я смог разыскать нечто более надежное в Галактической Библиотеке на... Ой, прости, ты запретил мне произносить это слово.

— Правильно. Нечего его произносить. Вместо этого лучше скажи, что один вопрос особенно привлек твое внимание, и объясни — почему.

Пелорат грустно покачал головой:

— Прости меня, Голан, но позволь мне высказать замечание. Ты говоришь со мной, как солдафон или политик. Историки так не работают.

Тревайз сделал глубокий вдох и взял себя в руки.

— Хорошо. Скажи мне, как они работают, Джен. У нас есть два дня. Ликвидируй мою безграмотность. Займись моим обучением.

— Хорошо, дружок. Так вот... Нельзя полагаться на любой отдельно взятый миф, даже на любой из ряда подобных. Мне пришлось собрать их все, анализировать их, классифицировать, разработать целую систему кодов, отражающую различные аспекты содержания — рассказов о немыслимых климатических условиях, описаний астрономических подробностей планетарных систем по сравнению с теми, что имеются на самом деле, мест рождения легендарных героев, о которых сказано, что они попали в эти миры откуда-то еще, — сотни, тысячи аспектов. Все перечислить бесполезно. Двух дней тут не хватит. Я потратил тридцать лет, я же говорил тебе... Потом я разработал компьютерную программу, с помощью которой изучил все собранные мифы на предмет наличия сходных компонентов и исключения истинных невероятностей. Постепенно я разработал модель Земли — такой, какой она могла быть. В конце концов, если люди действительно произошли с одной планеты, она и должна являться фактом, общим для всех мифов... Ну что, ты хочешь услышать математические подробности?

Тревайз ответил:

— Не сейчас, благодарю. Но только — как ты можешь быть уверен, что твоя математика не подвела тебя? К примеру, мы знаем, что Терминус был основан пять веков назад, что первые люди прибыли туда как колонисты с Трентора, но ведь на Трентор они попали из десятков, а то и из сотен самых разных миров. Но кто-то, не знавший этого, мог предположить, что Гэри Селдон и Сальвор Гардин, ни один из которых не был рожден на Терминусе, были уроженцами Земли; и Трентор, таким образом, — то самое место, которое надо называть Землей. Возьмись сторонники такой гипотезы искать Трентор — такой Трентор,

каким он был во времена Селдона, планету, закованную в металл, они бы его не нашли и сочли бы свою догадку мифом, невероятной легендой.

Пелорат довольно кивнул:

— Дружочек, я готов принести извинения за то, что сказал насчет солдафонов и политиков. У тебя потрясающая интуиция! Все правильно — мне нужно было очертить границы поиска. Я придумал уйму вариантов извращений истинной истории, имитировал мифы тех типов, которые мне удалось собрать. Затем я предпринял попытку внедрить собственные имитации в модель. Одно из моих произведений, кстати, касалось раннего этапа истории Терминуса. Все мои выдумки компьютер отверг. Все до одной. Не исключено, конечно, что мне не хватило литературного таланта, но я старался, как мог.

— Не сомневаюсь. И что же сказала твоя модель о Земле?

— Получился ряд сведений различной степени вероятности. Нечто вроде шаблона, знаешь ли. Ну, например: девяносто процентов обитаемых планет в Галактике обращается вокруг своих звезд за период, продолжительность которого колеблется между двадцатью двумя и двадцатью шестью Стандартными Галактическими Часами. Так вот...

Тревайз не дал ему договорить.

— Надеюсь, этот фактор ты не стал принимать чересчур серьезно, Джен? Здесь никакой мистики нет. Чтобы планета была обитаемой, она не должна вращаться слишком быстро, иначе ускоренная циркуляция атмосферы создавала бы постоянные бури и ураганы. Не должна планета вращаться и слишком медленно, тогда колебания температуры приобретут экстремальный характер. Выходит нечто вроде самоизбирательной характеристики. Люди предпочитают селиться на планетах с благоприятными условиями, а когда оказывается, что почти все обитаемые планеты этим условиям удовлетворяют, некоторые восклицают: «Какое удивительное совпадение!» На самом же деле — ничего удивительного, и о совпадении говорить не приходится.

— Безусловно, — спокойно согласился Пелорат. — Это — крайне распространенная закономерность в области социальных наук. Наверное, такой стиль мышления характерен и для физиков, но я не физик и не могу быть в этом уверен. Называется это «антропным принципом». Наблюдатель влияет на события лишь за счет того, что наблюдает за ними или непосредственно в них участвует. Вопрос в другом: где находится планета, послужившая эталоном? Какая планета имеет период обращения, в точности равный Стандартному Галактическому Дню, то есть двадцати четырем Стандартным Галактическим Часам?

Тревайз задумался, прикусил губу...

— Ты думаешь, это и есть Земля? Но Галактический Стандарт мог быть списан с местных характеристик любого мира, да или нет?

— Маловероятно. Нетипично для людской психологии. Вот смотри: Трентор был столичным миром Галактики двенадцать тысяч лет. Двадцать тысячелетий он был самым населенным миром в Галактике. Так? И тем не менее продолжительность его дня — один ноль восемь Стандартного Галактического Дня — не стала общепринятой по всей Галактике. Период обращения Трентора вокруг его светила составляет девяносто одну сотую Стандартного Галактического Года, но и этот стандарт не был насильно навязан другим планетам, которыми он правил. Каждая планета пользуется собственной системой расчетов, везде существует Местный Планетарный День, и только при решении вопросов межпланетной важности в силу вступают пересчеты по СГД в сравнении с МПД. Стандартный Галактический День должен был произойти с Земли!

— Почему так уж и должен?

— Во-первых, когда-то Земля была единственным обитаемым миром, и, естественно, ее день и год должны были быть стандартными и остались стандартными чисто за счет психологической инерции при заселении людьми других миров. Кстати говоря, модель Земли, что получилась у меня, давала именно эти параметры — обращение вокруг оси за двадцать четыре СГЧ и обращение вокруг звезды за СГД.

— А не могло тут быть совпадения?

Пелорат рассмеялся:

— Приехали! Теперь ты заговорил о совпадении! Разве можно тут допустить мысль о совпадении?

— Ну ладно, ладно... — смутился Тревайз.

— На самом деле, есть еще кое-что... Существует архаичная, устаревшая единица измерения времени, называемая месяцем...

— Слышал.

— Так вот. Месяц приблизительно равнялся продолжительности периода обращения спутника Земли вокруг нее. Однако...

— Ну?

— Однако при наблюдении за моей моделью Земли выяснилось, что спутник Земли был удивительно крупным: его диаметр равнялся четверти диаметра Земли!

— Вот это новость! Не припомню в Галактике обитаемой планеты с таким громадным спутником.

— Но ведь это как раз и замечательно! — воскликнул Пелорат. — Если Земля была столь уникальна с точки зрения многообразия видов и эволюции разума, значит, и с физической точки зрения она просто должна была быть уникальна!

— Да, но... какое отношение размеры спутника имеют к многообразию видов, эволюции разума и тому подобным вещам?

— Трудно сказать. Очень трудно. Я не знаю, если честно. Но это заслуживает исследования, правда?

Тревайз встал, скрестил руки на груди, покачался с носка на пятку.

— Но в чем же тогда, собственно, проблема? Проглянь реестры обитаемых планет, отыщи ту, у которой период обращения вокруг оси и солнца составляет соответственно СГД и СГТ. Если при этом у такой планеты окажется крупный спутник — вот и все, что нужно. Раз ты говорил об «удивительных догадках», уж это-то тебе наверняка в голову пришло, не сомневаюсь.

Пелорат заметно погрузстнел.

— Понимаешь, дружок, все было бы хорошо, и департамент астрономии помог мне с этими реестрами, только... короче говоря, такой планеты нет.

Тревайз плюхнулся в кресло.

— Что же, выходит, всем твоим выводам грош цена?

— Не сказал бы.

— Как это — «не сказал бы»? У тебя вышла детальная, четко разработанная модель, но ничего в таком роде найти ты не сумел. Значит, модель неверна. Надо все начинать сначала.

— Вовсе нет. Это значит, что статистика по обитаемым мирам страдает неполнотой. Обитаемых миров очень много — десятки миллионов, и многие из них окутаны тайной. К примеру, надежной информации о количестве населения нет почти для половины. А для сорока тысяч шестисот миров нет ничего, кроме названий и координат. Некоторые галактографы предполагают, что может существовать около десяти тысяч обитаемых планет, не упомянутых в официальной статистике. Может быть, эти миры сами хотят, чтобы так было. Наверное, во времена Имперской Эры это помогло им избежать уплаты податей.

— Угу, — цинично процедил Тревайз. — А впоследствии такая политика помогла им превратиться в логова пиратов — намного, прямо скажем, более выгодное дело, чем законная торговля.

— Нельзя судить наверняка, — с сомнением в голосе сказал Пелорат.

— И все равно, — покачал головой Тревайз, — мне кажется, что Земля должна быть в перечне обитаемых планет независимо от ее собственного желания. Старейшая планета, по определению. Как же ее могли забыть, проглядеть в первые века становления цивилизации в Галактике? И уж если она в перечень попала, она до сих пор там должна быть. Социальная инерция неистребима.

Пелорат тихо, тоскливо пробормотал:

— На самом деле, есть планета под названием «Земля» в этом перечне...

— Как это? — изумился Тревайз. — Разве ты сам только что не сказал, что ее там нет?

— Она не так называется. Существует планета под названием Гея.

— При чем она тут? При чем тут эта — как ты сказал? Гейя?

— Пишется Г-Е-Я. Означает «Земля».

— Почему это слово должно означать «Земля»? Для меня это слово никакого смысла не несет.

Лицо Пелората исказила гримаса муки.

— Вряд ли ты мне поверишь... Понимаешь, если вернуться к анализу мифов... в общем, получается, что на Земле существовало множество независимых языков.

— Что?

— Да-да. В конце концов, и сейчас в Галактике говорят на тысяче разных диалектов.

— Верно, диалектов великое множество, но они не независимы. Действительно, понимание каждого из них вызывает определенные трудности, все это — варианты Галактического Стандарта.

— Правильно, но ведь это обусловлено постоянными контактами между мирами. А что, если какой-то мир находился в изоляции долгое время?

— Ты говоришь о Земле. Одном-единственном мире. При чем же тут изоляция?

— Земля — планета-прародина, не забывай. Человечество в этом мире когда-то обитало в таких примитивных условиях, что сейчас и представить невозможно. Никаких космических полетов, никаких компьютеров, вообще никакой техники — борьба за выживание...

— Странно... очень странно, — поджал губы Тревайз.

Пелорат склонил голову на бок и печально улыбнулся:

— Наверное, все бесполезно, дружок. Мне никогда не удавалось никого убедить. Сам виноват, очевидно...

— Прости, Джен. Получилось, что я тебе не верю. Просто все слишком непривычно. Ты трудился тридцать лет, а на меня все разом обрушилось. Ты должен сделать скидку. Ладно, постараюсь представить себе такую картину: на Земле живут примитивные люди и разговаривают на двух разных, совершенно непохожих языках...

— Языков таких было с полдюжины, — уточнил Пелорат. — Очень может быть, что на Земле существовали громадные, отделенные друг от друга участки суши, и сообщение между ними возникло далеко не

сразу. У обитателей каждого из континентов мог развиться свой собственный язык.

Стараясь не звучать чересчур иронично, Тревайз вставил:

— И как только на одном континенте узнавали о наличии сородичей на другом, немедленно принимались спорить по «Вопросу о Происхождении», с пеной у рта доказывая, что именно тут люди впервые произошли от животных.

— Конечно, очень может быть, Голан. Ничего смешного. Для них это было бы вполне естественно.

— Ну-ну. И значит, на одном из этих языков «Гея» значит «Земля». А слово «Земля» существует в другом из этих языков. Так?

— Так, так.

— И поскольку слово «Земля» перешло в Галактический Стандарт, очень может быть, что теперь народ Земли называет свою планету «Гея» по какой-то ему одному ведомой причине.

— Вот именно! Ты удивительно сообразителен, Голан.

— Благодарю. Только что тут таинственного? Если Гея — действительно Земля, несмотря на разницу в названиях, следовательно, эта планета, если верить твоей модели, должна иметь период обращения вокруг оси, равный СГД, и период обращения вокруг солнца, равный СГТ, и обладать гигантским спутником, который обращается вокруг нее за один месяц.

— Да, это должно быть именно так.

— Ну так что: соответствует она этим характеристикам или нет?

— В том-то и дело, что я не знаю. В реестре нет такой информации.

— Нет? Ну так что, Джен, отправимся на Гею, замерим периоды ее обращения и скорость вращения ее спутника?

— Я не против, Голан, — вконец растерялся Пелорат... — Но только вот координаты ее тоже даны не слишком определенно...

— Что — одно название? Это и есть твоя «уникальная догадка»?

— Но ведь именно поэтому я так хотел попасть в Галактическую Библиотеку!

— Погоди, погоди... Ты сказал, что информация не слишком определенная. То есть совсем никаких координат?

— Там сказано, что планета находится в Сейшельском Секторе... а потом стоит знак вопроса.

— Раз так — не горюй, Джен. Мы отправимся в Сейшельский Сектор и во что бы то ни стало разыщем Гею!

Глава 7

КРЕСТЬЯНИН

23

Стор Гендибаль бежал трусцой по проселочной дороге далеко от Университета. Слишком далеко. Сотрудники Второй Академии предпочитали как можно реже наведываться в крестьянский мир Трентора. Это не возбранялось, но ни далеко, ни надолго никто от Университета не удалялся.

Гендибаль в этом плане являл собой исключение, но не задавался вопросом, зачем ему это нужно. Раньше, правда, его удивляла собственная склонность к далеким прогулкам. Он просто обязан был уяснить для себя, в чем причина, — самоанализ входил в перечень обязанностей сотрудников Академии, Ораторов — в особенности. Их сознание было их оружием и самоцелью, и они обязаны были держать его в полной боевой готовности.

Гендибаль удовлетворился тем, что решил, будто его любовь к далеким вылазкам кроется в том, что планета, с которой он прибыл на Трентор, отличалась суровым климатом — там было холодно и неудобно. Когда его мальчиком привезли на Трентор, он, к собственной радости, обнаружил, что тут и сила притяжения меньше, и климат мягкий и приятный. Может быть, именно поэтому ему больше, чем остальным, так нравилось бывать на открытом воздухе.

Уже в первые годы на Тренторе Гендибаль понял, что заточение в стенах Университета чревато пагубными последствиями — от рождения он был хил, тщеду-

шен, маленького роста. Поэтому он уделял какое-то время физическим упражнениям. Определенного успеха он достиг. Правда, по-прежнему оставался худ, поджар, но стал жилист и подвижен. Бег трусцой превратился в один из неизменных компонентов поддержания физической формы. Кое-кто за Столом Ораторов неодобрительно прохаживался по этому поводу, да только Гендибалу это было в высшей степени безразлично.

Он упрямо шел своей дорогой, хотя был Оратором лишь в первом поколении. Все остальные Ораторы были детьми и даже порой внуками Ораторов, а также все они были намного старше Гендибала, так что нечего от них было ждать, кроме недовольного бурчания.

По давней традиции на заседаниях Стола все Ораторы без исключения открывали глубины своего сознания нараспашку (в идеале, конечно, ибо редко у кого не возникало желания что-либо припрятать в уголке, хотя это было совершенно бесполезное ухищрение), и Гендибаль отлично знал, что все они завидуют ему. Понимал он, что его собственное отношение к Ораторам — не что иное, как презрение и амбиция сверх меры. И Ораторы это знали.

Помимо всего прочего, если вернуться к причинам любви Гендибала к пешим прогулкам, надо упомянуть, что хотя мир, где прошло его раннее детство, и отличался суровостью климата, но, тем не менее, ему нельзя было отказать в своеобразной красоте — Гендибаль родился в плодородной долине, окруженной живописными горными хребтами, удивительно прекрасными в печальные дни долгих зим. Гендибаль помнил свой мир, свое детство, такое далекое теперь. Помнил и мечтал когда-нибудь вернуться туда. Как могло так выйти, что он оказался заключенным в бастионе, занимавшем всего несколько дюжин квадратных миль?

Гендибаль равнодушно поглядывал по сторонам на бегу. Да, климат Трентора, безусловно, был приятен, но глазу не на чем было задержаться — пейзаж был на редкость скучен, однообразен. Плодородной, цветущей планетой Трентор не был никогда. Может быть, это, наряду с другими причинами, и привело в свое время к тому, что он стал административным центром Союза Миров, а затем — и всей Галактической Империи. Ни-

каких попыток изменить его предназначение никогда не предпринималось, да и вряд ли бы что из этого вышло.

После Великого Побоища Трентор мог поддержать свое жалкое существование лишь за счет распродажи накопленных на нем за долгие века металлов и сплавов: стали, алюминия, титана, меди, магния — в некотором смысле возвращал взятые взаймы и растрачивал свои богатства намного быстрее, чем они были накоплены.

До сих пор громадные запасы металла оставались на Тренторе, но находились они под землей, и добывать их оттуда было трудновато.

Думлянским крестьянам (тренторианами они себя не называли, для них это было проклятое слово, им пользовались лишь сотрудники Второй Академии) возиться с металлом было лень и к добыче его они относились с предубеждением. Зря, кстати, ведь подземные залежи металлов могли отравлять почву и еще сильнее снижать ее плодородность. Спасало положение лишь то, что население Трентора было невелико и пока земля давала все необходимое для существования. Время от времени к тому же думляне все же продавали небольшие партии металлов.

Взгляд Гендибаля утрюмо скользил по плоскому горизонту. С геологической точки зрения Трентор был еще жив, как любая из обитаемых планет Галактики, но минуло уже, по меньшей мере, сто миллионов лет с тех пор, как здесь завершился последний мощный период горостроения. То, что когда-то было возвышенностями, теперь превратилось в округлые холмы, да и они большей частью исчезли в те времена, когда Трентор одевали в стальную броню.

Далеко к Югу, невидимый отсюда, находился берег Главного Залива Восточного Океана, восстановленного после разрушения подземных цистерн.

К Северу виднелось здание Галактического Университета, за ним — приземистое, широкое строение Библиотеки — большая часть ее помещений находилась под землей. Еще севернее располагались руины Императорского Дворца.

По обе стороны от дороги виднелись отдельные крестьянские постройки, паслись небольшие стада коров, овец, стайки кур. Все они мычали, блеяли, квохта-

ли, пощипывали травку и никакого внимания на Гендибаль не обращали.

Гендибаль на краткий миг задумался о том, что такие домашние животные живут во всех обитаемых мирах Галактики и все-таки везде они немного разные. Он вспомнил, какие были козы на его родной планете, вспомнил даже свою собственную козу, которую однажды подорил... Тамошние козы были крупнее на вид и более серьезно настроены, чем маленькие, философичного вида их сородичи, завезенные на Трентор и обосновавшиеся тут после Великого Побоища. Но как бы ни отличалась друг от друга домашняя скотина на разных планетах, во всех мирах люди обожали своих питомцев, чем бы они их ни снабжали — мясом, шерстью, молоком или яйцами...

Как правило, во время своих пробежек Гендибаль думлян не встречал. Видимо, фермеры избегали попадаться на глаза тем, кого называли «мучеными» — так они по-своему произносили слово «ученые». Еще один предрассудок.

Гендибаль мельком взглянул на солнце Трентора. Оно стояло довольно высоко, но жарко не было. Здесь, на этой широте, никогда не бывало ни палящей жары, ни дикого холода. (Гендибаль порой скучал по кусающему морозцу своей родной планеты. Может быть, правда, ему только казалось, что он скучает, — ведь за все годы он там ни разу не побывал — не исключено, что боялся разочароваться.)

Бег делал свое дело — Гендибаль чувствовал мышечную радость, все тело приобрело гибкость, ловкость. Решив, что бежать уже хватит, Гендибаль перешел на шаг, ровно и глубоко дыша.

Нужно было мысленно подготовиться к предстоящему Заседанию Стола, к последнему, решающему удару. Он должен был заставить всех переменить политику, провозгласить новую стратегию, учитывающую растущую опасность со стороны Первой Академии — да не только с ее стороны, положить конец фатальному доверию к «совершенству» Плана. И когда только они все поймут, что совершенство Плана и есть самый главный признак кроющейся в нем опасности?

Скажи об этом любой другой, не он сам — Гендибаль был уверен: все проскочило бы без сучка и задоринки. Отношение Стола Ораторов к собственной персоне он знал, но надеялся на помощь и поддержку старого Шендесса. Старик должен помочь обязательно! Он ни за что не захочет прописаться в учебниках по истории, как тот самый Первый Оратор, под руководством которого погибла Вторая Академия!

Внимание: думлянин!

Гендибаль был потрясен не на шутку. Он ощутил далекую вибрацию чужого сознания задолго до того, как увидел его обладателя. Сознание принадлежало крестьянину — грубое, неотесанное. Гендибаль мысленно отшатнулся, стараясь сделать прикосновение к сознанию этого человека как можно более легким и незаметным. Правила Второй Академии в этом отношении были очень строги — ведь крестьяне, сами о том не догадываясь, служили прикрытием для Второй Академии.

Ни один из тех, кто прилетал на Трентор по делам торговли, ни один залетный турист никогда не встречал здесь никого, кроме крестьян да, может, двух-трех выживших из ума ученых. Убери отсюда крестьян, нарушь хоть немного их неведение, и ученые сорвали бы с себя и со своего дела покров секретности с катастрофическими последствиями. Этот вопрос одним из первых изучали в Университете новички: им наглядно демонстрировали, сколь грандиозны могут быть изменения в Главном Радианте, если затронуть сознание крестьян.

Гендибаль увидел крестьянина. Типичный думлянин — до мозга костей почти карикатурный персонаж — высокий, широкоплечий, смуглый, грубо одетый, с мускулистыми волосатыми ручищами, черноглазый, темноволосяный, косматый. («С таким шутить не стоит, — подумал Гендибаль. — Подумать только, ведь Прим Пальвер в свое время сыграл роль крестьянина! И что за крестьянин из него вышел — бодряк, толстяк, коротышка... Не внешность его обманула Аркади, а колоссальная сила его сознания!»)

Тяжело топая по дороге, крестьянин приближался к Гендибалю, глядя на него в упор. Гендибаль немного

испугался. До сих пор никто из думлян не смотрел на него так! Даже дети убежали и подсматривали издалека.

Гендибаль не ускорил шагов, не сошел с дороги. И так хватало места разойтись, не вступая в разговор. Так было бы лучше. Он решил не касаться сознания думлянина. Ближе, ближе... Пришлось-таки сделать шаг в сторону. Но думлянин остановился и загородил дорогу — расставил ноги, упер руки в бока.

— Хо! — рывкнул он басом. — Быть ты мученый?

Сознание думлянина излучало угрозу, задиристость. Гендибаль понял, что молча пройти мимо не удастся — задача непростая. Говорить с простыми смертными, привыкнув к менторечи, очень трудно — все равно что пытаться сдвинуть валун с дороги руками, когда рядом валяется лом.

Гендибаль ответил как мог спокойно:

— Да. Я ученый. Я есть ученый.

— Хо! «Он есть ученый!» Мы что, на чужой язык говорить? Что, я не видеть, что ли, быть ты или есть? Кто еще ты быть, такой дохлый и носатый? — хмыкнул он, презрительно покачав головой.

— Что тебе нужно от меня, думлянин? — не двигаясь спросил Гендибаль.

— Меня быть звать Руфифант. Другой имя быть Кароль.

Говорил он с ужасным думлянским акцентом, «р» произносил с гортанным грассированием.

— Так чего ты хочешь от меня, Кароль Руфифант?

— А тебя как быть звать, мученый?

— Какая тебе разница. Называй меня ученым.

— Есть я быть спрашивать, ты быть отвечать, дохлый жалкий мученый!

— Ну что ж, в таком случае меня зовут Стор Гендибаль. А теперь я пойду по своим делам.

— Какие такие у тебя быть дела?

Гендибаль ощутил легкое покалывание в области затылка. Поблизости были еще другие сознания. Не оборачиваясь он сосчитал: еще три думлянина позади. Дальше — еще несколько. От крестьянина жутко разило потом.

— Каковы бы ни были мои дела, Кароль Руфифант, они тебя не касаются.

— А, ты так говорить? Ребята! — возгласил Руфирант громовым басом. — Он говорить, его дела нас не касаться!

Позади раздался дружный хохот и чей-то голос произнес:

— Он говорить правда! Его дела — копаться в книжки и тюкать пальцы по компютеры — настоящие мужчины не для это занятие!

— Какие бы у меня ни были дела, — упрямо сказал Гендибаль, — я пойду и займусь ими.

— А как ты думать, мученый, заняться свои дела? — нагло поинтересовался Руфирант.

— Пройду мимо тебя.

— Ты хотеть попытаться? Не побояться, что я остановить тебя одна рука?

Гендибаль совершенно неожиданно для себя самого перешел на грубый думлянский диалект:

— Думать, я тебя испугаться? Хотеть задержать меня? Все вместе или ты один?

Вряд ли стоило дразнить великана, но не вызови его Гендибаль на дуэль, крестьяне могли скопом навалиться на него, а тогда ему бы пришлось повести себя гораздо более резко.

Сработало. Руфирант немного сбавил тон.

— Если тут кто и бояться, так это быть ты, книжный сосунок! Ребята, разойтись быть! Отойти в сторонку, пусть мученый видеть, бояться я по-честный, один на один, или нет!

Руфирант поднял тяжеленные кулачищи и замахал ими. Искусство владения кулачным боем Гендибалью было незнакомо, но он не слишком боялся кулаков Руфиранта. У него было другое оружие. Правда, он был не застрахован от получения случайного удара.

Гендибаль по-кошачьи пошел на Руфиранта, быстро и точно воздействуя на сознание крестьянина. Легкие, нечувствительные касания, но вполне достаточные для того, чтобы замедлить рефлексы, подавить агрессию. Оставив на мгновение сознание Руфиранта, он перенес воздействие на остальных крестьян, которые собрались вокруг. Гендибаль работал виртуозно, молниеносно, не задерживаясь ни у кого из крестьян в сознании надол-

го — лишь только, чтобы подметить то, что ему самому было нужно и полезно.

Осторожно, медленно он приближался к крестьянину, следя за тем, чтобы больше никто не вмешался в поединок.

Руфирант нанес резкий удар, но еще до того, как напряглись его мышцы, Гендибаль увидел этот удар в своем сознании и уклонился. Удар прошел мимо. Дружный хор издал разочарованный вдох.

Гендибаль не стал наносить ответного удара — для крестьянина это был бы комариный укус. Он мог только управлять этим мужланом, этим озверевшим быком и заставлять его все время промахиваться.

Грозно взревев, Руфирант ударил еще раз. Гендибаль был готов и отскочил в сторону. Еще удар — и опять мимо.

Гендибаль услышал собственное дыхание — воздух со свистом вырывался из ноздрей. Никаких физических сил он не затрачивал, но психологическая нагрузка в попытке воздействовать при минимуме вмешательства в сознание была колоссальна. Так долго не продержаться.

Спокойно, стараясь совсем чуть-чуть возродить в сознании Руфиранта его природный страх перед учеными, Гендибаль сказал:

— А теперь я пойду по своим делам.

Гримаса ярости исказила физиономию Руфиранта, мгновение он не двигался. Гендибаль видел его мысли, как на ладони: маленький ученый вдруг исчез! Сознание остальных крестьян на миг сковал испуг...

Но злоба пересилила страх. Руфирант вскричал:

— Ребята! Мученый быть танцор! Он устроить нам пляска, не хотеть драться по-честный, по-думлянски. Ну-ка, хватать его. Мы быть драться удар на удар тогда. Пускай он бить первый — это я ему дарить, а я — ударить последний!

Гендибаль заметил просвет в кольце окруживших их крестьян. Не дать кольцу сомкнуться, бежать как можно быстрее — положиться на свои ноги и способность подавить сознание крестьян!

Он отпрыгнул назад, рванулся вперед — все напрасно. Их было слишком много, а необходимость выполнять правила поведения на Тренторе сковывала его.

Сейчас его схватят за руки... И схватили.

Что делать? Воздействовать сразу на такое число людей? Тогда — конец его карьеры. Но ведь его жизнь в опасности...

Как, почему это произошло?!

24

Полного кворума за Столом Ораторов не было. Опаздывающего Оратора, как правило, не ждали. Шендесс понимал, что Гендибаля ждать никто не станет в любом случае. Его не любили, а он вел себя так, будто его молодость сама по себе являла некую добродетель. Шендесс и сам к Гендибалью большой привязанности не питал. Только сейчас было не до привязанностей...

Раздумья Первого Оратора прервала Делора Деларми. За внешне невинным взглядом ее круглых голубых глаз, пухлым личиком, мягким голоском скрывались острый ум и жестокость. Скрывались — не совсем точное слово. Эти качества Оратора Деларми были прекрасно известны сотрудникам Второй Академии ее ранга.

Мило улыбнувшись, она спросила:

— Первый Оратор, долго ли мы будем еще ждать? (Официально заседание пока не было открыто, поэтому Деларми могла говорить, а остальные молчали, ожидая, когда Первый Оратор скажет свое слово.)

Шендесс без упрека взглянул на нее, не обращая внимания на легкое нарушение этикета.

— Как правило, мы никого не ждем, Оратор Деларми, но поскольку сегодняшнее заседание созвано именно для того, чтобы заслушать Оратора Гендибаля, разумнее было бы пренебречь правилами.

— А где он, Первый Оратор?

— Это, Оратор Деларми, мне неизвестно.

Деларми обвела взглядом всех собравшихся. Кроме Первого Оратора, их должно было быть одиннадцать. Всего двенадцать. Что бы ни происходило, как бы ни выросло могущество Второй Академии за пять столетий — число Ораторов оставалось неизменным.

Число это было утверждено после кончины Седдона, и ввел его второй в череде Первых Ораторов (самого Седдона считали первым).

Почему двенадцать? Потому, что число это легко делилось на группы. Вполне достаточно для общих дебатов и для работы подгрупп. Ни отнять, ни прибавить, словом. То есть так это объяснили на словах, а точно никто не знал, почему было избрано это число и почему оно должно было оставаться без изменений.

Итак, Оратор Деларми обвела взглядом лица собравшихся и на мгновение задержала его на пустующем кресле — месте самого младшего из Ораторов. На краткий миг глаза ее озарились огоньком сарказма.

Она была довольна — ни у кого из присутствующих она не ощутила симпатии к Гендибалу. Только его бесспорные таланты удерживали Ораторов от открытого желания избавиться от молодого непоседы (к слову, только двое Ораторов за полувековую историю были подвергнуты импичменту).

Однако неприязнь к Гендибалу значительно возросла из-за его отсутствия на заседании, и это не могло не порадовать Деларми.

— Первый Оратор, — сказала она, — я была бы рада рассеять ваше неведение относительно того, где находится Оратор Гендибаль.

— Слушаю вас, Оратор.

— Кому из нас неизвестно, что этот молодой человек (она намеренно опустила почетный титул, и это не укрылось от остальных Ораторов) постоянно болтается среди думлян? Что у него за дела с ними, мне неизвестно, но он и сейчас находится среди них. Видимо, предпочел их обществу присутствию за Столом Ораторов.

— Может быть, — высказал предположение один из Ораторов, — он просто на своей обычной прогулке?

Деларми снова улыбнулась. Ей нравилось улыбаться. Ей это ровным счетом ничего не стоило.

— На прогулке... Мало ему окрестностей Университета и Библиотеки... Ну так что, Первый Оратор, начнем?

Первый Оратор мысленно вздохнул. Он мог, конечно, своей властью заставить Стол ждать. Мог даже перенести Заседание и собрать снова, когда Гендибаль

появится. Однако ему не хотелось ссориться с остальными Ораторами. Даже Приму Пальверу время от времени приходилось идти на уступки... И потом — он сам был до крайности раздражен отсутствием Гендибаль. Пора было проучить его.

Официально взяв слово, Шендесс открыл Заседание.

— Начнем, Ораторы. Должен сообщить вам, что Оратор Гендибаль представил мне удивительные, заслуживающие пристального внимания выводы, основанные на исследовании им Главного Радианта. Он полагает, что существует некая организация, работающая над проблемой сохранения Плана более эффективно, чем мы, и занимается этим в своих собственных интересах. В этой связи нам следовало предпринять более углубленное исследование ситуации из соображений самозащиты. Вы заранее были оповещены вкратце о содержании его сообщения, и нынешнее Заседание было созвано для того, чтобы вы имели возможность лично спросить Оратора Гендибаль обо всем, что вас интересует, и чтобы мы могли принять какие-то решения относительно нашей тактики на будущее.

На самом деле вовсе не было нужды произносить такую долгую тираду. Шендесс раскрыл свое сознание для остальных, и вступительное слово его было лишь пунктом этикета, не более.

Деларми быстро пробежалась взглядом по лицам и сознаниям присутствовавших. Похоже было, все мило-стиво уступили ей роль оппонента Гендибаль.

— Но Гендибаль, — сказала она, вновь опустив титул, — не знает и не может сообщить нам, что это за организация.

Это было сказано резко, почти грубо. Точно так же она могла бы сказать прямо: «Я вижу ваше сознание насквозь, можете не трудиться отвечать».

Первый Оратор почувствовал вызов и не колеблясь решил не отвечать на него.

— Тот факт, что Оратор Гендибаль (Шендесс пунктуально употребил титул, даже несколько подчеркнуто, и не скрыл этого) не знает и не может сказать, что это за организация, не означает, что эта организация не существует. В Первой Академии долгое время ничего не знали о нас, да и теперь не слишком много знают.

Вы, Оратор Деларми, сомневаетесь в факте нашего существования?

— Это не одно и то же, — заспорила Деларми. — То, что мы существуем, будучи неизвестными, вовсе не означает, что кто-то другой должен оставаться неизвестным и только этим доказать свое существование.

Деларми негромко рассмеялась.

— Справедливо, — сказал Первый Оратор. — Поэтому я подверг утверждения Оратора Гендибаля скрупулезной проверке. Выводы его основаны на профессионально проведенном методом математической дедукции анализе. Я внимательнейшим образом изучил все детали проработки и призываю вас учесть это. Выводы Оратора Гендибаля нельзя счесть (он поискал в сознании наиболее подходящее слово)... неубедительными.

— Ну а этот Голан Тревайз, притаившийся у вас в сознании, этот человек из Первой Академии (на сей раз Деларми грубейшим образом нарушила этикет и не назвала Первого Оратора его титулом Шендесс залился легким румянцем) — о нем что скажете?

— Видите ли, — ответил Первый Оратор, — дело в том, что Оратор Гендибаль считает этого человека инструментом — не исключено, что невольным, — в руках той самой организации, так что игнорировать его нам не следует.

— Если, — упорствовала Деларми, откинув со лба прядь седых волос, — та организация, что бы она собой ни представляла, существует, если ее ментальное могущество столь велико и тайно, разве вероятно, чтобы она действовала столь открыто и вдобавок при помощи столь заметной фигуры, как Советник Первой Академии?

— Можно было бы согласиться с вами, Оратор Деларми. Но... есть кое-что, вызвавшее у меня серьезное беспокойство. Я не понимаю этого.

Против собственной воли, стыдясь, как нашкодивший ребенок, Первый Оратор спрятал мелькнувшую мысль в своем сознании. Он испугался, что ее заметят другие.

Все Ораторы до единого зарегистрировали эту вспышку и в связи с правилами выразили снисхождение к

смущению. Деларми тоже, но по-своему. Не нарушая формулы этикета, она задала вопрос:

— Да будет нам позволено попросить вас поведать нам свои мысли, поскольку мы понимаем и заранее прощаем всякие сомнения и смущение, которое вы можете испытывать?

Первый Оратор сказал:

— Как и вы, я не вижу достаточных оснований для того, чтобы утверждать, будто Советник Тревайз является инструментом предполагаемой организации и какой цели он мог бы служить, будучи таковым. Однако Оратор Гендибаль в этом твердо уверен, и нельзя отрицать высокой роли интуиции у того, кто получил квалификацию Оратора. Поэтому я предпринял попытку включения Тревайза в План.

— Отдельную личность? — тихо удивился один из Ораторов и поспешно спрятал свое отношение к сказанному, чтобы никто не успел заметить, что фраза была приправлена словами «ну и балбес!».

— Отдельную личность, — подтвердил Первый Оратор. — И вы совершенно правы — в каком-то смысле я действительно балбес. Мне отлично известно, что План не допускает учета роли отдельных людей. И все-таки мне было любопытно. Я провел экстраполяцию Межличностных Взаимозависимостей далеко за границы разумных пределов, но проделал это шестнадцатью различными способами и оперировал областью, а не точкой. Потом я использовал все имеющиеся в нашем распоряжении сведения о Тревайзе — Советник Первой Академии действительно фигура немалая — и о Мэре Академии. Потом свел все данные воедино — правда, у меня было не так много времени...

Шендесс умолк.

— Ну? — поторопила его Деларми. — Смею догадываться... результаты поразительны?

— Не вышло никаких результатов, вы догадываетесь верно, — печально ответил Первый Оратор. — Нечего ждать при анализе поведения отдельных людей. И все-таки...

— Что «все-таки»?

— Сорок лет я занимался анализом результатов и привык к четкому, ясному ощущению того, какими

должны быть результаты до проведения анализа, и я редко ошибался. В данном же случае, несмотря на то что результатов практически никаких, у меня возникло сильное подозрение, что Гендигаль прав, что Тревайза нельзя сбрасывать со счетов.

— Это почему же нельзя, Первый Оратор? — спросила Деларми, несколько обескураженная той явной уверенностью, что излучало сознание Первого Оратора.

— Стыд мне и позор, — тихо сказал Шендесс. — Я позволил себе использовать План в целях, для которых он не предназначен. Еще более стыдно мне теперь, когда я нахожусь под влиянием ощущений, носящих чисто интуитивный характер. Но я не могу отказаться — мне кажется, что мои ощущения не обманывают меня. Если Оратор Гендигаль прав и нам действительно грозит неведомая доселе опасность — я чувствую, придет время, и наши дела станут совсем плохи, и тогда именно Тревайз выложит на стол главный козырь.

— Каково основание ваших ощущений? — не унималась Деларми.

Первый Оратор обвел собравшихся печальным взглядом.

— Нет у меня оснований. Психоисторическая математика молчит, но все время, пока я наблюдал за игрой взаимосвязей, я не мог отделаться от ощущения, что ключом ко всему является Тревайз. Этот молодой человек заслуживает внимания.

25

Гендигаль понял, что к началу заседания в Университет не вернется. Не исключено, что не вернется вообще.

Держали его крепко, и он отчаянно искал в своем сознании ответ на вопрос: как заставить их отпустить себя?

Руфирант вплотную подошел к нему, угрожающе наклонил голову:

— Ну, быть готов теперь, мученый? Биться удар за удар, по-думлянски. Ладно, быть ты поменьше, так ты бить первый.

Гендигаль хрипло проговорил:

— А тебя тоже кто-то держать, как меня?

Руфирант смилоствивился:

— Пускать его. Не, не — только руки пускать. Ноги держать крепко. Танцевать мы не будем.

Руки Гендибаля отпустили, а ноги, казалось, гвоздями приколочены к земле.

— Давай, мученый, бить, — потребовал Руфирант. — Ударять нас.

В это самое мгновение сознание Гендибаля ощутило чьи-то чувства — возмущение, понимание несправедливости происходящего, жалость. Вот он — ответ на вопрос. Выбора другого не было: оставалось одно — рискнуть, несколько превысить границы действия своих способностей и попытаться поимпровизировать...

Не понадобилось! Он и коснуться не успел этого нового сознания, а оно само заработало именно так, как ему было нужно!

Он мысленно разглядел этого человека — невысокий, коренастый, с длинными спутанными черными волосами, руки выброшены вперед — наконец фигура эта появилась в поле зрения и... женщина злобно накинулась на Руфиранта.

— Кароль Руфирант! — яростно вскричала женщина. — Быть ты трус и ублюдок! Ишь ты — удар за удар, по-честный, по-думлянски! Одинаково быть как меня побить. Какой быть смелый — бить такой маленький бедный человек! Не стыдно тебе быть, а? На тебя все показывать палец и говорить: «Вот бить Руфирант, известный бить детишки!» Все смеяться на тебя, я так думать. Ни один честный думлянский мужчина не быть выпивать с тебя. Ни один честный думлянский женщина не быть спать с тебя!

Руфирант тщетно пытался прервать поток ее красноречия, неуклюже уворачивался от ударов, которые она наносила в его могучую грудь.

— Ну, Сура, — лопотал он. — Сура, ну...

Гендибаль понял, что теперь его никто не держит, на него никто не смотрит — внимание всех переключилось на новую дуэль.

И сама Сура на него не смотрела: двигающая ею ярость была целиком сконцентрирована на Руфиранте. Гендибаль постарался сохранить эту ярость в ее сознании и слегка повысил уровень смущения и стыда, кото-

рый и без того уже бурным потоком заливал сознание Руфиранта. Делать это ему надо было мягко, незаметно, чтобы оба человека ничего не заметили. Но и это оказалось не нужным.

Женщина приказала:

— Разойтись быстро все! Подумать голова: если мало, что это герой Руфирант быть такой великан рядом с этим малышом, быть еще пять или шесть его дружки, какие быть так же стыдно и идти домой гордые говорить, как побить маленький и слабый. «Я держать руки этот малыш» один быть говорить, а здоровенный Руфирант бить его по лицу, когда он не мог быть дать сдачи». А другой сказать: «А я держать его за ноги, и я тоже очень знаменитый за это!» А этот бычище Руфирант сказать: «Я не мог быть драться с ним по-честный, потому мой лохматый дружки держать его, и все шесть помогать мне становиться главный над ним».

— Но Сура, — обиженно пробормотал Руфирант. — Я сказал мученый, что он мог ударить первый!

— И сильно ты бояться могучие удары его маленькие ручонки, олух Руфирант! Уходить отсюда вон все! Пусть он идти, куда он хотеть идти, а все ходить домой быстро, если дома еще кто-то хотеть вас видеть! Лучше вам всем быть надеяться, что все забывать ваши великие подвиги этот день. Но если вы быть разозлить меня еще сильно, чем я злая, их никто не забывать!

Мужчины без слов расступились и, понутив головы, побрели прочь.

Гендибаль проводил их взглядом и обернулся к женщине. Она была одета в грубые штаны и блузу, на ногах красовались топорные самодельные башмаки. Лицо ее взмокло от пота, она тяжело дышала. Красотой она не блистала — круглое лицо, широкий нос. Не отличалась изяществом и ее фигура — широкие плечи, тяжелая грудь, открытые до плеч сильные, мускулистые руки. Другого и ждать не приходилось — думлянки трудились на полях до седьмого пота наравне с мужчинами.

Женщина разглядывала его в упор, склонив голову набок.

— Ну, мученый, чего ты быть ждать? Иди в свое Мученое Место. Ты быть бояться? Я быть проводить тебя, а?

От ее давно не стиранной одежды исходил терпкий запах пота, но Гендибаль понимал, что в сложившихся обстоятельствах не следует выдавать неприязни.

— Благодарю вас, мисс Сура...

— Мой имя быть Нови, — сердито уточнила она. — Сура Нови. Звать меня мог быть Нови. Это быть хватит.

— Благодарю тебя, Нови. Ты мне очень помогла. Ты быть (Гендибаль опять перешел на думянский диалект) хорошо проводить меня, не потому что я бояться, а просто для компании.

И он вежливо поклонился ей, как поклонился бы девушке из Университета.

Нови покраснела — видимо, колебалась, решая, идти или нет, и неуклюже воспроизвела его поклон.

— Быть мне... удовольствие, — сказала она, с трудом подбирая слова, изо всех сил стараясь выглядеть воспитанной.

Они пошли рядом. Гендибаль понимал, что каждый медленный шаг делает его опоздание на Заседание Стола все более непростительным, но теперь у него появилась возможность как следует обдумать происшедшее, и вскоре у него возникла холодная уверенность в том, что прийти ему нужно как можно позже.

Когда вдали показались здания Университета, Сура Нови остановилась и растерянно проговорила:

— Господин... мученый...

Было совершенно очевидно, что по мере приближения к тому, что она называла «Мученым Местом», она все более смущалась и становилась вежливее. Гендибаль чуть было не спросил: «Ты обращаться уже не к такой слабый малышка?»

Этого делать было нельзя — так он смутил бы ее еще сильнее.

— Да, Нови.

— Быть там сильно красиво и богато в Мученое Место?

— Там быть хорошо, — ответил Гендибаль.

— Я как-то мечтать быть в это место. И я... я быть мученая.

— Как-нибудь, — важно пообещал Гендибаль, — я тебе обязательно там все показать.

Она пораженно взглянула на него: явно не приняла его обещания всерьез — решила, что он из вежливости сказал такое.

— Я умею писать, — сообщила она. — Меня учить учитель в школе. Если я написать письмо... как быть сделать, чтобы оно попасть к вы?

— Очень просто: «Дом Ораторов, квартира 27», и оно попасть ко мне. Ну, мне пора, Нови.

Он поклонился ей на прощание, а она опять постаралась воспроизвести поклон. Они двинулись в противоположных направлениях, и Гендибаль тут же выбросил ее из своего сознания. Он думал о Заседании Стола, а больше всего — об Ораторе Делоре Деларми. Мысли у него были не самые нежные.

Глава 8

КРЕСТЬЯНКА

26

Ораторы сидели вокруг стола, как ледяные статуи. Казалось, все не сговариваясь спрятали свои сознания, закрыли их непроницаемыми экранами, стараясь не выразить чересчур открыто оскорблений в адрес Первого Оратора после его заявления относительно Тревайза. Все исподтишка поглядывали на Деларми, но даже она была подавлена. А ведь она славилась бесцеремонностью — даже Гендибаль более умело держал язык за зубами, если что.

Деларми чувствовала, что они ждут высказывания. Ей нужно было сделать решительный шаг, вступить в борьбу с открытым забралом. Она собиралась с силами. Нет, она не позволит закрыть эту тему. Что с того, что за всю историю Второй Академии не было случая смещения Первого Оратора с поста за неудачно проведенный анализ результатов исследования? Более того, тут еще была продемонстрирована некомпетентность! Прекрасная причина для импичмента, и она не отступит!

— Первый Оратор, — тихо проговорила Деларми. Тонкие, бесцветные губы ее стали почти невидимы на бледном фоне лица. — Судя по вашим собственным словам, вы не имеете никаких оснований для подобного суждения, и психоисторическая математика никаких результатов не продемонстрировала. Вы хотите, чтобы мы приняли решение первостепенной важности на основании вашего мистического чутья?

Первый Оратор поднял взгляд. Лоб его был нахмурен. Он ощущал, как закрыты сознания Ораторов. Он знал, что означала эта защита. Холодно, спокойно он сказал:

— Я ничего не скрываю от вас. Я вас не обманываю. Единственное, что я могу предложить вам, — это интуитивное ощущение Первого Оратора, обладающего большим опытом, человека, который почти всю свою жизнь провел за пристальным анализом Плана.

Он оглядел всех присутствующих с гордой уверенностью в своих силах, которую демонстрировал так редко, — один за другим ментальные экраны дрогнули и исчезли. Последней, к кому он обратил свой физический и мысленный взор, была Деларми.

С обезоруживающим дружелюбием, переполнявшим ее сознание, как будто, кроме него, там ничего сроду не бывало, она сказала:

— Я принимаю ваше заявление безоговорочно, Первый Оратор. Тем не менее я думаю, что вам стоит все еще раз пересмотреть. Трудно сейчас рассматривать адекватно ваши утверждения — мы все были свидетелями вашего смущения и стыда за то, что вы положились на интуицию. Вероятно, вы бы хотели, чтобы ваши замечания не были учтены в протоколе заседания. Если вы желаете, чтобы они были изъяты...

— Какие же это замечания должны быть изъяты из протокола? — Ее прервал громкий голос Гендибалья.

Все Ораторы обернулись, как по команде. Если бы, конечно, ментальные экраны только что не были опущены, все бы, без сомнения, знали о приближении Гендибалья задолго до того, как он возник в дверях.

— Все закрылись и открылись только что? — насмешливо спросил Гендибаль. — Просто замечательно! Дружеские посиделки, а не Заседание Стола Ораторов. И никто не был настроен, чтобы заметить мое приближение? Ни одна душа не ведала, что я уже близко?

Этот эпатаж выходил за рамки всех приличий. Само по себе опоздание Гендибалья было плохо. Войти без предупреждения было еще хуже. Заговорить раньше Первого Оратора, не дав ему оповестить Стол о своем приходе, было хуже всего.

Все были ошеломлены. Первый Оратор повернулся к Гендибалю. Для начала он заговорил о дисциплине.

— Оратор Гендибаль, — строго сказал Шендесс, — вы явились с опозданием. Есть ли какая-либо веская причина, по которой я мог бы оставить ваш проступок безнаказанным и не лишил бы вас права присутствовать на Заседаниях на тридцать дней?

— Есть, конечно. Можно поговорить о моем наказании, но только после того, как мы решим, кто это все подстроил, кто **сделал** так, чтобы я опоздал, и зачем ему это понадобилось.

Голос Гендибалья был холоден, слова старательно взвешены, но сознание его заливала река гнева, и он даже не заботился о том, чтобы скрыть его.

И, конечно же, Деларми почувствовала это.

— Этот человек, — резко проговорила она, — сошел с ума!

— Сошел с ума? Мило. А не сошел ли с ума тот, кто это предполагает? Первый Оратор, я взываю к вам и прошу вас выслушать меня по вопросу о личной безопасности.

— Что вы имеете в виду, Оратор?

— Первый Оратор, я обвиняю одного из присутствующих здесь в покушении на убийство.

Комната, казалось, вот-вот взлетит на воздух — все Ораторы разом оказались на ногах, заговорили разом, начался жуткий ментальный переполох.

Первый Оратор вскинул руки, призвал всех к порядку.

— Ораторы, позвольте Оратору Гендибалю высказаться!

Ему пришлось усилить воздействие собственного авторитета, силовой прием своего рода, но делать было нечего.

Шум утих.

Гендибаль упорно ждал полной тишины — словесной и ментальной.

— Когда я возвращался с прогулки, — сказал он, — и времени у меня было вполне достаточно, чтобы вовремя явиться на Заседание, мне преградили дорогу несколько крестьян, и я едва избежал избиения, а возможно, и убийства. Именно поэтому я и опоздал. Да будет мне позволено отметить, что со времен Великого

Побоища не было в истории Второй Академии случая, чтобы с нашим сотрудником кто-либо из думлян обошелся столь, мягко говоря, невежливо.

— Я тоже не припоминаю такого случая, — согласился Первый Оратор.

Деларми злобно прокричала:

— Другие сотрудники Второй Академии не разгуливают по думлянской территории! Можете считать, что сами спровоцировали их на такие действия!

— Что правда, то правда, — кивнул Гендибаль. — Я действительно порой гуляю в одиночестве по думлянским землям. Не счесть, сколько раз я уходил далеко от Университета куда глаза глядят. Но до сегодняшнего дня никто на меня не нападал. Да, другие не совершают таких далеких вылазок, но и добровольному заключению в стенах Университета никто себя не подвергает, не отрекается от мира, и ни на кого до сих пор не нападали. Если я не запомнил, Деларми... (он осекся, с опозданием вспомнив о почетном титуле, но тут же поправился и нанес сокрушительный удар) Оратор Деларми и сама наведывалась на думлянскую территорию, однако она жива и здорова.

— Вероятно, — широко раскрыв глаза от возмущения, парировала Деларми, — со мной не случилось беды, потому что я всегда держалась на почтительном расстоянии от крестьян. Вероятно, я вела себя так, что вызывала уважение к себе, и потому на меня никто не напал.

— Правда? А я думал, что это потому, что у вас более внушительная фигура по сравнению со мной. К вам и в Университете-то не каждый осмелится подойти. Но скажите на милость, почему думляне выбрали для нападения на меня именно тот день, когда я обязательно должен был присутствовать на Заседании Стола?

— Если бы не ваше собственное поведение, можно было бы счесть происшедшее случайностью, — фыркнула Деларми. — Не слыхала, чтобы даже математические формулы Селдона ликвидировали все случайности в Галактике, если, конечно, говорить о том, что может произойти с отдельными людьми. Или у вас тоже интуиция? (Два-три Оратора испуганно вздохнули, заметив, что Деларми нанесла косвенный удар Первому Оратору.)

— Дело не в моем поведении. Никакая это не случайность. Это преднамеренное покушение.

— Как можем мы убедиться в этом? — мягко спросил Первый Оратор, вынужденный против своей воли пожалеть Гендибаля после предыдущей реплики Деларми.

— Мое сознание открыто для вас, Первый Оратор. Я передаю вам и всем присутствующим на Заседании свои воспоминания о происшедшем.

Процесс передачи занял всего несколько мгновений.

— Ужасно! — воскликнул Первый Оратор. — Вы вели себя поистине достойно в обстоятельствах, когда все было против вас. Я согласен, Оратор, думяне вели себя крайне нетипично, и этот вопрос заслуживает исследования. Прошу вас, присоединитесь к собранию.

— Минуточку! — взорвалась Деларми. — Как можем мы быть уверены, что описание соответствует действительности?

Гендибаль вспыхнул, залился румянцем, но сдержался.

— Мое сознание открыто.

— Знала я открытые сознания, — хмыкнула Деларми, — которые были открыты весьма приблизительно.

— Не сомневаюсь в этом, Оратор. Ведь вам, как и всем нам, не укрыться от остальных. Но мое сознание, если уж я говорю, — открыто.

Первый Оратор вмешался:

— Давайте воздержимся от дальнейших...

— Позвольте прервать, Первый Оратор, по вопросу о личных привилегиях, — оборвала его Деларми.

— Слушаю вас, Оратор Деларми.

— Оратор Гендибаль обвинил одного из нас в попытке покушения на его жизнь. Вероятно, он имеет в виду, что некто спровоцировал крестьян напасть на него. До тех пор пока это обвинение не снято, я вправе считать себя оскорбленной, как и любой из присутствующих, не исключая вас, Первый Оратор.

— Не желаете ли снять высказанное обвинение, Оратор Гендибаль? — предложил Гендибалью Шендесс.

Гендибаль опустил в кресло, крепко обхватил себя руками, будто защищая что-то свое, и сказал:

— Я готов сделать это, как только кто-нибудь возьмет на себя труд объяснить мне, почему думлянский крестьянин подговорил своих дружков напасть на меня, дабы помешать мне вовремя явиться на Заседание Стола.

— Для этого может быть тысяча причин, — сказал Первый Оратор. — Повторяю, происшедшее заслуживает изучения. Но согласны ли вы сейчас, Оратор, в интересах продолжения начатой дискуссии снять предъявленное вами обвинение?

— Не могу, Первый Оратор! Я старательно, как мог, изучил сознание крестьянина, искал возможность коррекции его поведения без вреда для него, и ничего у меня не получилось! Его эмоции не допускали никакой возможности отступить, сдаться — оно не поддавалось моему воздействию. Эмоции его, его упрямство были жестко зафиксированы, как будто над ним поработало чье-то сознание извне.

Ехидно усмехнувшись, Оратор Деларми сказала:

— Так вы полагаете, что это сознание принадлежит одному из нас? Или, может быть, оно принадлежит кому-то из этой таинственной организации, такой могущественной и тайной?

— Не исключено, — согласился Гендибаль.

— В таком случае, поскольку мы членами этой организации не являемся, вам следовало бы снять ваше нелепое обвинение. Но, может быть, вы собираетесь обвинить кого-либо из присутствующих в том, что он состоит на службе в этой организации? Находится под ее воздействием? Может быть, кто-то из нас — не тот, за кого себя выдает?

— И это не исключено, — подтвердил Гендибаль, совершенно уверенный в том, что на другом конце веревочки, протянутой ему Деларми, заготовлена крепкая петля.

— Ну, знаете ли, — все ближе подбираясь к невидимой петле и готовясь затянуть ее, сказала Деларми, — это просто мания какая-то, паранойя, честное слово. Думляне спровоцированы, Ораторы под контролем... Так давайте следуйте к логическому завершению ваших фантазий. Кто, по-вашему, находится под воздействием? Может быть, я, Оратор?

— Не думаю, — покачал головой Гендибаль. — Вы бы не стали пытаться избавиться от меня таким диким способом — ведь всем известно, как вы меня не любите.

— Да? А вдруг это двойная игра? — Деларми была на высоте — только что не мурлыкала. — Такой вывод вполне укладывается в рамки параноидального бреда, вполне.

— Может быть. Вы более опытни в делах такого рода.

В разговор вмешался Оратор Лестим Джианни:

— Послушайте, Оратор Гендибаль, если вы не обвиняете Оратора Деларми, следовательно, вы обвиняете кого-то другого из присутствующих. Но на каком основании кому-либо из нас могло потребоваться отсрочить ваше прибытие на заседание, не говоря уже о покушении на вашу жизнь?

Гендибаль ответил сразу, как будто только и ждал этого вопроса:

— Когда я вошел, было высказано предложение убрать из протокола Заседания замечания, высказанные Первым Оратором. Я был единственным, кому не удалось выслушать эти замечания. Так позвольте же поинтересоваться, что это были за замечания, и я немедленно сообщу вам причину, по которой меня хотели задержать.

Первый Оратор сказал:

— Я утверждал — и против этого резко возразили Оратор Деларми и все остальные Ораторы, — что, основываясь лишь на интуиции, решил, что будущее Плана Селдона может зависеть от действий изгнанного из Первой Академии Советника Голана Тревайза.

Гендибаль пожал плечами:

— Личное дело Ораторов думать что угодно по этому поводу. Лично я согласен с этой гипотезой. Тревайз — ключ ко всему. Я считаю, что его изгнание из Первой Академии чересчур любопытно, чтобы быть невинным.

— Не хотите ли вы сказать, — снова влезла Деларми, — что Тревайз — в руках этой вашей таинственной организации? Или в ее руках те, кто отправил его в ссылку? А может быть, в ее руках все и каждый, кроме вас и Первого Оратора, ну еще и меня, ведь вы

только что сказали, что я вряд ли нахожусь под их контролем?

— Не считаю нужным отвечать на вашу эскападу, — сказал Гендибаль. — Предпочту спросить: есть ли здесь хоть один Оратор, готовый согласиться с Первым Оратором и со мной? Надеюсь, вы ознакомились с математическими выкладками, которые я представил, а Первый Оратор одобрил? — Стояла гробовая тишина. — Я повторяю свой вопрос, — упорствовал Гендибаль. — Ну так кто согласен? — Молчание. — Вот вам, Первый Оратор, — довольно проговорил Гендибаль, — и мотив моего опоздания.

— Поясните подробнее, — попросил Первый Оратор.

— Вы говорили о необходимости обратить внимание на Тревайза — опального Советника Первой Академии. Это важная стратегическая инициатива, и, прочитав мои выкладки, Ораторы в общем и должны были понять, от кого эта инициатива исходит. Если же все единодушно отвергли такую инициативу, дальше бы дело не пошло. Выступи против всех один-единственный Оратор — и новая стратегия могла быть принята. Этим единственным Оратором был я, следовательно, было совершенно необходимо не дать мне прибыть на Заседание. Хитрость почти удалась, но все-таки я пришел и выступаю в поддержку Первого Оратора. Да, я согласен с ним, и теперь он может, в соответствии с традицией, махнуть рукой на то, что думают остальные.

Деларми в сердцах стукнула кулаком по столу.

— Следовательно, речь о том, что кто-то заранее знал, какое предложение выскажет Первый Оратор, заранее знал, что Оратор Гендибаль это предложение поддержит, следовательно, знал то, чего знать не должен. Получается, что эта инициатива не по нраву выдуманной Оратором Гендибалем, созданной его параноидальной фантазией организации, и она борется за предотвращение подобной стратегии. Значит, кто-то из нас — один или больше — находится под контролем этой организации.

— Блестящий вывод, — согласился Гендибаль. — Просто мастерский анализ.

— Кого вы обвиняете? — вскрикнула Деларми.

— Никого. Просто призываю Первого Оратора это учесть. Совершенно очевидно — кто-то в наших рядах работает против нас. Поэтому я предлагаю подвергнуть тщательной ментальной проверке всех сотрудников Второй Академии. Всех, не исключая и Ораторов, не исключая меня самого и Первого Оратора.

О, как сильна была вспышка возмущения, гнева, обиды — такого никто не ожидал!

Когда наконец Первому Оратору удалось восстановить порядок и взять слово, Гендибаль молча встал и вышел из комнаты. Кому как не ему было знать, что друзей среди Ораторов у него нет, и сейчас они в лучшем случае будут искренни наполовину, что бы ни говорили.

Гендибаль сам не знал, за кого боится больше — за себя самого или за всю Вторую Академию. Жгучая, всепоглощающая тоска охватила его.

27

Спал Гендибаль плохо, то и дело просыпался. Мысли его и во сне и наяву вертелись вокруг ссоры с Деларми. Образы ее и думлянина внезапно соединились — ему приснилось, будто он стоит перед громадной Деларми, которая размахивает у него перед лицом тяжелыми кулачищами, вот она все ближе и ближе, сладенько улыбается, и улыбка обнажает острые, как иглы, зубы...

Окончательно проснулся он гораздо позднее обычного. Сон не принес ни отдыха, ни облегчения, и он тут же услышал, что на столике рядом с кроватью тихо звенит сигнал вызова. Гендибаль повернулся на бок и нажал кнопку контакта.

— Да? В чем дело?

Голос принадлежал дежурному по этажу, но звучал несколько менее уважительно, чем обычно.

— К вам посетитель.

— Посетитель? — удивленно переспросил Гендибаль, нажал клавишу на пульте, вызвал программу дня и обнаружил, что до полудня у него никаких встреч

назначено не было. Нажал кнопку точного времени — восемь тридцать две утра. Раздраженно спросил:

— Кто это там ко мне, черт подери?

— Он себя не называет, Оратор, — ответил дежурный и добавил с ноткой явного пренебрежения в голосе: — Из этих, из думлян. Утверждает, что по вашему приглашению.

— Пусть подождет в приемной. Я сейчас приду.

Гендибаль не спешил. Нужно было собраться с мыслями. Он вполне допускал, что кому-то взбрело в голову испортить ему репутацию и использовать для этого кого-то из думлян, но ему хотелось понять, кто был этот шантажист. И что означало вторжение думлянина сюда, в общежитие Ораторов? Хитрая ловушка? Что?

И каким образом думлянину удалось проникнуть на территорию Университета? Чем он мог объяснить свое желание попасть сюда? И какова истинная причина этого странного визита?

Гендибаль на миг задумался, не захватить ли оружие, но тут же отказался от этой мысли, решив, что на территории Университета ему совершенно нечего бояться какого-то крестьянина — здесь уж он с ним справится, и вдобавок у того не останется никаких воспоминаний о встрече.

Вероятно, решил Гендибаль, на меня слишком сильно повлияла вчерашняя стычка с Руфирантом. Кстати, может быть, это он самый и пожаловал? Вдруг он уже избавился от постороннего воздействия и явился, чтобы извиниться за вчерашнее, опасаясь наказания? Но откуда Руфиранту знать, куда идти? К кому обратиться?

Гендибаль решительно покинул свою комнату и прошел по коридору в приемную... и застыл на месте, пораженный до глубины души. Он резко обернулся и взглянул на дежурного. Тот восседал внутри стеклянной будки и притворялся, будто по уши занят своими делами.

— Дежурный, почему вы не сказали мне, что посетитель — женщина?

Дежурный невозмутимо ответил:

— Оратор, я сказал, что посетитель из думлян, а вы меня больше ни о чем не спрашивали.

— Минимум информации, дежурный? Ну как же, я забыл — это ваш принцип. (Надо проверить, не работает ли дежурный на Деларми. И потом — нельзя игнорировать «низших» сотрудников с высоты положения Оратора.)

— Есть свободная комната для переговоров?

— Только номер четыре, Оратор. Будет свободен три часа, — добавил он, с деланной невинностью поглядев сначала на думлянку, потом на Гендибала.

— Благодарю, дежурный. Мы воспользуемся номером четыре. А вам впредь советую держать при себе свои мысли.

Гендибаль нанес удар по сознанию дежурного — не очень сильный, но чувствительный. Неблагодарно с его стороны, конечно, было воспользоваться правом сильного, но человека, который неспособен скрыть неуважение к высшему по рангу, следовало этому научиться. Пару часов дежурный будет мучиться головной болью — он это заработал.

28

Имя женщины Гендибаль вспомнить не мог, углубляться в ее сознание не хотел. Да в общем-то вряд ли она ожидала, что он запомнил, как ее зовут.

Он недовольно начал:

— Ты...

— Я быть Нови, Господин Мученый, — выдохнула она. — Мой другой имя быть Сура, но можно быть звать просто Нови.

— Ну да, Нови. Мы познакомились вчера. Теперь я вспомнил. Я не забыл — ты же моя спасительница. (Переходить на грубый думлянский диалект в стенах Университета Гендибаль не стал.) Но как ты сюда попала?

— Господин, вы сказали, я могла писать письмо. Вы сказали надо так: «Дом Ораторов, квартира 27». Я сама принести письмо и показать, что написать — сама написать, Господин, — с застенчивой гордостью сообщила женщина. — А они спрашивать: «Для кого это письмо быть?» Ну а я-то слышать, как вы себя

называть, когда ругаться с этот тупоголовый осел, Руфирант. Я и говорить: «Это быть для Стор Гендибаль, Господин Мученый».

— И тебя пропустили, Нови? Не попросили показать письмо?

— Я быть очень испугаться. Наверно, они пожалеть меня. Я говорить: «Мученый Гендибаль обещать мне показать Мученое Место», а они улыбаться быть. А один там, около ворот, другому говорить: «И не только это он ей быть показать». А потом они говорить мне, куда идти, и чтобы я идти только сюда, а если еще куда пойти, то меня выгонять вон сразу.

Гендибаль залился легким румянцем. О боже, если бы он действительно собирался развлечься с думлянкой, он ни за что на свете не стал бы делать этого так открыто да и выбрал бы кого-нибудь посимпатичнее. Он неприязненно смотрел на гостью.

Выглядела она довольно молодо — тяжелая работа еще не успела состарить ее. Вряд ли она была старше двадцати пяти — в этом возрасте думлянки, как правило, уже были замужем. Черные волосы ее были заплетены в косы, а это означало, что она незамужем, девственница. Надо сказать, Гендибаль не удивился. Ее вчерашнее поведение со всей наглядностью продемонстрировало, что в обиду она себя не даст, и Гендибаль сильно сомневался, что отыщется думлянин, который добровольно согласится на пытку — соединить свою жизнь с такой языкастой и задиристой особой. Да и внешность у нее была не слишком привлекательная. Правда, сегодня она явно поработала над собой, но все равно — лицо простое, угловатое, руки красные, шершавые, грубые. Фигура ее, казалось, была создана для нагрузок, а не для грации.

Она чувствовала, как и почему он разглядывает ее, и нижняя губа ее задрожала... Гендибаль почувствовал, что она вконец растерялась, что ей больно и страшно, и пожалел девушку. В конце концов, она здорово помогла ему вчера и заслуживала благодарности, как минимум.

Он сказал, старательно разыгрывая благородство и снисходительность:

— Ну что же, все понятно, в общем, ты решила прийти взглянуть на... «Мученое Место»?

Она широко распахнула темные глаза (правду сказать, довольно красивые) и сказала:

— Господин, вы только не сердиться на меня, но я прийти стать мученая сама.

— Ты хочешь стать **ученой**?

Гендибаль был потрясен.

— Но, милая женщина...

Он оборвал фразу, не закончив. Господи, как мог он объяснить неотесанной крестьянке, каков уровень интеллекта, обучения ментальных талантов и тренировки, необходимый для того, чтобы стать тем, кого тренториане называли «мучеными»?

Но Сура Нови не отступалась:

— Я быть читатель и писатель. Я читать быть целые книжки от начала до конца, вот как. И я сильно **хотеть** стать мученая. Я не желать быть жена крестьянина. Я не пойти замуж за крестьянина и рожать крестьянские дети.

Она вскинула голову и гордо проговорила:

— Меня звать, просить. Много раз. Я всегда говорить: «Не». Не грубить, но всегда говорить: «Не».

Гендибаль прекрасно видел, что она лжет. Нет, конечно, никто ее не звал замуж, но он решил не затрагивать этого вопроса.

— Но как же ты будешь жить, если не выйдешь замуж?

Нови тяжело опустила руку на стол ладонью вниз.

— Я быть мученая. **Не быть** крестьянка.

— Ну а если я не смогу сделать из тебя ученую?

— Тогда пусть я быть никто и так умирать. Никто не быть в жизни, если не мученая.

У Гендибалья мелькнула мысль исследовать ее сознание, дабы понять мотивы этого непреодолимого желания. Но делать этого не следовало. Оратор не имел права забавляться, врываясь в беспомощное сознание другого человека. В менталике, как и в других профессиях, существовал свой кодекс. По крайней мере, должен был существовать. Тут Гендибалью стало стыдно за тот удар, что он нанес портье. Он сказал:

— Но почему ты не хочешь быть крестьянкой, Нови?

Слегка поработав над ее сознанием, он мог запросто изменить ее отношение к браку, внушить какому-нибудь думлянскому мужлану желание жениться на ней, а ей — желание выйти за него. Ничего дурного не случилось бы. Это было бы доброе дело. Но — противозаконное, и нечего было думать об этом.

Она ответила:

— Не хотеть, и все тут. Крестьянин грубый быть. Вся жизнь работать на земля, ворочать куски земля и сам становиться все равно что кусок земля. Если я стать крестьянка, я тоже быть кусок земля. У меня не хватать время, чтобы читать и писать, и я все забывать быть. А мой голова (она приложила ладони ко лбу) стать тупая, как пробка. Нет! Мученые — другой люди совсем. Мученые быть задумчивые. (Скорее всего, решил Гендибаль, она имела в виду «умные», а не «сосредоточенные».)

— Мученый человек, — продолжала Нови, — читать книжки и еще работать с эти... с эти... я забывать, как это называть.

Она сделала руками какие-то манипуляции, которые ничего не сказали бы Гендибалю, если бы он не имел возможности проследить за мыслями девушки.

— Микропенки, — кивнул он. — Откуда ты знаешь про микропенки?

— В книжки, — гордо объявила она, — я читать быть много разные умные вещи.

Гендибаль больше не мог бороться с искушением узнать о ней больше. Какая необычная думлянка! Такая местная жительница встретила ему впервые. Думлян никогда не вербовали, но если бы Нови была помоложе, было бы ей лет десять...

Какая досада! Нет-нет, он не причинит ей вреда, не побеспокоит ее, но грош ему цена как Оратору, если он откажется от исследования необычного сознания и ничего о нем не узнает!

Он сказал:

— Нови, я прошу тебя минуточку посидеть спокойно. Не волнуйся. Ничего не говори. Ни о чем не думай. Постарайся уснуть. Думай, что засыпаешь. Понимаешь?

Страх снова объял ее.

— Это зачем все делать, Господин?

— Затем, что я хочу посмотреть, как сделать тебя ученой.

В конце концов, неважно, что она там вычитала в книжках, — важно было понять, знает ли она, что такое на самом деле быть «мученой».

Очень осторожно, почти с ювелирной тонкостью он коснулся ее сознания, как будто прикоснулся ладонью к полированной металлической поверхности, даже не оставив на ней отпечатков пальцев. Так... Ученый для нее был тем человеком, который только и делает, что читает книжки. Зачем, для чего он их читает — ни малейшего представления. А для нее самой быть ученой означало... Образы в ее сознании показывали ту работу, к которой она привыкла, — принести, унести, приготовить еду, убрать, помыть посуду, выполнить приказ. Но где, вот что главное! Здесь, в Университете, где было так много книжек, где у нее будет время читать их и чему-то — неважно и непонятно чему — научиться. Следовательно, она хотела стать... служанкой. Его служанкой.

Гендибаль нахмурился. Взять себе в служанки думлянку — неотесанную, безграмотную, грубую. Нет, невысказанно.

Нужно было взять и отказать ей. Очень просто — отказать, поработать немножко над ее сознанием, дабы она отказалась от своих глупых намерений и удовлетворилась судьбой крестьянки, сделать это так, чтобы она и не ощутила никакого воздействия, словом, так, чтобы Деларми не подкопалась. И дело с концом.

А вдруг сама Деларми ее и подослала? Может быть, ее хитрый план в том и состоит, чтобы Гендибаль запятнал себя вмешательством в сознание думлянки, был пойман за руку и подвергнут импичменту?

Смешно. Похоже на параноидальный бред. Кто заметит? Совсем ничтожное вмешательство, чуть-чуть видоизменить направление мыслей — и все...

Да, против буквы закона, но вреда-то ведь никакого, да и не заметит никто.

Он помедлил.

Назад. Еще. Еще...

Боже! А он чуть было не пропустил!

Что же это такое — самообман?

Нет! Теперь он все видел яснее. Крошечная мысленная связка дезориентирована — дезориентирована искусственно. Да как тонко, только одна связочка задета!

Гендибаль вынырнул из сознания думлянки. Тихо окликнул ее:

— Нови.

— Да, Господин, — проговорила она, открыв глаза.

— Ты сможешь работать со мной. Я сделаю тебя ученой...

— Господин, — вне себя от радости воскликнула она.

Он сразу заметил: она была готова пасть к его ногам. Гендибаль крепко взял ее за плечи.

— Нет, Нови, не надо. Сиди на месте, слышишь, сиди! — Он говорил с ней, как с полуприрученным животным. Как только понял, что она уяснила приказ, отпустил ее. Мышцы у нее были — ого-го! Он сказал: — Если хочешь стать ученой, и вести себя надо соответственно. Это значит: ты всегда должна быть спокойна, говорить тихо, вежливо и делать только то, что я тебе буду говорить. И еще: ты должна научиться говорить так, как разговариваю я. Тебе придется встретиться с другими учеными. Боишься?

— Я не быть бояться, я не забоюсь, Господин... если вы быть со мной.

— Я буду с тобой. Но сейчас, во-первых, я должен найти для тебя комнату, договориться, чтобы тебе выделили помещение с ванной и туалетом, место в столовой и одежду. Тебе придется носить одежду, более подходящую для ученой, Нови.

— Только у меня не быть больше!.. — отчаянно воскликнула она, оглядев себя с ног до головы.

— Мы найдем что-нибудь, не волнуйся.

Ясно — нужна женщина, которая бы позаботилась об одежде для Нови. Она же научит ее элементарным правилам гигиены. Конечно, она напялила на себя свои лучшие тряпки, но запах пота остался.

Кроме того, этой женщине нужно будет объяснить природу их отношений с Нови. Ни для кого не было секретом (хотя все изображали хорошую мину при плохой игре), что мужчины (да и женщины, если уж на то пошло) из Второй Академии время от времени наведывались к думлянам с целями, далекими от чистой науки. Если при этом они не касались сознания крестьян — ради бога, никто из таких походов событий не делал. Гендибаль таких вылазок никогда не делал — ему нравилось думать, что причиной тому было то, что он не питал склонности к более грубым формам секса, чем те, что были доступны в стенах Университета. Университетские дамочки, конечно, были бескровны и бледны по сравнению с думлянками, но зато чистенькие и гладкокожие.

Но даже в том случае, если его поведение будет истолковано неверно и над ним начнут посмеиваться, как над Оратором, который не только связался с думлянкой, но и приволок ее к себе, — ничего, он переживет. Переживет, потому что эта крестьянка, Сура Нови, была его ключом к победе в предстоящей неизбежной дуэли с Оратором Деларми и всеми остальными за Столом Ораторов.

29

Гендибаль снова увидел Нови только после обеда. Ее привела женщина, которой пришлось долго и нудно втолковывать, в чем, собственно, дело, дабы она уяснила, что никаких интимных глупостей у него нет и в помине. В конце концов она все поняла, по крайней мере, сделала вид, что поняла, и слава богу.

Теперь Нови стояла перед ним смущенная, гордая и удивленная одновременно.

— Ты превосходно выглядишь, Нови, — сказал Гендибаль.

Подобранная для Нови одежда сидела на ней удивительно хорошо, и ничего отталкивающего Гендибаль в ее внешности не мог найти, как ни старался. Не то талию подчеркнули, не то грудь приподняли, или про-

сто все это было незаметно под неряшливой крестьянской робой?

Бедрa у нее были широкие, но не слишком. Лицо, конечно, особой тонкостью не отличалось, но это ничего: освоится немного, научится следить за кожей и пользоваться косметикой, и будет совсем неплохо.

Черт подери, он готов был поклясться, что женщина подумала-таки, что Нови — его любовница. Изю всех сил постаралась сделать из нее красавицу.

«А почему бы и нет?» — подумал он.

Нови должна предстать перед Столом Ораторов, и чем привлекательней она будет на вид, тем легче будет осуществить задуманное.

Как раз за этими размышлениями и застал его вызов Первого Оратора — совершенно особенная форма общения, принятая в ментальном сообществе. Более или менее официально называлось это «Эффектом Совпадения». Стоило хотя бы слегка задуматься о том, кто в это же самое время подумал о тебе, и немедленно происходила обоюдная ментальная стимуляция, эскалация импульсов. Пара секунд на концентрацию мыслей, и связь налажена.

Даже для тех, кто умом понимал принцип такой коммуникации, она оставалась удивительной, в особенности в тех случаях, когда поначалу мысли о будущем собеседнике были настолько туманны и расплывчаты с одной стороны, а то и с обеих, что сознательно их можно было просто не отследить.

— К сожалению, вечер у меня занят, Нови, — сказал Гендибаль. — Мне нужно заняться научной работой. Я отведу тебя в твою комнату. Там много книг — можешь поупражняться в чтении. Я покажу тебе, как пользоваться сигнализацией, — вдруг тебе понадобится какая-то помощь. А завтра увидимся.

30

— Первый Оратор? — вежливо спросил Гендибаль. Шендесс только кивнул в ответ. Выглядел он осунувшимся и постаревшим. Гендибаль точно знал, что

Шендесс не пьет, но сейчас было полное впечатление, что старик только что глотнул чего-то крепкого.

— Получили мою записку?

— Нет, Первый Оратор. Записки мне никакой не приносили. Я явился на ваш зов. Понял, что дело важное.

— Верно. Этот человек из Первой Академии — Тревайз...

— Да?

— Он не прилетит на Трентор.

Гендибаль удивления не выразил.

— А почему, собственно, он должен сюда лететь? Судя по имеющейся у нас информации, он покинул Терминус вместе с Профессором, цель которого найти Землю.

— Да-да, легендарную планету — прародину человечества. И поэтому он должен был лететь именно на Трентор. В конце концов, разве Профессор знает, где Земля? Вы знаете? А я? Можем мы быть уверены, что она существует вообще или существовала когда-либо? Безусловно, они должны были прибыть сюда и искать недостающую информацию в Библиотеке, если такую информацию вообще можно добыть где бы то ни было. До сих пор я полагал, что ситуация не носит столь кризисного характера, я думал, что люди из Первой Академии придут сюда, и через них мы узнаем то, что хотим узнать.

— А именно это является причиной, почему ему не дадут сюда попасть.

— Но куда, в таком случае, они направляются?

— Не знаю. Вероятно, это никому неизвестно.

— Похоже, вас это не слишком волнует?

Гендибаль пожал плечами:

— Я думаю, не лучше ли, что все складывается так. Вы хотели, чтобы Тревайз, целый и невредимый, попал на Трентор, и мы смогли бы использовать его как источник информации. Но не станет ли он еще более ценным источником информации, если полетит туда, куда хочет лететь, не поможет ли он нам обнаружить кого-то, более важного, чем он сам, если только, конечно, мы не потеряем его из виду?

— Это еще не все! — воскликнул Первый Оратор. — Вы ухитрились так убедить меня в существовании этого нашего нового врага, что теперь я просто места себе не нахожу. Теперь я просто уверен, что мы обязаны захватить Тревайза, иначе все потеряем, проиграем окончательно. Не могу избавиться от ощущения, что ключ ко всему — он один.

— Что бы ни случилось, мы не проиграем, — твердо, убежденно сказал Гендибаль. — Другое дело, что эти Анти-Мулы, как вы их назвали, скрываются здесь, среди нас. Но теперь мы знаем, что они здесь, и не будем больше действовать вслепую. На следующем же Заседании Стола, если нам удастся достичь согласия, мы начнем контратаку.

— Не только из-за Тревайза я позвал вас, Оратор. Это мучило меня как мое личное поражение. Я виноват в том, что поставил личное дело выше общего. Есть еще кое-что, более важное.

— Более важное, Первый Оратор?

— Более важное, Оратор Гендибаль. — Шендесс глубоко вздохнул и застучал кончиками пальцев по крышке стола. Гендибаль спокойно стоял и ждал продолжения. Наконец Первый Оратор сказал — тихо, как будто старался облегчить удар: — На экстренном Заседании Стола Ораторов, созванном Оратором Деларми...

— Без вашей санкции, Первый Оратор?

— Для того, что ей было нужно, ей хватало согласия лишь троих Ораторов, не включая меня. Так вот, на этом экстренном Заседании вы были подвергнуты импичменту, Оратор Гендибаль. Вас объявили недостойным поста Оратора, и вы должны будете предстать перед судом. Билль по импичменту впервые за три столетия будет предъявлен Оратору...

Всеми силами стараясь подавить охвативший его гнев, Гендибаль спросил:

— Не сомневаюсь, что лично вы не голосовали за импичмент?

— Нет, но я был в одиночестве. Остальные Ораторы были единодушны — десятью голосами против одного было принято решение об импичменте. Для тако-

го решения достаточно восьми голосов, включая Первого Оратора, или десяти без него.

— Но я не присутствовал на Заседании!

— Это ничего не изменило бы. Вы не имели права принимать участие в голосовании.

— Да, но я мог выступить в свою защиту.

— Защищаться вам теперь придется на суде, который, естественно, состоится в самое ближайшее время.

Гендибаль задумчиво кивнул, помолчал немного и сказал:

— Все ясно, но не это меня сейчас волнует. Думаю, Первый Оратор, вы были совершенно правы, что заговорили сначала о Тревайзе. На самом деле, это гораздо серьезнее всех судов и импичментов. Можно попросить вас отсрочить судебный процесс на этом основании?

Первый Оратор протестующе поднял руку:

— Не склонен винить вас в непонимании происходящего, Оратор. Импичмент — настолько из ряда вон выходящее событие, что мне самому пришлось заглянуть в уголовный кодекс. Нет, ничто тут не поможет — никаких отсрочек, никаких приоритетов. Нам придется забыть обо всем и начать судебный процесс.

Гендибаль оперся кулаками о стол и склонился к Первому Оратору:

— Вы не шутите?

— Таков закон.

— Какой может быть закон, когда столь велика опасность?

— По мнению Стола, самой явной и главной опасностью являетесь вы, Оратор Гендибаль. Нет, не прерывайте, выслушайте меня. Закон, о котором идет речь, говорит о том, что нет ничего страшнее коррупции и использования своего положения со стороны Оратора.

— Но я не виновен ни в том ни в другом, Первый Оратор, и вы это прекрасно знаете! Это просто-напросто личная месть Оратора Деларми. Если кто-то и пользуется незаконно своим положением, так это она. Мое преступление состоит лишь в том, что я никогда не выслуживался, не заискивал ни перед кем. В этом я действительно виноват — не обращал должного

внимания на идиотов, которые достаточно стары для того, чтобы выжить из ума, но еще достаточно молоды для того, чтобы удерживать власть!

— Как я, Оратор?

Гендибаль огорченно вздохнул.

— Простите, сорвалось. Я вовсе не имел в виду вас, Первый Оратор. Ну что ж, прекрасно, пусть будет суд. Пусть он начнется завтра. А еще лучше — сегодня же вечером. Покончим с этим и займемся Тревайзом. Промедление смерти подобно.

— Оратор Гендибаль, — печально сказал Шендесс, — вы, видимо, все-таки не понимаете всей серьезности ситуации. Попытки подвергнуть Оратора импичменту бывали и раньше. Их было всего две, и оба раза дело не закончилось осуждением, но вы будете осуждены! После этого вы больше не будете членом Стола Ораторов, и больше вам не удастся сказать ни слова в общественной политике. Вы будете лишены даже права высказываться на Ежегодной Ассамблее!

— И вы пальцем о палец не ударите, чтобы предотвратить это?

— Не могу при всем желании. Тогда мне придется уйти в отставку. Я думаю, именно этого Ораторам и хочется больше всего.

— И тогда Первым Оратором станет Деларми?

— Да, это весьма вероятно.

— Но этому нельзя позволить случиться!

— Конечно! Именно поэтому мне и придется проголосовать за ваше осуждение.

— И тем не менее, — глубоко вздохнул Гендибаль, — я настаиваю на немедленном начале процесса.

— Куда вы торопитесь? Вам нужно время, чтобы подготовиться к защите!

— К какой защите? Они не будут ничего слушать. Требую немедленно начать процесс!

— Суду, вероятно, нужно время подготовиться?

— Нечего им готовиться! В уме они меня уже осудили. На самом деле, они с большей готовностью осудят меня завтра, чем послезавтра, и скорее вечером, чем назавтра. Передайте им это.

Первый Оратор тяжело поднялся. Они с Гендибалем в упор смотрели друг на друга.

— Почему вы так торопитесь? — спросил Первый Оратор.

— Дело Тревайза не терпит отлагательств.

— Но когда вас осудят, у меня не останется никаких шансов в чем-либо убедить объединившийся против меня Стол. Боюсь, мы ничего не сможем поделать.

Гендибаль проговорил громким шепотом:

— А вы не бойтесь! Вот увидите: несмотря ни на что, я не буду осужден!

Глава 9

ГИПЕРПРОСТРАНСТВО

31

- **Д**жен, ты готов? — спросил Тревайз.

— В каком смысле, дружок? К Прыжку?

— Да, к Прыжку через гиперпространство.

Пелорат проглотил комок в горле.

— Н-ну... а ты уверен, что никаких неудобств не будет? Я понимаю — бояться глупо, но все-таки сама мысль о том, что мой организм превратится в мельчайшие тахионы, никому невидимые...

— Ну, Джен, это такие пустяки, честное слово! Прыжки совершаются уже двадцать пять тысячелетий, и я не слышал ни об одном несчастном случае. Мы можем, конечно, выйти из Прыжка в неудачном месте, но тогда уж несчастный случай будет иметь место в обычном пространстве, а не тогда, когда мы будем состоять из тахионов.

— Утешение слабое, на мой взгляд.

— Но ничего такого не случится. По правде говоря, я хотел тебе сначала ничего не говорить и сказать только тогда, когда все будет позади. Но все же мне захотелось, чтобы ты понял, что произошло, что ты перенес все сознательно, и увидел, что нет в этом ничего страшного.

— Ну, — поджал губы Пелорат, — наверное, ты прав, только, честно говоря, я не спешу...

— Уверяю тебя...

— Нет-нет, дружок, я тебе верю на слово, но только вот, видишь ли... скажи, ты читал когда-нибудь «Сантерестил Мэтт»?

— Конечно. Я грамотный.

— Ну да, ну да, и зачем я спрашиваю. Помнишь, о чем эта книжка?

— На амнезию я тоже пока не жалуюсь.

— Господи... похоже, у меня просто талант какой-то людей обижать! А ведь я всего лишь хотел сказать, что мне все время приходят на память те эпизоды, когда Сантерестил и его друг Бен удрали с планеты семнадцать и заблудились в космосе. Я пытался представить себе, как все это было. Наверное, есть что-то гипнотическое в этом медленном плавании между звезд, неведомо куда, без слов, в глубоком молчании... И никогда не мог, знаешь ли, в это поверить. Мне нравилось читать эту книгу, это трогало меня, но по-настоящему я не верил в то, что там описано. Но теперь, когда я привык к самому понятию пребывания в космосе, когда сам пережил это ощущение — я знаю, как это глупо, но в общем мне не хочется теперь от этого отказываться. Я, знаешь ли, временами сам себе кажусь Сантерестилом...

— Угу, — кивнул Тревайз. — А я, следовательно, твой дружок Бен.

Тревайзу романтическое настроение Пелората было явно не по душе.

— Ну да, в некотором роде, — не заметил издевки Пелорат. — А маленькие, разбросанные тут и там звездочки неподвижны, и только наше солнце удаляется от нас, но мы этого не видим. Галактика хранит свое туманное величие, она такая, какой была всегда... Космос молчит, он безмолвен, и ничто не отвлекает меня...

— Кроме меня, — буркнул Тревайз.

— Кроме тебя, — автоматически повторил Пелорат. — Ой, я опять... Но, Голан, дружок, разговоры с тобой о Земле и мои попытки рассказать тебе кое-что из древней истории человечества тоже имеют свою прелесть. Мне не хочется, чтобы это кончалось.

— Не закончится. Не скоро, во всяком случае. Не думаешь же ты, что мы совершим Прыжок и тут же окажемся на поверхности искомой планеты? Мы еще долго пробудем в полете, а Прыжок не займет много времени. На какой-либо планете мы окажемся не раньше, чем через неделю, так что не волнуйся.

— Под искомой планетой ты, конечно, подразумеваешь Гею, дружок. От нее мы можем оказаться еще очень далеко, когда выйдем из Прыжка.

— Знаю, Джен, но зато мы окажемся в нужном секторе, если твои данные верны. Если же это не так...

Пелорат грустно покачал головой:

— Как можем мы оказаться в нужном секторе, если не знаем координат Геи?

— Джен, а ты представь на минуточку, что попал на Терминус, тебе нужно попасть в Аргирополь, но ты не знаешь точно, где этот город находится, знаешь только, что где-то на перешейке. Как только доберешься до перешейка, что делать будешь?

Пелорат задумался — нет ли тут подвоха, и не ждет ли от него Тревайз какого-то сложного ответа. Наконец он сдался и ответил:

— Пожалуй, я бы спросил у кого-нибудь, как туда добраться.

— Ну естественно! Как же иначе! А теперь ты готов?

— То есть прямо сейчас?

Пелорат с трудом встал. Обычно хладнокровное лицо его стало не на шутку озабоченным.

— Что я должен делать? Мне стоять? Сесть? Что?

— О боже, Пелорат, ничего тебе делать не надо! Мы просто пойдем сейчас в мою каюту, и я побеседую с компьютером. Хочешь — сиди, хочешь — стой, хочешь — ложись, песни пой — лишь бы только тебе было хорошо. Лично я бы тебе посоветовал сесть перед видовым иллюминатором. Будет интересно. Ну, пошли!

Пройдя по короткому коридору, они очутились в каюте Тревайза, тот уселся перед компьютером.

— А хочешь сам, Джен? — неожиданно предложил он. — Я дам тебе цифры, и тебе нужно будет только думать о них. А все остальное компьютер сделает.

— Нет, нет, не надо, спасибо большое, — поспешно отказался Пелорат. — Мне почему-то кажется, что мы с компьютером друг другу не подойдем, знаешь ли. Ты, конечно, скажешь, что просто у меня мало практики, но мне так не кажется. У меня, наверное, совсем другой тип мышления, Голан. Ты думаешь по-другому, не так как я.

— Не дури...

— Нет-нет. Этот компьютер тебе так подходит. Вы просто созданы друг для друга, знаешь ли. Когда ты садишься к нему, вы как бы сливаетесь воедино. А... если я попробую, то нас все равно останется двое — Джен Пелорат и компьютер отдельно. А это не одно и то же.

— Ерунда, — отмахнулся Тревайз, хотя это ему немного и польстило. Он положил пальцы на очертания рук, почти любовно прикоснувшись к поверхности стола.

— Ну вот и славно, — обрадовался Пелорат. — А я тут посижу, погляжу... То есть я хочу сказать — по мне, лучше бы этого вовсе не было, но раз уж так выходит, то придется посмотреть...

И он с волнением уставился в видовой иллюминатор, где виднелось туманное тело Галактики, слегка припудренное порошком тускло светивших звезд.

— Обязательно скажи мне, когда это произойдет, — попросил он Тревайза, робко прислонился к стене и обнял себя руками.

Тревайз улыбнулся, руки его, казалось, погрузились в крышку стола — он ощутил ментальный контакт. День ото дня это ему стало удаваться все легче, связь его с компьютером становилась все более дружеской, интимной, и как бы он ни смеялся над тем, что об этом сказал Пелорат, он действительно это ощущал. Сейчас ему казалось, что уже не надо сознательно думать о координатах. Компьютер знал, чего хочет Тревайз, без всякого мысленного «произнесения вслух» — он сам выуживал информацию для себя из его сознания.

На всякий случай Тревайз все-таки «произнес» задуманное и попросил компьютер совершить Прыжок через две минуты.

— Все в порядке, Джен. У нас две минуты... Сто двадцать... сто пятнадцать... сто десять... Смотри, смотри в иллюминатор!

Тревайз продолжал отсчет шепотом:

— Пятнадцать, десять... пять... четыре... три... два... один... ноль...

Ощущения движения не возникло — никаких ощущений вообще, но картина в иллюминаторе мгновенно переменялась. Звездное поле стало более густым. Галактика исчезла.

Пелорат, не отрывая глаз от иллюминатора, прошептал:

— Это оно было? Это самое?

— Что — «это самое»? Ты вздрогнул? Сам виноват. Ты ничего не почувствовал, признай.

— Признаю.

— Вот и все. Давным-давно, когда путешествия через гиперпространство еще были в новинку, судя по тому, что пишут в книгах, можно было ощутить что-то неприятное, типа головокружения или тошноты. Но по мере накопления опыта гиперпространственных полетов и совершенствования оборудования этих явлений становилось все меньше и меньше. А при наличии компьютера, такого, как наш, любые явления находятся за порогом ощущений. По крайней мере, я ровным счетом ничего не ощутил.

— Я тоже, честно признаюсь. И где же мы, Голан?

— Всего на шаг впереди. В Калганском Регионе. Лететь нам еще долго, и прежде чем совершить следующий Прыжок, нужно проверить, насколько точно прошел этот.

— Но вот что меня немного беспокоит — куда подевалась Галактика?

— Вокруг нас она, Джен. Мы довольно здорово в нее занырнули. Если хорошо сфокусировать видовой иллюминатор, мы увидим ее самые отдаленные участки в виде светящейся полосы поперек неба.

— Млечный Путь! — радостно воскликнул Пелорат. — Почти во всех преданиях люди описывают его в своих небесах, но с Терминуса он не виден. Покажи мне его, дружочек!

Картина в иллюминаторе дрогнула, казалось, звездное поле поплыло сквозь него; и вскоре взору путешественников предстала, почти целиком заполнив собой иллюминатор, широкая, сверкающая молочной белизной полоса. Она плыла поперек поля зрения, стала уже, потом — шире.

— Расширяется в направлении центра Галактики, — пояснил Тревайз. — Она могла бы выглядеть шире и ярче, но мешают темные тучи в области витков спирали. Вот так примерно она выглядит с поверхности большинства обитаемых миров.

— И с Земли.

— Не обязательно.

— Конечно. Но знаешь... Скажи, ты историю науки изучал?

— Не слишком старательно, но кое-что помню. Правда, если собираешься экзаменовать меня, сразу предупреждаю: я не эксперт.

— Видишь ли, этот наш Прыжок заставил меня вспомнить о том, что всегда меня занимало. Существует возможность описать такую Вселенную, где гиперпространственные полеты невозможны, где скорость света в вакууме есть абсолютный максимум.

— Конечно.

— При этих условиях геометрия Вселенной такова, что путешествие, только что совершенное нами, невозможно проделать быстрее, чем его проделал бы луч света. А если бы мы совершали его со скоростью света, время для нас текло бы по-другому. Если место, где мы сейчас находимся, отстояло бы от Терминуса, скажем, на сорок парсеков, мы бы не почувствовали никаких отклонений, попав сюда со скоростью света, но на Терминусе и во всей остальной Галактике прошло бы около ста тридцати лет. Мы же совершили перелет со скоростью, в тысячи раз превышающей скорость света, но время нигде в Галактике не ушло вперед — по крайней мере, я так надеюсь.

— Только не жди, — сказал Тревайз, — что я сейчас начну тебе подробно пересказывать математическое обоснование Гиперпространственной Теории Оланхена. Единственное, что я могу сказать, так это то, что, если бы ты летел со скоростью света в обычном пространстве, время действительно уходило бы вперед, со скоростью примерно в три и двадцать шесть сотых года за парсек, как ты сказал. Так называемая релятивистская Вселенная, сущность которой человечество уяснило в незапамятные времена, — странно, кстати, что ты об этом заговорил, я не думал, что ты этим интересуешься, — так вот, такая Вселенная, я думаю, существует, и никуда не делась, и законов ее никто не отменял. Однако при совершении Гиперпространственных Прыжков происходит нечто за пределами условий, в рамках которых действуют понятия релятивности, и законы тут другие. Гиперпространственная Галактика представляет собой крошечный объект, в идеале она является точкой, не подвергаемой измерениям, и релятивистских эффектов в ней нет вообще.

На самом деле в математических формулах космологии существуют два символа для обозначения Галактики: G^P — для «релятивистской Галактики», где скорость света максимальна, и G^T для «гиперпространственной Галактики», где скорость практически ничего не значит. С точки зрения гиперпространства величина всякой скорости равна нулю, и мы вообще не двигаемся; в отношении же самого пространства скорость бесконечна. Лучше я, пожалуй, объяснить не смогу.

Кстати говоря, одной из самых знаменитых шуток в теоретической физике является подстановка символа G^P в уравнение, где на самом деле должен фигурировать символ G^T , и наоборот. Чаще всего неопытный студент попадает на удочку, корпит над уравнением до седьмого пота, матерится, как сапожник, и ничего не может добиться, пока наконец кто-то не сжалится над ним и не скажет ему, что его просто накололи. Я сам как-то попался, правда.

Пелорат некоторое время мучительно обдумывал сказанное Тревайзом и наконец растерянно спросил:

— Но... какая же из Галактик... настоящая?

— Обе. Все зависит от того, чем ты занимаешься. Вернешься на Терминус, сядь в автомобиль, поезжай по суше; сядь на корабль и плыви по морю. Условия будут разные, верно? Так какой же Терминус настоящий — сухопутный или морской?

Пелорат кивнул:

— Аналогии — дело рискованное, конечно, но лучше уж я соглашусь на эту аналогию, чем буду сходить с ума, думая дальше о гиперпространстве. Давай лучше поговорим о том, что происходит сейчас с нами.

— Тогда считай, что мы сделали первую остановку на пути к Земле.

«Только ли к Земле?» — подумал Тревайз про себя.

32

— Так... — протянул Тревайз. — У меня день даром прошел.

— О? — рассеянно откликнулся Пелорат, с трудом оторвавшись от терминала. — А как это тебе удалось? Тревайз огорченно развел руками:

— Понимаешь, я не поверил компьютеру. Просто не мог иначе — мало ли что. В общем, я сверил наши теперешние координаты с заданными перед Прыжком, и они полностью совпали. То есть никакой погрешности я не обнаружил.

— Но это же хорошо, правда?

— Это не просто хорошо. Это невероятно! Я о подобных вещах никогда не слышал. Я совершал Прыжки и раньше и определял их параметры всеми возможными способами с помощью уймы приспособлений. Еще в школе мне пришлось разработать схему Прыжка с помощью портативного компьютера, а потом проверить результаты с помощью гиперреле. Естественно, тогда я не мог отправить в путь настоящий корабль — слишком дорогое удовольствие, как ты понимаешь, да и вынырнуть я мог где-нибудь прямо в центре какой-нибудь звезды. Но даже тогда я не сделал ничего ужасного, — продолжал Тревайз, — хотя без погрешности не обошлось. Ошибка всегда есть, всегда — даже у величайших экспертов. Она просто обязана быть, когда учитывается такое число переменных. Скажем так: геометрия пространства безумно сложна, а геометрия гиперпространства еще сложнее — нечего даже притворяться, будто мы понимаем все его заморочки. Вот почему нам приходится идти шаг за шагом, вместо того чтобы взять да и прыгнуть отсюда прямо в Сейшельский Сектор. С расстоянием ошибки будут нарастать, понимаешь?

Пелорат, похоже, не совсем понял, о чем речь.

— Но ты сказал, что компьютер ошибки не сделал. То есть этот, наш компьютер.

— Это он говорит, что не сделал ошибки. Я дал ему команду сверить наши теперешние координаты с заданными перед Прыжком. Он ответил, что для его пределов измерений координаты идентичны, а я подумал: «А что, если он врет?»

До этого мгновения Пелорат не выпускал из рук портативный принтер. Теперь он положил его на стол и растерянно спросил:

— Ты шутишь? Компьютер не может врать. Если только ты не хочешь сказать, что он сломался.

— Нет, не в этом дело. Мне такое в голову не пришло. Мне действительно показалось, что он врет!

Этот компьютер... он настолько умен, что иной раз я готов считать его человеком, даже сверхчеловеком. Достаточно человеком для того, чтобы иметь такое понятие, как самолюбие, а может быть, и умение лгать. Я дал ему задание: разработать курс полета через гиперпространство в точку, близкую к планете Сейшелл — столице Сейшельского Союза. Он сделал это с легкостью — выдал мне курс из двадцати девяти Прыжков. Самонадеянность выше всякой критики.

— Почему — самонадеянность?

— Потому что с каждым последующим Прыжком ошибки нарастают! Как можно рассчитать двадцать девять Прыжков сразу? Двадцать девятый может закончиться неизвестно где, в любом месте Галактики. Вот я и попросил его для начала совершить только первый Прыжок, чтобы мы могли сверить координаты, а уже потом двигаться дальше.

— Весьма, весьма разумный подход, — кивнул Пелорат. — Одобряю.

— Да, но все дело вот в чем: не мог ли компьютер, совершив первый Прыжок... обидеться на меня за то, что я ему как бы не доверяю? Не защитил ли он свое профессиональное самолюбие тем, что объявил мне об отсутствии ошибки? Мог он не признаться в ошибке, чтобы его не сочли несовершенным? Если это так, то с таким же успехом мы могли бы вообще обойтись без компьютера.

— Что же нам, в таком случае, делать, Голан? — озабоченно поинтересовался Пелорат.

— То самое, чем я занимался сегодня, — попусту тратить время. Я проверил координаты нескольких близлежащих звезд самыми примитивными методами: наблюдением в телескоп, фотографированием, ручными расчетами. Сравнил их действительные координаты с ожидаемыми и ошибки не обнаружил. Весь день я только этим и занимался, измучился жутко, но ошибки не нашел.

— Ну и что же?

— Нет, то есть две малюсенькие ошибочки я таки нашел, проверил все снова и понял, что они — в моих собственных расчетах. Исправил ошибки, запустил свои расчеты в компьютер, чтобы посмотреть, выдаст ли он

такие же результаты независимо. Мало того, что он провел все расчеты с точностью до большего числа цифр после запятой: оказалось, что мои расчеты абсолютно верны, и, следовательно, они подтверждают, что компьютер прав, и никакой ошибки не было. Может быть, наш компьютер на самом деле — самовлюбленный Мулов сынок, но, черт подери, ему таки есть чем гордиться!

— Ну и замечательно! — со вздохом облегчения проговорил Пелорат.

— Не спорю. Словом, я решил позволить ему совершить остальные двадцать восемь шагов.

— Все сразу? Но...

— Не все поiard. Не волнуйся. Я еще не настолько обалдел. Прыжки пойдут один за другим, но после каждого шага этот подлец будет проверять координаты, и следующий Прыжок последует лишь после того, как я выясню, что ошибки в допустимых пределах нет. Всякий раз, когда ошибка окажется слишком велика, — а пределы, поверь мне, я установил не слишком мило-сердно, — ему придется делать остановку и производить перерасчет оставшихся шагов.

— И когда ты собираешься к этому приступить?

— Когда? Да прямо сейчас. ...Послушай, а ты сейчас чем занимаешься? Индексацией своей библиотеки?

— Да, сейчас для этого такая прекрасная возможность. Я многие годы собирался это сделать, но всегда что-то мешало.

— Нет возражений. Занимайся индексацией и ни о чем не беспокойся. Об остальном позабочусь я.

Пелорат покачал головой:

— Не шути. Я не успокоюсь, пока все не окончится. Я напуган до смерти.

— Зря, значит, я тебе все рассказал, но я должен был кому-то рассказать! Нас ведь тут только двое! Давай поговорим начистоту, Джен. Всегда есть шанс очутиться в какой-то точке межзвездного пространства, где в это самое время одновременно окажется летящий с бешеной скоростью метеороид или маленькая черная дыра; корабль получит повреждение, и мы погибнем. Теоретически подобные случаи возможны.

К счастью, такое случается крайне редко. В конце концов, Джен, ты мог бы находиться дома — в своем кабинете, в своей постели, а метеороид мог бы преодолеть атмосферу Терминуса и угодить прямехонько в тебя. Такая вероятность тоже невелика.

В действительности шансов пересечь траекторию чего-то фатального, но настолько незначительного, чтобы об этом не знал компьютер, в гиперпространстве гораздо меньше, чем у себя дома. Никогда не слышал, чтобы хоть один корабль погиб при таких обстоятельствах. Риск же вломиться в самую середину звезды — и того меньше.

— Тогда зачем ты мне рассказываешь все это, Голан?

Тревайз помолчал немного, склонил голову набок и наконец ответил:

— Рассказываю я тебе это, Джен, потому, что как бы сильно я себя ни уговаривал, внутри меня кто-то все время шепчет: «А вдруг на этот раз что-то такое стрясется, а?» И я заранее чувствую себя виноватым. Вот такие дела. Джен, если что-то случится, прости меня!

— Но... Голан, дружок, ведь если что случится, мы оба погибнем, и я не успею тебя простить.

— Понимаю, вот поэтому ты и прости меня сейчас, ладно?

Пелорат улыбнулся:

— Сам не знаю почему, но ты меня подбодрил. Что-то в этом есть такое — смешное и трогательное. Прощаю тебя, Голан, конечно, прощаю. Знаешь ли, в мировой литературе есть множество мифов о жизни после смерти, и, если я попаду куда-нибудь после гибели, правда, это так маловероятно, как оказаться в маленькой черной дыре, там я буду точно знать, что в моей смерти ты не повинен, что ты сделал все, что мог.

— Спасибо тебе! Теперь мне легче. Я-то готов рисковать, но мне не хотелось, чтобы ты рисковал из-за меня.

Пелорат протянул Тревайзу руку, и тот пожал ее.

— Знаешь, Голан, мы ведь знакомы всего неделю, и, наверное, не стоило бы делать поспешных выводов, но мне кажется, что ты замечательный парень! В общем, ты делай все, что надо, и не будем больше об этом говорить, хорошо?

— Договорились! Пошли ко мне, посмотришь еще раз. Тревайз уселся за компьютер.

— Ну вот. Надо только положить руки на контакты... Команда у компьютера уже есть, он только и ждет, когда я скажу: «Вперед!» Хочешь дать команду, Джен?

— Ни за что! Это твое дело и твой компьютер!

— Ладно. Все мое, и ответственность тоже. Я все еще пытаюсь юморить, как видишь. Смотри в иллюминатор!

Тревайз твердо, уверенно положил руки на крышку стола. Короткая пауза, и звездное поле в иллюминаторе изменилось, потом еще... и еще... Звезды все гуще усеивали поле зрения.

Пелорат считал про себя. На счете «пятнадцать» смена «кадров» прекратилась, как будто что-то заклинило в аппаратуре.

— Что-то случилось? — шепотом спросил Пелорат, видимо, боявшийся, что громкий голос может усилить поломку.

Тревайз пожал плечами:

— Наверное, пошел перерасчет. Какой-то объект в пространстве нанес чувствительный толчок по общим очертаниям гравитационного поля. Что-то неучтенное в расчетах — не нанесенная на карту карликовая звезда или красная планета.

— Это опасно?

— Вряд ли, раз мы пока живы. Планета может находиться от нас в сотне миллионов километров и тем не менее давать достаточно высокую гравитационную модуляцию для того, чтобы потребовался перерасчет. Карликовая звезда может отстоять от нас на десять миллиардов километров, и...

Тут вид в иллюминаторе снова переменился, и Тревайз умолк. Снова и снова изменялась картина. Наконец, когда Пелорат прошептал «двадцать восемь», кадр в иллюминаторе остановился окончательно.

Тревайз проконсультировался с компьютером и сообщил:

— Приехали!

— Да, но я считал и считал правильно! Первый прыжок я не считал, начал со второго, и у меня вышло двадцать восемь, а ты сказал — будет двадцать девять.

— Может быть, перерасчет на пятнадцатом Прыжке сэкономил нам один Прыжок. Я могу все проверить, если хочешь, но на самом деле это совершенно не нужно. Мы находимся недалеко от планеты Сейшелл. Так говорит компьютер, и я склонен ему верить. Если сориентировать соответствующим образом видовой иллюминатор, мы увидим прекрасное яркое солнце, но не стоит без нужды напрягать аппаратуру и зрение. Планета Сейшелл — четвертая от нас по счету и отстоит от теперешних наших координат примерно на три и две десятых миллиона километров. Туда мы доберемся дня за два-три. — Тревайз глубоко вздохнул, борясь с волнением. — Ты понимаешь, что это значит, Джен? Любой корабль — из тех, на которых мне доводилось летать раньше, вынужден был бы совершить такую серию Прыжков с остановкой на день минимум для долгих и нудных перерасчетов, даже при наличии компьютера. То бишь, мы бы летели почти месяц. А мы летели полчаса. Если каждый корабль будет оборудован таким компьютером...

Тревайз откинулся на спинку кресла, забросив руки за голову.

— А интересно, — задумчиво поинтересовался Пелорат, — почему Мэр выделила нам такой современный корабль? Ведь он, наверное, стоит громадных денег?

— Кораблик экспериментальный, — сухо отозвался Тревайз. — Может быть, эта добрая женщина просто хотела, чтобы мы испытали его и посмотрели, нет ли у него каких-нибудь недостатков.

— Ты серьезно?

— Только не нервничай. Все в порядке, в конце концов. Пока мы никаких недостатков не наблюдаем. Правда, я не склонен относить это на ее счет. Не думаю, чтобы ее чувство гуманности слишком сильно пострадало, случись с нами что-то нехорошее. Она, между прочим, не снабдила нас оружием для самозащиты, что значительно снизило стоимость всего предприятия.

— А я вот думаю про компьютер, — задумчиво проговорил Пелорат. — Он удивительно хорошо приспособлен к тебе, но вряд ли он может так хорошо подходить каждому. На меня он очень плохо реагирует.

— Слава богу, что хотя бы с одним из нас он работает как надо.

— Да, но разве это просто случайность?

— А что еще, Джен?

— Я вот думаю: Мэр тебя хорошо знает?

— Думаю, хорошо, старый броненосец.

— А не могло ли быть так, чтобы она распорядилась сконструировать компьютер специально для тебя?

— Зачем?

— Понимаешь... я думаю, не может ли быть так, что мы летим туда, куда хочет компьютер?

Тревайз похолодел.

— Ты... хочешь сказать, что, когда у меня контакт с компьютером, он не мои команды выполняет, а делает все сам?

— Ну да, просто я вдруг так подумал.

— Не валяй дурака. Паранойя какая-то. Смотри сюда, Джен.

Тревайз повернулся к компьютеру и отдал команду сфокусировать изображение в иллюминаторе, показать планету Сейшелл и проложить к ней курс по обычному пространству...

Ерунда!

И почему только Пелорату такое в голову взбрело?

Глава 10

СУД

33

Прошло два дня, и Гендибаль понемногу успокоился — ни отчаяния, ни гнева не осталось в душе. Не стоило торопить события и требовать немедленного начала процесса. Он прекрасно понимал — будь он не готов, понадобится ему время, вот тогда они точно назначат бы суд немедленно.

Но поскольку Академии не грозило ничего, кроме страшнейшего со времен Мула кризиса, она предпочла потерять время — с единственной целью: раздражить его.

Они добились своего, Гендибаль был готов Селдоном поклясться. Ну что ж, тем страшнее будет его ответный удар. В этом он был уверен.

Он огляделся по сторонам. В приемной было пусто. Так тут было уже два дня. Неспроста. Гендибаль был выдающимся человеком, Оратором, его все знали. Теперь всем и каждому было известно, что за действия, которые не имели прецедента за всю историю Второй Академии, он должен был утратить свое высокое положение и, спустившись вниз по иерархической лестнице, стать простым, рядовым сотрудником Второй Академии.

Но одно дело — изначально быть рядовым сотрудником — вещь почетная сама по себе. Совсем же другое — быть некогда Оратором и претерпеть понижение в звании.

«Но этого не случится», — мстительно нахмурился Гендибаль.

Он прекрасно видел, как все избегают его последние два дня. Одна только Нови относилась к нему по-прежнему, но она была слишком наивна, чтобы понимать, что происходит. Для нее Гендибаль по-прежнему был «Господином».

Гендибалю это нравилось — он ничего не мог с собой поделать и злился на себя за это. Когда она восторженно смотрела на него, он радовался и стыдился собственной радости. Неужели он становится благодарен судьбе за такие скромные подарки?

Из Палаты Суда вышел сотрудник и сообщил ему, что Стол собрался и готов принять его. Гендибаль с высоко поднятой головой прошествовал мимо сотрудника. Этого сотрудника он хорошо знал — он был человеком, до мельчайших подробностей соблюдавшим тонкости обращения, принятые во Второй Академии. По тому, как он вел себя сейчас, можно было с уверенностью сказать, что положение у Гендибалья незавидное. Простой служащий, пешка, обращался с ним так, будто его уже осудили.

Ораторы восседали вокруг стола торжественно, одетые в черные мантии правосудия. Деларми — одна из трех женщин-Ораторов — даже не взглянула на Гендибалья.

Первый Оратор сказал:

— Оратор Стол Гендибаль, вы подвергнуты импичменту за поведение, недостойное Оратора. Вы привсегласно обвинили членов Стола Ораторов в измене и покушении на убийство, не представив четких, обоснованных доказательств. Вы заявили, что все сотрудники Второй Академии, не исключая Первого Оратора, нуждаются в ментальной проверке, предназначенной для выявления тех, кому нельзя доверять. Подобное поведение подрывает самые устои нашего сообщества, без которых Вторая Академия не может контролировать события в изобилующей сложностями, порой враждебно настроенной Галактике, в отсутствие которых она не сможет построить способную к выживанию Вторую Империю. Поскольку эти оскорбления мы все слышали, перейдем к изложению следующего пункта. Оратор Гендибаль, вы имеете что-либо сказать в свою защиту?

Деларми, все еще не глядя на Гендибалья, хитро, по-кошачьи улыбнулась.

— Если истина, — сказал Гендибаль, — может считаться оправданием, значит, мне есть что сказать в свою защиту. **Есть** причины, позволяющие усомниться в целостности нашего сообщества, в его внутренней безопасности. Эти нарушения устоев нашего сообщества, с моей точки зрения, требуют проведения ментального обследования всех сотрудников, не исключая и здесь присутствующих, что создало, по вашему мнению, фатально кризисную ситуацию для Второй Академии. Если вы торопились осуществить это судилище в связи с тем, что хотя бы отдаленно понимаете, насколько опасен этот кризис, почему же тогда вы потеряли попусту целых два дня — ведь я просил начать процесс немедленно? Я признаюсь, что только смертельно опасный кризис вынудил меня сказать то, что я сказал. Вот если бы я промолчал, то тогда уж точно повел бы себя так, как Оратору не подобает.

— Вот он опять нас оскорбляет, Первый Оратор, — тихо сказала Деларми.

Кресло Гендибалья стояло дальше от стола, чем кресла остальных Ораторов — уже явное унижение. Он как будто не имел ничего против, отодвинул его еще дальше и встал.

— Вы меня сразу, без разбирательства, обвините в нарушении закона, или мне будет предоставлена возможность подробно высказаться в свою защиту?

— Здесь не незаконное собрание, Оратор, — укоризненно проговорил Шендесс. — Прецедентов слишком мало, чтобы мы могли руководствоваться опытом, но мы готовы склониться к милосердию, понимая, что, если излишняя гуманность заставит нас изменить истинному правосудию, все равно: лучше дать уйти виновному, чем наказать невинного. Поэтому мы дадим вам возможность изложить свои объяснения так, как вы хотите, и объяснения ваши могут длиться сколь угодно долго, до тех пор, пока решение не будет принято единогласно, **включая меня лично**, — решение о том, что мы выслушали достаточно.

— Позвольте, — сказал Гендибаль, — в таком случае начать с того, что Голан Тревайз — тот самый сотрудник Первой Академии, что был изгнан с Терминуса и которого Первый Оратор и я считаем краеуголь-

ным камнем надвигающегося кризиса, — летит в неизвестном направлении.

— Встречный вопрос, — невинно вмешалась Деларми. — Откуда оратору (интонация явно указывала, что слово произнесено с маленькой буквы) это известно?

— Об этом меня проинформировал Первый Оратор, — ответил Гендибаль, — но это же самое подтверждают мои собственные сведения. Однако в сложившихся обстоятельствах, в свете моих подозрений о снижении уровня безопасности я предпочту не дезавуировать источник информации.

— Свое мнение оставляю при себе, — сказал Первый Оратор. — Продолжим заслушивание без уточнения источника информации. Но если Стол решит, что это необходимо, Оратору Гендибаль придется рассказать, кто это.

Деларми полезла в бутылку:

— Если Оратор не раскроет этой тайны сейчас, позволительно будет заподозрить, что на него работает агент, лично им нанятый, неподконтрольный Столу. И мы не можем быть уверены в том, что таковой агент действует в соответствии с правилами, принятыми во Второй Академии.

— Я все отлично понимаю, Оратор Деларми, — с явным неудовольствиемотреагировал на ее реплику Первый Оратор. — Незачем мне выговаривать.

— Но я говорю об этом исключительно для протокола, Первый Оратор, — принялась оправдываться Деларми. — Это обстоятельство отягчает защиту и не значит в биле по импичменту, который, я хотела бы отметить, так и не был зачтен полностью.

— Можете быть спокойны, Оратор, я дал чиновнику указание внести этот пункт, а точная формулировка ему будет придана в нужное время. Оратор Гендибаль (у него, по крайней мере, титул прозвучал с большой буквы), вы сделали шаг назад в своей защите. Продолжайте.

Гендибаль сказал:

— Так вот, этот Тревайз не только отправился в неожиданном направлении, но и с беспрецедентной скоростью. По имеющимся у меня сведениям, о которых пока не знает Первый Оратор, ему удалось проде-

лать путь длиной почти в десять тысяч парсеков меньше чем за час.

— Что, одним Прыжком? — с явным недоверием спросил один из Ораторов.

— Более чем за два десятка Прыжков: они следовали один за другим, почти без остановок, — ответил Гендибаль. — Такое гораздо труднее себе представить, чем один Прыжок. Даже если нам удастся его теперь обнаружить, следить за ним будет крайне трудно, а если он поймет, что за ним следят, и захочет обмануть нас и удрать, наша карта бита. А вы тратите время на дурацкие импичменты, тратите впустую два дня, будто больше делать нечего.

Первый Оратор с трудом подавил вспышку гнева.

— Будьте добры, Оратор Гендибаль, — сказал он, — сообщите нам, как вы сами оцениваете важность вашего сообщения.

— Это, Первый Оратор, неоспоримое свидетельство того, насколько грандиозна степень технического прогресса, достигнутая Первой Академией. Они теперь намного сильнее, чем были во времена Прима Пальвера. Нам не выдержать схватки с ними, если они найдут нас и будут свободны в своих действиях.

Оратор Деларми вскочила как ужаленная и гневно выкрикнула:

— Первый Оратор, мы тратим время на сущую чепуху! Мы не малые дети, чтобы пугаться сказочек Матушки-Кометушки. Совершенно неважно, какова техническая мощь Первой Академии, если мы можем контролировать их сознание.

— Что вы на это скажете, Оратор Гендибаль? — спросил Первый Оратор.

— Только то, что к вопросу о контроле над сознанием мы перейдем в свое время. Пока же я просто хотел подчеркнуть превосходящую нашу и постоянно растущую техническую мощь Первой Академии.

— Переходите к следующему пункту, Оратор Гендибаль. По первому пункту, изложенному в билле по импичменту, должен сказать, меня вы мало убедили.

Остальные Ораторы продемонстрировали единодушное согласие.

— Я продолжаю, — невозмутимо заявил Гендибаль. — Тревайз летит вместе со спутником. Это не-

кто... (Гендибаль на мгновение умолял, чтобы вспомнить и лучше выговорить имя) Джен Пелорат, довольно-таки безвредный кабинетный ученый-историк, посвятивший всю свою жизнь изучению мифов и легенд о Земле.

— Надо же, как много вы о нем знаете! Эта информация тоже из вашего тайного источника? — спросила Деларми, взявшая на себя роль прокурора и очень уютно себя в ней чувствовавшая.

— Да, я многое о нем знаю, — твердо ответила Гендибаль. — Несколько месяцев назад Мэр Терминуса, женщина энергичная и влиятельная, без видимой причины выказала большой интерес к этому ученому, и я, вследствие этого, также не оставил его без внимания. Но имеющиеся у меня данные я не держал при себе. Все, что я знал, было передано Первому Оратору.

— Не отрицаю, — согласился Первый Оратор.

Один пожилой Оратор спросил:

— А что такое эта... Земля? Неужели тот самый мир — прародина человечества, о котором пишется в сказках? Тот, о котором было столько болтовни во времена Империи?

Гендибаль кивнул:

— В сказочках Матушки-Кометушки, как сказала бы Оратор Деларми. Полагаю, что мечтой Пелората было посетить Трентор, Галактическую Библиотеку, чтобы получить дополнительные сведения о Земле, которые на Терминусе ему доступны не были.

Покинув Терминус вместе с Тревайзом, он, следовательно, должен был мечтать о скорейшем осуществлении своей давней мечты. Естественно, мы ждали их обоих и рассчитывали на возможность их обоих обследовать не без пользы для себя. Теперь же получается, как мы все знаем, что они сюда не попадут. Они движутся в неизвестном направлении с целью, которая нам не ясна.

Физиономия Деларми при следующем вопросе была прямо-таки ангельской:

— Но почему это должно нас волновать, не понимаю? Нам нисколько не хуже из-за их отсутствия, верно? Ведь если они так легко отказались от путешествия на Трентор, резонно сделать вывод: Первая Академия не знает об истинной природе Трентора, и мы

можем только еще раз поплодировать гению Прима Пальвера.

Гендибаль сохранял спокойствие.

— Если так думать, то что ж — вывод удобный, спору нет. Но если предположить совсем другое — что, если изменение курса вовсе не было связано с неучетом важности Трентора? Разве не могли они полететь в другом направлении из-за того, что захотели увидеть нечто более важное, чем Трентор? Вдруг все это вообще произошло для того, чтобы Вторая Академия осознала, как важна Земля?

Стол впал в замешательство.

— Всякий, кому вздумается, — холодно сказала Деларми, — может фабриковать убедительно звучащие предположения и облекать их в форму красивых фраз. Но имеют ли они смысл, вот вопрос. Кому какое дело, что мы здесь, во Второй Академии, думаем о Земле? Будь она чем угодно — истинной прародиной человечества, мифом, не существуй она вообще. — этот вопрос может интересовать только историков, антропологов да собирателей народных преданий, таких, как этот ваш Пелорат. Мы-то тут при чем?

— Вот именно, при чем тут мы? — с издевкой проговорил Гендибаль. — Настолько ни при чем, что теперь в Библиотеке вообще нет никакой информации о Земле.

Первые с начала процесса в атмосфере почувствовались что-то кроме всеобщей враждебности.

— Правда? Никаких? — спросила Деларми.

Гендибаль спокойно ответил:

— Когда я впервые узнал о том, что целью прибытия сюда Тревайза и Пелората может быть поиск сведений о Земле, я, естественно, поработал на библиотечном компьютере. Я дал ему команду выдать мне перечень документов, такую информацию содержащих. Я был просто поражен, когда он мне не выдал ровным счетом ничего. Ладно бы — мало. Но — ничего!..

Затем же вы все настояли, чтобы процесс состоялся только через два дня, а мое любопытство одновременно подхлестнуло сообщение о том, что представители Первой Академии на Трентор не прибудут вообще. Нужно же мне было как-то развлечься. Словом, пока остальные занимались, как говорится в пословице, потягива-

нием вина в то время, когда дом вот-вот рухнет, я просмотрел кое-какие книжки по истории из собственной библиотечки. И наткнулся там на целые параграфы, исключительно и непосредственно посвященные исследованиям в области «Вопроса о Происхождении» в дни Империи времени упадка. Там было полно ссылок, цитат из определенных документов как печатных, так и микрофильмованных. Я опять наведалься в Библиотеку и запросил там эти документы. Уверю вас, их там нет.

Деларми упорствовала:

— Даже если это так, что в этом удивительного? В конце концов, если Земля действительно — миф...

— Тогда я отыскал бы интересующие меня первоисточники в картотеках литературы по мифологии, — не дал ей договорить Гендибаль. — Если бы это была сказка из сборника «Матушки-Кометушки», я бы нашел ее в этом самом сборнике. Если бы это было исчадием большого разума, я бы нашел информацию в картотеке литературы по психопатологии. Факт таков: все вы что-то знаете о Земле — иначе как хотя бы кто-то мог вспомнить, что она где-то упоминается как прародина человечества? Почему же тогда в Библиотеке напрочь отсутствуют какие бы то ни было документы, где бы упоминалась Земля?

Деларми не нашлась, что сказать. Вместо нее в разговор вступил другой Оратор. Это был Леонис Чень, низкорослый толстячок, обладавший энциклопедическими познаниями в области тонкостей Плана Селдона и отличавшийся потрясающе близоруким отношением к тому, что творилось в Галактике наяву. Говоря, он часто-часто моргал.

— Хорошо известно, — сказал он, — что в последние годы своего существования Империя изо всех сил старалась создать нечто вроде мифа об Империи за счет педалирования интереса к доимперским временам.

Гендибаль кивнул:

— Попали в точку, Оратор Чень. За счет педалирования. Однако это — не эквивалент уничтожения свидетельств. И именно вам, лучше чем кому-либо другому, должно быть известно еще кое-что, характерное для периода упадка Империи: внезапная вспышка интереса к прошедшим и, вероятно, лучшим временам. Я только

что упомянул об увлечении «Вопросом о Происхождении» во времена Селдона.

Чень громко откашлялся.

— Это мне прекрасно известно, молодой человек. Я знаю о социальных проблемах периода упадка Империи гораздо больше, чем вам кажется. Процесс «империализации» поставил точку на дилетантских спекуляциях о Земле. При Клеоне Втором, когда была предпринята последняя попытка возродить Империю, то есть через два века после Селдона, процесс империализации достиг своего пика, на всякие измышления о существовании Земли было наложено вето. То есть вышла в свет соответствующая директива, где интерес к подобным вопросам описывался (надеюсь, я сумею верно процитировать) как «бесплодные и устаревшие взгляды, провоцирующие падение уровня всенародного преклонения перед императорским тронном».

Гендибаль не смог сдержать улыбки:

— Следовательно, вы полагаете, что все упоминания о Земле были уничтожены во времена Клеона Второго, Оратор Чень?

— Я не делаю выводов. Я сказал то, что сказал.

— Жаль, что вы не делаете выводов. Во времена Клеона Второго, что бы ни творилось в Империи, Библиотека как минимум была в наших руках — точнее, в руках наших предшественников. Абсолютно исключена возможность исчезновения каких-либо материалов из Библиотеки без ведома Ораторов Второй Академии. А такое задание могло быть поручено только Ораторам, хотя в Империи никто ни сном ни духом не ведал, кому оно было поручено — если это на самом деле произошло. — Гендибаль умолк. Чень, не говоря ни слова, смотрел в одну точку выше головы Гендибала. Выдержав короткую паузу, Гендибаль продолжил: — Получается, следовательно, что во времена Селдона эти материалы не могли исчезнуть из Библиотеки, поскольку «Вопрос о Происхождении» был тогда в полном ходу. Не могли они исчезнуть и во времена Клеона Второго, поскольку тогда не дремала Вторая Академия. И все-таки на сегодняшний день в Библиотеке их нет. Что же это значит?

Деларми нетерпеливо вмешалась:

— Хватит решать дилеммы, Гендибаль. Нам все ясно. Какой вы предлагаете сделать вывод? Может быть, вы сами изъяли эти документы?

— Вы, как обычно, зрите в корень, Оратор Деларми, — отвесив учтивый поклон, съязвил Гендибаль. Деларми слегка приоткрыла рот. — Один из возможных выводов таков: документы изъяты кем-то из Ораторов — тем, кто знал, каким образом поработать с библиотекарями-хранителями, не оставив в их сознании и следа воспоминаний, и с библиотечными компьютерами, чтобы в их памяти не осталось ни капли информации.

Первый Оратор густо покраснел.

— Станный и нелепый вывод, Оратор Гендибаль. Просто невозможно представить себе Оратора за таким занятием. Каковы могли быть мотивы? Даже если допустить такое, как мог кто-то из Ораторов сохранить это в тайне от остальных членов Стола? К чему рисковать собственной карьерой, запятнав свою репутацию в Библиотеке, когда шансы обнаружения такого деяния столь велики? Кроме того, я уверен, что ни один, даже самый умелый Оратор не смог бы совершить такого, не оставив никаких следов.

— Должен ли я заключить, Первый Оратор, что вы не согласны с Оратором Деларми относительно того, что это — моих рук дело?

— Конечно, не согласен. Порой ваши суждения вызывают у меня сомнения, но безумцем я вас никогда не считал.

— Значит, то, что случилось, не должно было случиться никогда, Первый Оратор. Материалы о Земле до сих пор должны быть в Библиотеке. Мы исключили все возможные причины их исчезновения. И тем не менее их там нет.

Деларми с подчеркнутой усталостью в голосе сказала:

— Ну, ну, давайте покончим с этим. Какой же вы все-таки предлагаете сделать вывод? Уверена, он у вас заготовлен.

— Ну, если уверены вы, Оратор, безусловно, мы все должны быть уверены не меньше. Вывод мой таков: Библиотека была ограблена кем-то, кто находится под влиянием тайных сил за пределами Второй Академии. Кража прошла незамеченной потому, что именно эти самые силы за этим проследили.

Деларми злорадно расхохоталась:

— Ну да, пока вы этого не заметили! Вы один такой неконтролируемый, не подверженный никакому влиянию! Если эти таинственные силы существовали на самом деле, как же они могли допустить, чтобы вы узнали об исчезновении материалов из Библиотеки?

Гендибаль сурово, укоризненно проговорил:

— Это не повод для смеха, Оратор. Они не хуже нас могут понимать, что всякие попытки контроля надо держать на минимуме. Несколько дней назад моя жизнь была в опасности, и меня гораздо сильнее волновала проблема отказа от вмешательства в сознание думлян, чем самозащита. Может быть, эти, другие, почувствовав себя в безопасности, прекратили держать меня под контролем. Сам факт того, что я смог понять, что произошло, может означать, что им более не интересно, чем я занимаюсь. Им все равно — значит, они считают, что победа у них в кармане. А мы продолжаем толочь воду в ступе!

— Но с какой целью они могли делать все это? С какой разумной целью? — спросила Деларми, положив ногу на ногу и нервно покусывая губы. Она прекрасно чувствовала, что власть ее слабеет. Атмосфера заседания менялась не в ее пользу.

Гендибаль спокойно ответил:

— Смотрите: Первая Академия, располагая колоссальным арсеналом технического могущества, ведет поиски Земли. Они делают вид, будто отправили двух граждан в ссылку, надеясь, что мы примем эту версию. Но стали ли бы они давать ссыльным корабль невероятной мощи, корабль, способный одолеть расстояние в десять тысяч парсеков меньше чем за час, будь они в действительности теми, за кого их хотят выдать?.. Что же до Второй Академии, мы никогда не искали Землю, и теперь совершенно очевидно, что без нашего ведения у нас отняли всякую информацию о ней. Первая Академия теперь так близка к тому, чтобы отыскать Землю, а мы так далеки от этой возможности, что...

Гендибаль замолчал. Деларми ехидно поторопила его:

— Ну? Досказывайте свою сказочку. Знаете вы ее конец или нет?

— Нет, Оратор, не знаю. Я еще не успел погрязнуть в паутине, которая оплела всех нас, но точно

знаю, что паутина есть. Я не знаю, каково значение поиска Земли, но твердо уверен: Вторая Академия, будущее Плана Селдона и всего человечества — в ужасной опасности.

Деларми встала. Она больше не улыбалась. Говорила она нервно, но изо всех сил старалась держать себя в руках.

— Чушь! Первый Оратор, извольте прекратить это! На повестке дня вопрос о преступном поведении. Все, что он нам тут рассказывает, — не просто ребяческая дребедень, но не имеет никакого отношения к делу. Ему не удастся оправдать своего поведения за счет изложения туманных теорий, которые имеют смысл только в его воображении. Я предлагаю провести голосование: единогласное голосование за осуждение.

— Подождите! — резко вступил Гендибаль. — Мне была предоставлена возможность сколь угодно долго высказываться в свою защиту. У меня остался один вопрос, который я намерен вам изложить. Как только я расскажу об этом, можете переходить к голосованию, и с моей стороны не будет никаких возражений.

Первый Оратор устало потер руки.

— Можете продолжать, Оратор Гендибаль. Позвольте напомнить Уважаемым Ораторам, что обвинение подвергаемого импичменту Оратора — дело столь тяжкое и беспрецедентное, что мы никак не смеем предъявить обвинение, не дав Оратору высказаться полностью. Помните и о том, что даже тогда, когда нам покажется, что вынесенный приговор удовлетворит нас, он может не удовлетворить тех, кто придет за нами. Не могу поверить, что любой сотрудник Второй Академии, особенно же члены Стола Ораторов, не учитывали исторической перспективы такого события. Давайте же действовать так, чтобы не было стыдно Ораторов, которые сменят нас в будущие века.

Деларми язвительно прокомментировала:

— Наши потомки, Первый Оратор, скорее всего, посмеются над нами из-за того, что мы столько времени бьемся над решением столь очевидного вопроса. Учтите: продолжение защиты — **ваше** решение.

Гендибаль глубоко вздохнул.

— Итак, в соответствии с **вашим** решением, Первый Оратор, — я хотел бы пригласить свидетельницу —

молодую женщину, с которой я познакомился несколько дней назад и без помощи которой я не только не смог бы попасть на Заседание, но и вообще не остался бы живых.

— Женщина, о которой вы говорите, Оратор, знакома членам Стола? — спросил Первый Оратор.

— Нет, Первый Оратор. Она уроженка этой планеты. Деларми выпучила глаза.

— Дум-лян-ка?!

— Да. Именно так.

— Но о чем с ней можно говорить? Их свидетельства не могут быть приняты во внимание. Они... пустое место, их просто не существует!

Губы Гендибаля дрогнули — но нет, это не была улыбка. Резко, жестко он сказал:

— Физически думляне существуют. Они люди, и им отведена роль в Плане Седдона. Косвенно прикрывая Вторую Академию, роль они играют важнейшую. Я бы хотел сразу отмежеваться от негуманного отношения к местным жителям, высказанного Оратором Деларми. Надеюсь, ее реплика будет внесена в протокол и в дальнейшем рассмотрена при решении вопроса о ее несоответствии посту Оратора. Но, может быть, остальные Ораторы согласны с замечанием Оратора Деларми и готовы отказать мне в возможности представить мою свидетельницу?

Первый Оратор сказал:

— Пригласите вашу свидетельницу, Оратор.

Выражение лица Гендибаля стало более спокойным — так выглядел бы любой человек на суде. Сознание его держало оборону, но за линией заграждения он ощущал, что опасность позади — он выиграл, он победил.

34

Сура Нови заметно нервничала — глаза ее были широко открыты, нижняя губа слегка дрожала. Время от времени она сжимала и разжимала пальцы, грудь ее вздымалась от неровного дыхания. Волосы ее были зачесаны назад и собраны в пучок. Руки теребили складки длинной юбки. Она обвела торопливым, испу-

ганным взглядом всех собравшихся, и глаза ее наполнились страхом.

Ораторы взирали на нее — кто с жалостью, кто с неудовольствием. Деларми вообще не удосужилась посмотреть на нее — делала вид, что не замечает ее присутствия.

Гендибаль легко и нежно коснулся поверхности сознания Нови — как бы погладил его успокаивающей рукой. Он мог бы, конечно, приободрить ее, коснувшись ее руки или щеки, но в нынешних обстоятельствах это было невозможно, недопустимо.

Он сказал:

— Первый Оратор, я слегка успокоил сознание этой женщины, чтобы ее показания не были искажены страхом. Будет ли вам всем, Ораторы, угодно присоединиться ко мне и удостовериться, что, помимо успокоения, я больше никоим образом не воздействовал на ее сознание?

Ментальный голос Гендибаля так напугал Нови, что она в ужасе отшатнулась. Гендибаля это несколько не удивило. Он понял, что она никогда не слышала, как разговаривают между собой сотрудники Второй Академии высокого ранга. Никогда в жизни ей еще не доводилось присутствовать при таком необычном общении, выражавшемся в диковинной, быстрой комбинации звуков, тона, интонации, выражения лица и мыслей. Испуг, однако, миновал так же быстро, как вспыхнул, едва только Гендибаль, образно говоря, смахнул его с сознания Нови.

На лице Нови воцарилось безмятежное спокойствие.

— Позади тебя стул, Нови, — сказал Гендибаль. — Садись, пожалуйста.

Нови немного неуклюже поклонилась и села.

Говорила она довольно-таки четко, и Гендибаль просил ее повторить сказанное лишь тогда, когда ее думлянский акцент становился слишком сильным. Иногда он повторял вопросы из формального уважения к заседателям.

Стычка между Гендибалем и Руфирантом была описана спокойно и подробно.

— Скажи, Нови, — спросил Гендибаль, — ты все видела от начала и до конца собственными глазами?

— Не, Господин, а то бы я быстрее покончить все это. Руфирант хороший парень быть, но не быть слишком умный.

— Но ты рассказала все, как было. Как это возможно, если ты всего не видела?

— Руфирант мне рассказать потом, когда я спрашивать. Он быть стыдно.

— Стыдно? Он когда-нибудь раньше вел себя так?

— Руфирант? Не, Господин. Он добрый быть, хотя и здоровый. Не забияка быть вовсе, и он бояться мученые. Он часто говорить: они могучие быть сильно, много сила есть у них.

— Почему же тогда он вел себя совсем по-другому, когда встретился со мной?

— Это странно быть. Мне не быть понятно. — Нови покачала головой. — Он быть не такой, как всегда. Я говорить ему: «Деревянный твой башка, как ты мог быть обижать мученый?» Он мне говорить: «Сам не знать, как такое случиться. Будто я быть не я, будто я смотреть, как кто-то другой делать это».

Оратор Чень прервал ее:

— Первый Оратор, какова ценность рассказа этой женщины? Что нам за дело до того, что она спросила и что ей ответил этот мужчина? Разве нельзя пригласить его самого и у него спросить об этом?

Гендибаль сообщил:

— Он здесь. Если, выслушав эту женщину, уважаемые Ораторы пожелают выслушать его показания, я тут же приглашу Кароля Руфиранта, моего недавнего обидчика. Если такового желания не возникнет, Стол может перейти к продолжению обсуждения дела, как только я закончу разговор с моей свидетельницей.

— Хорошо, — кивнул Первый Оратор. — Продолжайте опрос свидетельницы.

Гендибаль спросил:

— Ну а ты сама, Нови? Была ли ты похожа на себя, когда так гневно вмешалась в драку?

Мгновение Нови молчала. Маленькая морщинка залегла между ее бровей и тут же исчезла. Она сказала:

— Я не знать. Я не хотеть, чтобы кто-то делать плохое мученые. Я не сама думать, меня кто-то толкать вроде.

Помолчав, она добавила:

— Да, меня будто кто-то толкать.

Гендибаль сказал:

— Нови, сейчас ты уснешь. Ты не будешь думать ни о чем. Ты будешь отдыхать. Никакие сны тебе не приснятся.

Нови пробормотала что-то. Глаза ее закрылись, голова откинулась на высокую спинку стула.

Выждав мгновение, Гендибаль сказал:

— Первый Оратор, прошу вас, выдержав небольшой интервал, последовать за мной в сознание этой женщины. Вы наверняка заметите, как оно примитивно и симметрично. Это редкая удача, иначе вы не смогли бы увидеть то, что увидите... Вот... Здесь... Видите? Если остальные присоединятся... лучше, чтобы все одновременно...

Стол был положен на лопатки!

— У кого-либо есть сомнения? — спросил Гендибаль.

Деларми не заставила себя ждать:

— Да, я сомневаюсь, потому что... — и тут же осеклась, потому что даже ей было страшно произнести вслух то, о чем она подумала.

Гендибаль сказал за нее:

— Вам пришла в голову мысль о том, что я нарочно поработал над сознанием этой женщины с целью дачи ею ложных показаний? Вы, следовательно, такого высокого мнения обо мне, что полагаете, будто мне под силу видоизменить одну-единственную ментальную цепочку, не затронув близлежащие участки сознания? Если бы я действительно на такое был способен, разве я позволил бы всем вам так вести себя со мной? Разве я допустил бы, чтобы меня так унизили? Будь я способен сотворить такое, что все вы увидели в сознании этой женщины, вы все были бы беспомощны против меня... Неоспоримый факт состоит в том, что никто из нас, и я в том числе, не смог бы обработать сознание этой женщины так, как оно обработано. И тем не менее это сделано. — Он молча оглядел всех Ораторов поочередно и, задержав взгляд на лице Деларми, медленно, с расстановкой проговорил: — Теперь, если вы все не против, я вызову думлянского крестьянина, Кароля

Руфиранта, которого я также обследовал и чье сознание было обработано точно так же.

— Не нужно, — сказал Первый Оратор, потрясенный до глубины души. — То, чему мы стали свидетелями, просто убийственно.

— В таком случае, — сказал Гендибаль, — будет ли мне позволено пробудить думянку и отпустить ее? В приемной по моей просьбе ее ожидают те, кто проследит, чтобы ее выход из гипноза прошел безболезненно. — Когда за Нови закрылась дверь, Гендибаль проводил ее, нежно поддерживая за локоть, вернулся на свое место и сказал: — Подведем итоги. Итак, мы наблюдали изменения в сознании, произведенные методом, нам недоступным. Из этого следует, что библиотечные хранители совершенно спокойно могли, следуя чьему-то приказу, изъять материалы из Библиотеки. Теперь понятно, как было подстроено мое опоздание на заседание Стола. Мне угрожали. Меня спасли. В результате меня подвергли импичменту. Результат этого на вид столь естественного хода событий таков: я могу быть убран со сцены активных действий, с того пути, который я увидел и разработал и который угрожает нашим противникам, кем бы они ни были.

Деларми наклонилась к столу. Она не могла скрыть потрясения и сопротивлялась из последних сил:

— Но если эта секретная организация настолько хитра и изобретательна, как же вы смогли до всего докопаться?

Теперь уже Гендибаль улыбнулся без всякой задней мысли.

— Дело тут вовсе не во мне. Я могу поклясться, что по способностям не превосхожу никого из здесь присутствующих, тем более Первого Оратора. Однако, судя по всему, и эти Анти-Мулы — как исключительно, на мой взгляд, удачно назвал их Первый Оратор, — не до конца не уязвимы, в зависимости от обстоятельств. Очень может быть, что именно эту думянку они избрали в качестве своего инструмента потому, что с ней было совсем немного работы. Она же, по ее собственным словам, очень симпатизировала тем, кого называет «мучеными», просто восхищалась ими.

Потом же, когда с дракой было покончено, она не смогла забыть о нашей встрече, и ее мечта стать «мученой» привела ее ко мне на следующий же день. Ее амбиции показались мне забавными, и я исследовал ее сознание, и, скорее случайно, чем как бы то ни было еще, заметил обработку и оценил ее значение. Избери Анти-Мулы своим инструментом другую женщину, такую, у которой и в мыслях бы не было мечты стать ученой, им пришлось бы потрудиться более упорно, но тогда последствия оказались бы другими, и я остался бы в полном неведении относительно истинной сути происшедшего. Анти-Мулы просчитались или не смогли учесть невероятного. И то, что они способны вот так ошибаться, воодушевляет.

— Первый Оратор и вы, — сказала Деларми, — называете эту организацию «Анти-Мулами». Вероятно, вы избрали такое название потому, что полагаете, будто они трудятся на ниве созидания Плана Селдона, а не стараются его разрушить, как пытался Мул. Если Анти-Мулы действительно заняты этим, то в чем их опасность?

— Действительно, зачем бы им трудиться, не имея никакой цели? Нам их цель неизвестна. Циник тут сказал бы, что они могут поднять забрало в будущем, открыто вступить в игру и сотворить такое будущее, которое их устроит гораздо больше, чем нас. Сам я думаю именно так, хотя особым циником себя не числю. Или Оратор Деларми, доброта и доверчивость которой нам так хорошо известны, склонна полагать, что это — космические альтруисты, которые делают нашу работу за нас, так сказать, из любви к искусству?

Стол тихо рассмеялся в ответ на шутку, и Гендибаль окончательно уверился в своей победе. А Деларми понимала, что проиграла, — через барьер, которым она отчаянно защищала свое сознание, пробивались едкие лучи жгучей ярости — так лучи солнца пробиваются сквозь густую листву.

Гендибаль сказал:

— Видите ли, когда я поначалу пытался обдумывать стычку с крестьянином, мне казалось, что за всем происшедшим стоит другой Оратор. Обнаружив признаки обработки в сознании думлянки, я убедился, что прав

в общем, но не прав конкретно. Я приношу свои извинения за высказанную ранее неверную интерпретацию событий и прошу оправдать меня на основании изложенных обстоятельств.

— Полагаю, — сказал Первый Оратор, — сказанное вами можно истолковать как принесение извинений...

— С уважением, Первый Оратор, — прервала его Деларми. Она чудесным образом переменилась: улыбочка сладенькая, голосок нежный — просто душка. — Да будет мне позволено прервать вас. Я предлагаю воздержаться от обсуждения вопроса об импичменте. В данный момент я не стала бы голосовать за осуждение и, думаю, остальные тоже. Я бы даже настаивала на том, чтобы вопрос об импичменте был вообще изъят из протокола, дабы личное дело Оратора Гендибала осталось незапятнанным. Оратор Гендибаль защитил свою честь превосходно, и я поздравляю его с этим, а также с тем, что ему удалось разгадать наступление опасного кризиса, который остальные из нас могли бы проглядеть с непредсказуемыми последствиями. Я приношу Оратору личные извинения за свое враждебное поведение.

Она церемонно кивнула Гендибалу, а тот не мог не восхититься ее легкостью и изяществом — как потрясающе быстро и тонко она сменила маску, чтобы сладить горечь собственного поражения. Но Гендибаль понимал — все это могло означать, что атака будет тут же начата по другому фронту, и ничего приятного ему это не принесет.

35

Сменив гнев на милость, Оратор Деларми снова обрела возможность доминировать на заседании. Голос стал ровным, улыбка — милостивой, глаза лучились. Никто не осмеливался прервать ее — все ждали, когда грянет гром среди ясного неба.

— Хвала Оратору Гендибалу, — сказала она, — теперь всем нам ясно, что нужно делать. Мы не видим Анти-Мулов, ничего не знаем о них, кроме того, что они тонко и умело касаются сознания людей непосредственно здесь, в самой цитадели Второй Академии. Нам

неизвестны планы силового центра Первой Академии. Вероятно, нам предстоит столкнуться с чужеродностью Анти-Мулов и враждебностью Первой Академии.

Нам известно, что некий Голан Тревайз и его спутник, имени которого я сейчас вспомнить не могу, движутся в неизвестном направлении и что Первому Оратору и Оратору Гендибалью кажется, будто в руках Тревайза ключи к исходу этого величайшего кризиса. Следовательно, мы должны выяснить все, что можно, об этом Тревайзе: куда он направляется, о чем он думает, какова его цель; если, на самом деле, у него есть какая-то конкретная цель и он стремится попасть в какое-то определенное место, является ли он инструментом в руках тех, кто представляет опасность гораздо большую, чем он сам.

— Он находится под наблюдением, — сообщил Гендибаль.

Деларми насмешливо поджала губы.

— Кто же за ним наблюдает? Один из агентов вашей внешней разведки? Можем ли мы ожидать, что таковые агенты способны противостоять силе столь могущественной, какая здесь была только что продемонстрирована? Безусловно, нет. И во времена Мула, и позднее Вторая Академия не боялась послать лучших из наших людей добровольцами на передний край битвы и даже пожертвовать ими. Сам Прим Пальвер, когда понадобилось реставрировать План Седдона, прочесал всю Галактику под видом тренторианского фермера и привез сюда эту девочку, Аркади. И теперь мы не можем сидеть тут сложа руки и ждать — нынешний кризис может оказаться гораздо более серьезным, чем все предыдущие. Нам нельзя опираться на низовых разведчиков и курьеров.

Гендибаль поинтересовался:

— Уверен, вы не склонны предложить Первому Оратору покинуть Трентор?

— Конечно, нет, — ответила Деларми. — Он нам так нужен здесь! Но у нас есть вы, Оратор Гендибаль. Именно вы первым почувствовали и верно оценили кризис. Именно вы выявили тончайшее вмешательство в сознание думлян и кражу в Библиотеке. Именно вы не побоялись противопоставить свою точку зрения

сильнейшей, единодушной оппозиции всего Стола — и победили. Никто из присутствующих не сумел увидеть происходящего так четко, как вы, и вряд ли кому можно, как вам, доверить оценку событий в дальнейшем. По моему мнению, именно вам отведена роль выйти и сразиться с врагом. Позволено ли мне будет почувствовать мнение Стола по этому поводу?

Формального голосования не было, но все Ораторы настолько ясно ощущали сознание друг друга, что ошеломленный Гендибаль немедленно понял, что в самое мгновение его победы и собственного поражения эта зловещая женщина блестяще преуспела: решила отправить его в ссылку с заданием, продлиться которое могло сколь угодно долго, а она бы тем временем преспокойно осталась здесь, захватила бы лидерство за Столом, получила бы в свои руки власть над всей Второй Академией, а следовательно, и над всей Галактикой, хладнокровно шагая по трупам.

И если ссыльному Гендибалу удастся каким-то образом собрать нужные сведения, для того чтобы Вторая Академия успешно преодолела кризис, честь организации всего предприятия присвоит себе Деларми, и его успех только поможет ей утвердиться во власти. Чем быстрее и увереннее будет действовать Гендибаль, тем скорее у кормила власти утвердится Деларми.

Красивый маневр и потрясающе быстрая регенерация!

Лидерство Деларми стало настолько явным, что она открыто, не стесняясь узурпировала права Первого Оратора... Размышления Гендибала были прерваны вспышкой ярости Шендесса.

Гендибаль обернулся. Первый Оратор даже не пытался скрыть охватившего его искреннего гнева, и всем стало ясно, что новый внутренний кризис грядет на смену только что разрешившемуся.

36

Квиндор Шендесс, двадцать пятый по счету из Первых Ораторов, не питал на свой счет никаких иллюзий.

Он знал, что его не назовут среди славных представителей ораторской плеяды, просиявших на этом посту

на протяжении пятивековой истории Второй Академии, но, в конце концов, он к этому и не стремился. Он председательствовал за Столом Ораторов в спокойные годы процветания Галактики — время не требовало от него подвигов. Оно требовало сдержанности и умеренности, и самым подходящим для этой роли человеком был он. По этой самой причине его предшественник и выдвинул его на этот пост.

«Вы — не авантюрист, вы — ученый», — сказал ему двадцать четвертый из Первых Ораторов. «Вы сумеете сберечь План там, где авантюрист его погубит. Берегите же его, и пусть это слово станет вашим девизом».

Он всю жизнь следовал завету своего предшественника, но его тактика неизбежно была пассивна, что многими принималось за слабость. Время от времени бродили слухи, будто Шендесс собирается в отставку, и тогда начинались интриги по поводу преемственности высшего поста в Академии.

Шендесс не сомневался в том, что лидерство в этой борьбе захватила Деларми. Она, безусловно, была самой сильной личностью за Столом, и даже Гендибаль со всей своей горячностью и отвагой молодости уступал ей, как уступил сейчас.

Но у Первого Оратора, каким бы слабым и пассивным его ни считали, была одна прерогатива, от которой никто в ряду предшественников Шендесса не отказывался. Не откажется и он.

Он встал. Все разговоры тут же утихли. Когда Первый Оратор говорил стоя, никто не имел права прерывать его, никто — даже Деларми и Гендибаль.

— Ораторы! — сказал Шендесс. — Я согласен с тем, что мы стоим перед лицом опаснейшего кризиса и должны принять самые серьезные меры в этой связи. Оратор Деларми с присущей ей добротой склонна не подвергать меня риску открытого столкновения с врагом, утверждая, что я очень нужен здесь. Справедливо, однако, будет признать, что я одинаково не нужен ни там ни здесь. Я старею и все больше устаю. Все давно ждут, что в один прекрасный день я объявлю о своей отставке, и, вероятно, я действительно должен это сделать. Как только наступивший кризис будет успешно преодолен, я уйду в отставку.

Однако привилегия Первого Оратора выбрать себе преемника остается моей привилегией. Я намерен сделать это сейчас. Среди нас есть один Оратор, который уже долго лидирует на заседаниях Стола, один Оратор, личные качества которого часто позволяли возглавить заседание тогда, когда этого не мог сделать я. Все вы знаете, что я говорю об Ораторе Деларми.

Он на мгновение умолк и спросил:

— Могу я узнать, Оратор Гендибаль, чем вы недовольны?

Шендесс сел, чтобы дать Гендибально возможность ответить.

— Недоволен? Как я могу быть недоволен, Первый Оратор? Это ваша привилегия — выбрать себе преемника.

— Так я и сделаю. Когда вы вернетесь, преуспев в начале действий, призванных положить конец этому кризису, наступит время для моей отставки. Моему преемнику предстоит тогда непосредственно заняться проведением в жизнь той стратегии, которая потребует для полной ликвидации кризиса. Имеете ли вы что-либо сказать, Оратор Гендибаль?

Гендибаль сдержанно ответил:

— Когда вы назначите Оратора Деларми своей преемницей, Первый Оратор, надеюсь, вы не забудете посоветовать ей...

Первый Оратор резко прервал его:

— Говоря об Ораторе Деларми, я не называл ее своей преемницей. Что еще вы хотели бы сказать?

— Прошу простить, Первый Оратор. Мне следовало сказать: если вы назовете Оратора Деларми своей преемницей после моего возвращения с задания, не забудете ли вы посоветовать ей...

— Ни при каких обстоятельствах я не собираюсь делать Оратора Деларми своей преемницей в будущем. Что теперь вы хотите сказать? — Первый Оратор не мог скрыть удовлетворения от удара, нанесенного самолюбию Деларми. Сильнее унижить он бы ее не смог. — Ну, Оратор Гендибаль, так что же вы молчите?

— Я... я растерян, Первый Оратор! Я в недоумении!..

Первый Оратор встал вновь и сказал:

— Оратор Деларми доминировала, лидировала на заседаниях, но, увы, это не все, что нужно для того, чтобы занять пост Первого Оратора. Оратор Гендибаль увидел то, чего не увидел никто из нас. Он не испугался единодушной враждебности Стола, заставил всех нас пересмотреть дело и изменить наше отношение к нему. У меня есть свое собственное подозрение относительно того, зачем Оратору Деларми понадобилось возлагать задачу преследования Голана Треввайза на плечи Оратора Гендибаля, но эта ноша ему по плечу. Я знаю, что ему это удастся — моя интуиция мне порукой в этом, и, когда Оратор Гендибаль возвратится, он станет двадцать шестым из Первых Ораторов.

Шендесс тяжело опустился на стул, и все Ораторы незамедлительно принялись высказывать свое мнение: поднялся суший бедлам из звуков, тонов, полутонов, мыслей и гримас. Первый Оратор на эту какофонию никакого внимания не обращал: он безразлично смотрел в одну точку прямо перед собой. Теперь, когда все было позади, он с удивлением ощутил величайшее облегчение от того, что груз ответственности упал с его плеч. Давно надо было сделать это, но он никак не мог его сбросить.

Только сейчас он сумел найти себе достойного преемника.

Шендесс отвлекся, но неожиданно сеть его сознания уловила излучение сознания Деларми. Он взглянул на нее.

Великий Седдон! Она безмятежно улыбалась! Ни отчаяния, ни обиды, ни разочарования — значит, она не сдалась. Шендесс призадумался: неужели он, паче чаяния, сыграл ей на руку? Что еще можно было от нее ожидать?

37

Делора Деларми дала бы волю чувствам, если бы это принесло ей хоть толику пользы.

О, как хотелось ей броситься с кулаками на этого старого маразматика Шендесса и на этого молодого выскочку, с которым, похоже, сговорилась Фортуна!

Но тогда она бы всего лишь разрядилась. А ей было нужно совсем другое.

Она хотела стать Первым Оратором.

И пока у нее в руках оставалась хотя бы одна карта, она должна была выложить ее.

Она мило улыбнулась и подняла руку, прося слова. Встала и всем своим видом показала, что требует от всех не прерывать ее.

— Первый Оратор, — начала Деларми, — у меня, как и у Оратора Гендибалья, нет возражений. Ваша воля — выбирать себе преемника. Если я и говорю теперь, то лишь потому, что могу внести собственный вклад — искренне надеюсь — в успех дела, которым займется Оратор Гендибаль. Позволено мне будет изложить мою точку зрения, Первый Оратор?

— Прошу вас, — вежливо согласился Первый Оратор, а про себя подумал: «Ох, мягко стелет...»

Деларми торжественно запрокинула голову назад. Улыбка исчезла с ее лица.

— У нас есть космические корабли. Они, конечно, не так совершенны, как корабли Первой Академии, но один из них вполне годен для того, чтобы Оратор Гендибаль ступил на его борт. Он знает, как водить корабли, надеюсь. Наши представители находятся на всех ключевых планетах Галактики, и везде его ожидает радушный прием. Более того, теперь, когда он знает о существовании Анти-Мулов, он способен принять соответствующие меры самозащиты. Ведь даже тогда, когда мы не знали об их деятельности, они предпочли остановить выбор на низовых сотрудниках Академии и думлянских крестьянах. Безусловно, мы обязаны самым тщательным образом инспектировать сознание всех сотрудников Второй Академии, не исключая и Ораторов, но я уверена, что нас Анти-Мулы тронуть не осмелились.

Тем не менее я не вижу причин для того, чтобы Оратор Гендибаль рисковал сильнее, чем нужно. Ни о каком безрассудстве не может быть и речи, и было бы намного лучше, если бы его миссия была завуалирована — в наших интересах застигнуть Анти-Мулов врасплох. Мне кажется, что для него самое разумное — выдать себя за думлянского торговца. Все мы

хорошо знаем, что Прим Пальвер отправился в свой путь по Галактике именно в этой роли.

Первый Оратор прервал ее:

— Но у Прима Пальвера была веская причина для выбора такой маскировки. У Оратора Гендибаля такой причины нет. Я думаю, что если камуфляж понадобится, у него достанет изобретательности.

— Со всем уважением, Первый Оратор, я хотела бы подчеркнуть важность именно минимума маскировки. Прим Пальвер, как вы помните, отправился в путь со своей супругой — его верной спутницей жизни. И это в значительной степени помогло ему добиться своей цели. Жена была для него превосходным прикрытием.

— У меня нет жены, — возразил Гендибаль. — Нет у меня и подруг, то есть они были, но в сложившихся обстоятельствах ни одна из них не согласится надеть на себя подвенечное платье.

— Мы все знаем об этом, Оратор Гендибаль, — улыбнулась Деларми. — Тем более, значит, все воспримут как должное, если в путь с вами отправится любая женщина. Уверена, желающих можно будет отыскать без труда. Если вам кажется, что нужно документальное подтверждение брака, это будет сделано. Полагаю, с вами непременно должна лететь женщина.

У Гендибаля на миг перехватило дыхание. Нет, не может быть...

Что же это такое? Хитрая уловка с целью достичь своей доли успеха? Ставка на совместное или ротируемое занятие поста Первого Оратора?

Гендибаль угрюмо проговорил:

— Для меня большая честь вместе с Оратором Деларми...

Деларми расхохоталась и посмотрела на Гендибаля почти с обожанием. Попался! Угодил в ловушку. И Стол этого никогда не забудет. Никогда!

— О нет, Оратор Гендибаль, я вовсе не собиралась разделить с вами участие в вашей миссии. Дело это ваше и только ваше, и пост Первого Оратора за вами и только за вами. Да я бы и подумать не посмела, что

вы захотите, чтобы я полетела вместе с вами. Что вы, Оратор, какая из меня прелестница — в моем-то возрасте...

Все Ораторы улыбнулись, даже Первый Оратор не смог сдержать улыбки.

Гендибаль принял удар и даже не попытался сгладить поражение, сказав ей какой-нибудь комплимент. Да, мастерски она его уделала.

— Что же вы в таком случае предлагаете? — безразлично поинтересовался он. — Уверяю, у меня и в мыслях не было, что вы полетите со мной. Вам гораздо более к лицу интриги за Столом Ораторов, чем сумятица галактической неразберихи.

— Не спорю, Оратор Гендибаль, не спорю, — сказала Деларми. — Мое предложение относится исключительно к тому, что вам следует играть роль думлянского торговца. Не кажется ли вам, что лучшей спутницей в этом случае для вас будет думлянка?

— Думлянка?

Гендибаль опять был пойман врасплох, и Стол прекрасно это заметил.

— Ну да, думлянка, — как ни в чем не бывало продолжала Деларми. — Та самая, что спасла вам жизнь. Та самая, что глядит на вас с таким обожанием. Та самая, чье сознание вы исследовали и которая затем, сама не подозревая, спасла вас от кое-чего гораздо более опасного, чем избиение. Я предлагаю вам захватить ее с собой.

Первым порывом Гендибаля было — отказаться, но он знал, что Деларми только этого и ждет. Стол только обрадуется. Теперь было ясно, что Первый Оратор, поспешно нанеся удар Деларми, совершил ошибку, назвав Гендибаля своим преемником, во всяком случае, Деларми быстро сориентировалась и пыталась высмеять эту ошибку.

Гендибаль был самым младшим из Ораторов. Он оскорбил членов Стола и избежал осуждения. Никто не хотел, чтобы это осталось безнаказанным.

Трудно было принять случившееся, но теперь все запомнят, с какой легкостью высмеяла его Деларми и какое удовольствие это доставило всем. Как легко ей

будет теперь при любом удобном случае воспользоваться его конфузом и объявить, что ему недостает ни возраста, ни опыта для того, чтобы стать Первым Оратором! Стол объединит усилия и заставит Первого Оратора отказаться от принятого решения, пока Гендибаль будет отсутствовать на Тренторе. Даже если Шендесс останется при своем мнении, Гендибаль займет свой пост, оказавшись абсолютно беспомощным перед лицом непримиримой оппозиции.

Все это он обдумал в считанные мгновения и быстро ответил без всякой растерянности:

— Оратор Деларми, я восхищен вашей прозорливостью. А я-то думал преподнести всем сюрприз. На самом деле я намеревался взять с собой думянку Нови, но совсем не по той причине, на которую указала Оратор Деларми. Причина — в особенностях ее сознания. Вы все видели, каково оно: чистое, простое, симметричное, неспособное лгать. Ни одно самое мельчайшее прикосновение к такому сознанию со стороны не останется незамеченным. Я думаю, все с этим согласны.

Не знаю, додумались ли вы до того, Оратор Деларми, что эта женщина может сработать в качестве безотказного, совершенного средства сигнализации. Наблюдая за ней, я сумею без труда выявить всякое вмешательство постороннего менталитета гораздо быстрее, чем отслеживая таковое вмешательство с помощью собственного сознания. — Ответом ему были тишина и удивление. Он довольно проговорил: — А, так значит никто из вас не подметил этого! Ну да это неважно. А теперь я пойду. Времени терять нельзя.

— Погодите! — попыталась задержать его Деларми. Уже в третий раз за сегодняшний день инициатива ускользала из ее рук. — А что вы, собственно, собираетесь делать?

Гендибаль пожал плечами:

— К чему вдаваться в подробности? Чем меньше будет знать Стол, тем меньше вероятность вмешательства Анти-Мулов, не правда ли?

Сказал он это так, как будто больше всего на свете пекся о безопасности Ораторов. Он до краев напол-

нил этим чувством свое сознание и всем продемонстрировал как новую модель одежды.

Это обманет их. Польстит им. И потом — пусть остаются с этим ощущением, вместо того чтобы гадать, действительно ли Гендибаль знает, что делать.

38

Вечером этого дня Первый Оратор встретился с Гендибалем наедине.

— Вы поступили верно, — сказал Шендесс. — Не смог удержаться — нырнул в ваше сознание поглубже и все понял. Я видел — вы сочили мое объявление поспешным. Так оно и было. Просто мне нестерпимо хотелось стереть с ее лица наглую улыбку и дать ей сдачи в той же манере, в какой она обычно узурпирует мои права.

Гендибаль с мягким упреком проговорил:

— Лучше было бы, если бы вы сказали мне обо всем наедине, а потом дождались моего возвращения.

— Но тогда мне не удалось бы отомстить ей... Да, да, понимаю, мотивация неважнецкая для Первого Оратора. Все понимаю.

— Она не остановится, Первый Оратор. Она будет продолжать плести интриги и пытаться занять пост Первого Оратора и найдет для этого массу веских причин. Уверен, отыщутся такие, кто скажет, что мне следовало отказаться. Совсем нетрудно будет доказать, что Оратор Деларми умнее меня, что у нее самый могучий ум за Столом и что из нее вышел бы превосходный Первый Оратор.

— Самый могучий ум за Столом... — пробурчал Первый Оратор. — Увы, не за его пределами. Она неспособна распознать врагов — настоящих врагов, а не противников среди Ораторов. Ей вообще не стоило становиться Оратором... Послушайте, не должен ли я запретить вам брать с собой эту думлянку? Ведь это Деларми вас вынудила, я понимаю.

— Нет-нет, я на самом деле хочу взять ее с собой, и причина, которую я изложил Столу, самая что ни на есть истинная. Она станет моим прибором раннего оповещения, и я просто благодарен Оратору Деларми

за то, что она натолкнула меня на эту мысль. Эта женщина окажет мне услугу, я уверен.

— Что ж, будь по-вашему. Кстати, я тоже не покрывил душой. Я совершенно уверен в вашем возвращении с победой — если вы верите в мою интуицию.

— Верю, Первый Оратор, и согласен с вами. Обещаю: что бы ни случилось, я верну больше, чем получаю. Я вернусь Первым Оратором, как бы ни старались Анти-Мулы или Оратор Деларми.

Произнося эти слова, Гендибаль не мог не отследить собственной гордости и удовлетворения и не проанализировать их. Почему он так радовался, почему ему так хотелось поскорее отправиться в путешествие? Амбиции? Да, конечно. Почему бы и нет? Совершил же когда-то нечто подобное Прим Пальвер — так разве ему, Гендибалю, такое не по плечу? А когда все будет кончено, больше никто не сумеет помешать ему стать Первым Оратором. Ну еще, кроме амбиций, что? Азарт, желание поскорее сразиться с врагом? Обычное желание испытать острые ощущения у человека, всю жизнь просидевшего в потайной цитадели? Он не понимал своих чувств до конца. Знал только одно — ему нестерпимо хотелось улететь как можно скорее...

Глава 11

СЕЙШЕЛЛ

39

Джен Пелорат впервые в жизни был свидетелем удивительного зрелища: после того, что Тревайз назвал «микрорыжком», яркая точка на экране обзора превратилась в сияющий шар солнца. Четвертая обитаемая планета, цель их путешествия — Сейшелл — на протяжении четырех дней росла в размерах и становилась все ближе.

Компьютер составил карту планеты, и теперь она красовалась на портативном экране, умещавшемся на ладони у Пелората.

— Не спеши вникать в подробности, Джен, — посоветовал Тревайз. — Нам еще предстоит пообщаться со станцией приема на орбите, а это может оказаться трудновато.

— Наверняка — чистая формальность, — пробормотал Пелорат, недовольно оторвав взгляд от экрана.

— Да. Но все равно сложности могут возникнуть.

— Но ведь сейчас мирное время.

— Конечно. И нас обязательно пропустят, но непременно досмотрят. Во-первых, существует такая малость, как поддержание экологического равновесия. На каждой планете оно свое, собственное, и никто не хочет, чтобы оно нарушалось. И здесь тоже наверняка в таможенном досмотре есть пункт о проверке корабля на наличие нежелательных микроорганизмов и инфекции. Вполне резонная предосторожность.

— Я надеюсь, у нас ничего такого нет?

— Нет, конечно. И таможенники в этом убедятся. Но нельзя забывать о том, что Сейшелл не входит в Федерацию Академии, а это означает, что тут можно ждать некоторого снобизма — независимое государство, понимаешь?

Вскоре к «Далекой Звезде» пришвартовался маленький инспекционный катер, и в гости к путешественникам пожаловал официальный представитель сейшельской таможенной службы. Тревайз держался подтянуто, отвечал четко, односложно — пригодилась военная выучка.

Форма таможенника была на удивление яркой, в ней преобладал красный цвет. Физиономия его была гладко выбрита, но подбородок украшала небольшая, наподобие эспаньолки, борода.

— Корабль «Далекая Звезда». С Терминуса, — сообщил ему Тревайз. — Вот корабельные сертификаты. Корабль не вооружен. Частное транспортное средство. Мой паспорт. Один пассажир. Его паспорт. Мы — туристы.

— Корабль Академии? — спросил таможенник, произнеся последнее слово как «Эйкейдеймии». Из дипломатических соображений Тревайз не улыбнулся и не стал поправлять его произношение. Диалектов Галактического Стандарта было столько же, сколько планет в Галактике, и всякий был волен говорить на своем собственном. Пока люди понимали друг друга, любые различия ровным счетом ничего не значили.

— Да, сэр, — подтвердил он. — Корабль Академии. Мой личный.

— Очень хорошо. Ваш байгайж, будьте добры.

— Мое что, простите?

— Байгайж. Что вы везете?

— А-а-а... Груз? Вот перечень. Тут только личные вещи. На продажу у нас нет ничего. Мы просто туристы, как я уже сказал.

Таможенник с нескрываемым любопытством огляделся по сторонам.

— Довольно-таки сложный корабль для туристов...

— Сложный? Сущие пустяки по понятиям Академии, — отшутился Тревайз. — Я неплохо зарабатываю — могу себе позволить.

— Хотите обогатить меня? — быстро взглянул на него таможенник и тут же отвел взгляд в сторону.

Мгновение ушло у Тревайза на то, чтобы понять значение слова, и еще одно — на то, чтобы понять, как быть.

— Нет, — покачал он головой. — Я вовсе не намереваюсь всучать вам взятку. У меня нет причин подкупать вас — вы не похожи на человека, которого можно подкупить, будь у меня даже такое намерение. Можете осмотреть корабль, если желаете.

— Нет необходимости, — ответил таможенник, пряча в карман портативный компьютер-блокнот. — На наличие контрабандной инфекции вы уже обследованы. Все в порядке. Вам выделен радиомаяк, следуйте на посадку в соответствии с направлением радиосигнала.

И удалился. Вся процедура заняла не более пятнадцати минут.

— Он мог испортить все дело? — вполголоса спросил Пелорат. — Он что, правда хотел взятку?

Тревайз пожал плечами:

— Подкуп таможенников — занятие столь же древнее, как сама Галактика. Повтори он попытку, я бы с радостью сделал это. А так — ну, в общем, мне показалось, что он предпочел лишний раз не рисковать с кораблем Академии и поступил мудро. Старуха-мэрша, да будет благословенно ее ослиное упрямство, сказала, что упоминание об Академии защитит нас повсюду, и не ошиблась. Проверка могла занять гораздо больше времени.

— Почему? Похоже, он выяснил все, что хотел.

— Да, но из предосторожности сначала просмотрел нас с помощью дистанционного скеннера. Пожелал бы, мог прочесать весь корабль с ручным инструментом — это могло продлиться не один час. Потом мог бы засунуть нас в орбитальный госпиталь и продержат там не один день.

— О! Дружочек, но это же....

— Да-да, не удивляйся. Думаю, он мог это сделать, но не стал. В общем, мы свободны, как ветер, и можем идти на посадку. Я бы, конечно, с большей радостью приземлился с помощью нашей гравитики — это заняло бы всего пятнадцать минут, но я не знаю, где у них

космопорты, и боюсь наделать беды. Значит, придется ползти по радиолучу, значит, несколько часов мы по спирали будем скользить через атмосферу.

Пелорат нисколько не огорчился.

— Но это же замечательно, Голан. Спуск будет достаточно медленным для того, чтобы осмотреть поверхность планеты?

Он достал из кармана экранчик, где по-прежнему красовалось изображение планеты.

— Увидишь довольно скоро, — пообещал Тревайз. — Но для начала придется преодолеть облачный слой, и двигаться мы будем со скоростью несколько километров в секунду. То есть мы не будем опускаться, как воздушный шарик, но полюбоваться планетографией ты сумеешь.

— Прекрасно! Прекрасно!

Тревайз задумчиво проговорил:

— Я вот думаю... стоит ли переводить часы на местное время? Как знать, удастся ли нам пробыть на планете Сейшелл достаточно долго...

— Все зависит от того, чем мы тут займемся... то есть, так я думаю. А ты как думаешь, Голан, что мы будем делать?

— Наша задача — отыскать Гею, а сколько времени на это уйдет, не знаю.

Пелорат сказал:

— Тогда на местное время можно перевести наши наручные часы, а корабельные оставить как есть.

— Отличная мысль! — улыбнулся Тревайз.

Он смотрел на планету, все быстрее приближавшуюся к ним.

— Ну, хватит ждать, — решительно заявил Тревайз. — Настрою компьютер на радиолуч и перейду на гравитационный спуск, имитируя обычный полет. Так! Ну, полетели вниз, Джен, и посмотрим, что нас там ожидает.

Тревайз не отрывал глаз от иллюминатора обзора. Корабль лег на курс приземления по тщательно выверенной гравитационной кривой.

Тревайз никогда не бывал в Сейшельском Союзе, но знал, что на протяжении последнего столетия особой дружбы между ним и Академией не отмечалось. Поэтому

му он был удивлен и немного обескуражен тем, что так быстро все уладилось с таможней.

Да, это казалось непонятным...

40

Таможенника звали Йогорот Собхадарта, и почти половину своей жизни он провел на орбитальной станции.

Он не имел ничего против такого образа жизни — это давало ему возможность один месяц из трех жить в свое удовольствие: просматривать книги, слушать музыку, отдыхать от общества сварливой жены и озорного сынишки.

Правда, последние несколько лет таможенную службу возглавлял Сновидец, и это в значительной степени портило дело. Нет ничего более мерзопакостного, чем иметь своим начальником человека, который любые собственные действия оправдывает тем, что на это якобы получил указания во сне.

Для себя Собхадарта сразу решил, что ни капельки не верит в эту дребедень, но был тем не менее достаточно осторожен для того, чтобы не высказывать свои убеждения вслух, ведь подавляющее большинство народа в Сейшелле находилось во власти мистических предрассудков; и на того, кто выражал какие-либо сомнения по поводу нужности и искренности Сновидцев, тут смотрели искоса. Обнаружить материалистические воззрения означало остаться без пенсии под старость.

Собхадарта неизвестно зачем пригладил и без того безукоризненно гладкую бородку, довольно громко кашлянул и с заискивающей вежливостью спросил:

— Это тот самый корабль, Начальник?

Начальник, имя которого было Намарат Годхисаватта, не отрывая взгляда от экрана компьютера, даже не взглянул на подчиненного.

— Какой корабль? — рассеянно спросил он.

— «Далекая Звезда». Корабль Академии. Тот, что я пропустил только что на посадку. Тот самый, голографическую съемку которого во всех ракурсах мы произвели. Это он вам приснился?

Годхисаватта наконец удостоил Йогората взглядом. Начальник был невысокого роста, с темными, почти черными глазами, окруженными сеточками тонких морщинок, причиной которых была не склонность к смешливости.

— О чем ты спрашиваешь? — недовольно спросил он.

Собхадарта распрямил спину, темные брови его сошлись на переносице.

— Они сказали, что они туристы, но никогда раньше я не видел такого корабля у туристов и считаю, что они — агенты Академии.

Годхисаватта сердито откинулся на спинку кресла.

— Послушай, друг мой, что-то я не припоминаю, чтобы я спрашивал твоего мнения по этому поводу.

— Но, Начальник, мой патриотический долг диктует мне необходимость не оставлять без внимания...

Годхисаватта скрестил руки на груди и одарил подчиненного столь выразительным взглядом, что тот, будучи гораздо выше и крупнее начальника, сразу стал ниже ростом, как-то весь съежился.

— Друг мой, — возгласил Годхисаватта, — чтобы у тебя не было неприятностей, ты обязан выполнять свою работу без лишних разговоров, иначе я позабочусь о том, чтобы ты остался без пенсии, когда выйдешь в отставку — и это произойдет, если я услышу от тебя хоть слово о том, что тебя не касается и не входит в твои обязанности.

— Да, сэр, — вполголоса пробормотал Собхадарта, и тут же с подозрительной степенью услужливости в голосе поинтересовался: — Позволено ли мне будет узнать, сэр, входит ли в мои обязанности сообщить вам, что в пределах видимости наших экранов находится второй корабль?

— Будем считать, что я принял твое сообщение, — раздраженно буркнул Годхисаватта и повернулся к компьютеру.

— И он очень похож, — добавил Собхадарта еще более услужливо, — на тот, что я только что пропустил.

Годхисаватта слегка наклонился вперед и положил руки на колени.

— Второй?

Собхадарта мысленно злорадно улыбнулся. Этот малохольный продукт неравного брака, конечно же, не видел во сне двух кораблей. Вслух он сказал:

— Да, сэр, второй. А теперь я вернусь на свой пост, сэр, и буду ждать ваших распоряжений. И я очень надеюсь, сэр...

— Да?

— Я очень надеюсь, сэр, что мы пропустили не неправильный корабль.

41

«Далекая Звезда» быстро скользила над поверхностью планеты Сейшелл, Пелорат не отрывал от нее восхищенного взгляда. Облачный слой редел, здесь он вообще был менее плотным, чем над Терминусом. Судя по карте, площадь, занимаемая сушей, на Сейшелле была обширна, а окраска континентов на карте говорила о том, что крупные участки суши заняты пустынями.

Пока казалось, что планета мертва и безжизненна — внизу раскинулись серые, мертвенные равнины, плоское однообразие которых лишь кое-где оживляли мелкие складки, вероятно, горы, ну и, конечно, океанские просторы.

— Да, скучновато... — разочарованно проговорил Пелорат.

— Что-то живое с такой высоты не разглядишь, — пояснил Тревайз. — Вот опустимся пониже, и увидишь зелень в складках поверхности. Но сначала увидишь, как красиво выглядит ночная сторона — она вся будет покрыта мерцающими огоньками. Люди по всей Галактике с наступлением темноты освещают свои миры: никогда не слышал, чтобы где-либо это правило нарушалось. Другими словами, первые признаки жизни, которые ты увидишь, будут не только признаками наличия людей, но и признаками наличия техники.

— Да, но ведь люди по своей природе существа с дневным образом жизни. И мне кажется, что первоочередной задачей техники должно стать превращение ночи в день. На самом деле, мир, лишенный техники и вынужденный развивать ее, неизбежно сталкивается с проблемой освещения затемненной поверхности. А как

ты думаешь, сколько времени уйдет на переход от всеобщей тьмы к всеобщему свету?

Тревайз рассмеялся:

— Странные у тебя мысли, однако! Наверное, это оттого, что ты мифолог. Не думаю, что когда-нибудь весь мир станет залит светом. Ночное освещение будет отражать картину плотности населения, и континенты будут покрыты точками и нитями огней. Даже Трентор в лучшие дни, представляя собой громадную неделимую структуру, никогда не был озарен светом со всех сторон.

На поверхности планеты, как и обещал Тревайз, вскоре стали видны зеленые участки. На последнем витке он указал Пелорату на то, что, по его мнению, было городами.

— Не слишком урбанизированный мир, — отметил Тревайз. — Я не бывал тут раньше, но судя по той информации, которую мне выдал компьютер, здесь изо всех сил цепляются за прошлое. Высокое развитие техники в глазах всей Галактики ассоциируется с Академией, и там, где Академию не слишком горячо любят, всегда существует тенденция возвеличивать прошлое — безусловно, это не касается развития техники военной. Уверяю тебя, в этом отношении Сейшелл вполне современен.

— Бог мой, Голан, но ведь у нас тут не будет неприятностей, правда? А вдруг... Ведь мы граждане Академии и находимся на вражеской территории...

— Это не вражеская территория, Джен. Не бойся, они будут с нами исключительно вежливы. Просто Академия тут непопулярна, вот и все. Сейшелл не входит в Федерацию Академии. Они гордятся своей независимостью, не желают признавать, что гораздо слабее Академии, и позволяют себе роскошь не любить нас. Но независимыми они остаются, покуда мы позволяем им это.

— Все равно мне кажется, что тут нам будет не очень уютно, — уныло покачал головой Пелорат.

— Вовсе нет! — весело откликнулся Тревайз. — Зря грустишь, Джен. Я же говорю об официальном отношении сейшельского правительства к Академии. А простые люди на планете — они просто люди, и если мы не станем корчить из себя хозяев Галактики, то все

будет хорошо и мы с любим поладим. Не затем же мы прибыли на Сейшелл, чтобы устанавливать тут владычество Академии. Мы просто туристы, и будем задавать сейшельцам такие вопросы, какие задал бы любой турист.

С юридической стороны, думаю, ничто не помешает нам задержаться тут на пару дней. Походим поглядим, что тут и как. Может быть, тут самобытная культура, интересная природа, приятная еда, ну и на худой конец — если ничего этого нет, может, тут хотя бы найдутся милые женщины. Денежки у нас есть, и мы вольны их потратить по своему усмотрению.

Пелорат смущенно нахмурился:

— Ой, дружочек...

— Да ладно тебе! — подбодрил его Тревайз. — Не такой уж ты дряхлый старик. Что, неужели женщины тебя совсем не интересуют?

— Я не хочу сказать, что не было времени, когда я... правильно играл эту роль, но, право, сейчас для этого не время. У нас важное дело. Мы хотим добраться до Геи. Я ничего не имею против того, чтобы приятно провести время, но... дружочек, если мы начнем чересчур сильно погружаться, потом будет трудно вырваться, так мне кажется.

Он покачал головой и дружелюбно добавил:

— Ты, наверное, боялся, что на Тренторе у меня будет слишком приятное времяпрепровождение, да? И что мне будет трудно вырваться оттуда? Конечно, ведь для меня Библиотека — все равно, что для тебя миловидная дамочка... или пять-шесть дамочек.

— Я не бабник, Джен, но и аскетом быть не собираюсь. Я вовсе не собираюсь отказываться от путешествия на Гею, но, если на моем пути встретится что-то симпатичное, не вижу причин, почему бы не отреагировать на такой подарок, как положено.

— Ну конечно, конечно, дружочек, но Гея должна быть на первом месте, правда?

— Безусловно. Вот о чем хочу предупредить тебя, Джен. Никому не говори, что мы из Академии. В принципе, это и так не секрет: кредитки у нас тамошнего образца, разговариваем мы с явным терминусским акцентом, но если мы не станем во всю глотку вопить, кто

мы такие, сейшельцы могут сделать вид, что принимают нас за пришельцев неведомо откуда и будут с нами гораздо любезнее. Если же мы будем подчеркивать свое гражданство, они, вероятно, будут с нами вежливы, но ничего лишнего не скажут, ничего интересного не покажут, никуда не отведут, и мы останемся в полном одиночестве.

— Никогда не научусь понимать людей, — тяжело вздохнул Пелорат.

— Да ничего тут особенного нет! Нужно всего-навсего повнимательнее посмотреть на самого себя, и тогда любого другого поймешь без труда. Каждый человек особенный — не лучше и не хуже, и мы с тобой не исключение. Как бы мог Седдон разработать свой План — насколько изощрена была при этом его математика, мне безразлично, — если бы не понимал людей, и как бы ему это удалось, если бы людей понять было ужасно трудно? Покажи мне того, кто утверждает, что не понимает людей, и я покажу тебе того, кто создал неверное представление о самом себе, — никого не хочу обидеть.

— Никто и не обиделся. Я готов признать, что мне не хватает опыта общения. Я всегда вел замкнутую жизнь, заиклился на самом себе, но... очень может быть, что и на самого себя я как следует тоже никогда не смотрел. Поэтому я доверяюсь тебе и верю, что, когда речь пойдет о тонкостях людской психологии, ты будешь моим проводником и советчиком.

— Идет. В таком случае, мой первый совет — любуйся пейзажем. Скоро мы приземлимся. Уверю тебя, ты ничего не почувствуешь. Мы с компьютером обо всем позаботимся.

— Голан, ты только, дружочек, не обращай внимания на мое брюзжание, ладно? Если правда тебе встретится молодая женщина, которая...

— Проехали. Дай-ка я займусь посадкой.

Пелорат повернулся к видовому иллюминатору и принялся смотреть на мир, ожидающий их в конце пути по спирали. Для него этот мир был первой в жизни иноземной планетой. Настоящее приключение! Хотя кому, как не ему, было знать, что все миры в Галактике населены людьми, которые в них не родились.

«Все, кроме одного», — успел подумать он, прежде чем полностью отдаться во власть ожидания новых впечатлений.

42

Сейшельский космопорт оказался, по понятиям Академии, небольшим, но оборудован был неплохо. Тревайз смотрел, как «Далекую Звезду» отвели на стоянку и закрепили. Им вручили сложно закодированный документ о приемке корабля. Пелорат испуганным шепотом спросил товарища:

— Мы что, так ее тут и оставим?

Тревайз кивнул и обнял Пелората за плечи, чтобы успокоить.

— Не беспокойся, — прошептал он Пелорату на ухо.

Они забрались во взятый напрокат автомобиль, Тревайз нажал кнопку, и на пульте управления тут же возникла миниатюрная карта города, высокие башни которого виднелись на горизонте.

— Сейшел-Сити, — сообщил Тревайз. — Столица Планеты. Город, планета, звезда — все тут называется одинаково.

— А я волнуюсь за корабль, — не унимался Пелорат.

— Волноваться совершенно незачем, — убежденно сказал Тревайз. — К вечеру вернемся, спать будем на корабле, если придется задержаться подольше. И потом, пойми: существует межзвездный кодекс космопортовой этики, который, насколько мне известно, даже в военное время ни разу не нарушался. Корабль, совершивший посадку, неприкосновенен. Не будь это так, никто не мог бы надеяться на свою безопасность, и тогда торговля между мирами стала бы невозможной. Всякий мир, где кодекс был бы нарушен, тут же получил бы бойкот от остальных миров, от всех пилотов в Галактике. Уверяю тебя, такому риску никто себя подвергать не станет. А кроме того...

— Кроме того?

— Ага, кроме того, я договорился с компьютером о том, что всякий, кто пожелает забраться в корабль и при этом не будет похож на одного из нас, будет убит

на месте. Я не преминул рассказать об этом Коменданту Порта. Говорил я с ним исключительно вежливо и сказал, что я бы всей душой мечтал отключить это устройство, поскольку безоговорочно верю в безупречную репутацию Космопорта Сейшелл-Сити в плане безопасности и неприкосновенности судов, но вот беда, сказал я ему, модель совсем новенькая, и я просто не в курсе, как это устройство отключается.

— Он, конечно, тебе не поверил.

— Конечно, нет! Но был вынужден сделать вид, что поверил, потому что в противном случае ему оставалось только оскорбиться. А оскорбиться — значит унизиться. Этого ему уж точно не хотелось, так что он притворился, будто поверил. Так-то!

— Еще один пример знания людской психологии?

— Ага. Ничего, скоро привыкнешь.

— А ты уверен, что в автомобиле нет «жучков»?

— Почему? Запросто могут быть. Поэтому, когда мне предложили один автомобиль, я тут же выбрал наугад другой. Если «жучки» есть во всех автомобилях, ну и что? Что такого ужасного мы друг другу сказали?

Вроде бы все объяснилось, но на лице Пелората все равно осталось выражение искреннего недовольства.

— Послушай, Голан, не знаю, как и сказать тебе... Наверное, невежливо жаловаться, но мне... мне не нравится, как тут пахнет. Тут плохо пахнет.

— Где? В машине?

— Ну, для начала — в космопорте. Может быть, конечно, в космопорте так и должно пахнуть, но только... этот запах и в машине сохранился. Можно открыть окна?

Тревайз рассмеялся:

— Наверное, если поискать, тут найдется соответствующая кнопка, но только, уверяю тебя, это не поможет. Да, планетка вонючая. Что, очень паршиво?

— Нет, не так чтобы очень... но заметно, и как-то обидно. Неужели весь этот мир так пахнет?

— Ох, я все время забываю, что ты никогда в других мирах не бывал. Понимаешь, всякий обитаемый мир имеет специфический запах. В основном это связано с местной растительностью, но думаю, люди и животные тоже вносят свою лепту. Насколько я знаю, мало кому

поначалу нравится запах другой планеты, когда человек попадает туда впервые. Но ты привыкнешь, Джен. Пройдет пара часов — и думать забудешь, поверь.

— Нет, ты не хочешь сказать, что все миры так пахнут.

— Конечно. Каждый пахнет по-своему. Если бы люди обладали более тонким обонянием, таким, к примеру, как у анакреонских собак, мы бы сразу могли определить, в каком мире находимся, побывав там до этого хотя бы однажды. Знаешь, когда я только-только начал служить во флоте, всякий раз, попадая в новый мир, первые дни даже к еде не мог прикоснуться, а потом меня обучили древней уловке космолетчиков — до посадки несколько часов нюхать платок, пропахший ароматами мира, куда ты направляешься. К тому времени, когда нужно выйти на воздух, успеваешь свыкнуться с любым амбре. На самом деле, самое трудное — потом возвращаться домой.

— Почему?

— А ты думаешь, Терминус не пахнет?

— Неужели пахнет?

— Конечно. После привыкания к запаху любого другого мира ароматы Терминуса просто потрясают. В старые времена, когда после долгого полета корабль возвращался на Терминус, вся команда зычным хором возглашала: «Здравствуй, милая помойка!»

Пелорат был обескуражен не на шутку. Вот так новости!

Они все ближе подъезжали к городу. Их обгоняли другие автомобили, навстречу тоже мчались машины, время от времени в небесах над ними скользили катера, но Пелората занимало совсем другое. Он смотрел на деревья, растущие вдоль дороги.

— Странная растительность... — пробормотал он. — Как думаешь, тут есть эндемичные виды?

— Сомневаюсь, — рассеянно отозвался Тревайз. Он внимательно изучал карту города и пытался выжать необходимые сведения из автомобильного компьютера. — Эндемичная растительность, как любые формы жизни на планетах, населенных людьми, — вещь исключительно редкая. Колонисты всегда везут с собой собст-

венную растительность, своих животных. Когда — сразу, когда — чуть попозже.

— И все равно, растения тут необычные.

— Нельзя же ожидать, что везде все должно быть одинаковое, Джен. Я как-то краем уха слышал, что в свое время наши Энциклопедисты издали атлас разнообразностей растений, и он занял восемьдесят толстых компьютерных дискет, тем не менее оказался неполным и устарел уже ко времени выхода атласа в свет.

Автомобиль мчался вперед, и вскоре его поглотил мир городских окраин. Пелорат слегка поежился.

— Не впечатляет меня здешняя архитектура.

— Каждому свое, — отозвался Тревайз тоном видавшего виды звездолетчика.

— А куда мы, кстати говоря, направляемся?

— Ну... в общем, я пытаюсь заставить компьютер довести эту колымагу до Туристического Центра. Очень надеюсь, что компьютер знает, как справиться с машиной при одностороннем движении. Я местных дорожных правил не знаю.

— А что мы будем там делать, Голан?

— Начнем с того, что мы туристы — самое естественное будет первым делом навестить такое местечко, правда? Для того чтобы ни у кого не вызвать подозрений, вести себя надо естественно. Ну а куда бы ты первым делом отправился, чтобы разузнать о Гее?

— В Университет, пожалуй. Или в Антропологическое Общество. Или в Музей. Но уж никак не в Туристический Центр.

— Вот и ошибаешься. В Туристическом Центре мы изобразим из себя ученых зануд, которых интересуют исключительно университеты, музеи и тому подобное. Мы выберем что-нибудь, а уж там постараемся найти людей, которые помогут нам найти тех, с кем можно проконсультироваться по проблемам древней истории, галактографии, мифологии, антропологии и всякого другого — придумывай, что твоей душе угодно. Но все дороги начинаются с Туристического Центра.

Пелорат промолчал. Машина ползла как черепаха, пока наконец не влилась в оживленный поток транспорта. Путешественники выехали на боковую улицу, въехали в туннель, миновали какие-то непонятные дорож-

ные знаки — по всей вероятности, они обозначали направление движения и еще какие-то подробности, но каллиграфия знаков делала их совершенно нечитабельными.

Похоже было, к счастью, что автомобиль таки знал дорогу, и вскоре припарковался у здания, на фасаде которого красовалась вывеска: «СЕЙШЕЛЬСКОЕ ИНОСТРАННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО». Буквы отличались такой же умопомрачительной каллиграфией, что и дорожные знаки. Ниже висела вывеска поменьше. На ней значилось: «СЕЙШЕЛЬСКИЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР». На этой вывеске буквы были вычерчены нормально, в каллиграфии Галактического Стандарта.

Войдя внутрь, путешественники обнаружили, что тут не так просторно, как показалось снаружи. Народа в Центре было совсем немного.

В зале стояло несколько застекленных будок. Внутри одной из них восседал мужчина, пробегавший глазами выползавший из принтера рулон бумаги с новостями. Еще одну занимали две женщины, казалось, они играют в какую-то странную игру с карточками и бланками. За конторкой, которая была чересчур внушительной для одного-единственного человека, озаренный бликами горящих лампочек компьютера, восседал унылого вида служащий, одетый в нечто, напоминавшее разноцветную шахматную доску.

Поглядев на него, Пелорат шепнул Треввайзу:

— А странно тут одеваются...

— Угу, — кивнул Треввайз. — Я заметил уже. Что тут скажешь? Мода переменчива. Расстояния, время... Кто знает, может лет так пятьдесят назад все на Сейшелле разгуливали в трауре? Принимай как должное, Джен.

— Постараюсь, конечно. Только наша одежда мне больше нравится. Не так раздражает глаз, знаешь ли.

— Из-за того, что мы все рядимся в серое? Знаешь, а многих это раздражает. Ей-богу, я слышал, как про нас говорили: «Они наряжаются в пыльные тряпки». Кто знает, может, тут люди рядятся в кричащие тряпки из-за того, что хотят подчеркнуть свою независимость от Академии. А может, все проще: просто они так привыкли. Ну, Джен, пошли.

Они не успели подойти к конторке, как мужчина, который просматривал, сидя в будке, новости, вышел оттуда и пошел им навстречу, широко улыбаясь. В его одежде преобладали оттенки **серого** цвета.

Тревайз не сразу посмотрел на него, но первый же взгляд в сторону этого человека пригвоздил его к полу.

— Боже милостивый! — прошептал он. — Мой друг... предатель!

Глава 12

АГЕНТ

43

Мунн Ли Компор, Советник Академии, неуверенно протянул руку Тревайзу.

Тревайз угрюмо уставился на протянутую ему руку и не подал своей бывшему товарищу. Он сказал, не глядя Компору в глаза и обращаясь неизвестно к кому:

— Не хотелось бы, чтобы меня арестовали за нарушение порядка на чужой планете, но, клянусь, я за себя не отвечаю, если этот человек приблизится ко мне еще на шаг.

Компор отдернул руку, растерялся, перевел взгляд на Пелората и робко спросил:

— Поговорить-то хоть можно? Объяснить? Ты выслушаешь меня?

Пелорат недоуменно посмотрел на них обоих по очереди.

— Вот чудеса, Голан! Мы прибыли в такой далекий мир и сразу встретили твоего знакомого?

Тревайз в упор смотрел на Компора, но чуть-чуть развернулся в сторону Пелората и ответил ему:

— Это человеческое существо, как можно судить по его внешним очертаниям, некогда было моим другом. Дома, на Терминусе. Как правило, я ничего не скрываю от друзей, и ему я доверял. Я высказывал ему свои суждения, которые, пожалуй, не всегда предназначались для посторонних ушей. А он сообщил о них властям в мельчайших подробностях, но не по-

трудился сообщить мне, что сделал это. По той же самой причине я чуть было не попал в беду и теперь нахожусь в ссылке. Теперь же это человеческое существо желает, чтобы я принял его за друга.

Тревайз, завершив тираду, полностью развернулся к Компору, пятерней откинул назад волосы, но только сильнее растрепал их.

— Послушай, ты, у меня есть к тебе вопрос. Что ты тут делаешь? Почему из всех миров в Галактике, где бы ты мог оказаться, ты оказался именно здесь? И почему — сейчас?

Компор окончательно растерялся. Обычная самоуверенная улыбка стерлась с его милovidного лица, он сразу стал выглядеть моложе. Вид у него был ужасно удрученный.

— Объясню, — сказал он. — Но только с самого начала.

Тревайз быстро огляделся по сторонам.

— Что — здесь? Нет, правда, ты хочешь говорить об этом здесь? В общественном месте? Хочешь, чтобы я съездил тебе по физиономии здесь, когда вдоволь слушаю твою вранья?

Компор прижал руки к груди, как бы защищаясь.

— Уверю тебя, это самое безопасное место.

И тут же, предупреждая реакцию Тревайза, поспешно добавил:

— Можешь не верить, конечно, дело твое. Я говорю правду. Я пробыл на этой планете на несколько часов дольше тебя и все проверил. В Сейшелле есть один особый день в году. День Медитации. Почти все сидят дома... или должны сидеть. Сам видишь, как тут пусто. Не думаешь же ты, что тут каждый день так.

Пелорат кивнул и вставил:

— Да-да, если на то пошло, я был очень удивлен, что тут так мало народу.

Он наклонился к уху Тревайза и прошептал:

— Почему не дать ему выговориться, Голан? Бедняжка, он совсем расстроился. Может быть, он искренне хочет оправдаться. Мне кажется, нечестно отказывать ему в такой возможности.

Тревайз усмехнулся:

— Похоже, доктор Пелорат горит желанием выслушать тебя. Я удовлетворю его просьбу, если ты, в свою очередь, удовлетворишь мою и будешь предельно краток. Видишь ли, у меня сегодня тоже особенный день, день, когда меня страшно легко разозлить. А если сегодня тут все медитируют, шум, который я подниму, может остаться незамеченным стражами порядка. Завтра мне, может, так уже не повезет. Зачем же я буду упускать такую восхитительную возможность?

Компор сдавленным голосом проговорил:

— Знаешь, если не шутишь, давай, я не против. Я и защищаться не стану. Бей, если тебе угодно. Но сначала выслушай меня!

— Валяй говори. Послушаю, пока терпения хватит.

— Во-первых, Голан...

— Будь добр, зови меня Тревайзом. Мы с тобой на брудершафт не пили.

— Во-первых, Тревайз, ты перестарался, убеждая меня в своих взглядах...

— Вот те раз! Перестарался? А мне казалось, что ты ими увлечен.

— Я старался казаться увлеченным, чтобы скрыть, как меня раздражают твои высказывания. Послушай, давай сядем вот тут, у стены? Народу мало, но все-таки вдруг кто-то войдет. Не стоит без нужды привлекать к себе внимание.

Троица медленно пересекла почти всю длину зала. На лице Компора блуждала натянутая улыбка, но из предосторожности он держался на расстоянии вытянутой руки от Тревайза.

Все уселись в кресла, слегка осевшие под грузом и немедленно принявшие очертания тела сидящих. Пелорат ужасно удивился и попытался встать.

— Не волнуйтесь, Профессор, — успокоил его Компор. — Я это уже пережил. Кое в чем они нас опережают. Это мир, где уважают силу маленьких удобств.

Развернувшись к Тревайзу, он положил руку на подлокотник кресла. Уверенности у него сразу поприбавилось.

— Так вот: ты встревожил меня. Ты заставил меня поверить, что Вторая Академия существует, и это меня крайне удручило. Представить только, что они есть на самом деле! Разве так уж невероятно, что тогда они держали бы тебя под присмотром? Что избавятся от тебя как от носителя угрозы? Веди я себя так, будто я с тобой заодно, они бы и меня убрали. Понимаешь?

— Я понимаю, что ты трус.

— А что толку корчить из себя героя триллеров? — широко раскрыв небесно-голубые глаза, спросил Компор и продолжил с воодушевлением: — Разве ты или я способны противостоять организации, способной управлять нашими умами и эмоциями? Единственный путь осознанной, результативной борьбы — скрыть для начала наши знания.

— Значит, ты скрыл их и остался невредим? Но от Мэра Бранно не скрыл, не удержался. Рискнул, хоть и трус?

— Да! Но я решил, что так надо. Разговоры между мной и тобой ни к чему бы не привели, разве что оба мы угодили бы под сеть ментального контроля или у нас обоих в памяти стерли бы всякие воспоминания. Но я подумал, что с другой стороны... рассказать Мэру... Ты знаешь, она была неплохо знакома с моим отцом. Мои родители эмигрировали из Смирны, а бабушка Мэра...

— Да-да, — нетерпеливо перебил его Тревайз. — Перечислив всех своих родственников до десятого колена, ты в конце концов доберешься до Сирианского Сектора. Эту байку ты плел всем, с кем знаком. Закругляйся, Компор.

— Короче говоря, она бы меня выслушала. Если бы мне удалось убедить Мэра в наличии опасности при помощи твоих же аргументов, Федерация могла бы принять какие-то меры предосторожности. Мы не так беспомощны теперь, как во дни Мула. В худшем случае, опасные знания распространились бы немного, но сами мы не были бы тогда в такой опасности.

Тревайз сардонически усмехнулся:

— Поставить Академию под удар, а самим обезопаситься? Удивительное проявление патриотизма.

— Я же сказал — это в худшем случае. А я рассчитывал на лучшее.

Лоб Компора покрылся мелкими капельками пота. Казалось, он невыразимо страдает от несдвигаемой неприязни Тревайза.

— Но меня ты не удосужился оповестить о твоём хитром плане, если не ошибаюсь?

— Нет, и сожалею об этом, Тревайз. Мэр не велела мне этого делать. Она сказала, что хочет знать все, что знаешь ты, но сказала, что ты такой человек, который просто остолбенеет, если узнает, что кто-то передал его слова ей.

— О, как она была права!

— А я не знал, я даже не мог представить, что она додумается до такого — арестует тебя и отправит в ссылку.

— Она ждала удобного момента — времени, когда даже мой титул Советника не защитит меня. Этого ты не предвидел?

— А как я мог? Ты и сам не предвидел такого.

— Знал бы, что ей передали мои воззрения, предвидел бы.

С едва заметным оттенком дерзости Компор сказал:

— Ну да, это теперь. После драки кулаками не машут.

— Ну а теперь-то тебе чего надо? Чего ты от меня хочешь?

— Я хочу извиниться. Извиниться за все неприятности, которые я, сам того не желая — не желая, — причинил тебе.

— Ах! — покачал головой Тревайз. — Как это мило с твоей стороны! Но ты пока не ответил на самый первый мой вопрос: как ты оказался здесь, на той самой планете, где нахожусь я?

— Ответить нетрудно, — сказал Компор. — Я следил за тобой!

— Через гиперпространство? При том, что мой корабль совершил целую серию Прыжков?

— Никаких чудес, — покачал головой Компор. — У меня точно такой же корабль и точно такой же

компьютер. Ты же знаешь, я всегда был мастером в этих фокусах — отлично угадывал, где именно вынырнет корабль после Прыжка. Обычно одна догадливость мало что дает, и два раза из трех я всегда промахивался, но с компьютером все гораздо лучше получается. А перед серией Прыжков ты слегка растерялся, призадумался, что дало мне возможность определить направление и скорость, с которыми ты шел до входа в гиперпространство. Полученные данные вкупе со своими интуитивными экстраполяциями я ввел в компьютер, а он проделал все остальное.

— И действительно попал в город раньше меня?

— Ты не пользовался гравитикой, а я — да. Я подумал: ты наверняка отправишься в столицу, поэтому сразу пошел на посадку, пока ты... (Компор вычертил пальцем в воздухе нечто, напоминавшее путь корабля по спиральной орбите).

— И не побоялся схлестнуться с сейшельскими таможенниками?

— Ну... — очаровательно улыбнулся Компор. — Я не всегда и не во всем трус, как видишь.

Тревайз сдержался.

— А как тебе удалось заполучить такой же корабль, как у меня?

— Точно таким же образом, как ты заполучил свой. Мне его выделила старуха Мэр.

— Почему?

— Я совершенно откровенен с тобой. Я получил задание за тобой следить. Мэр хотела знать, куда ты отправишься и что собираешься делать.

— И ты все честно докладывал ей? Или Мэра ты тоже предал?

— Нет, я ей ничего не докладывал. Но выбора у меня не было. Она распорядилась установить на моем корабле гиперреле. Она, видимо, предполагала, что я его не найду, но я его нашел.

— Ну?

— Увы, оно закреплено таким образом, что я не сумел отсоединить его, не повредив при этом корабль. Следовательно, она знает, где я, и знает, где ты.

— Ну а если допустить, что у нее не было бы возможности следить за мной? Тогда бы она не узнала, где я, — это тебе в голову не пришло?

— Пришло, конечно. У меня была мысль сообщить ей, будто я потерял твой след, но она не поверила бы мне, правда? Тогда я не смог бы вернуться на Терминус бог знает сколько времени. А на Терминусе у меня жена, и я хочу к ней возвратиться. Ты можешь позволить себе такую роскошь — думать только о себе. Я — нет. И потом, я прилетел сюда, чтобы предостеречь тебя. Седдоном клянусь, я хочу, чтобы ты выслушал меня, а ты говоришь о другом.

— Не впечатляет меня твоя трогательная забота. От чего ты хочешь предостеречь меня? Я глубоко убежден: единственное, от чего мне надо беречься, — это ты. Ты предал меня, теперь следишь за мной, чтобы предать еще раз. Никто, кроме тебя, мне никакого вреда не делает.

— Не надо, Тревайз. Перестань. Ты — громоотвод, как ты не понимаешь? Ты был послан, чтобы спровоцировать реакцию со стороны Второй Академии, если такая вещь, как Вторая Академия, существует. Моей интуиции хватает не только на преследование в гиперпространстве, и я уверен — это именно то, чего она хочет. Если ты будешь искать Вторую Академию, они узнают об этом и попытаются от тебя избавиться. Сделав это, они наверняка себя обнаружат. И тогда Мэр Бранно нападет на них.

— Как жаль, что твоя знаменитая интуиция молчала в тряпочку, когда Мэр Бранно задумала меня арестовать.

— Ну, знаешь, — покраснел Компор, — не всегда же она срабатывает...

— Теперь, однако, она тебе подсказывает, что Бранно собирается напасть на Вторую Академию? Она не осмелится.

— Думаю, осмелится. Но дело-то не в этом. Дело в том, что тебя бросили как приманку.

— Вот как?

— Да, вот так, клянусь всеми черными дырами, и не ищи Вторую Академию. Ей-то на тебя плевать, ей

не будет жалко, что ты погибнешь, но мне не все равно. Я чувствую себя виноватым, что все так вышло, и мне не все равно.

— Я тронут, — холодно сказал Тревайз. — Но видишь ли, в данный момент у меня другие интересы.

— Другие?

— Пелорат и я заняты поисками Земли — планеты, которую некоторые считают прародиной человечества. Так, Джен?

Пелорат кивнул:

— Да, это чисто научное предприятие — предмет моих давних изысканий.

Компор на мгновение опешил.

— Ищете Землю? Но зачем?

— Чтобы исследовать ее, — ответил Пелорат. — Исследовать единственный мир, на котором развились люди — из низших форм жизни, по всей вероятности, а не прибыли туда, как во все остальные миры... Это будет потрясающее по своей уникальности исследование.

— Помимо того, — сообщил Тревайз, — не исключено, что в этом мире я сумею больше узнать о Второй Академии. Но это только вероятно.

Компор нахмурился:

— Но никакой Земли нет. Разве вы этого не знаете?

— Нет Земли? — Пелорат приготовился идти в атаку. — Вы хотите сказать, что нет планеты, откуда пошел род человеческий?

— О нет, конечно, когда-то Земля существовала. В этом нет сомнений. Но теперь никакой Земли нет. Нет населенной Земли. Она погибла!

Пелорат упрямо продолжал:

— Да, существуют такие предания...

— Погоди-ка, Джен, — прервал его Тревайз. — Откуда это тебе известно, Компор?

— Как это — откуда? Это моя родословная. Я же веду свой род из Сирианского Сектора, если мне будет позволено еще раз упомянуть о своем происхождении, не задев тебя. Там все знают о Земле. Она находится в этом секторе, а это означает, что она не является субъектом Федерации Академии, и ею на

Терминусе, естественно, никто не интересуется. Но, как бы то ни было, Земля находится именно там.

— Да, именно таково одно из предположений, — согласился Пелорат. — Этому вопросу в свое время было придано большое внимание, так называемой «Сирианской Альтернативе» — так это называлось во времена Империи.

— Это не альтернатива, — упрямо мотнул головой Компор. — Это факт.

Пелорат оседлал любимого конька.

— А что вы мне ответите, если я скажу, что мне известна масса мест в Галактике, которые обитающими в тех краях людьми называются или назывались «Землей»?

— Но это реальность, — возразил Компор. — Сирианский Сектор — самая древняя из обитаемых частей Галактики. Это известно всем.

— Да, сирианцы в этом клянутся, — без колебаний, убежденно и несколько насмешливо сказал Пелорат.

Компор был обижен и задет не на шутку.

— Да нет же, говорю вам...

Тревайз требовательно проговорил:

— Скажи нам, что случилось с Землей. Ты говоришь, она больше не населена. Почему?

— Радиоактивность. Вся поверхность планеты жутко радиоактивна. Ядерная реакция вышла из-под контроля или были ядерные взрывы — точно не знаю, но только жизнь там невозможна.

Все трое некоторое время молча смотрели друг на друга. Компор решил, что для вящей убедительности нужно повторить еще раз.

— Говорю вам: Земли не существует. И искать ее бесполезно.

44

Нельзя было сказать, что выражение лица Джена Пелората сильно переменилось. Ни страсть, ни гнев не отразились на нем. Только глаза сощурились немного, но этого хватило, чтобы обычно бесстрастная

его физиономия обрела черты решимости. Он был за-
дет за живое.

Без тени привычной робости он спросил:

— Позвольте узнать, откуда у вас такие сведения?

— Я уже сказал, — ответил Компор. — Это свя-
зано с моей родословной.

— Не надо шутить, молодой человек. Вы Советник,
а это означает, что родиться вы были должны в одном
из миров, входящих в Федерацию Академии. Если не
запомнил, вы упомянули Смирну?

— Это верно.

— О какой же родословной вы толкуете? Не хоте-
те же вы сказать, что сведения о Земле передались
вам с сирианскими генами?

— Нет, я этого сказать не хочу, — обескуражен-
но пробормотал Компор.

— Что же вы, в таком случае, хотите сказать?

По-видимому, Компор собирался с мыслями и отве-
тил не сразу.

— Дело в том, что в моей семье есть книги по
древней сирианской истории. Не генетическая наслед-
ственность, конечно, — историческое наследие. На
людях мы об этом говорить не любим — такое не в
интересах решивших посвятить себя политической
карьере. У Тревайза на этот счет другое мнение, но,
поверьте мне, о своем истинном происхождении я
упоминаю только в самом узком кругу.

В голосе Компора появился оттенок горечи и обиды.

— Теоретически все граждане Академии равны, но
те, что родились в мирах, давно входящих в Федера-
цию, гораздо более равны, чем те, что родились в
мирах, присоединившихся к ней в более позднее вре-
мя. И уж менее всего к разряду равных относятся те,
кому довелось появиться на свет за пределами Феде-
рации. Ну да ладно. Дело в том, что я не только книги
читал. Однажды мне довелось побывать в древних ми-
рах... Эй, Тревайз, ты куда?

Тревайз в это время уже подходил к треугольному
окну в противоположной стене зала. Оно было устро-
ено так, чтобы лучше видеть небо и весь город в

уменьшенном виде. Тревайз внимательно посмотрел вниз и вскоре вернулся на свое место.

— Забавный дизайн окна, — отметил он, усаживаясь в кресло. — Ты звал меня, Советник?

— Да. Помнишь, после окончания колледжа я отправился в путешествие?

— Сразу после выпуска? Как же, отлично помню. Мы тогда были друзья — воды не разлить. «Дружба до гроба». «Академия навсегда». «Вдвоем — хоть против всего мира». Ты отчалил в свое путешествие. Я, сгорая от патриотических порывов, поступил во Флот. Почему-то мне не захотелось полететь с тобой. Какое-то инстинктивное было нежелание. Жаль, что этот инстинкт не сохранился подольше.

Компор не ответил на вызов.

— Я побывал в Компореллоне, — сообщил он. — Семейная традиция гласила, что мои предки оттуда родом, по крайней мере, с отцовской стороны. В древности мы принадлежали к правящей фамилии — давно, когда Академия еще не поглотила наш мир. Собственно, и фамилия моя происходит от названия этого мира, так принято считать у нас в семье. У звезды, вокруг которой обращается Компореллон, — древнее, поэтически звучащее имя — Эпсилон Эридана.

— Что оно означает? — поинтересовался Пелорат.

Компор покачал головой:

— Не знаю, имеет ли название какое-то значение. Просто традиция. Там до сих пор живут, уделяя страшно много внимания традициям. Это очень древний мир. И у живущих там есть длинные, подробные описания Земли, ее истории, правда, говорить об этом там не слишком любят. У них какие-то предрассудки на этот счет. Всякий раз, собираясь заговорить о Земле и просто произнести это слово, они воздевают руки к небесам и скрещивают указательный и средний пальцы, чтобы избежать несчастья.

— Вы рассказали кому-нибудь об этом, когда вернулись?

— Ну что вы, конечно, нет. Кого бы это заинтересовало? Рассказывать кому-то местные байки? Вот уж спасибо! Я мечтал о политической карьере, и послед-

нее, чего мне хотелось, так это подчеркивать, откуда я родом.

— Как насчет спутника? Можете описать спутник Земли? — неожиданно резко спросил Пелорат.

Компор удивленно приподнял брови.

— Спутник? Я об этом ничего не знаю.

— Есть у нее спутник или нет?

— Не припомню, чтобы я читал или слышал о таком. Но думаю, если вы заглянете в компореллонские книги, то сможете это выяснить.

— Но вам ничего не известно?

— Насчет спутника? Нет, не припоминаю.

— Хм-хм... А как вышло, что Земля стала радиоактивной? — Компор молча покачал головой. — Подумайте, может быть, припомните хоть что-нибудь.

— Это было семь лет назад, Профессор. Я же не знал, что настанет день и вы спросите меня об этом. Была, правда, одна легенда, то есть там считали, что это подлинная история...

— Что за легенда?

— Что-то вроде того, что Земля была радиоактивна, подвергнута остракизму и обманута Империей, население ее пришло к упадку, и она каким-то образом собиралась разрушить Империю — что-то в таком роде.

— Один умирающий мир грозил всей Империи? — скептически спросил Тревайз.

— Но я же сказал — это легенда. И потом, я подробностей не помню. Вроде бы там упоминался Бел Арвардан.

— Кто он был такой? — потребовал Тревайз.

— Реально существовавший человек. Это я выяснял как раз. Помешанный на истории Галактики археолог в первые века Империи. Он утверждал, что Земля находится в Сирианском Секторе.

— Мне знакомо это имя, — кивнул Пелорат.

— Он — народный герой Компореллона. Послушайте, если вы действительно интересуетесь подобными вещами, почему бы вам не отправиться в Компореллон? Тут торчать нет никакого смысла.

Пелорат спросил:

— Но все-таки, что там говорилось — каким образом Земля угрожала Империи?

— Не знаю. Не помню, — несколько раздраженно ответил Компор.

— Сама радиация имела к этому какое-то отношение?

— Не знаю. В некоторых преданиях упоминался еще какой-то властелин умов, родившийся якобы на Земле — «Синапсифайер» или что-то в этом роде.

— Создавал сверхразум? — спросил Пелорат тоном глубокого недоверия.

— Кто знает? Помню только, что вроде бы затея эта не удалась. Люди становились очень умными и рано умирали.

Тревайз сказал:

— Это, вероятно, моралите — сказочка с моралью. Лучшее — враг хорошего.

Пелорат сердито повернулся к Тревайзу:

— Ты много знаешь о нравоучительных историях?

Тревайз удивленно вздернул брови.

— У нас разные интересы, Джен, но это не означает, что я безграмотен.

— Что еще вам известно о том, кого вы назвали Синапсифайером, Советник Компор? — обратился к Компору Пелорат.

— Ничего, и у меня нет намерений долее подвергаться перекрестному допросу. Послушай, Тревайз, я следил за тобой по приказу Мэра. У меня не было распоряжений входить с тобой в личный контакт. Сделал я это только для того, чтобы предупредить, что за тобой слежка, и чтобы сказать тебе: ты послан для того, чтобы выполнить цель Мэра, какова бы она ни была. Больше я ничего обсуждать с тобой не собирался, просто оба вы меня несказанно удивили разговором о Земле. Но я повторю: что бы и когда бы ни существовало, теперь все в прошлом — Бел Арвардан, Синапсифайер... Повторяю: Земля — мертвый мир. Настойчиво рекомендую вам отправиться в Компореллон, если уж это все вас так сильно интересует. А отсюда вам лучше улететь.

— Ага, и ты самым добросовестным образом доложишь Мэру, что мы отправились в Компореллон, а потом отправишься туда за нами, чтобы лично в этом

убедиться. А, может быть, Мэр уже знает? Может быть, она с тобой старательно все отрететировала, и вы по десять раз хором повторили каждое слово из тех, что ты тут наговорил? Может быть, ей как раз очень нужно, чтобы мы полетели именно в Компореллон? Что скажешь, а?

Компор сильно побледнел. Он встал и, с трудом подбирая слова, проговорил:

— Я пытался объяснить. Хотел помочь. Видимо, не стоило. Можешь катиться ко всем чертям, Тревайз.

Резко развернувшись на каблуках, он быстро, не оглядываясь, ушел.

Пелорат несколько смутился.

— Голан, дружок, ты, пожалуй, был с ним не слишком тактичен. А мне кажется, я бы сумел еще кое-что у него выпросить.

— Нет. Не сумел бы, — печально отозвался Голан. — Ничегошеньки ты бы от него не узнал, кроме того, что он сам был готов рассказать. Джен, ты не знаешь, что это за человек. И я сам до сегодняшнего дня не знал, кто он такой.

45

Тревайз замолчал надолго. Он сидел в кресле не шевелясь, погружившись в раздумья. Пелорат долго не решался побеспокоить его.

Наконец Пелорат собрался с духом и спросил:

— Мы так и будем всю ночь тут сидеть, Голан?

Тревайз отсутствующим взглядом посмотрел на спутника.

— Что? А, ты прав, пойдем отсюда. Лучше пойдем куда-нибудь, где есть народ. Пошли!

Пелорат встал.

— Вряд ли — это я насчет народа. Компор сказал, что сегодня у них тут День Медитации.

— Он так сказал? Ну-ну. Скажи, на дороге было движение, когда мы ехали сюда?

— Да, пожалуй, было кое-какое.

— Вот именно. А когда в город въехали, разве на улицах было пусто?

— Не очень... Но все-таки тут почти никого нет, это ты должен признать.

— Вот-вот. Это не давало мне покоя. Ну пошли, Джен, а то я голоден как волк. Надо разыскать приличное заведение, чтобы вкусно поесть. Можем себе позволить даже некоторые излишества в виде какого-нибудь экзотического сейшельского блюда. Ну а если оно вызовет у нас слишком сильное нервное напряжение, слопаем чего-нибудь стандартного галактического. Ну, вперед, а когда мы будем в надежном окружении людей, я тебе расскажу, что же на самом деле случилось — как мне кажется.

46

Тревайз прислонился к спинке стула. На лице его было написано удовольствие. Он действительно наслаждался новыми впечатлениями. Ресторанчик, по меркам Терминуса, оказался совсем недорогим, но удивительно уютным. Ну, например, обогрелся он частично открытым огнем, на котором прямо на глазах посетителей готовили пищу. Мясо подавали обжаренным кусочками, приправленными разнообразными пикантными соусами. А брать кусочки полагалось руками; дабы не обжечь пальцы, нужно было заворачивать мясо в мягкие, нежные зеленые листья — на ощупь листья были холодные, влажные, с тонким мятым ароматом. В общем, завернул мясо в листик — и в рот. Официант во всех деталях, на словах и жестах, объяснил нашим путешественникам, как это проделывать. Вероятно, ему частенько доводилось иметь дело с иностранцами, поэтому он только отечески улыбался, наблюдая, как Пелорат и Тревайз тоскливо поглядывают на куски мяса, от которых валил густой пар, и выказал искреннюю радость, когда на лицах обоих посетителей отразилось понимание и удовлетворение — мясо, обернутое листьями, не обжигало.

— Восхитительно! — сказал Тревайз. — Я заказал вторую порцию.

Пелорат последовал его примеру.

Когда был подан похожий на губку, чуть сладковатый десерт и кофе с едва заметным привкусом карамели, они с сомнением покачали головой и добавили в кофе сиропа. Тут уж официант с сомнением покачал головой.

— А что же все-таки произошло в Туристическом Центре? — спросил Пелорат.

— Ты про Компора?

— Не знаю. Просто ты обещал объяснить.

Тревайз осмотрелся. Столик, за которым они сидели, стоял в нише, и в каком-то смысле они были отделены от других посетителей, которых, надо сказать, в ресторане было немало. Общий звук голосов давал прекрасную возможность говорить о чем угодно.

Тревайз вполголоса задал вопрос:

— Не странно ли, что он тащился за нами до Сейшелла?

— Он сказал, что ему помогли его интуитивные способности.

— Что правда, то правда — он действительно в колледже был чемпионом по гиперпространственному преследованию. В его способностях я до сегодняшнего дня не сомневался. Вполне можно допустить, что один человек, обладая определенным мастерством и опытом, зная кое-какие исходные параметры, может определить, как и куда прыгнет другой и где после Прыжка окажется. Но я не могу понять, как можно вычислить, где окажется преследуемый после серии Прыжков. Готовишься ведь только к первому, а все остальные выполняет компьютер. Следящий может оценить и определить траекторию лишь первого Прыжка, но как он может понять, что в это время творится внутри компьютера?

— Но он сделал это, Голан.

— Сделал, вот именно. И добиться этого он мог единственным способом — он заранее знал, куда мы направляемся. Знал, а не вычислил.

Пелорат подумал и сказал:

— Невозможно. Совершенно невозможно, мой мальчик. Откуда ему было знать? Мы сами не знали, куда полетим, пока не взошли на борт «Далекой Звезды».

— То-то и оно. Ну а как тебе нравится этот День Медитации?

— Компор не солгал нам. Я спросил у официанта, и тот сказал, что сегодня действительно такой день. Ты же сам слышал.

— Да, он так сказал, но не сказал же он, что ресторан закрыт? На самом деле, он сказал примерно вот что: «Сейшелл-Сити не вымирает. Да, люди на планете медитируют, но только не в большом городе, где все просвещенные, неотсталые. Это в маленьких городках так. В общем, городской транспорт работает, и на улицах людно — ну, может, не так, как в обычные дни». Вот так он сказал.

— Но, Голан, в Туристический Центр никто не пришел, пока мы там были. Я же видел — никто.

— Я это тоже заметил. Во время беседы с Компором, если помнишь, я встал и подошел к окну, и увидел, что на прилегающих к Центру улицах полно народу и автомобилей, и все-таки ни одна душа в Центр не заглянула. День Медитации — замечательное прикрытие. Мне бы и в голову не пришло подвергать сомнению столь счастливую случайность, позволившую нам побеседовать наедине, если бы я заранее не настроился не верить ни одному слову этого сынка двоих чужеземцев.

— Что же тогда все это значит? — недоумевающе спросил Пелорат.

— Я думаю, Джен, все предельно просто. Что мы имеем? Мы имеем человека, который знает, куда мы отправимся, стоит нам только подумать об этом; человека, способного превратить бойкое общественное место в необитаемое для того, чтобы переговорить с кем-то с глазу на глаз.

— Ты хочешь убедить меня в том, что он способен творить чудеса?

— Конечно. Ничего нет удивительного, если Компор — агент Второй Академии и способен управлять сознанием кого угодно, если он способен прочесть мои и твои мысли, находясь в корабле, далеко отстоящем от нашего, если может без труда прошмыгнуть мимо таможенников, если может совершить посадку с помощью гравитационного двигателя, и при этом пограничная

служба даже не отваживается предложить ему направляющий радиолуч, если он может настроить сознание людей таким образом, что они не войдут туда, куда хотели бы войти, если ему в этом месте вздумалось с кем-то переговорить с глазу на глаз... Могу повторить все в обратном порядке, — все более печально продолжал Тревайз, — от этого, клянусь, ничего не изменится. Я действительно не летал с ним тогда, после колледжа. Помню, что не захотел. Но не под его ли влиянием не захотел? Наверное, он должен был лететь один. Но куда он летал на самом деле, вот вопрос.

Пелорат отодвинул в сторону стоявшие перед ним тарелки, будто чистое пространство нужно было ему, чтобы лучше сосредоточиться. Оказалось, что только этого и ждал самодвижущийся столик — он тут же подкатился к их столу и подождал, пока на него составят использованную посуду, после чего бесшумно откатился.

— Но это безумие! — прошептал Пелорат. — На самом деле, ничего не случилось такого, что не могло бы произойти естественным путем. Это всегда так. Стоит только в голову прокрасться мысли о том, что кто-то управляет естественным ходом событий, как начинаешь все этим объяснять и никогда не обретишь настоящей уверенности. Послушай, дружок, это все условно и зависит от интерпретации. Не поддавайся паранойе.

— Поддаваться благодущию я тоже не собираюсь.

— Ну давай посмотрим на все логически. Допустим, он — агент Второй Академии. Зачем ему понадобилось рисковать и вызывать у нас подозрения, опустошая Туристический Центр? Что он такого сказал важного, чтобы этого не могли услышать посторонние, которые все равно были бы заняты своими делами?

— На это ответить легко, Джен. Ему нужно было держать наши с тобой сознания под пристальным наблюдением, вблизи, и он не хотел, чтобы сознания других людей ему помешали.

— Это опять-таки всего лишь твоя интерпретация. Мне кажется, ничего такого особенного он нам не сказал. И вполне логично допустить, что цель разговора была именно такова, как он сказал: объяснить случив-

шееся, извиниться за это и предупредить о грозящей нам опасности. Зачем залезать в дебри?

На дальнем краю стола загорелась щелочка приема кредитных карточек. Тревайз порывлся в сумке и вытащил кредитную карточку, выданную в Академии, — она годилась для расчетов по всей Галактике — и опустил ее в щель. Расчет занял несколько мгновений, но Тревайз с врожденной предосторожностью проверил, какая сумма осталась за вычетом причитавшейся за еду, и только тогда убрал карточку в сумку.

Более пристально оглядев теперь уже немногочисленных посетителей рестораника, он переспросил полупшепотом:

— Зачем лезть в дебри? Зачем? Это не все, о чем он говорил, Джен. Еще он говорил о Земле. Он утверждал, что она погибла, и самым настоятельным образом советовал нам не искать ее, а лететь в Компореллон. Полетим?

— Я как раз об этом и думал, Голан, — признался Пелорат.

— Что, готов лететь туда?

— Ну, сюда мы можем вернуться после того, как обследуем Сирианский Сектор.

— Ну-ну. А тебе не кажется, что вся цель встречи с нами как раз и состояла в том, чтобы увести нас подальше от Сейшелла? Выкинуть куда угодно, лишь бы только нас тут не было?

— Но зачем?

— Не знаю. Послушай: они ожидали, что мы отправимся на Трентор. Ты этого хотел безумно, и очень может быть, что именно на это они и рассчитывали. Отправившись на Сейшелл, я спутал их карты. Возможно, этого они как раз хотели меньше всего, и теперь им остается одно — попытаться отправить нас отсюда куда подальше.

Пелорат был просто убит.

— Но, Голан, зачем им это? Ты только делаешь заявления и ничего не объясняешь. Чем мы им можем помешать на Сейшелле?

— Не знаю, Джен, но мне вполне достаточно того, что они нас тут не хотят. Именно поэтому я остаюсь здесь. И улетать не собираюсь.

— Но... Но... Послушай, Голан, если бы Вторая Академия хотела, чтобы мы улетели отсюда, разве они не могли бы просто настроить наше сознание таким образом, чтобы мы сами захотели улететь?

— Ну, раз уж ты сам об этом заговорил... разве кое-что в этом смысле им не удалось провернуть? — Тревайз прищурился и в упор посмотрел на Пелората. — Ну говори: разве ты не хочешь улететь?

Пелорат ответил Тревайзу удивленным взглядом:

— Но... в общем, мне кажется, что это как бы не лишено определенного смысла...

— Естественно, кажется, раз на тебя определенным образом повлияли.

— Но я не...

— Естественно, ты будешь с пеной у рта клясться, что ничего не было, раз это было.

Пелорат пожал плечами:

— Знаешь, когда ты так говоришь, нет смысла доказывать обратное. И что ты собираешься делать?

— Останусь на Сейшелле. И ты тоже. Без меня тебе с кораблем не управиться, поэтому если Компору и удалось тебя обработать, не того он, голубчик, обработал, кого надо.

— Очень хорошо, Голан. Давай останемся здесь, пока у нас не возникнет независимых причин улететь. Самое худшее для нас, так мне, по крайней мере, кажется, это потерять друг друга. Послушай, дружок, если бы меня, как ты выразился, «обработали», разве я смог бы сейчас сидеть тут с тобой и говорить так, как говорю?

Тревайз лишь на мгновение задумался и порывисто протянул руку товарищу улыбаясь:

— О'кей, Джен. А теперь пошли на корабль. Завтра стартуем. Если получится.

47

Самого момента, когда его завербовали, Мунн Ли Компор не помнил. Во-первых, он тогда был совсем ребенок, а во-вторых, агенты Второй Академии старались не оставлять следов.

Компор был Наблюдателем — должность для Второй Академии очень важная.

Это означало, что Компор был обучен основным принципам менталики и мог на определенном уровне общаться с сотрудниками Второй Академии на их языке, стоя, однако, на самой низкой ступени иерархической лестницы. Он умел «читать» сознания, но манипулировать ими не мог. Этому его не обучали. Его обязанностью было наблюдение, а не какая-либо активная деятельность.

В лучшем случае его должность тянула на второй класс, но против этого он нисколько не возражал. Его устраивала собственная роль в схеме событий.

В первые века своего существования Вторая Академия переоценивала свои возможности. Тогда полагали, что горстка ее сотрудников способна без особого труда справиться со всей Галактикой, что сохранение Плана Седдона потребует лишь случайных по большинству прикосновений в отдельных местах.

Мул излечил Вторую Академию от этих заблуждений. Он поймал ее (и Первую тоже, хотя это было и не так важно) врасплох, и обе Академии оказались совершенно беспомощными. Пять лет миновало, прежде чем была найдена возможность организовать контратаку, да и удалась она лишь ценой жизни некоторых сотрудников.

Полное выздоровление наступило только при Приме Пальвере. Нелегко дались ему принятые им меры. Он решил, что действия Второй Академии должны осуществляться целенаправленно и безгранично широко, но при этом опасность ее нечаянного обнаружения должна быть снижена до минимума. С этой целью он учредил институт Наблюдателей.

Компор не знал, сколько всего Наблюдателей в Галактике, не знал, и сколько их на Терминусе. И не должен был знать. В идеале никакие два Наблюдателя не должны были знать друг друга, чтобы гибель одного из них не повлекла за собой гибели второго. Все связи осуществлялись через высший эшелон на Трен-торе.

Конечно, по-человечески Компор не был лишен амбиций и мечтал когда-нибудь побывать на Тренторе. Он знал, что это маловероятно, но знал также, что в редких, исключительно редких случаях Наблюдателей вызывают на Трентор и повышают в должности. Но случаев таких было очень мало. Качества, которыми было положено обладать хорошему Наблюдателю, совсем не те, что были нужны для работы за Столом.

Ну, например — существовал Гендибаль, и был он на целых четыре года моложе Компора. Скорее всего, завербован он был в столь же нежном возрасте, что и Компор, но он сразу был взят на Трентор, и теперь он был Оратором. Компор отлично понимал почему. В последнее время он довольно часто контактировал с этим молодым человеком и имел возможность ощутить силу его сознания. В схватке с ним Компор бы и секунды не продержался.

На самом деле, о том, что положение его не слишком высоко, Компор задумывался нечасто. В конце концов, думал он (и, наверное, так думали многие Наблюдатели), статус его невелик только по меркам Трентора. А в своих мирах, в нементальных сообществах Наблюдателям было довольно просто достичь высокого положения.

Компор, например, без особых хлопот учился в привилегированных учебных заведениях, вращался в прекрасных компаниях. Используя знания в области менталики на самом примитивном уровне, он усиливал свои природные интуитивные способности (а именно развитая интуиция стала причиной его вербовки, в этом он был уверен), ну, например, стал звездой колледжа в гиперпространственном преследовании. Преуспев в колледже, он обрел возможность шагнуть на первую ступень политической карьеры. Вот закончится теперешний кризис, кто знает, как высоко ему суждено шагнуть!

Если кризис разрешится успешно — а он наверняка разрешится именно так, — разве не вспомнят, что именно Компор первым обратил внимание на Тревайза, но не человека Тревайза — это мог сделать любой, — а исключительно на его сознание?

С Тревайзом Компор познакомился в колледже и поначалу видел в нем лишь веселого и неглупого приятеля. Но в одно прекрасное утро Компор очнулся от забытья и с горечью яви, захлестнувшей от края до края несуществующую страну полусна, осознал, что ему нестерпимо жаль, что Тревайз не завербован и никогда не будет завербован.

Это было невозможно в принципе, потому что Тревайз родился на Терминусе, а не был, как Компор, уроженцем другого мира. Но даже если оставить это в стороне, все равно уже было слишком поздно. Только юное, гибкое сознание годилось для обучения менталике, а болезненное внедрение этого искусства (это скорее все-таки было искусство, а не наука) во взрослый мозг, отягощенный накопленными представлениями, утративший гибкость и податливость, применялось лишь в течение жизни первых двух поколений после Седона.

Но почему, почему, если Тревайз не годился для вербовки по первому признаку и давно вышел из возраста по второму, почему Компор вообще задумывался об этом?

При первой же встрече с Тревайзом Компор проник в его сознание более глубоко и понял причину своих мучений. Сознание Тревайза было совершенно особенным, было в нем что-то такое, что не укладывалось в рамки полученного Компором образования. Снова и снова оно ускользало от Компора. Он продолжал изучать сознание Тревайза и обнаруживал пропасти — нет, не настоящие пропасти, а участки, куда Компор просто не мог проникнуть.

Компор не знал, что это значит на самом деле, и принялся следить за поведением Тревайза в свете этой загадки. Скоро он заметил, что Тревайз способен принимать безошибочные решения в ситуациях, явно не изобиловавших количеством необходимой информации.

Была ли тут какая-то связь с обнаруженными Компором пропастями? Он не знал, знал лишь, что это за пределами его собственных способностей в области менталики — не исключено, что и Стол Ораторов не

одолеет бы этой задачи. Тяжелы были раздумья Компора — он думал, что, вероятно, способность принимать решения, природа самой этой способности неизвестны даже самому Тревайзу, что Тревайз мог бы...

Что мог бы сделать Тревайз? Знаний Компору явно недоставало. Порой ему казалось, что он почти ухватил конец ниточки, которая выведет его на верное решение, но ниточка ускользала. Всего лишь интуитивная догадка: Тревайз потенциально мог быть личностью, от которой многое зависело.

Компор не мог отбросить в сторону вероятность того, что это так и есть, и решил рискнуть. В конце концов, если он окажется прав...

Теперь, вспоминая о пережитом, он просто удивлялся, как ему хватило мужества, самообладания продолжать свои попытки. Он не мог проникнуть за административные барьеры, которыми, как колючей проволокой, был окружен Стол Ораторов. Ему грозила полная потеря репутации. Он отчаянно пытался пробиться хотя бы к самому младшему из членов Стола, и наконец на его призыв ответил Гендибаль.

Гендибаль терпеливо выслушал Компора, и с той поры между ними установились совершенно особые отношения. Следуя указаниям Гендибала, Компор сохранил отношения с Тревайзом; повинувшись Гендибалу, Компор выстроил цепочку событий, которые в конце концов привели к ссылке Тревайза. Именно благодаря Гендибалу к Компору вернулись слабые надежды на повышение в должности на Тренторе.

Однако все приготовления были рассчитаны на то, чтобы заманить Тревайза на Трентор. Отказ его от этого маршрута застал Компора врасплох. Видимо, думал он, это не было предусмотрено и Гендибалем.

Как бы то ни было, теперь Гендибаль торопился к месту событий. Компор понимал, что кризис углубляется.

Сигнал Компора понесся через гиперпространство.

48

Прикосновение к сознанию разбудило Гендибала. Никакого раздражения он не ощутил — сигнал воздействовал непосредственно на центр сна головного мозга.

Проснулся, сел в кровати. Упавшая простыня обнажила его тренированный, с мягкими очертаниями мускулов торс. Гендибаль сразу узнал, кто его вызывает, — различия в менталике столь же выразительны, как различия в звучании голосов для тех, кто привык общаться звуками.

Гендибаль ответил на сигнал и спросил, можно ли выйти на связь чуть позже. Ответ был: «Срочности нет».

Затем размеренно, не спеша он принялся за обычные утренние дела. Гендибаль еще стоял под душем, когда решил, что пора возобновить связь.

— Компор?

— Да, Оратор.

— Вы говорили с Тревайзом и его спутником?

— Пелоратом. Его зовут Джен Пелорат. Да, Оратор.

— Хорошо. Подождите еще пять минут, я настрою визуальную связь.

По пути в отсек управления Гендибаль столкнулся с Сурой Нови. Она смотрела на него вопросительно и готова была заговорить, но он прижал палец к губам, и она немедленно повиновалась. Гендибаль все еще чувствовал себя неловко рядом с ней — чересчур сильно ее сознание излучало преклонение перед ним, обожание. Он надеялся со временем к этому привыкнуть.

Тонкая нить соединяла их сознания постоянно, и теперь никто не смог бы принести вреда сознанию Гендибаля, не оставив для начала следа в сознании Нови. Гендибаль испытывал поистине эстетическое наслаждение, любясь время от времени удивительной красотой и симметрией сознания этой простой женщины. Он был благодарен судьбе за тот благородный порыв, что овладел им, когда они стояли вдвоем у стен Университета, за то, что случай привел Нови к нему именно тогда, когда это было так нужно.

— Компор, — сказал Гендибаль.

— Да, Оратор.

— Расслабьтесь, пожалуйста. Я должен изучить ваше сознание. Прошу не обижаться на меня.

— Как вам будет угодно, Оратор. Могу я поинтересоваться, с какой целью?

— Чтобы убедиться, что ваше сознание незатронуто.

— Я знаю, Оратор, что у вас за Столом, — сказал Компор, — есть политические противники, но, конечно же, никто из них...

— Не размышляйте, Компор. Расслабьтесь... Так... Нет, с вами все в порядке. А теперь, если вы мне немного поможете, мы наладим визуальный контакт.

То, что произошло затем, в общем и целом можно было счесть иллюзией, обманом зрения, поскольку никто, кроме обладающего ментальной тренировкой сотрудника Второй Академии, не смог бы увидеть ровным счетом ничего как глазами, так и выявить что-либо с помощью какого-то физического прибора.

Происходило конструирование внешности собеседника по контурам сознания. Даже лучшим менталистам удавалось создавать туманные, размытые очертания. Лицо Компора появилось перед Гендибалем, окутанное легкой дымкой. Он знал, что Компор видит сейчас его точно так же.

Добавление к ментальному контакту физической силы гиперволн создавало у собеседников иллюзию беседы с глазу на глаз, в то время как их разделяли тысячи парсеков. Корабль Гендибала был оборудован соответствующим устройством.

Видеоменталика имела свои преимущества. Главное состояло в том, что никакими имеющимися в распоряжении Первой Академии приборами ее нельзя было выявить. Кроме того, визуальное созерцание собеседника сообщало ментальной связи законченность, отточенность.

Что же касается Анти-Мулов — ну что ж, для того чтобы удостовериться, что никто не вмешивается в разговор, достаточно было самого чувствительного прибора — чистого сознания Нови.

— Передайте мне дословно, Компор, — потребовал Гендибаль, — ваш разговор с Тревайзом и этим... Пелоратом. Все в точности, до уровня сознания.

— Хорошо, Оратор.

Пересказ не занял много времени. Комбинирование звуков, мимики и менталики значительно сокращало

время беседы, и объем информации передавался гораздо больший, чем при обычном разговоре.

Гендибаль был весь внимание. В ментовидении не было мелочей, ничего нельзя было упустить. При общении вблизи, даже при физическом гипервидении на расстоянии многих парсеков, можно было позволить себе роскошь что-то упустить из избыточных битов информации, не пропустив самого главного.

Дымка ментовидения создавала абсолютную безопасность общения ценой утраты этой роскоши.

От инструкторов к студентам из поколения в поколение на Тренторе переходили ужасные истории, сочинявшиеся специально для того, чтобы вселить в души юных, начинающих, понятие сверхважности концентрации внимания. История, которую рассказывали чаще остальных, была, конечно, наименее реальной. Повествовала она о том времени, когда Мул добился самых первых успехов — еще до захвата им Калгана. Тогда якобы один младший сотрудник Второй Академии получил сообщение, и в сознании у него не отразилось ничего, кроме фразы «похожее на лошадь животное», поскольку он упустил тончайший оттенок значения в сообщении, где говорилось о том, что это — кличка. Этот сотрудник, ничтоже сумняшеся, решил, что сообщению такому не стоит придавать особого значения, и не стал передавать его на Трентор. К тому времени, когда поступило следующее сообщение, было уже слишком поздно действовать немедленно, и пришлось пережить пять горьких лет.

На самом деле, конечно, ничего такого и в помине не было, но это было неважно. История производила убийственное впечатление и служила своей цели: убедить любого студента в важности интенсивной концентрации.

Гендибаль до сих пор не забыл, как в студенческие годы совершил ошибку при ментальном приеме, и сам счел ее незначительной и допустимой. Его учитель — старик Кендест, тиран до самой глубины серого вещества мозга — ехидно хихикнул тогда и поинтересовался: «Животное, похожее на лошадь, студент Генди-

баль?» Гендибаль был готов сквозь землю провалиться от стыда.

Компор закончил пересказ разговора.

Гендибаль попросил:

— Оцените, пожалуйста, реакцию Тревайза. Вы знаете его лучше, чем я или кто-либо другой.

Компор ответил:

— Тут все просто. Ментальные причины налицо. Он думает, что мои слова и действия отражают мое непреодолимое желание отправить его на Трентор, в Сирианский Сектор — куда угодно, только не туда, куда он собрался отправиться. По моему мнению, это означает, что он из одного упрямства останется там, где находится, и полетит туда, куда хочет. Поскольку он считает, что его интересы диаметрально противоположны моим, он поступит именно так.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно уверен.

Подумав, Гендибаль решил, что Компор прав.

— Я доволен вами, — сказал он. — Вы хорошо поработали. Ваша история о радиоактивной гибели Земли была выдумана исключительно удачно — это вызвало в сознании собеседников адекватную реакцию без необходимости прямой манипуляции. Похвально.

Компор некоторое время боролся сам с собой. Наконец он сказал:

— Оратор, я недостоин вашей похвалы. Я не придумывал эту историю. Это правда. Планета под названием Земля действительно находится в Сирианском Секторе, и ее действительно считают прародиной человечества. Она радиоактивна — либо с самого начала была такой, либо стала такой впоследствии, и радиоактивность там нарастала. В конце концов планета погибла. На самом деле, там было изобретено устройство для усиления активности мозговой деятельности, но это ни к чему не привело. У меня на родине эта информация считается достоверной.

— Вот как? Забавно, — откликнулся Гендибаль, не слишком веря истинности сказанного Компором. — Что ж, тем лучше, если это правда. Солгать с той же долей искренности невозможно. Однажды Прим Паль-

вер сказал: «Чем больше ложь похожа на правду, тем лучше, и лучшая ложь — правда!»

— Я еще кое-что должен сообщить вам, Оратор, — сказал Компор. — Действуя в соответствии с распоряжениями удержать Тревайза в Сейшельском Секторе любой ценой, я, видимо, зашел слишком далеко, и теперь он подозревает, что я — агент Второй Академии.

Гендибаль кивнул:

— Полагаю, в данных обстоятельствах это неизбежно. Вторая Академия — его монomanия, и он склонен видеть ее даже там, где ее нет. Нужно просто учесть это.

— Оратор, если так необходимо удержать Тревайза здесь, пока вы сюда доберетесь, дело бы значительно упростилось, если бы я вылетел вам навстречу, принял вас на борт моего корабля и доставил сюда. Это займет не более одного дня...

— Нет, Наблюдатель, — резко оборвал его Гендибаль. — Этого делать не следует. Люди на Терминусе знают, где вы находитесь. На вашем корабле находится гиперреле, которое вам не удалось уничтожить. Так?

— Так, Оратор.

— Если на Терминусе знают, что вы приземлились на Сейшелле, значит, об этом знает посол Академии. Знает он также, что на Сейшелле находится Тревайз. Ваше гиперреле сообщит на Терминус о том, что вы вылетели с Сейшелла в определенную точку на сотни парсеков от планеты и вернулись обратно. Сообщив об этом на Терминус, посол не преминет, однако, указать, что Тревайз остался в пределах Сейшельского Сектора. Сколько догадок промелькнет из-за этого у людей с Терминуса! Мэр Терминуса — жестокая женщина, и меньше всего нам хотелось бы задавать ей странные загадки. Мы не хотим, чтобы она выслала сюда бригаду Флота. Рисковать не стоит, Компор.

— Со всем уважением, Оратор, — почтительно обратился к Гендибалу Компор. — Но какие причины у нас бояться Флота, если мы можем воздействовать на сознание командующего?

— Как бы мало ни было причин, все равно гораздо безопаснее, если Флота тут не будет. Оставьте на

месте, Наблюдатель. Когда я доберусь, я перейду в ваш корабль, и тогда...

— И тогда, Оратор?

— Тогда я все возьму на себя.

49

Ментовизионная связь с Компором прекратилась, а Гендибаль все сидел неподвижно, погруженный в раздумья. Шли минуты за минутами.

Долог оказался этот путь к Сейшеллу, ох, как долог и в буквальном смысле, поскольку его корабль по техническим характеристикам не шел ни в какое сравнение с кораблем Компора, и в переносном — сообщения о Тревайзе шли уже целых десять лет.

Да, в свете последних событий у Гендибаля не было никаких сомнений в том, сколь ценным приобретением для Второй Академии мог бы стать этот человек, если бы со времен Прима Пальвера не практиковалась политика жесткой неприкосновенности Терминуса.

Трудно сосчитать, скольких потенциальных сотрудников лишилась за последнее столетие Вторая Академия. Возможности оценивать ментальные способности каждого из квадриллионов людей, живущих в Галактике, не было. Но ни один из этих людей не шел ни в какое сравнение с Тревайзом — он и только он мог оказаться в такое время в таком месте...

Гендибаль с горечью покачал головой. Нет, нельзя, нельзя было упускать Тревайза, списывать его со счетов, где бы он ни родился, хотя бы даже на Терминусе. Честь и хвала Наблюдателю Компору за то, что вовремя заметил Тревайза, хотя тот уже тогда по возрасту не годился для вербовки.

Теперь Тревайз не годился ни по какой статье — для обучения, тренировки он был слишком стар, но по-прежнему обладал колоссальной интуицией, талантом принимать решения, делать выводы на основании предельного минимума информации и чего-то еще... чего-то еще...

Старик Шендесс заметил это; несмотря на всю свою усталость и апатию, он был-таки неплохим Ора-

тором — он разглядел нечто необычное в Тревайзе, не располагая всеми теми сведениями, что накопились у Гендибала за долгое время. Шендесс решил, что ключ к разрешению кризиса — в руках Тревайза.

Почему Тревайз на Сейшелле? Какие у него намерения? Чем он занимается?

А трогать его было нельзя! В этом у Гендибала не было сомнений. До тех пор пока роль Тревайза не будет выяснена окончательно, к сознанию его нельзя прикасаться никоим образом. Кто бы ни были, что бы собой ни представляли Анти-Мулы, один неверный шаг, одно неловкое движение в сторону Тревайза могли погубить все дело.

В раздумья Гендибала вмешалось прикосновение чьего-то сознания, и он раздраженно отмахнулся от него, как будто пытался отогнать надоедливую тренторианскую мошку — разумом, конечно, а не рукой. Но тут же почувствовал, что этому сознанию больно, встрепенулся и поднял глаза.

Сура Нови стояла перед ним, прижав руку ко лбу.

— Простить меня, Господин, мой голова сильно заболеть вдруг.

Гендибалу стало стыдно.

— Прости, Нови. Я не думал... то есть, наоборот, я слишком сильно задумался.

И он нежно, ласково разгладил складки тревоги и боли на ткани ее сознания.

Нови просияла:

— Уже все пройти. Добрый звук ваших слов, Господин, мне хорошо очень помогает.

— Ну и хорошо, — улыбнулся Гендибаль. — Что-нибудь случилось? Зачем ты пришла? — спросил он, отказавшись выяснять причину сам. Все меньше хотелось ему переступить эту грань.

Нови растерялась и слегка склонила голову.

— Я быть не понимать. Вы быть смотреть никуда, делать звуки и ваше лицо так дергаться... И я стоять тут и думать, может, вы заболеть, и я не знать, что мне делать.

Страх, озабоченность или какие-то еще эмоции снова исказили симметрию сознания Нови. Гендибалу

так нравилось зрелище безмятежности и спокойствия разума Нови, но ему опять стало неловко вмешиваться извне; она сказала, что сами его слова, сам звук его голоса успокаивают ее — пусть так и будет.

— Нови, — спросил он, — а почему мне нельзя звать тебя Сурой?

Лицо ее озарилось ужасом, глаза сверкнули.

— О Господин, не быть так делать!

— Но Руфирант звал тебя так в тот день, когда мы познакомились. Теперь мы с тобой хорошо знакомы, и...

— Я быть хорошо знать, как он называть меня, Господин. Так быть мужчина звать женщина, у которой не быть мужчина, которая не иметь жениха, на которую никто не смотреть. Тогда такая женщина называть первый имя. Мне быть лучше, если меня вы называть «Нови», и я быть гордый, когда вы звать меня так. Пусть у меня не быть никакой мужчина сейчас, зато у меня быть Господин, и я очень довольная быть. Я надеяться, вам не быть сильно трудно звать меня Нови.

— Не трудно, Нови, конечно.

Сознание ее стало гладким, бархатистым, и Гендибаль обрадовался. Слишком обрадовался. А следовало ли?

Несколько стыдливо он вспомнил о том, что простая женщина из Первой Академии, Байта Дарелл, в свое время жутко уязвила Мула, затронув тему его бесплодия...

Тут, конечно, дело совсем другое... Эта думлянка нужна была ему как защита от вмешательства чужеродного сознания, и Гендибаль хотел, чтобы она служила этой цели как можно лучше.

О нет, нельзя врать самому себе... Какой же он Оратор, если перестанет честно отвечать на вопросы собственного сознания? Правда состояла в том, что его радовало, когда Нови спокойна и счастлива сама по себе, без его помощи и вмешательства, и нравилось ему это потому, что ему нравилась она, и ничего дурного в этом нет — мелькнула у него дерзкая мысль.

— Садись, Нови, — сказал Гендибаль.

Она осторожно присела на краешек кресла — так далеко от Гендибаля, насколько позволяли размеры отсека. Сознание ее светилось почтительным уважением.

— Нови, — принялся пояснять Гендибаль, — видишь ли... когда ты видела, что я произвожу странные звуки, я говорил с другим человеком на большом расстоянии. Так разговаривают ученые.

Нови смущенно опустила взгляд.

— Я видеть, Господин, что очень много быть такое, что делать и знать ученые, чего мне никак не понять быть. Это быть такой трудный наука, все равно как высокий-превысокий гора. Мне стыдно быть, что я прийти к вам и думать, что я уметь стать ученая. Не знаю, как это вы, Господин, не смеяться на меня?

Гендибаль улыбнулся:

— Нови, но вовсе не стыдно стремиться к чему-то, чего ты не понимаешь. Ты, конечно, слишком взрослая уже для того, чтобы стать ученой — я начал учиться, когда был совсем маленьким. Но учиться никогда не поздно, всегда можно узнать больше, чем знаешь, и научиться делать больше, чем умеешь. Пока мы здесь, на корабле, я постараюсь научить тебя чему-нибудь. И к тому времени, когда мы доберемся до цели, ты будешь знать гораздо больше.

Гендибаль был окрылен. Почему бы и нет? Почему не отказаться от стереотипного отношения к думлянам, принятого во Второй Академии? И какое, собственно, право имела гетерогенная группа сотрудников Академии ввести этот стереотип? В конце концов, рожденные сотрудниками дети сами достигали больших высот не так уж часто. Дети Ораторов получали такую же квалификацию в исключительных случаях. Вроде бы три столетия назад в династии Лингвесторов насчитывалось три поколения, но было не исключено, что второе колено по чистоте кровных уз явно подкачало. Если так, то какое право имели люди из Университета возводить себя на столь высокий пьедестал?

Гендибаль смотрел в сияющие радостью глаза Нови и радовался. Она сказала:

— Я постараюсь хорошо учить, Господин, все, чему вы мне научите.

— Конечно, Нови, я уверен, что ты способная ученица, — кивнул Гендибаль и на мгновение растерялся: он вспомнил, что в разговоре с Компором ни сло-

вом не обмолвился о том, что не один на корабле. Да, о своей спутнице он ни слова не сказал.

Возможно, самому факту присутствия женщины Компор и не удивится, примет его как данность. Но... думлянка?..

На краткий миг привычный стереотип завладел сознанием Гендибала, и он, спохватившись, обрадовался: вряд ли Компор распознает в Нови думлянку — ведь он не бывал на Тренторе.

И тут же отмахнулся от этой мысли. Абсолютно неважно, узнает Компор в Нови думлянку или нет. Гендибаль — Оратор Второй Академии и волен поступать, как ему заблагорассудится. В конце концов, главное его дело — сберечь План Селдона, и какое ему дело до того, кто что подумает? Никто не смел мешать ему и не посмеет.

— Господин... — робко спросила Нови, — а когда мы доберемся, куда вы хотите добраться, мы потом расстаться, да?

Гендибаль пристально посмотрел на нее и ответил, пожалуй, чуть более уверенно, чем было нужно:

— Нет, Нови, мы не расстанемся.

Думлянка застенчиво улыбнулась. Выглядела она в это мгновение, как любая счастливая женщина в Галактике — **любая**.

Глава 13

УНИВЕРСИТЕТ

50

Оказавшись вместе с Тревайзом внутри «Далёкой Звезды», Пелорат брезгливо наморщил нос. Тревайз пожал плечами:

— Что поделаешь, Джен. Человеческое тело — мощнейший генератор запахов. Система рециклирования никогда не работает мгновенно, искусственные запахи только накладываются на естественные, а не замещают их полностью.

— Наверное, Голан, два корабля не пахнут одинаково, если там долго живут разные люди?

— Верно, но ты мне скажи: разве ты не перестал морщиться от ароматов Сейшелла уже через час?

— Перестал, — признался Пелорат.

— Ну вот, и наш родной запах перестанет мучить тебя очень скоро. Вот увидишь, вернешься домой, обрадуешься всем запахам, которые тебя там встретят. Кстати, Джен, учти на будущее: крайне невежливо обсуждать, чем пахнет на любом корабле и в любом мире, если на то пошло, в присутствии их обитателей. То есть при мне — пожалуйста, я-то стерплю, но ты это учти.

— Понятно, Голан. Постараюсь. Знаешь, вот ведь странно: я уже «Далёкую Звезду» домом считаю. Может быть, потому, что она сделана в Академии?

Пелорат улыбнулся:

— Знаешь, ведь я особым патриотом не был никогда. Мне нравилось думать, что я — гражданин Галактики, что мои родственники — везде и всюду, но вот теперь

почему-то разлука с Академией наполняет мое старое сердце любовью к ней.

Тревайз стелил постель.

— Не так уж ты далеко от нее улетел, если на то пошло. Да будет тебе известно: Сейшельский Союз почти целиком окружен территорией Федерации Академии. У нас тут посольство с большим штатом, консулов полно. Языком сейшельцы любят трепать о своей независимости и о том, как они нас не любят, но воздерживаются предпринимать что-либо, способное вызвать наше неудовольствие. Ложись-ка ты, Джен, спать. Сегодня мы с тобой добились немногого, но утро вечера мудренее, будем надеяться, что завтра нам больше повезет.

Пелорат кивнул и отправился к себе, но скоро выяснилось, что слышимость на «Далекой Звезде» отличная — можно было запросто переговариваться из каюты в каюту. Погасив свет, Пелорат долго ворочался, наконец осторожно позвал:

— Голан?

— Да.

— Ты не спишь еще?

— Пока ты со мной разговариваешь — нет, естественно.

— Кое-что нам все-таки удалось сегодня. Твой друг, Компор...

— Бывший друг, — недовольно уточнил Тревайз.

— Пусть так. Неважно. Он говорил о Земле и сказал такое, с чем я не сталкивался ни разу за все время моих изысканий. Радиоактивность!

Тревайз перевернулся на бок, лицом к стене, подпер щеку рукой.

— Послушай, Джен, даже если Земля действительно погибла, это не означает, что мы полетим домой. Я все равно хочу найти Гею.

Пелорат издал странный звук, как будто сдул с губ пушинку.

— Дружочек, ну конечно. И я тоже! И потом, я вовсе не думаю, что Земля погибла. Компор мог быть уверен, что рассказывает непреложную истину, но ведь миров, претендующих на звание Земли, в Галактике такое количество!

В антропологии это явление называется «глобоцентризмом». Люди предпочитают считать, что их мир лучше, чем все остальные, чем любые их соседи, и культура у них выше, и все остальное, и история богаче — ну, ты понимаешь. А уж если соседи их в чем-то превзошли, то это непременно означает, что такие достижения позаимствованы у них. А если у соседей что-то плохо, значит, это плохое ими было когда-то отвергнуто или вообще к ним отношения никакого не имеет, либо это вообще невесть где придумали. Если нет логической возможности доказать, что Земля, либо ее эквивалент — колыбель рода человеческого — это именно их планета, то они как минимум помещают ее в своем секторе даже в тех случаях, когда не могут точно указать координаты.

Пелорат прищелкнул языком.

— Даже если бы удалось достоверно доказать, что ни одна планета в Сирианском Секторе — никакая не Земля, ничего бы из этого не вышло. Ты просто не представляешь себе, Голан, до какой степени мистицизм способен затмить здравый смысл. Как минимум в двенадцати секторах Галактики солидные ученые без тени усмешки утверждают, будто Земля (или как бы они ее ни назвали) находится в гиперпространстве, и добраться до нее нет никакой возможности, разве что случайно.

— А они не говорят, что это кому-то случайно удалось?

— Ну, знаешь, мифов всяких много ходит, и из патриотических соображений люди порой готовы поверить в них, зато в других мирах только посмеиваются.

— В таком случае, Джен, у меня предложение: давай и мы с тобой в такое верить не будем, и... (Тревайз громко зевнул) отправимся поскорее в замечательное гиперпространство снов.

— Но, Голан, понимаешь ли, самое упоминание о радиоактивности меня очень заинтересовало. Мне кажется, тут есть доля правды, или чего-то похожего на правду.

— Ты это о чем?

— Видишь ли, радиоактивный мир — это такой мир, где уровень радиации гораздо выше обычного. В таком

мире гораздо быстрее протекает процесс мутации, и эволюция должна происходить скорее и резче. Я ведь говорил тебе, если помнишь: почти все мифы о Земле сходятся в одном: Земля отличалась исключительным богатством видов. Именно это многообразие форм жизни, ее взрывное развитие, именно это могло привести к развитию разумной жизни на Земле и последующему его распространению по Галактике. Если по какой-то причине Земля была или оказалась радиоактивной, то вот оно — прекрасное объяснение ее уникальности.

Немного помолчав, Тревайз заговорил:

— Во-первых, нет причин так уж верить Компору. Этот совет — не дорого возьмет. Он запросто мог с три короба наговорить, только бы заставить нас отсюда убраться, чтобы мы, как два идиота, помчались в Сирианский Сектор. Но даже если допустить, что он не врал, он ведь сказал, что радиоактивность на Земле достигла такого уровня, что сама жизнь там стала невозможна.

— Правильно! Уровень радиации не был высок там, когда жизнь только начала развиваться, а жизни гораздо легче сохраниться, чем создаться заново. Допустим, жизнь на Земле возникла и сохранилась. Следовательно, если в самом начале уровень радиации там не был невыносимым для жизни, то и со временем он мог только падать. Ничто не способно поднять этот уровень.

— А ядерные взрывы? — высказал предположение Тревайз.

— При чем тут ядерные взрывы?

— Я хочу сказать: предположим, что на Земле были произведены ядерные взрывы.

— Где? На поверхности? Совершенно исключено. В истории Галактики нет ни единого упоминания о цивилизации настолько безумной, чтобы применять ядерные взрывы для военных целей. Нас бы просто не было тогда на свете. Во время Тригеллианского восстания, когда обе стороны были обречены на голод и отчаяние и когда Джэндиппурус Хоратт предложил применить ядерную реакцию для...

— Его повесили матросы его же собственного флота. Это я проходил в колледже в курсе истории Галактики. Я не о том. Я имел в виду какой-нибудь несчастный случай.

— Нет в истории упоминаний о таких несчастных случаях, из-за которых мог бы повыситься общий уровень радиации на планете.

Пелорат глубоко вздохнул.

— Придется все-таки, когда освободимся, слетать в Сирианский Сектор и провести там небольшую разведку.

— Ага... — сонно откликнулся Тревайз. — Как-нибудь... Непременно... А теперь...

— Все-все, я умолкаю.

Пелорат выполнил обещание, а Тревайз еще почти целый час лежал в темноте с открытыми глазами, гадая, не успел ли он уже привлечь к своей персоне больше внимания, чем следовало, и не мудрее ли будет действительно для начала махнуть в Сирианский Сектор, а потом, когда о нем немного позабудут, вернуться сюда и искать Гею?

Заснул он тревожным сном, так и не успев принять твердого решения.

51

До города они добрались ближе к полудню. В Туристическом Центре на сей раз было полным-полно народу, но нашим путешественникам удалось пробиться в справочную библиотеку, где их проинструктировали, как пользоваться местной моделью информационного компьютера.

Самым внимательным образом они изучили всю информацию о музеях и университетах, обращая особое внимание на археологию, антропологию, историю и данные о деятелях в этих областях науки.

— Ах! — тихо воскликнул Пелорат.

— Ах? — сердито переспросил Тревайз. — И по какому поводу «ах»?

— Вот эта фамилия. Квинтесетц. Кажется, она мне знакома.

— Ты что, знаешь этого человека?

— Нет, лично нет, но вроде бы читал его работы. Когда вернемся на корабль, я загляну в каталог...

— Рановато пока возвращаться, Джен. Раз эта фамилия тебе что-то говорит, с него и начнем. Если он сам не сумеет помочь, может, к кому-то еще направит.

Тревайз встал.

— Значит, отправляемся в Сейшельский Университет. А поскольку сейчас время ленча, давай и мы где-нибудь по пути перекусим.

Во второй половине дня, ближе к вечеру они наконец добрались до Университета. Пройдя по длинному лабиринту коридоров, отыскивали приемную, где и сидели теперь в ожидании молодой дамы, которая могла — а может, и не могла — отвести их к Квинтесетцу.

— Интересно, — вздохнул Пелорат, — долго ли нам еще ждать? Учебный день, наверное, уже заканчивается...

Как будто услышав его, их недавняя знакомая впрорхнула в приемную. Туфельки ее слепили глаза сочетанием ярко-красного и фиолетового цветов, каблучки при ходьбе издавали высокие звонкие нотки. Высота тона зависела от скорости и легкости походки.

Пелорат поежился. Видимо, каждый мир не только по-своему пахнет, подумал он, но и какими-то собственными экзотическими средствами воздействует на чувства. Интересно, подумал он, так ли легко будет привыкнуть с чудовищной какофонией, издаваемой каблучками этой дамочки, как с местными ароматами?

— Не могли бы вы назвать ваше имя полностью, Профессор? — любезно улыбаясь, спросила женщина.

— Джен Пелорат, мисс.

— С какой вы планеты?

Тревайз предостерегающе поднял руку, напоминая Пелорату об уговоре, но Пелорат не то не заметил его жеста, не то про уговор позабыл, и ответил:

— С Терминуса, мисс.

Женщина довольно улыбнулась:

— Дело в том, что, когда я сообщила Профессору Квинтесетцу о том, что его желает видеть Профессор Пелорат, он сказал, что примет вас, если вы Джен Пелорат с Терминуса и никто другой.

Пелорат часто заморгал.

— Вы... вы хотите сказать, что он слышал обо мне?

— Мне так показалось, — пожала плечами женщина.

Губы Пелората разъехались в удивленной улыбке, он повернулся к Тревайзу.

— Он слышал обо мне! Честно говоря, это даже как-то удивительно. Я ведь написал не так много и не думал, чтобы кто-нибудь... Там ничего такого не было... — закончил он, недоуменно покачав головой.

— Ладно, ладно, — поторопил его Тревайз. — Хватит себя недооценивать. Пошли.

Он повернулся к женщине:

— Как добираться до Профессора, мисс? На каком-нибудь транспорте?

— Нет, можно пешком. Его кабинет — в этом комплексе зданий, и я с радостью провожу вас. Вы оба с Терминуса? — спросила она и, не дожидаясь ответа, вышла из приемной.

Зашагав следом за ней, Тревайз ответил:

— Да, оба. А какая разница?

— О нет, никакой, что вы! Просто у нас в Сейшелле есть такие люди, которые недолюбливают Академию, но здесь в Университете мы гораздо более космополитичны. «Живи сам и давай жить другим», — я так всегда говорю. Это я к тому, что в Академии тоже не звери живут. Понимаете?

— Понимаю. И у нас, бывает, услышишь, что сейшельцы — тоже люди, как-никак.

— Вот и правильно, так и быть должно. А Терминус я никогда не видала. Большой город, наверное?

— Да нет, небольшой, — небрежно отозвался Тревайз. — Поменьше Сейшелл-Сити будет.

— Вы меня обманываете, — покачала головой женщина. — Это же столица Федерации Академии, так? То есть другого Терминуса нет, или есть?

— Нет, насколько мне известно, Терминус у нас только один. И мы именно оттуда — из столицы Федерации Академии.

— Ну, тогда это же должен быть громадный город! А вы такой далекий путь проделали только для того, чтобы повидать Профессора? А знаете, мы тут им очень гордимся. Он — главный корифей в Галактике.

— Правда? — спросил Тревайз. — И в какой же области?

Женщина широко раскрыла глаза и изумленно глянула на Тревайза:

— Нет, вы точно шутник. Да он знает о древней истории больше, чем... чем я о своих родственниках!

И она пошла вперед, попискивая музыкальными каблучками.

Тревайз воспользовался тем, что его уже дважды назвали шутником и погрозили пальчиком. Этого нельзя было упускать.

— Ваш Профессор, наверное, и о Земле все-все знает? — невинно поинтересовался он.

— О Земле?! — удивленно переспросила она, оставившись около двери кабинета и ошарашенно уставясь на него.

— Ну, вы знаете, конечно. О том мире, откуда пошел род человеческий.

— А, так вы про это... Про самую первую планету? Понятно. Я думаю, про нее он тоже знает. Ведь эта планета, как-никак, в Сейшельском Секторе находится. Уж это-то всякому известно. Вот кабинет Профессора. Сейчас я позвоню...

— Погодите минуточку, — попросил Тревайз. — Что вы знаете о Земле, милая дама?

— На самом деле, что-то я не слыхала, чтобы ее Землей называли, — пожалала плечами женщина. — Наверное, так ее у вас в Академии называют, а у нас тут ее зовут Геей.

Тревайз бросил быстрый взгляд на Пелората.

— О? И где она находится?

— Нигде (женщина перешла на заговорщицкий шепоток). Она в гиперпространстве. Я когда маленькая была, мне бабушка рассказывала, что когда-то вроде бы Гея в обычном пространстве была, но потом так сильно погрязла....

— В грехах и глупости человеческой, — пробормотал Пелорат, — что, не находя себе места от стыда, покинула обычное пространство, не желая иметь ничего общего со своими обитателями, а они рассеялись по всей Галактике...

— А, так вы знаете эту историю! А моя подружка говорит, будто это суеверие и предрассудок. Вот уж я ей расскажу. Так и скажу: вот, даже профессора из Академии...

Сияющие буквы в рамке на двери гласили: «СО-ТЕЙН КВИНТЕСЕТЦ, АБТ».

Имя Профессора изображали трудночитаемые сейшельские буквы, а чуть пониже в привычных очертаниях Галактического Стандарта значилось: «ФАКУЛЬТЕТ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ».

Женщина коснулась пальцем гладкого металлического кружка на двери. Звук звонка не послышалось, но дымчатое стекло таблички стало молочно-белым, и мягкий, низкий голос произнес:

— Назовите себя, пожалуйста.

— Джен Пелорат с Терминуса, — ответил Пелорат и поспешно добавил: — И Голан Тревайз, оттуда же.

Дверь распахнулась.

52

Высокий пожилой мужчина поднялся из-за стола и пошел навстречу Пелорату и Тревайзу. Лицо у него было смуглое, седые волосы покрывали голову жесткими завитками, отливавшими стальным блеском. Протянув руку для приветствия, он проговорил мягким баритоном:

— Меня зовут С. К. Рад познакомиться с вами, профессора.

Тревайз уточнил:

— У меня нет ученого звания. Я просто сопровождаю Профессора Пелората. Зовите меня просто Тревайзом. Рад познакомиться с вами, Профессор АБТ.

Квинтесетц смутился.

— Нет-нет, — сказал он, — АБТ — это просто глупейший титул, за пределами Сейшелла значения не имеющий. Не обращайтесь на это внимания и зовите меня просто С. К. Здесь в Сейшелле мы привыкли пользоваться инициалами. Я так рад, что вас двое, хотя ожидал только одного.

Мгновение помедлив, Квинтесетц еще раз протянул гостям правую руку, предварительно вытерев ее о брюки.

Тревайз пожал руку Профессора, искренне удивленный сейшельской манерой здороваться.

— Прошу садиться, — сказал Квинтесетц. — Кресла у меня обычные, неживые — я, понимаете, страшно

не люблю, когда меня сзади хватают. Сейчас эти кресла-хваталки у нас в большой моде, но я не могу к такому привыкнуть. Не слишком приятно, правда?

— Конечно, — улыбнулся Тревайз. — Простите меня, С. К., но ваше имя, видимо, не сейшельского происхождения? Похоже, оно из пограничных миров. Извините, если я вас обидел.

— Нисколько. Мое семейство родом из Аскона. Давным-давно мои прапрапредки покинули Аскон, пять поколений назад — это произошло, когда там стало слишком сильным владычество Академии.

— А мы как раз из Академии, — смущенно проговорил Пелорат. — Наши извинения.

Квинтесетц дружелюбно помахал рукой:

— Не стоит извинений. Я не пронес чувства обиды через пять поколений, уверяю вас. Не всем это удалось, ну что ж — можно только сожалеть. Желаете перекусить? Выпить чего-нибудь? Можно включить музыку, будет приятнее беседовать.

— Если не возражаете, — сказал Пелорат, — хотелось бы сразу перейти к делу — конечно, если сейшельские традиции позволяют.

— Сейшельские традиции? Для меня это не непреодолимый барьер. Вы не представляете, Профессор Пелорат, как я рад вас видеть. Всего две недели назад я прочитал вашу статью о мифах о происхождении человечества в «Ревю Археологии». Она поразила меня глубиной синтеза материала и... краткостью.

Пелорат покраснел от удовольствия.

— Счастлив, что вам удалось прочесть мою работу. Увы, мне пришлось сильно сократить ее, иначе «Ревю» не сумело бы ее опубликовать. Я собирался подготовить обзор.

— О, это было бы превосходно! В общем, как только я прочитал вашу работу, мне очень захотелось познакомиться с вами. У меня даже мелькнула мысль отправиться на Терминус для этого, но такую поездку не так просто организовать.

— Да? Почему же? — поинтересовался Тревайз.

Квинтесетц неловко улыбнулся:

— Понимаете, как это ни прискорбно, но Сейшелл не стремится войти в Федерацию Академии, и не слыш-

ком приветствуют тут любые связи с Академией, даже научные. У нас традиция нейтралитета, вы знаете. Даже Мул нас не тронул, ему удалось лишь получить от Сейшелла особые гарантии нейтралитета. Ну вот. Так что любое обращение за разрешением посетить территорию Академии, а в особенности — Терминус, не слишком приветствуется, встречается с подозрением. Хотя, конечно, ученый моего ранга, наверное, в конце концов сумел бы получить и паспорт, и визу, но... видите, как все замечательно получилось — вы сами ко мне прибыли. Трудно поверить! Я спрашиваю себя: «Почему? Слыхали ли вы обо мне, как я слыхал о вас?»

Пелорат ответил:

— Мне известно о вашей работе, С. К., в моем каталоге есть кое-какие ваши труды. Именно поэтому я обратился к вам. Я изучаю вопрос о Земле — предполагаемой прародине человечества, а также ранний период освоения и завоевания Галактики. Сюда я прибыл, в частности, для того, чтобы навести справки по истории основания Сейшелла.

— Судя по содержанию вашей работы, — сказал Квинтесетц, — я понял, что вас интересуют мифы и легенды.

— Безусловно, но реальная история меня интересует еще больше, истинные факты, если таковые существуют.

Квинтесетц встал и заходил по кабинету, заложив руки за спину. Остановился, взглянул на Пелората и снова принялся расхаживать туда-сюда.

Тревайз нетерпеливо поторопил его:

— Ну, сэр?

— Странно! — нахмурился Квинтесетц. — Очень странно. Только вчера...

— Что случилось вчера? — спросил Пелорат.

— Я говорил вам, Профессор Пелорат... кстати, можно, я буду называть нас Дж. П.? Несколько непривычно употреблять полное имя.

— Ради бога.

— Я говорил вам, Дж. П., что пришел в восхищение от вашей работы, что захотел с вами познакомиться. Увидеться с вами лично мне хотелось именно потому, что вы явно располагаете обширным материалом по

мифам и легендам о происхождении человечества, а вот предания о нашем мире, как мне показалось, у вас отсутствуют. Другими словами: мне хотелось встретиться с вами, чтобы рассказать вам как раз о том, о чем вы меня спрашиваете.

— Но при чем тут вчера, С. К.? — спросил Тревайз.

— У нас есть легенды. Вернее, одна легенда. Самая важная для нашей истории, для нашей цивилизации, потому что она стала нашей Великой Тайной.

— Тайной? — переспросил Тревайз.

— Я не имею в виду загадку или что-то в таком духе. Таково значение слова «тайна» в Галактическом Стандарте. У нас же это слово означает «нечто секретное», что-то такое, что известно только отдельным адептам, чего нельзя раскрывать чужим. А вчера был тот самый день.

— Что за день? — подчеркнуто равнодушно спросил Тревайз.

— День Перелета.

— А-а-а, — понимающе кивнул Тревайз. — Медитация, все сидят по домам и всякое такое.

— Теоретически — да, что-то вроде этого, правда, в больших городах древние традиции несколько утасли, но... я вижу, вы знаете об этом?

Пелорат, не очень довольный поспешностью Тревайза, захотел вернуть разговор в более спокойное русло.

— Да-да, мы немного слышали об этом, поскольку прибыли именно вчера.

— Угу, в этот самый день, — саркастически уточнил Тревайз. — Послушайте, С. К., как я уже говорил, я не ученый, но у меня есть вопрос: вы сказали, что у вас есть некая великая тайна, которую нельзя поверять иноземцам, посторонним. Почему же вы говорите об этом с нами? Мы ведь и есть посторонние.

— Да, это так, но, к счастью, я неофициальное лицо, и к тому же почти лишен предрассудков. И потом... работа Дж. П. подхлестнула чувства, которые меня долго мучили. Ведь мифы и легенды не возникают из вакуума. В любой сказке всегда есть доля истины, как бы извращена она ни была, и мне хотелось бы раскрыть ту истину, что стоит за нашей легендой о Дне Перелета.

— А безопасно ли говорить об этом? — спросил Тревайз.

Квинтесетц пожал плечами:

— Не совсем, наверное. Консерваторы, которых у нас хватает, ужаснулись бы. Однако уже целое столетие они не контролируют действий нашего правительства. Светская власть сильна и останется сильной, если консерваторы не воспользуются нашим — надеюсь, вы сумеете простить меня — издревле отрицательным отношением к Академии. И потом, если я буду обсуждать вопрос, представляющий для меня чисто научный интерес, Лига Ученых в случае необходимости окажет мне поддержку.

— Если так, — попросил Пелорат, — может быть, вы расскажете нам о вашей Великой Тайне?

— Да, но для начала позвольте удостовериться в том, что нас не прервут и, если уж на то пошло, не подслушают. Даже если смело смотреть в глаза быку, не стоит хвататься за кольцо, что у него в носу, — так гласит пословица.

Квинтесетц нажал рычажок на каком-то устройстве, что стояло на его письменном столе. Загорелась лампочка.

— Теперь мы ни для кого недосыгаемы, — сообщил он.

— А вы уверены, что тут у вас нет «жучков»? — спросил Тревайз.

— Жучков?!

— Да. Не могут ли где-либо быть спрятаны устройства для прослушивания и подглядывания?

— Такого нет в Сейшелле! — возмущенно ответил Квинтесетц.

— Ну, если вы так уверены... — пожал плечами Тревайз.

— Прошу вас, С. К., — попросил Пелорат, — продолжайте.

Квинтесетц поджал губы, откинулся на спинку слегка осевшего под тяжестью его тела кресла, соединил кончики пальцев. Казалось, он обдумывает, с чего начать.

— Знаете ли вы, что такое «робот»?

— «Робот»?! — удивленно переспросил Пелорат. — Нет.

Квинтесетц вопросительно посмотрел на Тревайза. Тот недоуменно покачал головой.

— А что такое компьютер, знаете, надеюсь?

— Естественно... — кивнул Тревайз.

— В таком случае, подвижный компьютеризированный инструмент...

— ...это подвижный компьютеризированный инструмент, — раздраженно закончил Тревайз. — Есть масса таких приспособлений, и я не знаю более общего определения для них, чем «подвижный компьютеризированный инструмент».

— ...который очень похож на человека, называется роботом, — хладнокровно завершил начатую фразу Квинтесетц. — Главное отличие робота от других инструментов состоит в том, что внешне он похож на человека.

— Но почему? — с искренним удивлением спросил Пелорат.

— Не знаю наверняка. По моему мнению, это не самая эффективная форма для инструмента, но я всего-навсего пересказываю то, что говорится в легенде. «Робот» — слово из древнего языка, и наши ученые полагают, что произошло оно от слова, которое в этом языке отражало понятие «работа»*.

— Что-то я такого слова не припомню, чтобы оно означало «работа» и было похоже на слово «робот», — пожал плечами Тревайз.

— Да, среди нынешних галактических языков такого нет, — подтвердил Квинтесетц, — но именно так говорится.

— Не исключена обратная этимология, — предположил Пелорат. — Если эти объекты применялись для работы, их и назвали «роботами». Но почему вы нам рассказываете об этом?

— Потому, что древняя традиция Сейшелла гласит: когда Земля была единственным миром в Галактике, там были изобретены и сделаны роботы. Тогда стало два

* Смысл дальнейшего разговора состоит в том, что слово «робот» изобретено чешским писателем К. Чапеком и имеет, следовательно, славянский корень. Это непонятно героям, оперирующим английским словом «work». — *Примеч. пер.*

вида людей — настоящие и сделанные, люди из плоти и люди из металла, биологические и механические, простые и сложные... — Квинтесетц прервал рассказ, тихо рассмеялся. — Простите, но совершенно невозможно говорить о роботах, не сбиваясь на цитаты из «Книги Перелета». Итак, люди на Земле изобрели роботов, и больше ничего говорить не стоит. Это как раз довольно просто.

— Но зачем они изобрели роботов? — спросил Тревайз.

Квинтесетц пожал плечами:

— Кто может сказать, когда столько времени прошло? Может быть, людей тогда было мало, и они нуждались в помощи — в особенности при осуществлении великой задачи освоения и заселения Галактики.

— Разумное предположение, — кивнул Тревайз. — А когда Галактика была колонизирована, роботы стали не нужны. На сегодня в Галактике гуманоидных компьютеризированных инструментов не существует.

— Я постараюсь изложить вам эту историю, — сказал Квинтесетц, — предельно упростив ее, опуская все поэтические приукрашивания, правда, наш народ именно эти приукрашивания и любит, но я их не принимаю. Итак, вокруг Земли образовались миры-колонии, обращавшиеся вокруг ближайших звезд, и роботов в этих новозаселенных мирах стало гораздо больше, чем на самой Земле. Это естественно — в девственных мирах для них было больше работы. А Земля впоследствии совсем отказалась от роботов и перестала их производить. А потом восстала против них.

— Что произошло? — встревоженно спросил Пелорат.

— Внешние Миры набрали силу, стали могущественнее Земли. С помощью своих роботов дети Земли предали Землю-Мать и взяли власть над ней. Простите, но все-таки трудно удержаться от цитирования. Но кое-кто покинул Землю — те, у кого были хорошие корабли, приспособленные к полетам через гиперпространство. Эти люди улетели к очень далеким звездам, подальше от уже заселенных миров. Образовались новые колонии — без роботов, где люди могли жить свободно. Это и были Времена Перелета, а тот самый

день, когда первые люди ступили на Сейшелл, то есть на эту самую планету, называется Днем Перелета и ежегодно празднуется уже многие тысячи лет.

— Следовательно, дорогой друг, вы утверждаете, что Сейшелл был заселен непосредственно выходцами с Земли? — проговорил Пелорат.

Квинтесетц на мгновение растерялся, задумался и наконец сказал:

— Это — официальное убеждение.

— Которое вы, — сказал Тревайз, — судя по всему, не разделяете.

— Мне кажется, — неуверенно начал Квинтесетц и вдруг взорвался: — нет, не разделяю! Нет и нет! Это совершенно невероятно, однако это — официальная догма, и какие бы великие секуляристы ни сидели в нашем правительстве, их такая болтовня как нельзя больше устраивает. Дж. П., в вашей работе я не нашел указаний на то, что вам известна эта история — о роботах и двух волнах колонизации: первой — с роботами, и второй — без них.

— Нет, я об этом совершенно ничего не знал, — подтвердил Пелорат, — и несказанно благодарен вам, дорогой мой С. К., за то, что вы познакомили меня с этой легендой. И я просто поражен, что даже намек на что-либо подобное мне не встретилось ни в одной из работ за все время...

— Лишнее доказательство того, — сухо сказал Квинтесетц, — как успешно трудится наша социальная система. Великая Тайна Сейшелла сберегается.

— Вероятно, — холодно согласился Тревайз. — Но вторая волна колонизации должна была докатиться не только до Сейшелла. Почему же только здесь хранят Великую Тайну?

— Ее могут хранить где угодно и держать в таком же секрете. Наши доморожденные консерваторы считают, что непосредственно с Земли был заселен только Сейшелл, а остальная Галактика — выходцами отсюда. Это, конечно, полная чепуха.

Пелорат сказал:

— Остальные загадки можно будет разрешить в свое время. Теперь, располагая отправной информацией, я смогу искать подобные сведения в других ми-

рах. Главное: я знаю теперь, какие вопросы следует задавать, а задать верный вопрос — вот ключ к тому, чтобы получить верный ответ. Как же удачно, что я...

Тревайз прервал его:

— Все правильно, Джен, но добрейший С. К. рассказал нам историю не до конца. А что случилось со старыми колониями, с теми роботами, что остались там? Ваша легенда упоминает об этом?

— Весьма поверхностно, без подробностей. Очевидно, люди и гуманоиды не смогли жить вместе. Миры, населенные роботами, погибли. Они были нежизнеспособны.

— А Земля?

— Люди покинули ее и обосновались здесь, а вероятно (тут со мной не согласятся консерваторы), и на других планетах.

— Наверняка не все люди покинули Землю. Планета не вымерла.

— Все может быть. Я не знаю.

— Не была ли она покинута из-за радиоактивности? — неожиданно резко спросил Тревайз.

— Из-за радиоактивности? — недоуменно переспросил Квинтесетц.

— Да-да, из-за радиоактивности.

— Не знаю. По крайней мере, я никогда ни о чем подобном не слышал.

Тревайз впился зубами в костяшки пальцев и задумался. Помолчав, он сказал:

— С. К., уже поздно, и, видимо, мы злоупотребили вашим гостеприимством (тут Пелорат сделал протестующий жест, но Тревайз с такой силой сдавил рукой его колено, что Пелорат вынужден был повиноваться).

— Рад, если был вам полезен, — сказал Квинтесетц.

— Безусловно, вы оказали нам большую услугу, и если мы могли бы чем-то отблагодарить вас, скажите.

Квинтесетц тихо рассмеялся:

— Ну разве что добрейший Дж. П. упомянет мое скромное имя, когда задумает писать что-либо о нашей Великой Тайне — вот это будет честная и вполне достаточная расплата.

Пелорат с готовностью проговорил:

— О, вы могли бы получить заслуженную награду и высокую оценку коллег, если бы вам удалось добиться разрешения посетить Терминус. Думаю, вы могли бы какое-то время пробыть в нашем Университете как ученый-гость. Это мы могли бы устроить, пожалуй. Сейшелл не любит Федерацию, но вряд ли ваши власти откажутся удовлетворить прямой запрос на ваше имя с приглашением на симпозиум по какому-то вопросу древней истории.

Сейшельский ученый чуть было не подпрыгнул от удивления.

— Вы хотите сказать, что в ваших силах такое осуществить?

Тревайз ответил:

— Лично я об этом не думал, но считаю, что Дж. П. совершенно прав. Попытаемся это устроить. Полагаю, особых трудностей быть не должно. И стараться сделать это мы будем тем сильнее, чем более благодарны вам останемся.

Немного помолчав, Квинтесетц настороженно спросил:

— О чем вы, сэр?

— Прошу вас, расскажите мне о Гее, С. К., — сказал Тревайз.

Горевшие светом радости глаза Квинтесетца тут же угасли.

53

Квинтесетц молча уставился на крышку стола. Рука его медленно, рассеянно скользила по жестким завиткам стрижки. Наконец, крепко сжав губы, он посмотрел на Тревайза. Похоже, отвечать не собирался.

Тревайз вопросительно приподнял брови. Он ждал. Наконец Квинтесетц не выдержал и дрожащим от волнения голосом проговорил:

— Уже правда поздновато. Смеркивается...

— Смеркивается? Я вас не понял, С. К.

— Уже почти ночь.

Тревайз кивнул:

— Да, я забылся. Я тоже голоден. Может быть, не откажетесь поужинать с нами, С. К.? Мы угощаем. А потом продолжим нашу беседу о Гее.

Квинтесетц тяжело поднялся с кресла. Ростом он был выше обоих гостей с Терминуса, но годы и обрюзглость не придавали его фигуре впечатления силы. Теперь он выглядел более устало, чем тогда, когда они вошли в его кабинет.

Посмотрев по очереди на Пелората и Тревайза, Квинтесетц сказал:

— Я забыл о гостеприимстве, простите меня. Вы чужестранцы, и не годится, чтобы вы угощали меня. Добро пожаловать ко мне домой. Я живу в кампусе, совсем недалеко отсюда, и, если вам угодно еще побеседовать, у меня дома будет гораздо удобнее и непринужденнее, чем здесь. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что сумею предложить вам самое скромное угощение. Мы с женой — вегетарианцы, и если вы едите мясо, то прошу заранее извинить меня.

Тревайз успокоил его:

— Не переживайте, С. К., мы с Дж. П. с легкостью разок откажемся от наших плотоядных наклонностей. Надеюсь, беседа с вами станет отличной заменой мясных блюд.

— Еда, во всяком случае, будет интересная, это я вам обещаю... если только вы выдержите вкус сейшельских специй. Мы с женой их много добавляем.

— Мы с радостью отведаем любой экзотики, — довольно весело заявил Тревайз, хотя по выражению лица Пелората было видно, что такая перспектива его немного пугает.

Квинтесетц возглавил процессию. Все трое вышли из кабинета и пошли по бесконечно длинному коридору. По пути Квинтесетц не раз по-сейшельски здоровался с коллегами, но попыток представить им новых знакомых не делал. От Тревайза не укрылись удивленные, любопытные взгляды, которые сотрудники Университета бросали на его сумку — она была серая. Видимо, приглушенные цвета в кампусе были страшной редкостью.

Наконец они добрались до парадного входа и вышли на воздух. На улице было совсем темно и прохладно.

Поодаль виднелись деревья, высокая трава обрамляла обе стороны широкой аллеи.

Пелорат остановился. Фигура его была озарена огнями окон здания Университета и фонарей, освещавших аллею кампуса. Он устремил взгляд в ночные небеса.

— Прекрасно... — восхищенно вымолвил он. — У одного нашего замечательного поэта есть стихотворение, где говорится об испещренной крапинками звезд ткани ночного неба Сейшелла...

Тревайз, прищурившись, посмотрел на небо.

— Мы с Терминуса. — объяснил он Квинтесетцу. — Мой друг до сих пор не видел других небес. С Терминуса мы видим лишь туман Галактики вдали да редкие, тусклые звезды. Если бы вы, Профессор, когда-нибудь посмотрели на наши скучные небеса, вы бы еще больше восхищались картиной вашей ночи.

— О, мы очень восхищаемся нашими небесами, — отозвался Квинтесетц, — уверяю вас! Дело в том, что распределение звезд у нас удивительно равномерное. Вряд ли, я думаю, отыщется еще в Галактике место, где бы столь однородно были размещены звезды первой величины... Но все-таки их не так много. Мне довелось видеть небеса миров, располагающихся на краю шаровидных скоплений, и там настолько много ярких звезд, что почти не видно черноты неба. Это не так красиво.

— Совершенно с вами согласен, — кивнул Тревайз.

— Вот интересно, — сказал Квинтесетц, — видите ли вы вон там почти правильный пятиугольник из звезд практически одинаковой яркости? Вон там, прямо над деревьями. «Пять Сестер» — так мы называем это созвездие. Видите?

— Вижу, — ответил Тревайз. — Очень красиво.

— Да, красиво. Принято считать, что это созвездие символизирует успех в любви, и нет ни одного любовного послания, в конце которого не стоял бы вот такой пятиугольник из точек. Обозначает этот знак желание любить и быть любимым. Каждая из пяти звезд обозначает разную стадию развития любовного процесса. У нас есть знаменитые стихотворения, где на разные лады смакуется эта тема — поэты соревнуются между собой в попытках наиболее эротично описать это. Когда я

был помоложе, я тоже грешил стишками такого рода. Помышлял ли я тогда, что пройдут годы, и я стану совершенно безразличен к «Пяти Сестрам»! Ну да это, наверное, дело обычное. А видите внутри пятиугольника более тусклую звездочку?

— Да.

— Она символизирует безответную любовь. Есть легенда, в которой говорится, что некогда эта звезда была такой же яркой, как остальные, но потом потускнела от тоски.

И Квинтесетц быстро пошел вперед.

54

Обед был просто восхитительный — зря Квинтесетц скромничал. Блюда — бессчетное количество, гарниры и приправы — с тонким, но весьма выразительным вкусом.

Тревайз поинтересовался:

— Скажите, С. К., все ли овощи, которые были так очаровательны на вкус, входят в Галактический перечень?

— Да, конечно.

— А мне показалось, что среди них есть ваши местные растения.

— Безусловно. Планета Сейшелл, когда сюда прибыли первые поселенцы, оказалась миром с атмосферой, содержащей кислород, — значит, жизнь здесь должна была существовать. И нам удалось сохранить кое-какие эндемичные виды. У нас есть обширные природные парки, в которых бережно сохраняется как флора, так и фауна древнего Сейшелла.

— В этом вы впереди нас, С. К., — печально заметил Пелорат. — На Терминусе, когда туда прибыли первые поселенцы, оказалось крайне мало эндемичной жизни. Боюсь, долгое время не предпринималось особых попыток эту жизнь сберечь, сохранить, например, морскую флору и фауну, которые вырабатывали кислород, сделавший Терминус обитаемым. Теперь на Терминусе — самая стандартная природа.

— В Сейшелле искони берегут всякую жизнь, — с улыбкой скромной гордости сказал Квинтесетц.

Тревайз воспользовался моментом и пошел в атаку:

— Когда мы покидали ваш кабинет, С. К., вы обещали угостить нас, а затем рассказать нам о Гее.

Жена Квинтесетца — миловидная гостеприимная брюнетка, за ужином в основном помалкивавшая, устремила на Тревайза пораженный взгляд, встала и, не говоря ни слова, вышла из комнаты.

— Моя супруга, — смущенно проговорил Квинтесетц, — придерживается довольно консервативных взглядов и не очень любит, когда при ней упоминают об этом мире. Прошу простить ее. Но почему вас... этот мир интересует?

— Видите ли, это очень важно для работы Дж. П.

— Но почему вы спрашиваете об этом меня? Мы с вами говорили о Земле, о роботах, об основании Сейшелла. Что тут общего с тем, о чем вы спрашиваете?

— Может быть, и ничего, и тем не менее в этом вопросе много загадок. Почему ваша супруга так занервничала при одном упоминании о Гее? Почему вы испытываете такую неловкость? Некоторые говорят о ней совершенно запросто. Не далее как сегодня нам сказали, что Гея на самом деле Земля и что она удалилась в гиперпространство из-за обиды на то зло, что совершили люди.

Гримаса боли исказила лицо Квинтесетца.

— Кто сказал вам такую несусветную чушь?

— Кто-то из тех, кого мы встретили в Университете.

— Вульгарное суеверие.

— Стало быть, это не имеет отношения к Великой Тайне Сейшелла?

— Нет, конечно! Это просто-напросто сказка, которая ходит среди простых, необразованных людей.

— Вы уверены? — холодно спросил Тревайз.

Квинтесетц прислонился к спинке стула и уставился на тарелку с остатками еды.

— Давайте пройдем в гостиную, — предложил он. — Моя жена не позволит, чтобы тут убирали, пока мы говорим об... этом.

— Вы уверены, что это всего-навсего сказка? — повторил Тревайз свой вопрос, когда они расселись в другой комнате перед выпуклым окном, из которого открывался восхитительный вид на ночное сейшельское

небо. Квинтесетц включил ночник, дабы не мешать свету звезд, и его темная грузная фигура превратилась в большую бесформенную тень.

— А вы не уверены? — тихо проговорил Квинтесетц. — Вы полагаете, что это возможно, чтобы какой-то мир исчез в гиперпространстве? Вы должны понимать, что средний человек имеет весьма отдаленное понятие о том, что такое гиперпространство.

— Дело в том, — сказал Тревайз, — что я и сам имею весьма отдаленное представление о том, что такое гиперпространство, хотя бывал там сотни раз.

— Тогда поговорим о вещах реальных. Уверю вас, что Земля, где бы, в каком бы пространстве она ни находилась, не находится в границах Сейшельского Союза; и тот мир, что вы упомянули, не Земля.

— Но даже если вы не знаете, где находится Земля, С. К., вы должны знать, где находится упомянутый мною мир. Он-то уж точно находится в границах Сейшельского Союза. Это мы знаем наверняка — так, Пелорат?

Пелорат, казалось, внимательно слушавший разговор, вздрогнул, когда к нему обратился Тревайз.

— Если на то пошло, Голан, — сказал он, — я знаю, где он.

Тревайз обернулся и пристально посмотрел на него:

— И с каких пор, Джен?

— Недавно. Сегодня вечером понял. Вы показали нам «Пять Сестер», С. К., на пути от Университета к вашему дому и указали на тусклую звездочку в центре пятиугольника. Я убежден — это и есть Гея.

Даже в темноте было понятно, что Квинтесетц жутко растерялся. Он довольно долго молчал и наконец проговорил:

— Ну так, по крайней мере, утверждают наши астрономы. То есть это планета, которая обращается вокруг этой звезды.

Тревайз с укором взглянул на Пелората, но выражения лица товарища в темноте не разглядел. Тревайз повернулся к Квинтесетцу.

— Вот и расскажите нам об этой звезде. У вас есть ее координаты?

— У меня? Нет. — И, видимо, решив, что нужно более четко высказать свое неведение, он добавил: — Здесь, дома, у меня нет справочника по координатам звезд. Можете попробовать запросить такие данные на астрономическом факультете, но мне кажется, это будет трудновато. На эту звезду запрещено путешествовать.

— Почему? Она на вашей территории, не так ли?

— Космографически — да. Политически — нет.

Тревайз ждал, не скажет ли хозяин еще что-нибудь. Не дождавшись ни слова, он встал.

— Профессор Квинтесетц, — проговорил он холодно и формально, — я не полицейский, не солдат, не дипломат и не разбойник. Я не собираюсь силой вытягивать у вас информацию. Придется, хотя я этого вовсе не хочу, обратиться к послу. Надеюсь, вы понимаете, что сведения нужны не мне лично ради собственного праздного интереса. Это — дело Академии, и мне очень не хотелось бы устраивать из него межзвездный скандал. Думаю, этого не хотелось бы и Сейшельскому Союзу.

— Что за дело Академии? — неуверенно спросил Квинтесетц.

— С вами я это обсуждать не могу. Если Гея — нечто такое, о чем мы с вами говорить не можем, придется перенести решение на правительственный уровень, и обстоятельства могут сложиться так, что лучше Сейшеллу от этого не будет. Сейшелл сохраняет независимость от Федерации и лично у меня нет против этого возражений. Я не желаю Сейшеллу зла, и к послу меня не слишком тянет. Если честно, моя карьера здорово пострадает, если я к нему обращусь, поскольку у меня имеются четкие инструкции: добыть эти сведения, избегая забираться на правительственный уровень. Будьте же так добры, скажите мне: существует ли веская причина, из-за которой вы не желаете говорить о Гее? Вас что, арестуют или еще как-то накажут, если вы что-то скажете? Ну скажите мне, в конце концов: «Да, вам следует обратиться к послу».

— Нет-нет, — растерянно помотал головой Квинтесетц. — Правительство тут ни при чем, и я в этом ничего не смыслю. Просто мы не говорим об этом мире.

— Суеверие?

— Пусть так! Суеверие! О небеса Сейшелла, чем я лучше того тупицы, что сказал вам, будто Гея — в гиперпространстве, чем я лучше своей жены, которая не желает даже оставаться в комнате, где говорят о Гее: она ведь, может быть, даже из дома ушла от страха, что он будет разрушен...

— Чем? Молнией?

— Неважно чем. **Чем-то!** И я, даже я страшусь произносить это название. Гея! Гея! Слоги, звуки — ведь они же не бьют, не убивают. Никто ничего мне не делает плохого. И все-таки мне страшно... Но прошу вас, поверьте мне, не сомневайтесь, я правду говорю — у меня нет ее координат. Я могу попытаться помочь вам раздобыть их, но позвольте еще раз напомнить вам: мы здесь избегаем говорить об этом мире. Стараемся держать и руки и умы подальше от него. Я могу сказать вам лишь то малое, что известно наверняка, и сомневаюсь, что во всех мирах Союза вы узнаете больше.

Мы знаем, что Гея — древний мир. Некоторые считают даже, что Гея — самый древний мир в этом секторе Галактики, но в этом мы не уверены. Патриотизм заставляет нас твердить, что Сейшелл старше Геи, а страх шепчет: нет, Гея старше...

Большинство историков полагают — про себя, конечно, — что Гея была заселена независимо. Они думают, что она не была колонией, не входила в Союз и что Союз с Геей также не был колонизирован. Согласия по вопросу об истинном времени заселения Геи не достигнуто — никто не уверен в том, раньше или позже Сейшелла на ней появились люди.

Тревайз пожал плечами:

— Информации — ноль. Всякий может избрать для себя ту или иную альтернативу.

Квинтесетц утвердительно кивнул:

— Пожалуй. Мы сравнительно поздно узнали о существовании Геи. Вначале мы были заняты формированием Союза, потом — борьбой с Галактической Империей, потом — попытками избрать верную тактику поведения в качестве имперской провинции и ограничить власть вице-королей.

Только во времена ослабления власти Империи один из последних наших вице-королей обнаружил, что су-

ществует Гея и, по всей видимости, сохраняет независимость от Сейшельского Союза и от самой Империи. Каким-то образом Гея оставалась в тайне, в изоляции, и о ней тогда не было известно почти ничего — на самом деле, не больше, чем сейчас. Вице-король решил попробовать захватить ее. Подробности происшедшего нам неизвестны, но его экспедиция была разбита, и лишь немногие уцелевшие корабли вернулись обратно. Правду сказать, в те дни корабли были не такие уж хорошие, да и пилотирование оставляло желать лучшего...

А на Сейшелле были рады тому, что вице-король потерпел поражение — его не без основания считали диктатором, угнетателем. Его провал напрямую привел к восстановлению нашей независимости: Сейшельский Союз порвал всякие связи с Империей, и годовщина этого события ежегодно отмечается как День Союза. Из одной лишь благодарности мы оставили Гею в покое почти на столетие, но потом наступили времена, когда нам показалось, что мы уже достаточно сильны для того, чтобы приступить к небольшой собственной экспансии. Почему бы не попробовать одолеть Гею? Почему хотя бы не заключить с ней таможенное соглашение? Мы послали туда флот, и он был разбит.

Потом были редкие попытки наладить торговлю с Геей — и все до одной оказались безуспешными. Гея сохраняла строгую изоляцию, и никогда — насколько известно — не пыталась установить связь с каким-либо миром. Но и враждебности с ее стороны никакой не проявлялось. А потом... — Коснувшись кнопки в подлокотнике кресла, Квинтесетц зажег верхний свет. Сразу стало видно, что лицо его приобрело насмешливое выражение. Он продолжал: — Поскольку вы граждане Академии, вам должно быть знакомо имя Мула.

Тревайз вспыхнул. За пять веков своего существования всего лишь раз Академия была побеждена, захвачена. Оккупация долго не продлилась и не стала серьезной преградой на пути создания Второй Империи, но, конечно же, всякому, кто желал уязвить самолюбие Академии, стоило только упомянуть имя Мула, ее завоевателя, и цель была достигнута. «Очень может быть, — подумал Тревайз, — что Квинтесетц и свет включил

именно для того, чтобы **воочию** убедиться, что самолюбие граждан Академии задето».

— Да, — ответил он как мог сдержанно, — мы в Академии помним Мула.

— Мул, — продолжил Квинтесетц, — некоторое время правил Империей, и Империя его была так же обширна, как та, которой нынче правит Академия. А вот нами, как бы то ни было, он не правил. Нас он не тронул. Однажды проездом он побывал в Сейшелле. Были подписаны декларация о нейтралитете и мирный договор. Больше он ничего не потребовал. Мы оказались единственными, кому он не поставил больше никаких условий во времена, пока болезнь не сломила его окончательно и не поставила точку на его завоевательской карьере. Вы знаете, кровожадным диктатором его назвать было нельзя. Он правил гуманно.

— Как всякий победитель, — саркастически проговорил Тревайз.

— Как и Академия, — уточнил Квинтесетц.

Не найдя, что ответить на этот выпад, Тревайз раздраженно спросил:

— А о Гее вам больше нечего рассказать?

— Могу лишь упомянуть об устном заявлении Мула при подписании соглашения о нейтралитете. Судя по официальному отчету о встрече Мула с тогдашним Президентом Союза Калло, Мул с радостью поставил свою подпись под документом и сказал: «Теперь вы нейтральны даже по отношению к Гее; что счастье для вас. Даже я не осмелился бы к ней приблизиться».

Тревайз недоверчиво покачал головой:

— А зачем ему это было нужно? Сейшелл стремился к нейтралитету, а Гея враждебных намерений не проявляла. Мул в ту пору вынашивал планы завоевания всей Галактики, и какой смысл ему было здесь задерживаться из-за такой мелочи? У него было достаточно времени, чтобы покончить со всеми остальными мирами, а потом вернуться к Сейшеллу и Гее.

— Может быть, может быть, — согласился Квинтесетц, — но, если верить словам одного из свидетелей, присутствовавших при подписании соглашения, человека, которому мы склонны доверять, Мул отложил ручку и сказал: «Даже я не осмелюсь приблизиться к Гее», и

шепотом добавил, видимо, не желая, чтобы кто-то услышал: «снова».

— Чтобы никто не услышал, вы говорите? Но как же вышло, что последнее слово было услышано?

— Потому что ручка, которую он отложил, покати-лась по столу, и сейшелец, о котором я говорю, совершенно автоматически наклонился и подхватил ее, чтобы она не упала. И ухо его оказалось очень близко от губ Мула, когда тот прошептал: «снова». Он услышал это слово. И молчал до самой смерти Мула.

— Как можно утверждать, что это не выдумка?

— Жизнь этого человека не такова, чтобы его можно было счесть выдумщиком. Его свидетельство — истина.

— Ну, допустим. И что?

— Видите ли, кроме этого единственного случая, Мул никогда не бывал ни в Сейшельском Союзе, ни в его окрестностях с тех самых пор, как появился на сцене галактической истории. Если он когда-либо побы-вал на Гее, это могло произойти только раньше.

— Ну и?..

— Где родился Мул?

— Этого, я думаю, не знает никто, — пожал плеча-ми Тревайз.

— В Сейшельском Союзе есть сильное подозрение, что он родился на Гее.

— Из-за одного этого слова?

— Не только. Мул был непобедим из-за того, что обладал уникальной ментальной силой. Гея тоже непо-бедима.

— Пока непобедима. Это вовсе не означает, что она непобедима в принципе.

— Но Мул таки не осмелился к ней приближаться. Полюбопытствуйте, перечитайте записи об истории его правления. Посмотрите, отыщется ли хоть один мир, с которым бы он обошелся так милосердно, как с Сей-шельским Союзом? Знаете ли вы о том, что даже те, кто отправлялся на Гею с мирными предложениями о тор-говле, никогда не вернулись оттуда? Вам этого мало? Вы по-прежнему считаете, что нам слишком мало о Гее известно?

Тревайз сказал:

— Много ли, мало ли, все равно ваше отношение сильно пахнет суеверием.

— Называйте, как хотите. Словом, со времен Мула мы перестали думать о Гее. И не хотим, чтобы она о нас думала. Только тогда мы чувствуем себя в безопасности, когда притворяемся, будто ее не существует. Не исключено, что легенда об исчезновении Геи в гиперпространстве намеренно сочинена правительством в надежде, что народ попросту позабудет, что существует звезда с таким названием.

— Значит, вы полагаете, что Гея — мир Мулов?

— Может быть. И советую, ради вашей же безопасности, — не суйтесь туда. Попробуете — никогда не вернетесь. Если Академия сунется на Гею, значит, она глупее Мула. Можете это сообщить вашему послу.

— Добудьте мне координаты Геи, — сказал Тревайз, — и я тут же исчезну из вашего мира. Доберусь до Геи и вернусь.

— Я добуду вам координаты, — сказал Квинтесетц. — Астрономический факультет работает, естественно, ночью. Если сумею, постараюсь это сделать прямо сейчас. Но позвольте еще раз попробовать отговорить вас от попытки лететь на Гею.

— А я все равно попытаюсь, — упрямо проговорил Тревайз.

Квинтесетц тяжело вздохнул:

— Значит, вы намерены совершить самоубийство.

Глава 14

ВПЕРЕД!

55

С тоской смотрел Пелорат в иллюминатор на туманный, призрачный рассветный Сейшелл.

— Мы так недолго пробыли тут, Голан. А ведь мир очень интересный и милый. Хотелось бы побольше разузнать о нем.

С кислой усмешкой Тревайз оторвался от компьютера:

— А мне, думаешь, не хотелось бы? Три раза мы тут превосходно полакомились. Я бы не прочь тут задержаться. Женщин, которые нам тут попадались, мы видели недолго, а некоторые из них выглядят весьма недурно с точки зрения... ну, словом, с моей точки зрения.

Пелорат брезгливо наморщил нос.

— Ох, дружок, не знаю... Эти коровьи колокольчики вместо нормальных туфель, да с головы до ног завернуты в кричащие тряпки. И потом — что они делают со своими ресницами? Ты обратил внимание на их ресницы?

— Почему же? Обратил. И не только на ресницы. Джен, это все пустяки. В конце концов, их можно упротить умыться, а в нужный момент дело дойдет и до пищащих туфель, и до разноцветной одежды.

Пелорат пожал плечами:

— Верю тебе на слово, Голан. Я, правда, больше думал о Земле. Все, что нам пока о ней говорят, так противоречиво — одни говорят о радиации, другие — о роботах...

— Но все — о гибели.

— Верно, — согласился Пелорат. — Но ведь может быть, что один прав, а другой — нет, или оба правы до какой-то степени, или оба неправы. Именно тогда, Голан, когда выслушиваешь предания, окутанные туманом загадок, и хочется больше всего найти истину.

— Точно, — кивнул Тревайз. — И я этого хочу. Всеми черными дырами Галактики клянусь — только этого я и хочу. Сейчас же самое главное — разобраться с Геей. Как только все выясним — можно будет искать Землю или вернуться на Сейшелл, чтобы побыть тут подольше. Но первым делом — Гея.

Пелорат нахмурился:

— Первым делом... Если верить тому, что сказал Квинтесетц, мы можем погибнуть там. Стоит ли лететь туда?

— Я и сам задаю себе этот вопрос. Ты боишься?

Пелорат растерялся, подумал и честно ответил:

— Да. Ужасно.

Тревайз запрокинул голову и пристально посмотрел на товарища.

— Джен, — сказал он через некоторое время спокойно, как только мог, — не обязательно тебе рисковать. Скажи только слово, и я оставляю тебя в Сейшелле с личными вещами и половиной наших денег. На обратном пути, если хочешь, подберу тебя, и тогда мы отправимся в Сирианский Сектор искать Землю, если она там. Если я не вернусь, представители Академии в Сейшелле помогут тебе вернуться на Терминус. Я не обижусь, старина, если ты останешься.

Пелорат часто-часто заморгал, крепко сжал губы.

— «Старина»? — переспросил он растерянно. — Ты так меня назвал? Сколько же времени мы знакомы? Неделю? Чуть больше? Не странно ли, что я не хочу остаться? Да, я боюсь, но я хочу лететь с тобой.

Тревайз развел руками:

— Но почему? Я от тебя этого не требую, честно!

— Я сам не знаю почему. Это... Что-то такое... Голан, я верю в тебя. Мне кажется, ты всегда знаешь, что делаешь. Я хотел лететь на Трентор, но теперь понимаю, что из моей затеи ничего бы не вышло. Ты настаивал на поисках Геи, и теперь мне кажется, что

Гея — это нечто вроде самого натянутого нерва Галактики. Очень, очень похоже, что именно из-за нее совершаются кое-какие события. И потом, если на то пошло, Годан, я наблюдал за тем, как ты заставил Квинтесетца выдать тебе сведения о Гее. Это была потрясающая по совершенству игра. Я был в восторге!

— Стало быть, ты веришь в меня.

— Да. Верю, — без колебаний ответил Пелорат.

Тревайз положил руку на плечо товарища и с минуту молчал, подбирая, видимо, верные слова.

— Джен, — сказал он наконец, — ты простишь меня заранее за то, что я совершу что-то неправильное, если так или иначе нам придется встретиться с какими-то неприятностями?

— О, дружочек! — воскликнул Пелорат. — Зачем ты спрашиваешь? У меня есть и собственные причины остаться. Только давай побыстрее улетим, пока я не струсил и не передумал. Тогда я буду сгорать от стыда до конца своих дней.

— Как скажешь, Джен, — улыбнулся Тревайз. — Стартуем сразу же, как только позволит компьютер. На этот раз рванем вверх без проволочек, запустим гравитационный двигатель, как только небеса над нами будут свободны от других кораблей. А через час будем уже в открытом космосе.

— Хорошо, — кивнул Пелорат и оторвал язычок с герметичного контейнера с кофе. Кофе почти сразу вскипел. Пелорат принялся осторожно посасывать его через трубочку, стараясь не обжечь губы.

Тревайз усмехнулся:

— Гляди, как ловко ты уже управляешься с этими штуками. Ты теперь старый космический волк, Джен.

Пелорат задумчиво посмотрел на пластиковый контейнер и глубокомысленно изрек:

— Видишь ли, во времена, когда люди научились управлять гравитационным полем, стыдно не уметь пользоваться какими-то контейнерами.

— Угу. Только теперь кофе можно и из чашки попить на корабле. Странная штука получается — из области психологической инерции. Видишь кольца на стенах и потолке? Двадцать тысячелетий они монтируются на всех космических кораблях, но на гравитаци-

онном корабле они нужны как рыбе зонтик. Контейнер с трубочкой — из той же оперы.

Пелорат кивнул, продолжая меланхолично потягивать кофе.

— И когда же мы стартуем?

— Ага, попался! — весело рассмеялся Тревайз. — Пока я с тобой болтал про колечки и трубочки, мы успели попрощаться с Сейшеллом. Уже в миле от поверхности.

— Не может быть.

— Сам посмотри.

— Но... я ничего не почувствовал, — пролепетал Пелорат, стоя у иллюминатора.

— И не должен был.

— А мы ничего не нарушили? Нам не нужно было опять следовать по радиолучу, как тогда, когда мы приземлились?

— Нет причин, Джен. Никто нас не остановит. Никто на свете.

— Но когда мы садились, ты сказал...

— То было другое дело. Наше прибытие не было для них большим подарком, но оттого, что мы улетаем, они просто в экстазе.

— Почему ты так говоришь, Голан? О Гее с нами говорил только Квинтесетц, а он умолял, чтобы мы туда не летели.

— Не обольщайся, Джен. Это он для проформы. Он прекрасно понимал, что мы полетим туда. Вот ты восторгался — как ловко я выудил у Квинтесетца нужные сведения. На самом деле моей заслуги тут нет. Он и сам бы все выложил. Если бы я заткнул уши, он бы стал кричать.

— Но почему, Голан, почему? Это просто безумие какое-то.

— Ну да, паранойя. Понимаю.

Тревайз повернулся к компьютеру.

— Нас не остановили, — сообщил он вскоре. — Ни единого корабля на пути, и дальше все чисто, и никаких предупреждений.

Подмигнув Пелорату, Тревайз спросил:

— А расскажи-ка мне, Джен, как ты узнал о Гее? Ты ведь знал о ней еще на Терминусе, знал, что она —

в Сейшельском Секторе, знал, что ее название по значению близко к слову «Земля». Где ты слышал обо всем этом?

Пелорат явно растерялся.

— Если бы я смог вернуться на Терминус... я бы покопался в файлах. Я же не все взял с собой — во всяком случае, не взял указатель, откуда те или иные сведения почерпнуты.

— Но ты задумайся, это ведь не так просто! Сейшельцы язык не распускают о Гее, помалкивают в тряпочку — настолько боятся говорить о ней, что выдумали сказку об ее исчезновении в гиперпространстве. Но я тебе еще кое-что скажу. Вот, посмотри...

Тревайз наклонился к компьютеру, ладони уверенно легли на поверхность стола. Он с радостью ощутил тепло соединения и почувствовал, как его воля скользнула куда-то вовне...

— Вот, — сказал он, — компьютерная модель Галактики, какой она была в памяти компьютера до нашего приземления на Сейшелле. А сейчас ты увидишь кусочек карты, показывающий ночное небо Сейшелла таким, каким мы его видели прошлой ночью.

В каюте стемнело и на экран легла картина ночного неба.

— Такое же красивое, как в тот вечер, — прошептал Пелорат.

— Еще красивее, — уточнил Тревайз. — Ведь здесь нет ни облаков, ни атмосферных искажений. Но погоди, сейчас я налажу подстройку...

У обоих наблюдателей возникло томящее ощущение передвижения в пространстве, а на самом деле Тревайз просто увеличил изображение. Пелорат инстинктивно вцепился в подлокотники кресла.

— Вот! — сказал Тревайз. — Видишь?

— Конечно. «Пять Сестер» — пятиугольник из звезд, который нам показывал Квинтесетц. Это они, без сомнения.

— Точно. Но где же Гея?

Пелорат прищурился, моргнул — тусклой звездочки в центре пятиугольника не было.

— Ее нет.

— Вот именно. Ее нет. А нет ее потому, что данные о ней в памяти компьютера отсутствуют. И поскольку я

отвергаю возможность того, что данные не внесены в память компьютера намеренно, мне остается сделать вывод: галактографы Академии, разрабатывавшие банк данных, имея в распоряжении колоссальные объемы информации, данными о Гее не располагали.

— Не хочешь ли ты сказать, что если бы мы полетели на Трентор...

— Я хочу сказать, что и там бы мы ничего не узнали о Гее. Ее существование держится в тайне сейшельцами и — у меня сильное подозрение — теми, кто живет на Гее. Ты и сам не так давно говорил, что кое-какие миры стараются держаться в тени, от глаз подальше, ну, чтобы налоги не платить, и всякое такое.

— Да, но такие миры, как правило, располагаются в малонаселенных районах Галактики. Именно изоляция, географическая изоляция дает им возможность скрываться. О Гее такого сказать нельзя, она не изолирована.

— Правильно! Весьма необычно. Но удивительнее другое: такие знающие люди, профессионалы-галактографы ни сном ни духом не ведали о Гее. А ты как о ней узнал?

— Голан, милый, но я же собирал мифы, легенды, всяческие сведения о Земле целых тридцать лет. Без картотеки как я могу вспомнить?

— Но поищи какую-нибудь зацепку, Джен. Ну вспомни, когда ты о ней узнал — в первые или последние пятнадцать лет изысканий?

— О, если так, то, конечно, в последние.

— Можно и точнее. Я возьму на себя смелость утверждать, что о Гее ты узнал не раньше чем в последние пару лет.

Тревайз немного усилил освещение в каюте, чтобы разглядеть выражение лица Пелората. Великолепное сияние звездного неба чуть померкло. Пелорат окаменел; он не мигая смотрел в одну точку.

— Ну? — поторопил его Тревайз.

— Думаю... — тихо проговорил Пелорат. — Может быть, ты прав. То есть поклясться не могу, но... Когда я писал письмо Джимбору в Ледбетский Университет, Гею не упоминал, что в этом случае было бы весьма уместно, а было это... дай-ка припомнить... в девяносто пятом, стало быть, три года назад. Выходит, ты прав, Голан.

— Но как, где ты наткнулся на упоминание о ней? — настаивал Тревайз. — В письме? В книге? Научной статье? В древней песне? Где? Думай!

Пелорат прикрыл глаза, скрестил руки на груди. Долго, казалось, целую вечность, он неподвижно сидел в глубоком раздумье. Тревайз нервничал, но не торопил его.

— В личном письме, дружочек, — наконец вымолвил Пелорат. — Только не спрашивай, от кого, я все равно не вспомню.

Тревайз вытащил руки из сумки. Ладони его взмокли от пота. Он продолжал пытаться говорить устами товарища...

— От кого было письмо? От историка? Мифолога? Галактографа?

— Бесполезно. Содержание письма не ассоциируется ни с каким именем.

— Скорее, никакого имени просто не было.

— О нет, это вряд ли.

— Почему? Ты не стал бы распечатывать анонимное письмо?

— Думаю, нет.

— Почему? Разве ты никогда не получал анонимных писем?

— Ну... когда-то очень давно. Но в последние годы я стал хорошо известен в определенных научных кругах и неплохо знал всех своих корреспондентов. Они любезно переправляли мне сведения, почерпнутые из самых разных источников. Вот источники порой не имели автора, это точно.

— Ну а от анонимного корреспондента такую безадресную информацию ты мог получить?

— Такое вроде бы бывало... Но очень редко.

— Значит, вовсе не исключено, что именно по такому каналу к тебе попала информация о Гее?

— Да, но... я этого не утверждаю.

— Хорошо. И тем не менее — такой вариант не исключен, правда?

— Наверное. Но к чему ты клонишь?

— погоди, я еще не закончил. Откуда было это анонимное письмо? Из какого мира?

— Говорю же тебе — не знаю, не помню!

— Не с Сейшелла ли?

— Не могу вспомнить, Голан, хоть убей.

— Позволю себе предположить, что письмо пришло-таки с Сейшелла.

— Можешь предполагать все, что угодно; но это ничего не доказывает.

— Нет? А вспомни-ка, когда Квинтесетц показал на тусклую звездочку посреди пятиугольника «Пяти Сестер», ты сразу понял, что это Гея. Помнишь?

— Да, конечно.

— Как это возможно? Как ты мог вот так сразу узнать ее, как понял, что это и есть Гея?

— Наверное, потому, что в материалах о Гее, что имелась у меня, она редко называлась своим истинным именем. Чаще употреблялись эвфемизмы. Иногда планета упоминалась как «младший братец Пяти Сестер». Еще встречались такие поэтические определения, как «Сердце Пятиугольника»... И как только Квинтесетц показал на «Пять Сестер», все эти аллюзии сразу вспомнились.

— Интересно... А мне ты раньше ни слова не говорил об этих аллюзиях.

— Видимо, я просто не улавливал их истинного значения и не думал, что это нечто важное, достойное обсуждения с тобой, не...

Пелорат осекся и замолчал на полуслове.

— Договаривай. Не специалистом?

— Да.

— Допустим. Поговорим о другом. Надеюсь, ты понимаешь, что пятиугольник «Пяти Сестер», как всякое созвездие, носит весьма относительный характер?

— Что ты хочешь сказать?

— То, что ты сухопутная крыса. Ты думаешь, что звезды приколочены к тверди небесной? Пятиугольник «Пяти Сестер» имеет такие очертания только для тех, кто живет в мирах Сейшельского Союза. Для жителей планеты, обращающейся вокруг любой другой звезды, «Пять Сестер» выглядят иначе. Как минимум видны под другим углом. Это во-первых. Во-вторых, звезды, составляющие «Пять Сестер», находятся на разном расстоянии от Сейшелла, и если на них смотреть объективно, никакой взаимосвязи между ними может не оказаться вообще. Одна-две звезды могут находиться на одном краю неба, а остальные — бог знает где. Смотри...

Тревайз снова полностью выключил свет в каюте и склонился над компьютером.

— Перед нами восемьдесят шесть обитаемых миров, составляющих Сейшельский Союз. Теперь поставим Гею, вернее, ту точку, где она должна находиться, на место (только он успел произнести эти слова, как в центре пятиугольника загорелась красная точка) и посмотрим, как выглядят ночные небеса с некоторых планет Сейшельского Союза.

Звездная картина дрогнула, сместилась. Пелорат мигнул. Красная точка осталась в центре экрана, а пятиугольник исчез. Яркие звезды были видны, но никакого пятиугольника! Еще и еще раз менялась картина небес... Красная точка неизменно оставалась на месте, но пять звезд никак не выстраивались в пятиугольник. Время от времени возникало нечто вроде неправильно пятиугольника, но тогда звезды вовсе не отличались столь равномерной яркостью, как те, что показывал им Квинтесетц.

— Ну что, хватит? — спросил Тревайз. — Так вот: ниоткуда больше «Пять Сестер» не видны так четко, как с Сейшелла, ни из одного мира Сейшельского Союза.

Пелорат предположил:

— Воззрения сейшельцев могли быть экспортированы на другие планеты. Ну, например, Трентор до сих пор фигурирует в массе пословиц...

— Ну да, конечно, и при этом в Сейшелле хранят тайну Геи за семью печатями? И потом, какое кому дело до нее в других мирах, кроме Сейшелла? Что им за дело до «младшего братца Пяти Сестер», когда в их небесах нет никаких сестер и братьев?

— Не знаю... Может, ты и прав.

— Надеюсь, я сумел убедить тебя в том, что первоначальные сведения о Гее ты получил и мог получить только из Сейшелла. Причем — не из какого-то другого мира, а именно из той планетарной системы, где располагается столичная планета.

Пелорат обескураженно помотал головой:

— Ты так все выстраиваешь... вроде бы все сходится. Но сам я этого не помню. Ей-богу, не помню.

— Но в неоспоримость моих доказательств ты веришь, не так ли?

— Да.

— Ладно. Пошли дальше. Как ты думаешь, когда могла возникнуть эта легенда?

— Когда угодно. Я склонен полагать, что она возникла очень давно, еще в Эру Империи. У нее есть привкус древности...

— Ошибаешься, Джен. «Пять Сестер» сейчас находятся довольно близко от Сейшелла, вот почему они такие яркие. Но, как я уже говорил, они не связаны друг с другом раз и навсегда. Взять произвольно любую пару — и они не будут частью одного звездного семейства. То есть они движутся в разных направлениях. Погляди, что произойдет, если я сдвину картину назад во времени... — Красный кружок, обозначавший Гею, вновь остался на месте, а пятиугольник медленно, постепенно распался — четыре звезды поплыли в разных направлениях, а пятая немного отошла в сторону. — Ну, Джен, — потребовал Тревайз, — можно назвать этот пятиугольник правильным?

— Нет, он явно деформирован.

— А Гея где? В центре?

— Нет, она тоже ушла в сторону.

— Отлично. Вот так выглядело созвездие сто пятьдесят лет назад. Всего сто пятьдесят лет назад... Сведения, полученные тобой о «Пяти Сестрах» и звезде в центре пятиугольника, не имеют никакого смысла до наступления нашего столетия нигде, даже на Сейшелле. Легенда эта могла возникнуть на Сейшелле и только в течение последнего века. Скорее всего — в последние десять лет. Сейшельцы не любят и боятся об этом говорить, а ты об этом узнал.

Тревайз резко включил свет, убрал карту звездного неба и в упор посмотрел на Пелората.

— Я... совершенно растерян, — хрипло проговорил тот. — Что же это такое?

— Это ты мне скажи! Думай! Мне каким-то образом явилась мысль о том, что Вторая Академия все еще существует. Во время своей избирательной кампании я говорил об этом — самым откровенным образом давил на эмоции не слишком решительных избирателей, набирая голоса. Позже я подумал: «А что, если она действительно существует?» Я принялся читать книги по истории и еще через неделю был в этом просто убежден. Настоящих доказательств у меня не было, но я всегда

чувствовал в себе способность делать верные выводы всего лишь на основании размышлений. Но на этот раз... — Тревайз сделал небольшую паузу и продолжил: — Смотри, что происходит потом: из всех людей я доверился только Компору, и он предал меня. Затем Мэр Бранно арестовала меня и отправила в ссылку. Почему в ссылку? Почему в тюрьму? В конце концов, можно было просто пригрозить мне — дескать, держи язык за зубами, а не то... Ладно, в ссылку, но почему на корабле последней модели, способном совершать Прыжки через всю Галактику? А самое главное — зачем она настаивала, чтобы со мной полетел ты и чтобы я помог тебе в поисках Земли?

А почему я был твердо убежден, что нам не нужно лететь на Трентор? Я предполагал, что ты знаешь о более интересной цели поиска, и тут ты выложил мне рассказ о таинственном мире — Гее, сведения о которой, как теперь выясняется, ты получил при весьма загадочных обстоятельствах... Мы отправляемся на Сейшелл, делаем первую остановку и тут же встречаем Компора, который обстоятельно рассказывает нам о Земле, о ее гибели, уверяет нас, что она находится в Сирианском Секторе и настоятельно рекомендует нам лететь туда.

— А, вот ты о чем... — протянул Пелорат. — Ты хочешь сказать, что обстоятельства влекли нас к Гее. Но, как ты только что сказал, Компор пытался убедить нас, что нам следует лететь совсем в другое место.

— А я, не доверяя этому человеку ни на йоту, из чистого упрямства решил не отказываться от задуманного. А тебе не кажется, что он именно этого и добивался? Собственно, я уже говорил тебе об этом.

— Романтика какая-то... — пробурчал Пелорат.

— Да? Пошли дальше. Мы очень быстро разыскали Квинтесетца. Сам нам в руки пошел.

— Не совсем, — возразил Пелорат. — Я узнал его имя...

— Оно показалось тебе знакомым. Ты даже не мог точно припомнить, читал ли что-либо из написанного им. Почему же оно показалось тебе знакомым?.. Потом оказалось, что он читал твою работу, а это насколько вероятно? Ты же сам признавался, что не так много опубликовал.

Дальше — больше: молодая дама, провожая нас до кабинета Профессора, довольно небрежно упоминает о Гее, рассказывает нам байку о том, что Гея — в гиперпространстве, да так, чтобы мы запомнили это. Мы спрашиваем об этом Квинтесетца, он пугается, не хочет говорить об этом, но нас за дверь не выставляет, несмотря на то что я был грубоват с ним. Наоборот, он приглашает нас к себе домой и по пути не забывает показать нам «Пять Сестер». Не забывает даже спросить, заметили ли мы тусклую звездочку в центре пятиугольника. Зачем? Не слишком ли закономерно для случайного стечения обстоятельств?

— Ну, когда ты так перечисляешь...

— Перечисляй, как хочешь. Но я не верю, что это — случайное стечение обстоятельств.

— Что же это все значит? Что нас ведут на Гею?

— Да.

— Кто?

— А вот в этом у меня сомнений нет. Те, кто способен управлять сознанием, тонко манипулировать течением событий, направляя их в ту или иную сторону по своей воле.

— Сейчас ты скажешь, что это Вторая Академия.

— Ну а что нам известно о Гее? Она неприкасаема. К ней отправляется целый флот, и флот погибает. Люди летят туда с мирными намерениями и не возвращаются. Даже Мул не осмелился выступить против нее, и очень может быть — там родился. Естественно, мне кажется, что Гея — это Вторая Академия, а ведь отыскать ее — вот моя главная задача.

Пелорат покачал головой:

— Судя по тому, что пишут некоторые историки, Вторая Академия остановила Мула. Разве он мог быть оттуда?

— Ренегат, наверное.

— Но почему же тогда Вторая Академия так упорно ведет нас к себе?

Тревайз нахмурился, уставился в одну точку.

— Давай попробуем понять. Для Второй Академии всегда, во все времена было важно, чтобы в Галактике о ней знали как можно меньше. Это нам известно точно. Вот уже сто двадцать лет Вторая Академия думает, что о ней никто не знает, и это устраивает ее как нельзя

лучше. Когда у меня возникли догадки о том, что она до сих пор существует, она не делала ничего. О моих воззрениях узнал Компор. Она могла использовать его для того, чтобы заткнуть меня тем или иным способом, может быть, даже убить. Но и тут она пальцем о палец не ударила.

— Да, — возразил Пелорат, — но тебя арестовали, если тебе угодно возложить ответственность за это на Вторую Академию. В итоге народ Терминуса о твоих воззрениях не узнал. Люди из Второй Академии добились этого, не прибегая к насилию. Очень может быть, что им известен знаменитый лозунг Гардина: «Насилие — последний козырь дилетантов».

— Ну и что с того, что об этом не узнал народ Терминуса? Мэру Бранно мои взгляды известны, и хотя бы она может пораскинуть мозгами — а вдруг я прав? Теперь Второй Академии уже поздно как-то помешать нам, повредить. Ведь если бы они избавились от меня сразу, они были бы ни при чем. Оставьте они меня в покое, они тоже были бы ни при чем, поскольку нашли бы возможность убедить народ на Терминусе в том, что я — вот такой эксцентричный человек, может быть, даже чокнутый. Моя политическая карьера покатила бы под откос, и одно это могло заставить меня замолчать — я бы понял, чем мне грозит открытое высказывание моих взглядов.

Теперь им поздно предпринимать что-либо. Мэр Бранно легковерием не отличается, поэтому послала Компора следить за мной, но, не доверяя и ему, отдала приказ установить на его корабле гиперреле. Вследствие этого ей, безусловно, известно, что мы — в Сейшельском Секторе. А ночью, когда ты спал, я через компьютер отправил сообщение нашему послу в Сейшелле, где доложил, что мы взяли курс на Гею. Я даже координаты не поленился сообщить. Даже если теперь Вторая Академия попытается сделать нам что-нибудь нехорошее, уверен: Бранно этого так не оставит, а пристальное внимание нашей Академии — это как раз то самое, чего Вторая Академия хочет меньше всего на свете.

— Но если они столь могущественны, — возразил Пелорат, — чего им бояться?

— Чего бояться? А почему они прячутся? Им не устоять в открытой схватке, понимаешь? Технический прогресс, достигнутый нашей Академией, превзошел ожидания самого Седдона. Вели они нас к своему миру тихо, почти незаметно, тайком — это, видимо, свидетельствует об их крайнем нежелании делать что-либо, способное привлечь к ним внимание. Но они все равно проиграли — не на того напали. Сомневаюсь, что теперь они сумеют изменить ситуацию.

— Но зачем им все это? Если ты прав, зачем им вести нас к себе через всю Галактику — ведь получается, что это грозит им гибелью?

Лицо Тревайза покрылось лихорадочным румянцем.

— Джен, — сказал он, — у меня странное предчувствие. Ты сам сказал: у меня редкий дар делать верные выводы, располагая... да почти ничем не располагая. Кто-то внутри меня подсказывает мне, что я прав. И сейчас подсказывает. Есть во мне что-то, чего они хотят, зачем-то я им нужен, — нужен настолько, что они готовы рискнуть самим своим существованием. Я сам не знаю, что это такое, и должен понять — раз у меня что-то такое есть, и если это — мощное оружие, я обязан научиться им пользоваться ради того, что сам считаю верным. — Тревайз смущенно пожал плечами. — Ну вот. Ты все еще хочешь лететь со мной, старина, — теперь, когда видишь, какой я чокнутый?

Пелорат убежденно ответил:

— Я же сказал, что верю в тебя. Верю и сейчас.

— Восхитительно! — облегченно, радостно рассмеялся Тревайз. — Скажу тебе по секрету, у меня есть еще одно предчувствие: и у тебя тоже есть своя роль в этой истории. Ну, Джен, летим на Гею на полной скорости. Вперед!

56

Мэр Бранно явно постарела за последние дни. Она настолько глубоко задумалась, что совершенно машинально взглянула в зеркало по дороге в галактографический зал. Лучше бы она этого не делала.

Бранно горько вздохнула. Жизнь уходила из нее по каплям. Целых пять лет на посту Мэра, а до этого —

еще двенадцать — разве они были легче? Тогда она фактически занималась тем же самым, стоя за спиной двух марионеток. Спокойно, уверенно вершила она свое дело, но всегда на износ. «А как же иначе», — думала она порой. По другой схеме все выглядело бы так: «напряжение — неудача — срыв». Но как ужасно было сознавать, что именно спокойное плавание, дрейф по течению событий так измотали ее.

Залогом ее успеха был План Селдона, а Вторая Академия — залогом его успешного выполнения. Твердая рука Бранно лежала на пульсе Первой Академии, но никто, ни одна душа на Терминусе не догадывалась, как трудно Бранно устоять на гребне волны.

История скажет о ней мало или совсем ничего. Всю свою жизнь она просидела за пультом управления кораблем, которым на самом деле управляли извне.

Даже Индбур III, правивший Академией во времена ее позорного падения к ногам Мула, ухитрился сделать что-то, из-за чего его запомнили, — хотя бы в обморок упал!

А Мэра Бранно никто не вспомнит.

Если только ей не поможет Голан Тревайз, этот Советник-выскачка...

Бранно внимательно посмотрела на карту. Карта была совсем не такая, какую показывает современный компьютер: всего-навсего трехмерная модель — подвешенные в воздухе огоньки. Модель нельзя было разворачивать, двигать, увеличивать и уменьшать. Можно было лишь обойти ее вокруг.

Бранно нажала рычажок, и сразу загорелось огромное множество огоньков — около трети от общего количества (не считая ядра Галактики, где, как считалось, никто не живет). Такова была Федерация Академии — более семи миллионов обитаемых миров, и правил ими Совет во главе с Бранно. Семь миллионов миров имели голос и представительство в Совете Миров, решавшем дела второстепенной важности. **Никогда** ни при каких обстоятельствах Совет Миров не принимал решений глобальной важности.

Бранно нажала другой рычажок, и по разные стороны от границ Федерации загорелись бледно-розовые огоньки. Сферы влияния. Территориями Академии эти

регионы не являлись, но, формально сохраняя независимость, ни за что в жизни не осмелились бы мечтать оказать сопротивление малейшему шагу со стороны Академии.

В голове у Мэра не укладывалось, что в Галактике может существовать сила, способная противостоять Академии, даже Вторая Академия, где бы она ни находилась. В любое время, когда захочет, Академия могла пустить в ход свой Флот, состоящий из суперсовременных кораблей, и уже сейчас без труда основать Вторую Империю.

Но со времен начала выполнения Плана Селдона минуло пока только пять столетий, а План гласил: между крахом Первой и созданием Второй Империи — путь длиной в десять веков. За выполнением Плана должна следить Вторая Академия... Мэр горестно покачала головой. Значит, если Академия начнет действовать сейчас, она проиграет. Пусть ее корабли непобедимы, но сама поспешность смерти подобна.

Все так, если только Тревайз, как громоотвод, не вызовет на себя гром и молнию Второй Академии и вспышка молнии не озарит ее источник...

Бранно нервно оглянулась на дверь. Где же Коделл? Не время опаздывать.

Он тут же вошел, как бы откликнувшись на ее мысленный упрек, — добродушно улыбаясь и гораздо более походя на добренького дедушку, чем мог бы, только за счет усов, бороды и хитрых морщинок на выдубленной годами коже лица. Да, дедушка, но не старик все-таки. Но, в конце концов, Коделл был на восемь лет моложе Бранно.

И как это, интересно, ему удалось так хорошо сохраниться? Пятнадцать лет Директором Службы Безопасности — и хоть бы что!

57

Коделл приветствовал Мэра низким медленным поклоном, то была необходимая формальность перед началом разговора. Странно — времена правления Индбуров старались не вспоминать, а ведь именно тогда был выдуман этот претенциозный этикет.

— Прошу прощения, — сказал он, — что запоздал, Мэр. Дело в том, что Совет очнулся после наркоза, арест Советника Тревайза понемногу начинают обсуждать.

— Вот как? — флегматично отозвалась Бранно. — Нам грозит дворцовый переворот?

— Ни в коем случае. Ситуация целиком под нашим контролем. Но шума не миновать.

— Пускай шумят, если им от этого легче. Меня это не касается. Ну а как общественное мнение в целом? На него я могу рассчитывать?

— Думаю, можете. Особенно — за пределами Терминуса. Там никому дела нет до того, что стряслось с заблудшим Советником.

— Мне есть дело.

— А? Есть новости?

— Лайоно, — сказала Мэр. — Я хочу побольше узнать о Сейшелле.

— Ну, я не ходячий учебник истории, — улыбаясь развел руками Коделл.

— История меня не интересует. Меня интересует правда. Почему Сейшелл независим? Посмотрите сюда.

Она показала на крошечный островок белых огоньков, со всех сторон окруженный красными.

— Видите? Мы его инкапсулировали, почти поглотили, а он все равно белый. Белый, даже не розовый, как лояльные нам территории.

Коделл пожал плечами:

— Да, официально Сейшелл — недружественное нам государство, но он нейтрален и никогда не досаждал нам.

— Отлично, — кивнула Бранно. — А теперь посмотрим еще...

Она нажала еще несколько рычажков на пульте. Красные огоньки поползли во все стороны и покрыли почти половину Галактики.

— Это, — пояснила Бранно, — царство Мула незадолго до его смерти. Тогда Сейшельский Союз тоже был окружен со всех сторон, но видите — он белый! Единственный анклав, оставленный Мулом на воле.

— Они и тогда сохраняли нейтралитет.

— Плевать хотел Мул на всякие там нейтралитеты.

— Выходит, в этом случае, не наплевал.

— Выходит-то оно выходит, но почему? Что такого необыкновенного на Сейшелле? Чем он славится?

— Ничем, — помотал головой Коделл. — Поверьте, Мэр, стоит нам только пожелать — и он наш, хоть завтра.

— Да? Но почему же он не наш до сих пор?

— Думаю, просто он не был нам нужен, вот и все.

Бранно выключила пульт управления моделью Галактики, сцепила руки на груди, зажмурилась.

— Думаю, теперь он нам нужен.

— Пардон, Мэр?

— Лайоно, я послала этого балбеса Тревайза в космос как приманку. Мне казалось, что Вторая Академия может переоценить опасность, от него исходящую, и первым делом обратит внимание именно на него. Молния ударит в него, и нам станет ясно, откуда она ударила.

— Верно, Мэр.

— Я рассчитывала, что он направится на Трентор, в мир древних развалин, и вместе с Пелоратом будет копаться в том, что осталось от Галактической Библиотеки в поисках сведений о Земле. Это, как вы помните, мир, который занудные мистики считают прародиной человечества. Бог с ними, пускай даже оно так и есть — толку от этого ноль. По моим расчетам, Вторая Академия должна была не поверить, что его интересует эта дребедень, и заинтересоваться тем, что он ищет на самом деле.

— Но на Трентор он не полетел.

— Нет, не полетел. Ни с того ни с сего он отправился на Сейшелл. Почему?

— Не знаю. Но простите, Мэр, старую ищейку — я не доверяю никому, и всех на всякий случай подозреваю: откуда вам известно, что он и этот, как его... Пелорат отправились на Сейшелл? Сообщение об этом поступило от Компора, но насколько можно верить Компору?

— Гиперреле подтверждает, что корабль Компора действительно приземлился на планете Сейшелл.

— Пусть так, но откуда вы знаете, что Пелорат с Тревайзом приземлились там же? Может, у Компора

были свои причины махнуть на Сейшелл, и он ни сном ни духом не ведает, где эта парочка?

— Видите ли, Лайоно, наш посол на Сейшелле сообщил о прибытии туда корабля, на котором мы отправили Тревайза и Пелората. Сомневаюсь, чтобы корабль прилетел туда пустой. Компор, помимо всего прочего, их видел и разговаривал с ними. Допустим, мы не можем доверять ему, но у нас есть сведения о том, что Тревайз и Пелорат посетили Сейшельский Университет и беседовали там с одним не слишком известным историком.

— А у меня таких сведений нет, — с укором проговорил Коделл.

Бранно поморщилась.

— Только без обид, Лайоно. Я лично всем этим занималась, и теперь все вам рассказала — почти сразу же, кстати говоря. Только что получено сообщение от посла. Наш громоотвод на месте не сидит. На планете Сейшелл он пробыл два дня и уже отбыл оттуда. Направился к другой планетарной системе, в нескольких десятках парсеков от Сейшелла. Он сам связался с послом и сообщил координаты этой системы и ее название. Посол сразу же сообщил все это мне.

— А от Компора есть что-нибудь?

— Донесение Компора о том, что Тревайз и Пелорат покинули Сейшелл, пришло еще раньше сообщения посла. В ту пору Компор не знал точно, куда именно направляется Тревайз. Вероятно, последует за ним.

— Мы упустили все «почему», — задумчиво проговорил Коделл, вытащил из кармана упаковку пастилок, отправил одну в рот и принялся посасывать ее. — Почему Тревайз отправился на Сейшелл? Почему улетел оттуда?

— Меня гораздо больше занимает другой вопрос: куда? Куда летит Тревайз?

— Если не ошибаюсь, Мэр, вы сказали, что посол передал вам название и координаты той планетарной системы, куда отправился Тревайз. Или вы думаете, он солгал послу? Или посол солгал вам?

— Допустим, никто не лжет. Меня интересует это название, Лайоно. Тревайз сказал послу, что направляется к Гее. Г-Е-Я — вот как называется это место. Тревайз по буквам назвал.

— Гея? — переспросил Коделл. — Впервые слышу.

— Правда? Ничего удивительного, впрочем.

Бранно ткнула пальцем в то место, где раньше светились огоньками модель Галактики.

— На этой модели можно в любое время отыскать любую звезду, вокруг которой обращаются обитаемые планеты, и даже такие звезды, вокруг которых обращаются обширные необитаемые планетарные системы. Таких звезд почти тридцать миллионов — их можно наблюдать как угодно, если как следует отладить изображение: по отдельности, попарно, в созвездиях. Я могу пометить их пятью различными цветами... но чего я не могу сделать, так это отыскать Гею. Если судить по этой карте, Геи не существует.

— На каждую из тех звезд, что показывает эта карта, наберется десяток, ею неучтенных, — возразил Коделл.

— Согласна, но неучтенные картой звезды — лишь те, вокруг которых нет обитаемых планетарных систем. А Тревайзу с какой стати вздумалось лететь в необитаемый мир?

— Вы не пробовали связаться со службой Главного Компьютера? В его память заложены данные обо всех трех миллиардах звезд Галактики.

— Мне сказали, что это так, но так ли это на самом деле? Разве мы не знаем — вы и я, что довольно-таки многие планеты не внесены ни в один перечень только потому, что сами от этого уклонились? Их нет ни на этой карте, ни в памяти Главного Компьютера. Не исключено, что Гея — одна из них.

В спокойном голосе Коделла появились успокаивающие нотки.

— Пусть так, но стоит ли переживать, Мэр? Может быть, Тревайз просто странствует, как дикий гусь, а может быть, он наврал послу, и вовсе нет звезды под названием Гея, да и вообще ничего нет под теми координатами, которые он назвал. Может быть, встретив Компора, он понял, что за ним слежка и попросту решил смотать удочки.

— Но как? Компор будет продолжать следить за ним. Нет, Лайоно, не все так просто. Еще одна мысль не дает мне покоя. Есть большая опасность. Послушайте

меня... — Помолчав немного, она сказала: — Лайоно, этот зал экранирован, и никто нас не подслушает. Будем говорить открыто. Если верить полученной информации, эта Гея расположена в десяти парсеках от границ Сейшельского Союза и, по идее, должна бы входить в него. Сейшельский Союз — хорошо исследованный участок Галактики. Все его звездные системы — обитаемые и необитаемые — зарегистрированы, населенные системы подробно описаны. Гея — единственное исключение. Населена она или нет — о ней никто не знает, ее нет на нашей карте. Ни на этой, ни на какой другой. А Сейшелл сохраняет экзотичную независимость от Федерации Академии. Даже в царстве Мула он остался нетронутым. Он независим со времен распада Галактической Империи.

— И что же из этого следует? — осторожно спросил Коделл.

— Уверена, тут есть взаимосвязь. Сейшелл включает неизвестную планетарную систему. Сейшелл неприкасаем. Что бы собой ни представляла Гея, она явно защищает себя и следит за тем, чтобы никто, кроме самого ближайшего окружения, о ней ничего не знал. Она защищает и самое это окружение, да так, что никто не смеет нарушить его неприкосновенность.

— Клоните к тому, Мэр, что Гея — резиденция Второй Академии?

— Пока хочу сказать лишь, что Гея заслуживает внимания.

— Могу ли я указать на один пункт, из-за которого выстроенная вами теория не выглядит убедительной?

— Прошу.

— Если Гея — Вторая Академия и многие столетия физически защищала себя от захватчиков, а вместе с собой — весь Сейшельский Союз, сделав из него непробиваемый щит для себя, препятствовала распространению знаний о себе по Галактике, то куда же вся эта защита вдруг подевалась? Тревайз и Пелорат покинули Терминус, и хотя вы настоятельно рекомендовали им лететь на Трентор, они незамедлительно, без всяких колебаний устремились на Сейшелл, а теперь — на Гею. Более того, вы вольны думать о Гее, размышлять о том, что она такое. Почему никто не мешает вам делать это?

Бранно ответила не сразу. Седые волосы ее тускло блеснули, когда она склонила голову.

— Видимо, потому, — сказала она наконец, — что Советнику Тревайзу удалось каким-то образом ускорить события. Что-то он такое сделал или делает, что угрожает Плану Седдона. Один.

— Один человек? Но это невозможно, Мэр.

— Никто не застрахован от просчетов, от уязвимых мест. Седдон тоже не был гарантирован от промахов. Где-то в теле Плана есть болевая точка, и Тревайз наступил на нее, может быть, сам того не зная. Мы должны понять, что случилось, мы обязаны быть в центре событий.

Коделл по-настоящему насторожился.

— Не принимайте самостоятельных решений, Мэр. Нам нельзя действовать необдуманно.

— Не принимайте меня за дурачку, Коделл. Войну объявлять я не собираюсь. Не собираюсь отправлять экспедиционный корпус на Гею. Я хочу лишь оказаться в центре событий — или неподалеку от центра, если вам так больше нравится. Лайоно, окажите мне услугу — терпеть не могу толковать с нашим военным ведомством. Оно настолько погрязло в двадцатилетнем бездействии... но думаю, вам не составит труда выяснить, сколько наших военных кораблей сосредоточено на базах поблизости от границ Сейшельского Союза. Можем ли мы устроить так, чтобы их передвижение не вызвало подозрений и выглядело как нечто тривиальное?

— Я почти уверен, что по мирным временам кораблей там немного. Но я уточню.

— Хватило бы двух-трех, в особенности если хотя бы один будет класса «Сверхновый».

— И что вы хотите с ними делать?

— Я хочу, чтобы корабли подошли как можно ближе к Сейшеллу, не создавая неприятностей. Еще я хочу, чтобы они держались поближе друг к другу, на случай, если потребуются взаимовыручка.

— Ради чего все это, Мэр?

— Ради возможности гибкого управления ситуацией. Хочу нанести удар, если потребуются.

— Кому? Второй Академии? Если Гея сохранила неприкосновенность и устояла даже против Мула, что ей какие-то несколько кораблей?

Войнственный огонек блеснул в глазах Бранно.

— Друг мой, я же сказала вам: никто не совершенен, ничто не совершенно в этом мире. Даже Гэри Седдон. Он был человеком своего времени, и ничего не мог с этим поделать. Он был великим математиком времен распада Империи, когда о развитии техники говорить не приходилось. Вот именно прогресса техники он и не мог предвидеть. Взять хотя бы антигравитацию — принципиально новое направление. Разве он мог его предугадать? Да мало ли еще чего мы добились.

— Но, вероятно, Гея тоже на месте не сидела.

— В изоляции? Не надо. В Федерации Академии живет десять квадриллионов человек, а сколько из них гениев, способных продвинуть вперед прогресс техники. Нет, изолированному миру о таком мечтать не приходится. Словом, наши корабли должны начать маневр, и я буду с ними.

— Простите, Мэр, не понял?

— Я лично отправлюсь к отряду кораблей, который сгруппируется у границ Сейшелла. Хочу все увидеть своими глазами.

Коделл с минуту сидел с раскрытым ртом.

— Мэр... но это... это не мудро.

В горле у него пересохло. Стало слышно, как он сглотнул слюну. Он явно хотел выразиться покрепче.

— Мудро или нет, — рявкнула Бранно, — я сделаю это! Вот у меня где альянсы, контральянсы, предательства и все такое прочее! Семнадцать лет я варюсь в этом соку. Надоело! Хватит! Может быть, где-то там, — она махнула рукой, — сейчас меняется вся история Галактики, и я хочу участвовать в этом.

— Но у вас нет никакого опыта в подобных делах, Мэр!

— Как знать, Лайоно, как знать...

Бранно решительно встала.

— Как только вы добудете мне необходимые сведения, я быстренько покончу с занудными домашними делами и отправлюсь туда. И не пытайтесь, Лайоно, меня отговаривать, а то мне придется забыть о нашей давней дружбе и наделать вам массу неприятностей. Это я еще могу.

Коделл кивнул:

— Знаю, что можете, Мэр, но прежде чем вы примете решение, позволительно ли будет мне напомнить вам о могуществе Плана Седдона? То, что вы собираетесь совершить, сильно смахивает на самоубийство.

— Этого мне бояться нечего, Лайоно. План не предусмотрел Мула. Раз была хоть одна ошибка, не исключены и другие.

Коделл вздохнул.

— Ну что ж, раз вы уж так бесповоротно все решили, мне остается только поддержать вас. Можете на меня рассчитывать.

— Хорошо. Вам же лучше, если вы это говорите от души. Не забывайте об этом, Коделл, и летим на Гею. Вперед!

Глава 15

СОЛНЦЕ ГЕИ

58

Вотсек управления маленького старомодного корабля вошла Сура Нови.

Она явно только что вышла из-под душа: завернулась в простыню, стыдливо придерживая ее руками. Волосы ее были высушены феном, но растрепаны.

— Господин... — тихонько окликнула она Гендибаль. Гендибаль оторвался от компьютера и карт.

— Да, Нови?

— Я быть очень стыдно, — начала было она, умолкла и начала фразу снова: — Мне очень неудобно беспокоить вас, Господин (тут она снова скатилась на думлянский диалект), я не умею найти мой одежда.

— Твою одежду? — непонимающе переспросил Гендибаль, мгновение смотрел на Нови, потом на лице его изобразилось нечто вроде раскаяния. Он встал.

— Я забыл, Нови. Прости, нужно было постирать твои вещи. Они в стиральной камере. Выстираны, высушены, выглажены — все в полном порядке. Надо было все вынуть оттуда и положить на видное место. Я забыл.

— Я не хотела (она смущенно оглядела себя) вас оскорбить...

— Ерунда, не переживай, — мягко сказал Гендибаль. — Послушай, Нови, я обещаю тебе: когда все это закончится, я позабочусь о том, чтобы у тебя было много одежды — новой и самой модной. Мы улетели впопыхах, и я не успел об этом подумать. Но здесь,

Нови, мы только вдвоем, мы так близко друг к другу, так что не стоит переживать... то есть волноваться о...

Гендибаль сделал рукой замысловатый жест, глаза Нови сверкнули нескрываемым ужасом. Гендибаль смутился. «В конце концов, — подумал он, — она всего-навсего деревенская девчонка, совсем неиспорченная, и, наверное, с ней можно говорить о многом, но только тогда, когда она одета».

Ему стало нестерпимо стыдно, и он обрадовался, что Нови — не «ученая», и не может прочесть его мысли.

— Принести тебе одежду? — спросил он.

— О нет, Господин! Это не быть для вас. Я сама найду.

Когда они встретились снова, Нови была аккуратно одета, волосы причесаны.

— Мне стыдно, Господин, — робко проговорила она, — что я так неправильно поступила. Должна была сама все найти.

— Ничего страшного, — улыбнулся Гендибаль. — Смотри-ка, Нови, тебе неплохо дается Галактический Стандарт. Скоро будешь говорить совсем как ученые.

Нови радостно улыбнулась. Зубы у нее были немного неровные, но лицо просто-таки засветилось от улыбки. «Какая она милая, — подумал Гендибаль, — когда я ее хвалю». И решил, что именно поэтому ему так нравится ее хвалить.

— Думляне будут презирать меня, когда я вернусь, — сказала Нови. — Они будут говорить, что я быть... что я словорубка. Так у нас зовут тех, кто говорит... непонятно. Таких не любят.

— Не думаю, что ты вернешься к думлянам, Нови. Уверен, для тебя найдется дело и место в Университетском комплексе, среди ученых, когда мы вернемся.

— Мне бы очень хотелось, Господин.

— Скажи, а ты не могла бы звать меня «Оратор Гендибаль»? Не хочешь? Нет, вижу, что не хочешь, — сказал он, заметив моментальный протест в ее глазах. — Ну и ладно.

— Это не будет хорошо, Господин, — покачала головой Нови. — А можно мне спросить: когда все это закончится?

Гендибаль нахмурился:

— Трудно сказать, Нови. Сейчас мне нужно как можно быстрее добраться... до одного места. У нас хороший, очень хороший корабль, но летит медленно. Хотелось бы побыстрее. Видишь, — он махнул рукой в сторону компьютера и разложенных карт, — я должен работать, чтобы проложить наш путь в космосе, но компьютер не все умеет делать, да и, честно говоря, не такой уж опытный в этом деле.

— Вы хотите попасть туда быстро, потому что есть опасность, Господин?

— Почему ты решила, что есть опасность, Нови?

— Потому что иногда я смотрю на вас, когда вы меня не видите, и ваше лицо такое... я не знаю такого слова. Не пуганное, то есть не испуганное, не ожидающее плохого.... не знаю, как сказать.

— Заметно, значит, — пробормотал Гендибаль себе под нос.

— У вас... задумчивое лицо. Это верное слово?

— Не знаю. Все зависит от того, как ты понимаешь слово «задумчивый», Нови.

— Я понимаю так: вы как будто говорите себе «что мне делать дальше в этой большой беде?»

Гендибаль был потрясен.

— Правильно, Нови... но неужели ты видишь это по моему лицу? Дома, в «Ученом Месте», я всегда стараюсь, чтобы никто не мог по моему лицу понять, о чем я думаю, но... я думал, поскольку мы с тобой тут одни, можно немного расслабиться, ну... как будто я сижу в пижаме, что ли, прости, пожалуйста. А ты, видишь, забеспокоилась. Да, раз ты такая чувствительная, надо мне быть внимательнее. Придется привыкнуть — даже неспециалисты способны делать верные догадки.

Нови оторопела.

— Не понимаю, Господин...

— Я говорю сам с собой, Нови. Не становись задумчивой. Ну вот, опять это слово...

— Но есть беда, Господин?

— Есть проблема, Нови. Я не знаю, что меня ждет, когда доберусь до Сейшелла — так называется место, куда мы летим. Возможно, будут трудности.

— Это опасность?

— Нет, потому что я все сумею уладить.

— Как вы можете знать?

— Знаю, потому что я ученый. Я — лучший из ученых. Нет ничего такого во всей Галактике, что бы я не мог уладить.

— Господин... (лицо Нови исказила боль)... не хочу вас обидевать... обидеть, только я видела вас тогда, когда этот мерзавец Руфирант... и когда вы были в опасности, а он — простой думлянский крестьянин. А теперь... я не знаю, что вас ждет теперь, и вы тоже не знаете.

Гендибаль встревожился.

— Ты боишься, Нови?

— Не за себя, Господин. У меня есть страх... мне страшно за вас... я за вас боюсь.

— «Мне страшно» — тоже правильно, Нови. Можно и так говорить...

На мгновение Гендибаль задумался, уставился в пол, потом поднял взгляд, взял грубоватые руки Нови в свои ладони и сказал:

— Нови, я не хочу, чтобы ты боялась. Как бы тебе объяснить. Вот ты, например, увидела по моему лицу что-то такое... и тебе показалось, что есть опасность, о которой я думаю. Ты как бы прочла мои мысли.

— Да?

— Я могу читать мысли лучше тебя. Этому учатся ученые, а я — очень хороший ученый.

Глаза Нови широко раскрылись, руки ее выскользнули из рук Гендибаля.

— Вы... можете читать мои мысли?

Гендибаль торопливо поднял вверх указательный палец.

— Нет-нет, Нови. Могу, но не читаю.

Он знал, что обманывает ее. Он не мог, находясь с ней рядом, не улавливать общего направления ее мышления... Для этого вовсе не нужно было быть сотрудником Второй Академии. Гендибаль чувствовал, что вот-вот покраснеет. Да, она простая думлянка, но для любого мужчины лестно, когда к нему так относятся. И все-таки ее надо было разуверить — исключительно из соображений гуманности.

Он сказал:

— Я умею также изменять мысли людей. Могу сделать так, что человек как будто почувствует удар. Я могу...

Нови недоверчиво покачала головой:

— Вы можете делать все такое, Господин? А Руфирант...

— Забудь о Руфиранте, — решительно отрезал Гендибаль. — Я мог сразу остановить его. Мог заставить его повалиться на землю. Не только его — всех думлян.

Гендибаль замолчал, почувствовав, что зря так сильно разошелся. Кого он пытался убедить? Простую крестьянку? А Нови все еще покачивала головой.

— Господин, — сказала она, — вы стараетесь сделать, чтобы я не боялась, но я не боюсь — только за вас, а потому не надо. Я знаю, что вы великий ученый и можете делать, чтобы этот корабль летел через космос, где всякий другой человек может не делать ничего... я хотела сказать — может заблудиться. И вы умеете управлять машинами, которые я не могу понять, и ни один думлянин не может понять тоже. Но не надо говорить мне о том, что вы можете делать умом, потому что все, что вы говорите, вы не могли сделать Руфиранту и не сделали, хотя были в опасности.

Гендибаль нервно поджал губы. «Придется все оставить как есть, — решил он. — Говорит, что не боится за себя — и прекрасно». Но до чего же ему не хотелось, чтобы она считала его трусом и слабаком! Этого он не хотел, и все тут.

— Нови, если я ничего не сделал плохого Руфиранту, то только потому, что не хотел. Мы, ученые, не имеем права ничего делать думлянам. Мы — гости в вашем мире.

— Вы — наши хозяева. Так мы всегда говорим.

На мгновение растерявшись, Гендибаль спросил:

— Как же тогда Руфирант осмелился напасть на меня?

— Не знаю, Господин. Не думаю, что он сам знал. Он, наверное, из ума вышел... нет, не так: с ума сошел.

Гендибаль усмехнулся:

— В общем, Нови, мы не имеем права приносить вред думлянам. Если бы пришлось ударить Руфиранта, обо мне бы очень плохо подумали другие ученые. Может быть, я потерял бы свое положение. Но я не хотел,

чтобы он избил меня, поэтому я немного управлял им — совсем немного, сколько было можно.

Нови растерялась.

— Тогда мне не нужно было врываться, как дурочке...

— Ты все сделала правильно, — успокоил ее Гендибаль. — Я же сказал, как плохо было бы, если бы я ударил его. А ты сделала так, что это стало не нужно. Это ты остановила его, и у тебя это замечательно получилось. Я благодарен тебе.

Она радостно и смущенно улыбнулась:

— Теперь я вижу, почему вы так добры ко мне.

— Ну конечно, я благодарен тебе, Нови... но главное, чтобы ты поняла: нет никакой опасности. Я могу управлять целой армией обычных людей. Это может любой ученый, а особенно — хороший. Я же сказал тебе, что я — один из лучших. Нет никого в Галактике, кто мог бы устоять против меня.

— Если вы так говорите, Господин, я верю.

— Верь, Нови, это так. Ну а меня ты боишься?

— Нет, Господин, только... а... Господин, только наши ученые могут читать мысли, и... Нет ли других ученых, из других мест, которые так умеют?

Гендибаль на мгновение утратил дар речи. Эта женщина была удивительно догадлива!

Нужно было солгать.

— Нет, — ответил он решительно.

— А вдруг есть?

— Они все равно слабее меня.

— А если они будут нападать на вас неожиданно, когда вы не будете знать?

— Они не смогут этого сделать. Если будет приближаться какой-то другой ученый, я сразу узнаю об этом — задолго до того, как он сможет навредить мне.

— Вы сможете убежать?

— Мне не придется убежать... Но... — поторопился объяснить Гендибаль, чтобы опередить ее возражение, — если и придется, скоро, очень скоро я буду на новом корабле, самом лучшем в Галактике. Они не смогут меня поймать.

— А могут они изменить ваши мысли и заставить вас не убежать?

— Нет.

— Их может быть много. А вы один.

— Я их замечу заранее и уйду. И тогда против них выступит весь наш мир, и им не устоять. Они узнают об этом и не осмелятся что-либо делать. Они не захотят, чтобы я узнал о них, и все-таки я узнаю.

— Это потому, что вы так сильно лучше, чем они? — робко спросила Нови, сияя надеждой и гордостью.

Гендибаль был тронут до глубины души. Как радостно было находиться с нею рядом, восхищаться ее природным умом, быстротой понимания самых сложных вещей... Это сладкоголосое чудище, Оратор Делора Деларми, сама того не зная, сделала ему потрясающий подарок!

— Нет, Нови, — ответил он. — Не потому, что я лучше их, хотя это правда. Это потому, что ты со мной.

— Я?!

— Да, Нови. Ты догадалась об этом?

— Нет, Господин, — сказала она удивленно. — Что такого есть во мне? Что я могу сделать?

— Дело в твоём сознании, — ответил Гендибаль и предупреждающе поднял руку. — Нет-нет, я не читаю твои мысли. Я вижу только очертания твоего разума, а они такие ровные, гладкие, необыкновенно ровные и гладкие, Нови.

Она расстроено прикоснулась ладонью ко лбу.

— Это потому, что я такая неграмотная, Господин? Потому что я такая глупая, да?

— Нет, милая (и как это у него сорвалось, он и сам не заметил). Это потому, что ты честная, искренняя, у тебя нет ни хитрости, ни подлости на уме, потому, что ты говоришь, что думаешь, потому, что у тебя доброе сердце... Если другие ученые захотят сделать что-нибудь плохое, они обязательно коснутся наших сознаний — твоего и моего, и такое прикосновение к поверхности твоего сознания станет сразу заметно. Я узнаю об опасности задолго до того, как кто-либо коснется моего собственного сознания, и получу время, необходимое для того, чтобы никто не смог навредить ни мне, ни тебе.

Наступила долгая пауза. Гендибаль видел, что глаза Нови светятся теперь не только радостью, но и восторгом, и гордостью. Она тихо спросила:

— И вы поэтому меня взяли с собой?

Гендибаль кивнул:

— Это было очень важно.

Нови перешла на шепот.

— Как помочь вам еще лучше, Господин?

— Оставайся спокойной, Нови. Не бойся ничего.

Просто — оставайся такой, какая ты есть.

— Я останусь, какая я есть, — твердо ответила она. — И я встану между вами и опасностью, как тогда, с Руфирантом.

Она вышла из каюты, а Гендибаль долго смотрел ей вслед.

Просто удивительно, как в таком простом, необразованном создании умещалось столько всего? Ровные контуры сознания — а под ними грандиозный ум, способность понимать другого, мужество, стойкость. Разве он мог просить большего — от кого бы то ни было?

Откуда ни возьмись, в сознании Гендибаля возник образ Суры Нови — не Оратора, даже не сотрудника Второй Академии — простой неученой женщины, но Нови стояла рядом с ним, торжественно, неколебимо, и была у нее какая-то важная роль в грядущей драме.

Образ виделся в тумане, нечетко, и Гендибаль не понимал пока, что ждет его впереди.

59

— Ну, еще Прыжок, и все, — пробормотал Тревайз.

— Гея? — с надеждой спросил Пелорат, глядя в иллюминатор через плечо Тревайза.

— Солнце Геи, — ответил Тревайз. — Называй его «Гея-С», если не хочешь путаться. Галактографы иногда так поступают.

— А сама Гея? Ее надо называть «Гея-П», так? То есть планета?

— Для планеты хватит одного названия, без всяких букв. Ее мы пока не видим. Планеты вообще не так легко увидеть, как звезды, а до Геи-С еще около сотни микропарсеков. Довольно яркая звезда, кстати, но пока мы еще достаточно далеко от нее, чтобы компьютер мог показать нам ее в виде диска. Ты лучше бы не смотрел на нее подолгу, Джен, — так недолго и сетчатку повре-

дить. Как только закончу расчеты, наложу фильтры. Потом сможешь смотреть, сколько твоей душе угодно.

— Сто микропарсек... сколько же это будет в единицах, которые может понять мифолог, Голан?

— Три миллиарда километров, примерно двадцать раз столько, сколько от Терминуса до нашего солнца. Уяснил?

— Грандиозно... Но не стоит нам подойти поближе?

— Нет! — Тревайз удивленно оглянулся через плечо. — Не сразу, Джен. Зачем спешить после всего, что мы узнали о Гее? Одно дело — хотеть попасть туда, и совсем другое — мчаться туда сломя голову. Давай осмотримся для начала.

— А где мы будем осматриваться, Голан? Ты же сказал, что Геи пока не видно.

— Глазами не видно. Но у нас есть телескопические вьюеры и наш безотказный компьютер, способный быстро анализировать любую информацию. Изучим хорошенько Гею-С, проведем еще кое-какие наблюдения. Да ты не грусти, Джен.

Тревайз дружески похлопал товарища по плечу и продолжил беседу с компьютером.

Через некоторое время он сообщил:

— Гея-С — единичная звезда. Если и есть у нее пара, то вторая звезда слишком далеко отсюда. В лучшем случае это красный карлик, так что все равно нам до него никакого дела нет. Сама же Гея-С — звезда класса G, что означает высокую вероятность наличия неподалеку от нее обитаемой планеты. Это хорошо. Будь она класса A или M, нам ничего не оставалось бы, как развернуться и улепетывать.

Пелорат пожал плечами:

— Я, конечно, всего-навсего мифолог, но скажи, разве мы не могли узнать о том, к какому спектральному классу относится Гея-С, еще там, на Сейшелле?

— Могли и узнали, Джен, но никогда нелишне все проверить поближе... Так... у Геи-С есть планетарная система, что, впрочем, неудивительно. В поле зрения — два газовых гиганта. Если компьютер не ошибается в определении размеров, — один из них просто громадина. Другие планеты могут находиться за звездой и пока не видны. Не исключено, что ближе к звезде

расположены и другие планеты, но о них пока ничего сказать нельзя.

— Это плохо?

— Это логично. Ведь обитаемые планеты всегда содержат какие-то металлы, и они гораздо меньше газовых гигантов, кроме того, они должны располагаться поближе к звезде, чтобы на них попадало достаточное количество тепла. Вот поэтому-то их и труднее наблюдать отсюда. Следовательно, нам нужно подойти поближе и обследовать пространство на расстоянии четырех микропарсеков от Геи-С.

— Я готов.

— А я нет. Прыжок сделаем завтра.

— Почему завтра?

— А почему нет? Давай подарим им денек — пусть нас заметят, а пожелают нас сцапать — успеем удрать, если они нам не понравятся.

60

Тревайз работал медленно и осторожно. Весь следующий день он провел в расчетах, сравнивал результаты, полученные с помощью разных методик. Не располагая достоверными данными, он мог полагаться только на интуицию, но она, как на грех, ничего ему не подсказывала. Той самой уверенности, что он порой ощущал в себе, как не бывало.

Наконец он отдал компьютеру команду, состоялся Прыжок, который увел корабль вверх от плоскости орбит планетарной системы.

— Сверху видно лучше, — объяснил он Пелорату. — Планеты будут видны на всей протяженности орбиты. Очень надеюсь, что для тех, кто, вероятно, наблюдает за нами, и мы станем лучше видны.

От Геи-С они теперь находились на таком же расстоянии, что и один из газовых гигантов, — примерно в полумиллиарде километров от него. Тревайз, к радости Пелората, показал гигант с полным увеличением. Зрелище было впечатляющее, несмотря на наличие трех рассеянных колец помех.

— Самое что ни на есть обычное семейство спутников, — заявил Тревайз. — Но на таком расстоянии от

Геи-С... нет, все они не обитаемы. Кроме того, ни на одном из спутников не живут люди, вознамерившиеся выжить под стеклянным колпаком или еще в каких-нибудь немыслимо искусственных условиях.

— Откуда ты знаешь?

— Совершенно нет ради шумов, характерных для наличия разумной жизни, Джен. Правда, — тут же добавил он, обдумав собственный диагноз, — не исключено, что научный прогресс мог достичь такой стадии, что люди научились экранировать ради шумов, да и газовые гиганты, с другой стороны, продуцируют волны, способные замаскировать то, что ищут я. Но радиоприемник у нас очень чувствительный, и на компьютер тоже жаловаться не приходится. Я бы сказал: вероятность того, что эти планеты заселены людьми, крайне мала.

— Это означает, что Геи нет?

— Нет. Это означает, что, если Гея есть, она не может находиться на одном из этих спутников. Не могла или не захотела обосноваться здесь.

— Но вообще-то она есть или нет?

— Спокойствие, Джен. И терпение.

У самого Тревайза, казалось, запас терпения простотакти неограничен. Бесконечно долго он рассматривал небо и прервал молчание только однажды:

— Знаешь, как-то странно, что они не выходят нам навстречу. Даже печально. Если у них действительно такие возможности, какие им приписывают, теперь-то уж им давно пора как-то на наше присутствие отреагировать.

— Значит, — мрачно пробурчал Пелорат, — это всего-навсего миф.

— Мифы, друг мой Джен, это по твоей части... — Тревайз уставился в иллюминатор, прищурился и объявил: — Миф не миф, а есть тут одна планета, которая проходит по орбите через экосферу, а следовательно, может быть обитаема. Хотелось бы понаблюдать за ней до конца дня.

— Почему?

— Чтобы убедиться в том, обитаема ли она.

— Но ты только что сказал, что она проходит через экосферу.

— Да. В данный момент. Но вовсе не исключено, что ее орбита сильно вытянута, то есть она может подходить к звезде слишком близко, где-нибудь на микропарсек, а порой отходить микропарсеков на пятнадцать. Нужно определить скорость движения планеты по орбите, замерить расстояние от Геи-С на разных участках орбиты и тому подобное.

61

Еще один день минул.

— Орбита почти круговая, — сообщил Тревайз. — Шансы обитаемости планеты значительно возрастают. Но даже теперь никто за нами не торопится. Придется осторожненько приблизиться.

Пелорат спросил:

— Почему ты теперь так долго готовишься к Прыжкам? Движешься — через час по чайной ложке.

— Нет, вы его послушайте! Да маленькие Прыжки гораздо труднее больших. Что легче вынуть из песка — булыжник или песчинку? Гея-С так близко, пространство сильно искривлено. Одно это даже для компьютера расчеты затрудняет. Полагаю, это должно быть понятно даже мифологу.

Пелорат хмыкнул и надулся.

— Видишь планету? — спросил Тревайз. — Теперь ее видно невооруженным глазом. Период обращения вокруг солнца — около двадцати двух галактических часов, ось наклонена под двенадцать градусов. Почти хрестоматийный пример обитаемой планеты, и жизнь на ней есть.

— Откуда ты знаешь?

— В ее атмосфере — значительное количество свободного кислорода. При отсутствии развитой растительности это невозможно.

— А как насчет разумной жизни?

— Все зависит от результатов анализа радиоволнового излучения. Может быть, конечно, там существует разумная жизнь, не достигшая такого прогресса в технике, но это вряд ли.

— Бывали такие случаи, — возразил Пелорат.

— Верю на слово. Это — из твоей голубятни. Только как-то не верится, чтобы тамошние пасторальные обитатели так напугали Мула.

— А спутник у планеты есть? — спросил Пелорат.

— Да, — равнодушно ответил Тревайз.

— О! Большой? — дрогнувшим голосом спросил Пелорат.

— Что-то около ста километров в поперечнике.

— Как обидно... — разочарованно протянул Пелорат. — Если бы...

— Если бы спутник оказался гигантским, это могла бы быть сама Земля собственной персоной?

— Да, но по всему видно, что это не так.

— Но если прав Компор, Земля даже не в этом секторе Галактики. Она где-то в районе Сириуса... Джен, правда, мне очень жаль.

— Ну что ты... — махнул рукой Пелорат.

— Послушай, мы немного выждем и сделаем еще один маленький Прыжок. Если найдем признаки разумной жизни, можно решиться совершить посадку, если только не окажется, что её совершать не стоит. Идет?

62

После Прыжка Тревайз удивленно проговорил:

— Все сходится, Джен. Гея, она самая. По крайней мере, тут есть технически развитая цивилизация.

— Это ты по радиоволнам судишь?

— Все гораздо проще. Вокруг планеты летает орбитальная станция. Видишь?

На экране появился объект, в котором Пелорат не усмотрел ничего необыкновенного, но Тревайз объяснил:

— Объект искусственный, металлический, с источником радиоволн.

— И что же мы теперь будем делать?

— Пока ничего. Они никак не могут не заметить нас при такой стадии развития техники. Если будут молчать, я через некоторое время пошлю радиосигнал. Если же и тогда они ничего не предпримут — осторожно приближусь.

— Ну а если все же с их стороны будут какие-то действия?

— Все зависит от того, какие. Если мне их действия не понравятся, придется воспользоваться преимуществами нашего положения — вряд ли они сумеют помешать нам совершить Прыжок.

— Мы обратимся в бегство, ты хочешь сказать?

— Гиперпространство — наше оружие и спасение.

— Но мы улетим отсюда не умнее, чем прилетели.

— Вовсе нет. По крайней мере, выяснили, что Гея существует, что на ней есть технически развитая цивилизация и что — она предприняла нечто, чтобы отпугнуть нас.

— Но, Голан, давай не будем уж очень пугливыми.

— Так... Джен, я прекрасно понимаю, что тебе в жизни ничего больше не надо, как только разузнать побольше о Земле, но не забывай: я не приверженец этой твоей мономании. Наш корабль не вооружен, а эти — там, внизу, жили в полной изоляции несколько столетий. Представь себе: они ни сном ни духом не ведают, что за Академия такая и с чем ее едят, и вовсе не обязаны питать к ней какое-либо уважение. А если допустить, что там — Вторая Академия? Не дай бог раздражить их — тогда мы никогда больше не сможем стать такими, как сейчас. Тебе что, не терпится, чтобы твое сознание стерли подчистую, и ты с удивлением обнаружил, что больше никакой не мифолог и не помнишь ни единой легенды?

Пелорат затосковал.

— Ну, если ты так говоришь... Но только — что мы будем делать, когда улетим отсюда?

— Все просто. Вернемся на Терминус с новостями... ну, если не на Терминус, то так близко к нему, как позволит наша милая старушка. Потом можно будет снова вернуться на Гею — гораздо быстрее, не блуждая по окрестностям, — и вернуться надо будет на военном корабле, а то и с целым флотом. Тогда все будет по-другому.

Ожидание тянулось бесконечно. Становилось по-настоящему скучно. В окрестностях Геи они провели уже

больше времени, чем потратили на перелет от Терминуса к Сейшеллу.

Тревайз запрограммировал на компьютере автоматический сигнал тревоги и расслабился — ухитрился задремать в мягком кресле.

Проснулся он оттого, что сигнал тревоги зазвучал. Напуганный, наполовину выбритый Пелорат вбежал в каюту Тревайза.

— Это что, сообщение? Вызов?

— Нет, — нервно отозвался Тревайз. — Мы движемся.

— Двигаемся? Куда?!

— К орбитальной станции.

— Почему?

— Не знаю. Двигатели работают, компьютер мне не отвечает, а мы движемся... Нас сцапали, Джен. Слишком близко мы подошли к Гее.

Глава 16

СТОЛКНОВЕНИЕ

64

Когда в видовом иллюминаторе корабля Гендибаля наконец показался корабль Компора, Гендибаль почувствовал по-настоящему, каким долгим было путешествие. До конца еще было далеко, все еще только начиналось. Путь от Трентора до Сейшелла — всего лишь пролог.

— Еще один корабль? — удивленно спросила Нови. — Еще один корабль космоса?

— Космический корабль, Нови. Тот самый, к которому мы стремились добраться. Он больше нашего и лучше. Он может двигаться через космос так быстро, что, если бы вздумал убежать от нас, нашему кораблю ни за что не догнать бы его.

— Он быстрее корабля ученых?

Видимо, Суру Нови сама эта мысль оскорбила.

Гендибаль пожал плечами:

— Ты зовешь меня Господином, но ученые не во всем господа, Нови. Нет у нас таких кораблей, нет многого другого, чем владеют те, кто владеет такими кораблями.

— Но как же может быть, Господин, что у ученых нет таких кораблей?

— Мы владеем более важными вещами, Нови. Все материальные богатства этих людей — чепуха, обман.

Нови задумалась, брови ее сошлись на переносице.

— А мне кажется, что, если они могут так быстро летать, что Господин не может догнать, это не ерунда.

Кто эти люди, иметели этих чудес... те, у которых есть такие чудеса?

Гендибаль ответил:

— Они называют себя Академией. Ты когда-нибудь слышала об Академии, Нови?

(Ему вдруг стало интересно, что думляне знают и чего не знают о Галактике и почему так вышло, что Ораторам никогда не было дела до этого... Или это он сам не удосужился поинтересоваться? Он, который был так уверен, что интересы думлян не простираются дальше копания в земле?)

Нови задумчиво покачала головой:

— Я про такую никогда не слышала, Господин. Когда школьный учитель учил меня буквзнанию... учил читать, я хотела сказать, он говорил мне, что есть много других миров, и некоторые называл. Он сказал, что наш думлянский мир по-правильному называется Трентор, и когда-то он правил всеми мирами. Еще он говорил, что весь Трентор был покрыт сверкающим железом и тут был Император — всем господам Господин. А я (она смущенно посмотрела на Гендибаль) не шибко верю в такое. Есть много историй, которые разные словорубки... болтуны по вечерам рассказывают в домах собраний. Когда я была маленькая девочка, я во все верила, а как стала большая, поняла, что многие из этих историй — неправда. Теперь я почти ни во что не верю. Даже школьные учителя небылицы рассказывают.

— Может быть, Нови, но только то, что рассказал тебе твой учитель, верно. Трентор действительно был покрыт металлом, и тут действительно был Император, который правил всей Галактикой. Но когда-нибудь всеми мирами будет править народ Академии. Они становятся все сильнее, эти люди.

— Они будут править **всеми**, Господин?

— Не сейчас. Это будет через пятьсот лет.

— И господами учеными тоже станут править?

— Нет-нет, они будут править мирами. А ими будем править мы. Для их безопасности и для безопасности миров.

Нови опять нахмурилась и сказала:

— Господин, а у этих людей из Академии много таких хороших кораблей?

— Думаю, много, Нови.

— А другие вещи у них тоже такие удивительные?

— У них много мощного оружия, самого разного.

— Тогда, Господин, они, наверное, могут победить все-все миры сейчас?

— Нет, не могут. Еще не время.

— Но почему не могут? Ученые остановят их?

— Нам не придется их останавливать, Нови. Даже если бы мы совсем ничего не делали, они все равно не смогут сейчас захватить все миры.

— Но кто им помешает?

— Понимаешь... — начал Гендибаль... — есть такой план, его придумал один очень мудрый человек...

Он оборвал начатую фразу, улыбнулся, покачал головой:

— Трудно объяснить, Нови. Как-нибудь в другой раз. Знаешь, может быть, ты и сама все поймешь еще до того, как мы вернемся на Трентор.

— А что должно случиться, Господин?

— Точно пока не знаю, Нови. Но все будет хорошо.

Гендибаль отвернулся и приготовился к связи с Компором. И хорошо, что отвернулся — с губ чуть было не слетели слова: «я очень надеюсь». О, как он разозлился на себя за эти несказанные слова. Он отлично понимал, откуда они взялись: очертания корабля Компора породили их — символ мощи Академии, ее колоссального, изощренного могущества, и восторг в широко раскрытых глазах Нови, когда она смотрела на этот корабль!

Как глупо! Как он мог попасться на эту удочку? Как можно сравнивать обладание грубой физической силой со способностью управлять сознанием людей? «Рука на горле, которой на самом деле нет», — так называли такое ощущение многие поколения Ораторов.

Подумать только, а он до сих пор не свободен от подобных чар!

Мунн Ли Компор плохо понимал, как следует себя вести. Образ всемогущих Ораторов, который он сам создал, с которыми он время от времени выходил на связь, — таков ли он на самом деле? Какой он, один

из этих людей, державших в могучей, таинственной деснице все человечество?

Стор Гендибаль был самым частым собеседником Компора в последние годы. Но не голос его приходил на память Компору, когда он думал о Гендибале, а сила и мощь его сознания при сеансах ментальной гиперсвязи.

Невидимые нити ментосвязи опутывали тонкой сетью всю Галактику, и в этом отношении Вторая Академия оставила Первую далеко позади. Концы всех ниточек держали в руках самые посвященные.

Не однажды Компор испытывал щемящую радость от своей, пусть маленькой, роли в грандиозном общем деле. Как таинственно, как великолепно было все это! Даже жена ничего не знала о его второй жизни.

Теми посвященными, кто держал в руках концы всех нитей, были Ораторы, а этот самый Оратор, Стор Гендибаль, который, как думал Компор, недалек от того, чтобы стать Первым Оратором, выше любого из Императоров... этот человек был рядом, в корабле, который донес его сюда с Трентора. О, как Компору было жаль, что встреча происходит не на самом Тренторе!

Но неужели этот корабль — с Трентора? Да у любого из древних Торговцев, что развозили товары из Академии по всей Галактике, корабли были наверняка получше этого. И ничего удивительного, что путь от Трентора до Сейшелла занял у Оратора столько времени. Его корабль не был даже оборудован устройством для стыковки, а даже корабли слабенького флота Сейшелла имели такие приспособления. Пришлось уравнивать скорости кораблей, сейчас будет переброшен трап, и Оратор переберется по нему — совсем как в Имперские времена.

«Вот оно как, — думал Компор, не в силах прогнать разочарования. — Оратор прилетел в старой Имперской посудине...»

По трапу передвигались две фигурки — одна из них настолько неуклюже, что не оставалось никаких сомнений — этот человек в космосе впервые.

Наконец они вошли в люк и сняли скафандры. Оратор Стор Гендибаль оказался человеком невысокого роста, поджарым, не слишком выразительной внешности. Ни силы, ни могущества, ни какой-то необыкновен-

ной учености от него не исходило. Единственным знаком мудрости были его темные, глубокопосаженные глаза. Вдобавок он оглядывался по сторонам с явным проявлением благоговейного трепета!

С ним была женщина самой заурядной внешности. Рот ее приоткрылся от восхищения.

66

Не так уж страшно было Гендибалу переходить из одного корабля в другой по трапу — да, он не был опытным космолетчиком, и никто во Второй Академии не был, но и оставаться законченной сухопутной крысой никому во Второй Академии не позволяли. Возможность необходимости совершения космических полетов витала в воздухе, но каждый из сотрудников старался о такой возможности не думать (кстати говоря, Прим Пальвер, намотавший столько парсеков по Галактике, что его опыт космолетчика стал попросту легендарным, обронил однажды фразу, смысл которой сводился примерно к следующему: «успех Оратора в осуществлении Плана определяется тем, насколько часто он выбирается в космос»).

Переходным трапом Гендибаль раньше пользовался трижды. Если он и испытывал какую-то неуверенность, ее следовало побороть ради Нови. Не нужно было быть великим специалистом в менталике, чтобы увидеть, как страшна ей сама мысль о том, чтобы ступить в пустоту.

— Я быть страшно... — пролепетала она, забыв все свои успехи в грамматике. — Я делать шаг в никуда...

Тихим, добрым голосом Гендибаль принялся ее уговаривать:

— Я не могу оставить тебя на этом корабле, Нови, потому что должен перейти в другой. Ты должна пойти со мной. Это совсем не опасно, мы наденем скафандры, и они защитят нас от любого вреда. И еще: ты не упадешь, даже если отпустишь поручни — останешься совсем близко, рукой можно достать. Я помогу тебе. Пойдем, Нови, покажи мне, какая ты храбрая. Ты храбрая, ты умная, ты хочешь стать ученой, правда?

Она не сказала ни слова, а Гендибаль, не желая нарушить прекрасной симметрии очертаний ее сознания, лишь передал ему успокоение.

— Можешь и теперь говорить со мной, — сказал он Нови, когда они облачились в скафандры. — Хорошенько подумай, о чем хочешь сказать, и мысленно говори эти слова, одно за другим. Ты слышишь меня, Нови?

— Да, Господин, — был ее ответ.

Он видел, как движутся ее губы за прозрачным лицевым стеклом шлема.

— Говори, не двигая губами, Нови. В этом скафандре нет звука. Говори умом.

Губы Нови не двигались, лоб наморщился, брови сдвинулись.

— Вы слышите меня, Господин?

— «Великолепно», — подумал Гендибаль. — А ты слышишь меня? — мысленно спросил он.

— Да, Господин.

— Тогда ступай за мной и делай все, как буду делать я.

Они ступили на трап. Теоретически Гендибаль знал, что и как нужно делать, но не сказать, чтобы на практике так уж замечательно все у него выходило. Ноги нужно было держать на ширине плеч и не сгибая, выбрасывать вперед, от бедра. Чтобы центр тяжести тела равномерно перемещался вперед, нужно было попеременно выбрасывать вперед руки. Объяснив все это Нови, Гендибаль пошел по трапу и не оборачиваясь следил за сигналами двигательного центра мозга Нови.

Для новичка у нее все сошло на удивление неплохо, ненамного хуже, чем у Гендибала. Страх прошел, и она спокойно выслушивала его советы. Гендибаль был очень ею доволен.

Но все-таки она ужасно обрадовалась, когда трап закончился, и они оказались на борту корабля Компора. Честности ради надо сказать, что Гендибаль был доволен не меньше. Сняв скафандр и оглядев внутренний интерьер корабля, Гендибаль не мог не поразиться роскоши и стилю убранства и оборудования. Многие вещи были ему совершенно незнакомы, и он искренне затосковал — как жаль, что у него будет так мало времени, чтобы познакомиться с этими приборами по-

ближе. Правда, ничто не мешало ему вытянуть и поглотить опыт человека, который умел со всеми этими штуками обращаться, но так хотелось настоящего обучения!

Гендибаль обратил взгляд к Компору. Высокий, стройный, ненамного старше его самого, довольно красивый, правда, красота его отдавала мягкостью, слабостью: волнистые пушистые волосы Компора ниспадали на плечи крупными локонами — удивительно светлые, золотистые.

От Гендибала не могло укрыться разочарование, испытываемое Компором. Мало разочарования — он осмелился испытывать жалость к Оратору, которого воочию видел впервые в жизни! Мало и этого — он не удосужился скрыть своих чувств!

В принципе Гендибаль не имел ничего против — в конце концов, кто такой Компор: он не с Трентора и не сотрудник высокого ранга из Второй Академии — бог с ним, пусть питает какие угодно иллюзии. Даже самое поверхностное исследование его сознания со всей ясностью показывало: он был из тех людей, для кого понятие «власть» связано с внешними проявлениями этого понятия. Иллюзии — иллюзиями, «витать в облаках» никому не запрещается, но только не сейчас.

Гендибаль сделал то, что при общении обычных людей выглядело бы примерно как тыканье пальцем. Резкая боль объела все тело Компора, сдавила голову. Будто некая невидимая сила кольнула его сознание, напомнив о себе.

Компор излучил глубочайшее уважение к Оратору.

Гендибаль дружелюбно проговорил:

— Я просто попытался привлечь ваше внимание, друг мой. Будьте так добры, сообщите мне о теперешнем местонахождении вашего товарища Голана Тревайза и его спутника Джена Пелората.

Компор несколько растерянно спросил:

— Я должен говорить в присутствии этой женщины, Оратор?

— Считайте эту женщину частью меня, поэтому говорите открыто.

— Как скажете, Оратор. Тревайз и Пелорат в настоящее время приближаются к планете, известной под названием Гея.

— Так вы сказали в вашем последнем сообщении. Теперь они, скорее всего, уже высадились на Гее, а может быть, улетели еще куда-нибудь. На планете Сейшелл они надолго не задержались.

— За то время, что я следил за ними, Оратор, они не совершали посадку. К планете они приближаются осторожно, делают большие паузы между микропрыжками. Мне ясно, что они не знают ничего об этой планете, потому и медлят.

— А вы что знаете о ней, Компор?

— Ничего, Оратор, — ответил Компор. — Не только я. И мой компьютер тоже ничего не знает.

— Этот компьютер? — спросил Гендибаль, кивнув в сторону пульта управления. — А хорошо ли он помогает вести корабль?

— О, он прекрасно управляет кораблем, Оратор! Стоит только мысленно дать команду...

Гендибаль был обескуражен.

— Академия делает такие успехи?

— Да, но это не так легко, как может показаться, Оратор. Порой приходится по несколько раз повторять мысли, да и то не всегда я получаю необходимую информацию.

— Думаю, у меня лучше получится, — заявил Гендибаль.

— Уверен в этом, Оратор, — с уважением и подострастием ответил Компор.

— Пока оставим это. Но почему ваш компьютер не знает о Гее?

— Я не знаю, Оратор. Он утверждает, если так можно сказать о компьютере, что у него есть данные обо всех обитаемых планетах Галактики.

— Он не может располагать большим объемом информации, чем тот, что введен в него. Те, кто закладывал в компьютер информацию, считали, что знают обо всех планетах, но, видимо, не знали, а раз так, этого не может знать и компьютер, верно?

— Безусловно, Оратор.

— Вы наводили справки на Сейшелле?

— Оратор, — после небольшой заминки ответил Компор, — на Сейшелле есть люди, которые говорят о Гее... но эти разговоры большой ценности не представляют. Чистой воды предрассудки. Они твердят, будто

Гея — могущественный мир, который сумел устоять даже против Мула.

— Так и говорят? — спросил Гендибаль, старательно подавляя удивление. — И вы так твердо уверились, что это — просто суеверие, и даже не потрудились узнать подробности?

— Нет, Оратор, я спрашивал много и многих, но все говорят об одном и том же.

— Вероятно, — задумчиво проговорил Гендибаль, — те же самые рассказы слышал и Тревайз и почему-то отправился на Гею, может быть, как раз для того, чтобы посмотреть, нет ли там на самом деле могущественной силы. Приближается к планете осторожно — стало быть, побаивается.

— Это очень вероятно, Оратор.

— И все-таки вы не полетели вслед за ним?

— Я полетел, Оратор, и летел довольно долго, и убедился, что он летит именно на Гею. Потому я вернулся сюда, в окрестности Геи.

— Почему?

— По трем причинам, Оратор. Во-первых, мне хотелось как можно скорее встретиться с вами, как вы мне приказали. На корабле Тревайза и Пелората нет гиперреле, но оно есть на борту моего корабля, и я не могу слишком сильно удаляться от их корабля — об этом сразу узнают на Терминусе. Во-вторых, стало ясно, что Тревайз идет к Гее очень медленно, и я решил, что еще до того, как он, может быть, высадится там, мне хватит времени вылететь вам навстречу. Мне хотелось как можно скорее увидаться с вами, Оратор, пока волна событий не захлестнула нас — в особенности потому, что вы гораздо компетентнее меня, и вместе нам легче было бы проследить за Тревайзом до самой Геи и разрешить все срочные вопросы, если таковые возникнут.

— Справедливо. А третья причина?

— Со времени последнего нашего сеанса связи, Оратор, произошло нечто неожиданное и необъяснимое... и поэтому мне также хотелось увидаться с вами как можно скорее.

— Что такое произошло — неожиданное и необъяснимое?

— К границам Сейшельского Союза приближаются военные корабли Академии. Мне удалось перехватить

передачу новостей по Сейшельскому радио. В составе отряда как минимум пять первоклассных кораблей, и их мощи хватит для того, чтобы победить весь флот Сейшелла.

Гендибаль ответил не сразу, ни в коем случае нельзя было подать вид, что он не ожидал этого или не понял, в чем дело. Через мгновение он спокойно, даже отсутствующе спросил:

— Вы полагаете, это как-то связано с полетом Тревайза к Гее?

— Это случилось сразу же после старта Тревайза к Гее. Ведь если Б движется следом за А, весьма вероятно, что А — причина этого движения.

— Ну что ж, похоже, все пути ведут на Гею. Все летят туда — Тревайз, я и Первая Академия. Отлично. Вы хорошо поработали, Компор, — похвалил Наблюдателя Гендибаль, — и вот что мы теперь сделаем... Во-первых, вы покажете мне, как обращаться с вашим компьютером и как с его помощью можно управлять кораблем. Уверен, это не займет много времени. Затем вы перейдете в мой корабль — я успею вложить в ваше сознание сведения о том, как управлять им. Он покажется вам весьма примитивным — собственно, вы могли уже об этом догадаться по его внешнему виду. Вы останетесь здесь, Компор, и будете ждать меня.

— Как долго, Оратор?

— Пока я за вами не вернусь. Не думаю, что я слишком долго задержусь и вы окажетесь за это время в опасности. Но если я все-таки задержусь, можете лететь на ближайшую планету Сейшельского Союза и ждать меня там. Я разыщу вас, где бы вы ни были.

— Слушаюсь, Оратор.

— И не тревожьтесь. Я справлюсь с этой таинственной Геей, а понадобится — и с пятью кораблями Академии.

Литораль Тубинг уже семь лет занимал должность посла Академии в Сейшелле, и работа эта устраивала его целиком и полностью.

Высокий, тучный, он не расставался с густыми каштановыми усами, хотя и в Академии, и в Сейшелле в моде было гладко бриться.

Тубингу было всего пятьдесят четыре, но он уже успел обзавестись скептически-равнодушным отношением ко всему на свете. Как он относился к собственной работе, сказать было трудновато.

Скорее всего, он все-таки любил ее, ведь должность давала ему возможность держаться подальше от политических распри на Терминусе, а он их терпеть не мог, и вести образ жизни сейшельского сибарита. Зарабатывал он вполне достаточно для того, чтобы обеспечить жене и дочке ту жизнь, к которой они привыкли. Меньше всего он хотел, чтобы привычный уклад его жизни был нарушен.

Кроме того, он недолюбливал Лайоно Коделла, может быть, потому, что Коделл тоже носил усы, хотя, справедливости ради, надо отметить, что усы Коделла значительно уступали усам Тубинга по густоте, длине, да к тому же сильно поседели. Было время, когда в высших политических кругах только Коделл и Тубинг форсировали усами, и между ними в этом плане было нечто вроде соревнования. «Теперь, — думал Тубинг, — и соревноваться нечего. По усам я его обставил». Но во всем остальном...

Коделл занимал пост Директора Службы Безопасности уже тогда, когда Тубинг вынашивал мечты занять пост Мэра. Однако от него откупилась и назначили послом. Сделала это Харла Бранно для себя, разумеется, но теперь Тубинг был ей только благодарен.

Ей, но не Коделлу. Может быть, из-за того, что Коделл всю жизнь играл роль этакого рубахи-парня, с вечной очаровательной улыбочкой, которая не покидала его физиономии даже тогда, когда он был занят тщательным обдумыванием, каким именно образом лучше перерезать вам горло.

И вот теперь перед Тубингом восседало гиперпространственное изображение Коделла, источавшее, по обыкновению, всю гамму дружелюбия и фамильярности. Физически Коделл пребывал, естественно, на Терминусе, что, слава богу, избавляло Тубинга от не-

обходимости проявлять по отношению к нему знаки гостеприимства.

— Коделл, — заявил Тубинг, — я хочу, чтобы эти корабли были убраны.

Коделл очаровательно улыбнулся:

— О, и я тоже, но старуха так решила.

— Вы вроде бы всегда умели переубеждать ее.

— Иногда, — уточнил Коделл. — Когда она сама была не против. На этот раз не желает ничего слушать... Тубинг, делайте свое дело. Успокойте Сейшелл.

— Я не о Сейшелле пекусь, Коделл. Я за Академию боюсь.

— Как и все мы.

— Коделл, не ваяйте дурака. Я хочу, чтобы вы меня выслушали.

— С радостью, но на Терминусе сейчас нелегкие времена, и я при всем желании не могу слушать вас вечно.

— Постараюсь быть максимально краток. Речь идет о возможности гибели Академии. Если эта линия гиперпространственной связи не прослушивается, я буду говорить открыто.

— Не прослушивается.

— Тогда слушайте. Пару дней назад я получил сообщение от некоего Голана Тревайза. Если мне не изменяет память, я когда-то знал человека с такой фамилией — он был сотрудником Транспортной Комиссии.

— Он... дядя этого молодого человека.

— Ага, значит, вам знаком этот Тревайз, что послал мне сообщение? Судя по сведениям, которые мне удалось собрать, он был Советником, и после успешного разрешения последнего седдоновского кризиса его арестовали и отправили в ссылку.

— Все точно.

— А я не верю.

— Чему не верите?

— Тому, что он был сослан.

— А что тут такого?

— А когда это, интересно, в истории Академии хотя бы одного гражданина отправляли в ссылку?

Гражданина Академии либо арестовывают, либо не арестовывают. Если арестовывают — либо судят, либо не судят. Если судят — либо осуждают, либо не осуждают. Если осуждают — штрафуют, лишают должности, понижают в звании, сажают в тюрьму или казнят. В ссылку никого и никогда не отправляли. Такого еще не бывало.

— Что-нибудь всегда происходит впервые.

— Чепуха. Он сослан на корабле последней модели? Дураку понятно: он выполняет задание особой важности для вашей старухи. Кого она обмануть хочет?

— Да? И какое же, по вашему мнению, это задание?

— Вероятно, отыскать планету Гея.

Взгляд Коделла несколько утратил традиционное дружелюбие, наполнился подозрительностью.

— Я знаю, — сказал он, — мистер посол, что особого желания верить мне вы не испытываете, но убедительно прошу поверить мне в этом, отдельно взятом случае. В то время, когда было принято решение о ссылке Тревайза, ни Мэр, ни я о Гее даже не слышали и узнали о ее существовании только вчера. Если вы согласны поверить в это, можем продолжить беседу.

— Трудновато, но так и быть.

— Понимаю, что трудновато, посол. Уверяю, я перешел на официальный тон лишь потому, что, когда все будет окончено, вы обнаружите, что придется ответить на кое-какие вопросы, и вы поймете, что дело совсем нешуточное. Вы говорите так, будто мир Гея вам знаком. Как же это вышло, что вам известно то, чего не знаем мы? Разве в ваши обязанности не входит посвящение нас во все то, что вы знаете о вверенной вашему попечению политической единице?

Тубинг тихо ответил:

— Гея не входит в Сейшельский Союз. Ее, может быть, на самом деле и нет вовсе. Разве я обязан передавать на Терминус разные там небылицы и сказочки, которые всякие тупицы рассказывают на Сейшелле о Гее? В некоторых из них утверждается, будто Гея находится в гиперпространстве. Другие говорят, что Гея якобы это такой мир, который каким-то сверхъестест-

венным образом защищает Сейшелл. А третьи утверждают, что именно этот мир отправил Мула на захват Галактики. Так что если вы собираетесь оповестить сейшельское правительство о том, что Тревайз был послан на поиски Гея, а пять новехоньких военных кораблей Академии посланы для того, чтобы оказать ему моральную поддержку, они вам ни за что не поверят. Народ верит сказочкам про Гею, но не правительство, и вам не удастся убедить его, что в эти бредни верит Академия. Им покажется, что вы намереваетесь силой присоединить Сейшелл к Федерации Академии.

— Даже если так, то что из того?

— Это означает подписание смертного приговора Академии. Послушайте, Коделл, за всю нашу пятивекую историю разве мы хоть раз затевали завоевательную войну? Мы только оборонялись, защищали Академию от завоевателей. Однажды проиграли, но ни одна война не заканчивалась для нас расширением нашей территории. Все случаи присоединения государств к Федерации происходили мирным путем, и присоединялись к нам только те, кто видел преимущества присоединения.

— А Сейшелл таких преимуществ разве не способен увидеть?

— Не увидит, пока наши корабли не уберутся от его границ. Уберите их.

— Это невозможно.

— Коделл, поймите, Сейшелл — удивительный пример доброй воли, мирных намерений Академии. Он почти окольцован нашей территорией, положение его безмерно уязвимо, и все-таки вплоть до последних дней он был в полной безопасности, шел своим путем, даже открыто выражал антифедеральные взгляды. Разве это не лучший способ демонстрации всей Галактике того, что мы не исповедуем позицию силы, что мы ко всем идем с дружбой и миром! Захватив Сейшелл, мы захватим то, что фактически имеем и так. Мы и так здесь доминируем, но — мирно! Пойдем на военный захват — ославим себя на всю Галактику как жестокие экспансионисты.

— Ну а если я скажу вам, что по-настоящему нас интересует только Гея?

— Тогда я поверю этому не более, чем сейшельское правительство. Этот человек, Тревайз, отправляет мне

сообщение о том, что он летит на Гею, и просит передать это сообщение на Терминус. Против своей воли и веры я делаю это, делаю, потому что обязан, и линия гиперпространственной связи еще не успевает остыть, как Флот Академии начинает маневры. Как это, интересно, вы собираетесь попасть на Гею, не нарушив территориальной целостности Сейшелла?

— Дорогой мой Тубинг, у меня такое впечатление, что вы себя не слышите. Не вы ли сказали мне только что, что Гея не входит в Сейшельский Союз? Уверен — вам известно, что гиперпространство и вовсе ничьей территорией не является. На что обижаться Сейшеллу, если мы тронемся с территории Федерации, где сейчас стоят наши корабли, через гиперпространство на территорию Геи и за время перелета не затронем ни единого кубического сантиметра сейшельской территории?

— Сейшелл не станет так трактовать происходящее, Коделл. Гея, если она в действительности существует, со всех сторон окружена территорией Сейшельского Союза, не являясь его политической составной частью. Бывали прецеденты, когда такие анклавов вдруг становились неотъемлемыми частями чьей-то территории, когда в дело вступали вражеские корабли.

— Наши корабли не вражеские. У нас мирный договор с Сейшеллом.

— Говорю вам, Сейшелл может объявить войну. Они, конечно, не смеют надеяться, что выиграют по военному превосходству, но такой оборот событий немедленно поднимет волну протеста против действий Академии по всей Галактике. Образуются альянсы недовольных нашей экспансионистской политикой государств. Некоторые из субъектов Федерации могут задуматься о расторжении союза с нами. Мы можем запросто проиграть войну только за счет внутренних распрей и тем самым нанесем необратимый удар по процессу роста Федерации, который успешно осуществляется уже пятьсот лет.

— Ну-ну, Тубинг, это вы хватили... Вы говорите так, будто пятьсот лет мы прожили, оставаясь Академией времен Сальвора Гардина, сражающейся с карманным королевством Анакреона. Мы теперь сильнее Империи на пике ее могущества. Одна эскадра наших кораблей сейчас способна одолеть весь флот прежней Империи,

занять любой сектор Галактики, даже не почувствовав, что был бой.

— Мы сражаемся не с Галактической Империей. Мы сражаемся с планетами и секторами нынешней Галактики.

— Которые, — уточнил Коделл, — далеки от достигнутого нами прогресса. Мы могли бы владеть всей Галактикой уже сейчас.

— В соответствии с Планом Селдона это будет нам недоступно еще целых пятьсот лет.

— План Селдона недооценивает скорости развития техники. Мы можем сделать это сейчас! Поймите меня, я не говорю, что мы сделаем это или должны сделать. Но — можем.

— Коделл, вы всю жизнь прожили на Терминусе. Вы не знаете Галактики. Наш флот, наша техника позволяют нам одолеть вооруженные силы других миров, но мы пока не способны править всей мятежной, затаившей ненависть к нам Галактикой, а эта ненависть вырвется наружу, если мы возьмем Галактику силой. Уберите корабли!

— Это невозможно, Тубинг. Задумайтесь: что, если Гея — не миф?

Тубинг умолк и пристально посмотрел в глаза далекого собеседника, будто старался прочесть его мысли.

— Мир в гиперпространстве — не миф?

— Мир в гиперпространстве — суеверие, но любое суеверие может содержать крупицу правды. Тревайз, этот ссыльный Советник, говорит о Гее как о реально существующем мире, находящемся в реальном пространстве. Что, если он прав?

— Чушь. Не верю.

— Нет? А вы все-таки поверьте на минутку. Реально существующий мир, сохранивший безопасность и нейтралитет Сейшелла при Муле, при Академии?

— Вы сами себе противоречите. Разве безопасность Сейшелла сохранена, если вы посылаете против него корабли?

— Не против него! Нас интересует Гея, только она — загадочная, неизвестная и настолько пекущаяся о своей неизвестности, что, существуя в реальном пространстве, распускает о себе несусветные небылицы и ухитря-

ется даже отсутствовать в банке данных нашего Главного Компьютера, в самых полных картах Галактики.

Выходит, что этот необычный мир способен манипулировать сознанием людей. И разве не вы сами сказали некоторое время назад, что в одной сейшельской байке говорится, будто именно Гея отправила Мула на завоевание Галактики? Разве Мул не умел манипулировать сознанием?

— Выходит, будто Гея — мир Мулов, так, что ли?

— Вы уверены в обратном?

— Но почему, в таком случае, она не может быть миром, где обитает возродившаяся Вторая Академия?

— Вот именно, почему бы и нет? Разве не стоит ее исследовать?

Тубинг помрачнел. До сих пор он только скептически усмехался, а теперь склонил голову и смотрел исподлобья.

— Если вы не шутите, скажите: такое исследование опасно?

— А разве нет?

— Вы отвечаете вопросами на вопросы, видимо, потому, что готовых ответов у вас нет. Что толку от военных кораблей против Мулов или Второй Академии? Разве вам не кажется, что, если они существуют, они планомерно ведут нас к гибели? Коделл, вы утверждаете, что Академия способна основать Вторую Империю уже сейчас, в обход Плана Селдона, выполненного лишь наполовину. Считайте, что я предупредил вас: примените силу, и хитросплетения Плана отбросят вас назад. Если Гея существует и представляет собой то, что вы о ней говорите, все просто создано именно для того, чтобы отбросить нас назад. Действуйте же мирно, не проливая крови, на что вас вынудят непременно. Уберите корабли.

— Это невозможно. Дело в том, Тубинг, что Мэр Бранно собирается лично присоединиться к отряду кораблей, а разведывательные катера уже стартовали к территории Геи через гиперпространство.

Брови Тубинга взлетели вверх.

— Точно, будет война, я вам говорю.

— Вы наш посол. Предотвратите это. Дайте сейшельцам любые заверения, в которых они нуждаются. Отрицайте всякий злой умысел с нашей стороны. Ска-

жите им, что, если понадобится, мы готовы заплатить им за то, чтобы они сидели тихо, как мыши, — пусть спокойно дожидаются нашей гибели от руки Геи. Да что угодно говорите, только успокойте их.

Он замолчал, изучая ошарашенную физиономию Тубинга, потом сказал:

— Вот, собственно, и все. Насколько мне известно, ни один из кораблей Академии и не подумает приземлиться ни на одной из планет Сейшельского Союза — даже не проникнет ни в одну из точек обычного пространства, являющегося частью сейшельской территории. Однако любой корабль сейшельцев, попытающийся нарушить границу Федерации, будет немедленно превращен в космическую пыль. Это постарайтесь также объяснить сейшельскому правительству как можно яснее и проще. Ваша задача — успокоить сейшельцев, и туго вам придется, если вы провалитесь. До сих пор, Тубинг, работенка у вас была непьющая. Да, вам предстоит тяжелые времена, а ближайшие недели решают все. Только попробуйте провалить наше дело, тогда на хорошее житье не рассчитывайте, не найдется в Галактике для вас спокойного уголка.

Коделл был сам на себя не похож — какое там дружелюбие! В разговоре с Тубингом он поставил жирную точку и прервал связь. А Тубинг долго-долго, не мигая, смотрел туда, где только что было изображение Коделла...

68

Голан Тревайз схватился за голову, словно пытался понять, что там происходит.

— Как у тебя дела с сознанием? — тревожно спросил он у Пелората.

— Как... у меня дела... с сознанием? — отрешенно переспросил Пелорат.

— Да. Ты же видишь — нас захватили, кто-то влечет наш корабль к миру, о котором мы ничего не знаем. Не испытываешь паники?

— Да нет вроде бы, — меланхолично пожал плечами Пелорат — Не сказал бы, что я безумно счастлив, но мне не страшно.

— Мне тоже. Но разве это не странно? Почему все так, а не иначе? По идее, нам должно быть страшно. Почему мы уже не такие, как есть на самом деле?

— Но ведь мы этого как раз и ожидали, Голан. Чего-то вроде этого

Тревайз обернулся к иллюминатору. В нем по-прежнему красовалась орбитальная станция. Судя по всему, они к ней приближались.

Дизайн станции не производил на Голана особого впечатления. Внешне в ней не было признаков развития супернауки. Наоборот, выглядела она, скорее, примитивно, и все-таки сцапала их корабль.

— Что-то я стал чересчур аналитичен, Джен, — признался Тревайз. — Аналитичен и холоден. Мне нравится думать, что я не трус, не впадаю в панику под давлением чрезвычайных обстоятельств, но такое ощущение, будто я льщу себе. Даже не знаю, что это за напасть. Попрыгать, что ли, на месте пропотеть как следует? Да, мы ожидали чего-то в таком роде, но это ничего не меняет: мы беспомощны, нас запросто могут отправить на тот свет.

— Я так не думаю, Голан, — возразил Пелорат. — Если Гея сумела захватить наш корабль, разве не могла она убить нас на расстоянии? А раз мы еще живы...

— Но мы все-таки... Нас все-таки коснулись! Мы слишком спокойны, говорю тебе! Я думаю, нас транквилизировали.

— Зачем?

— Затем, чтобы сохранить наше сознание в хорошей форме, вероятно. Не исключено, что нас хотят допросить. А потом убьют.

— Если они настолько разумны, чтобы хотеть допросить нас, может быть, им достанет разума не убивать нас без веской на то причины?

Тревайз откинулся на спинку кресла и забросил ноги на стол, туда, где обычно покоились его руки при работе с компьютером.

— Знаешь, вескую причину они могут и придумать — это недолго. И все же если они и коснулись нашего сознания, то весьма незначительно. Будь это Мул, к примеру, он бы добился того, чтобы мы с тобой просто сторали от желания поскорее попасть туда, мы испытывали бы восторг, эйфорию.

— Чувствуешь что-либо в таком духе? — спросил он, кивнув в сторону станции.

— Нет, ничего такого.

— Видишь, я пока еще в состоянии рассуждать логически. Очень странно... Но как я могу судить? Может быть, на самом деле я просто дрожу от страха, невменяем, безумен, и это просто иллюзия?

Пелорат пожал плечами:

— Вроде бы ты в порядке — на мой взгляд, по крайней мере. Правда, может быть, я так же безумен, как и ты, и у меня тоже иллюзия, но такие рассуждения нам ничего не дадут. Все человечество может пребывать во всеобщей иллюзии, в общем хаосе. Этого нельзя ни отрицать, ни доказать — остается одно: полагаться на наши собственные чувства.

Помолчав немного, он вдруг неожиданно резко сказал:

— Знаешь, мне кое-что пришло в голову.

— Да?

— Ну, понимаешь... мы говорим о Гее, как о мире Мулов или как о возродившейся Второй Академии. А тебе не приходило в голову, что не исключен третий вариант? Более логичный, кстати, чем первые два.

— Какой третий вариант?

Пелорат, казалось, смотрит внутрь себя. Голос его стал тихим и отрешенным.

— Что мы имеем? Мы имеем Гею — мир, который изо всех сил на протяжении многих столетий старался остаться в изоляции. Он не делал попыток как-либо контактировать с каким-либо другим миром, даже с близлежащими планетами Сейшельского Союза. Там, если верить легендам о способности Геи уничтожать целые флотилии, существует технически развитая цивилизация, и их способность захватить наш корабль доказывает это. И все-таки они не пытались каким-то

образом экспортировать свою власть. Они хотят только, чтобы им никто не докучал.

— Так, — прищурился Тревайз.

— Все это как-то... не по-человечески, понимаешь? На протяжении двадцати с лишним тысячелетий история деяний человечества в космосе представляет собой не что иное, как экспансию и попытки экспансии. Почти все миры, которые могут быть обитаемы, уже **обитаемы**. В этот процесс были вовлечены почти все миры, и почти каждый мир воевал со своими соседями раньше или позже. Если Гея столь не по-человечески ведет себя в этом отношении, может быть, это потому, что она населена не людьми.

Тревайз пожал плечами:

— Невозможно.

— Почему невозможно? — заупрямился Пелорат. — Разве я не говорил с тобой о том, как загадочен тот факт, что человечество — единственная высокоразвитая раса в Галактике? А что, если это не так? Разве не может существовать другая цивилизация, пускай на одной-единственной планете, у которой отсутствует столь характерное для человечества стремление к экспансии? А вдруг (Пелората явно понесло) в Галактике на самом деле миллионы высокоразвитых цивилизаций, и только одна экспансионистская — мы сами? А другие сидят себе по домам — скрытые, потаенные...

— Глупо! — отрезал Тревайз. — Мы бы давным-давно на них напоролись. Давно бы уже побывали в таких мирах. Они никак не могли миновать определенных стадий в разработке техники и могли делать попытки остановить нас, но никаких таких попыток не было. Да что говорить! Мы никогда не встречали даже руин нечеловеческой цивилизации, правда? Ты же у нас историк, вот ты мне и ответь. Ну, видели?

— Нет... Но, Голан, одна такая все-таки может быть. Эта!

— Не верю. Ты же сказал, что само ее название «Гея» на каком-то древнем диалекте означает «Земля». Откуда на ней **нелюди** возьмутся?

— Название планеты могли дать люди. Кто знает почему? Сходство ее с древним миром могло быть

случайным совпадением. Задумайся, Голан: нас вели к Гее; ты сам не так давно в подробностях объяснил мне, что нас туда вели. Сейчас нас физически к ней притягивают — вот лишний аргумент в пользу того, что не люди там обитают.

— Почему? При чем тут не люди?

— Они проявляют любопытство к нам, людям.

Тревайз немного подумал и заявил:

— Ты сбрендил, Джен. Они жили в Галактике, со всех сторон окруженные людьми целые тысячелетия напролет. И чего же это вдруг, с бухты-барухты, они именно сейчас стали такими любопытными? Ну, пускай так, но почему они выбрали именно нас? Если им интересна культура, история людей, почему не выбрать для этой цели миры Сейшелла? Зачем им надо было приволакивать нас с тобой с Терминуса?

— Может быть, их интересует Академия.

— Бред! — яростно воскликнул Тревайз. — Джен, тебе просто до смерти хочется, чтобы тут оказалась нелюдская цивилизация. Но именно сейчас ты возмечтал о встрече с экзотическими носителями разума как раз потому, что тем самым отвлекаешься от мыслей о том, что тебя могут схватить, пытать, убить.

Пелорат собрался было возразить, но не сказал ничего, глубоко вздохнул и промолвил:

— Может быть, ты и прав, Голан, но я все равно останусь при своем мнении. Думаю, скоро нас рассудят. Смотри!

Он показал на иллюминатор. Тревайз, увлекшись разговором, прекратил наблюдение за станцией. Теперь он резко оглянулся.

— Что это? — ошарашенно пробормотал он.

— Не корабль ли, что стартовал к нам со станции?

— Это нечто, — неохотно отозвался Тревайз. — Деталей пока не вижу, поэтому подождем. Увеличить изображение нет возможности.

Прошло немного времени.

— Похоже, что оно к нам приближается, и похоже, оно таки корабль. Пари хочешь?

— Какое пари?

Тревайз злорадно ухмыльнулся:

— Условие такое: по возвращении на Терминус закатим званый ужин с гостями. Персоны так на четыре. Если на борту корабля, который летит к нам, люди — платишь ты, если же нет — я. Идет?

— Договорились, — рассеянно кивнул Пелорат.

— По рукам, — прошептал Тревайз и устоялся в иллюминатор, стараясь как можно скорее разглядеть в приближавшемся транспортном средстве что-либо, выдававшее присутствие людей или не людей.

69

Серо-стальные волосы Бранно были гладко зачесаны назад. Выглядела она точно так же, как во дворце Мэра, — выдержанная, хладнокровная. Никак нельзя было догадаться, что в глубокий космос она попала всего второй раз в жизни (в принципе, первый раз ей было всего-навсего три годика — родители взяли ее с собой в отпуск на Калган).

Устало, раздраженно она сказала Коделлу:

— Ладно, в конце концов спасибо Тубингу — он выразил свое мнение и предупредил нас. Я не в обиде на него за это.

Коделл, прибывший на корабль, где находилась Мэр, для разговора с ней с глаза на глаз, кивнул.

— Он просто слишком долго там работает. Вот и стал думать как истинный сейшелец.

— Это профессиональное посольское заболевание, Лайоно. Ладно, как только все закончится, дадим ему отпуск, а потом придумаем новое назначение. Он человек способный... Надо отдать ему должное — сообщение Тревайза он передал нам без промедления.

Коделл криво усмехнулся:

— Кстати, мне он сказал, что сделал это вопреки своему желанию и убеждениям. «Сделал, потому что должен был» — вот его слова. Понимаете, Госпожа Мэр, он «должен был». А почему? Потому, что как только Тревайз появился внутри границ Сейшельского Союза, Тубинг получил от меня инструкции: сообщать о каждом его шаге.

— О! — вскинула брови Бранно и повернулась в вертящемся кресле к Коделлу, похоже, для того, чтобы лучше разглядеть его лицо: — И какие же соображения заставили вас дать Тубингу такие инструкции?

— Самые элементарные. Тревайз прибыл в Сейшелл на корабле самой последней модели производства Академии, и сейшельцы не могли не обратить внимания на такой корабль. Тревайз ни на йоту не дипломат, нахал известный — на это сейшельцы также могли обратить внимание. Он запросто мог угодить в какую-нибудь историю. Если и есть на свете что-то, что известно каждому гражданину Академии, так это то, что, попав в беду, за помощью они могут обратиться к ближайшему представителю Академии. Лично я ничего не имел против того, чтобы увидеть Тревайза попавшим в беду, — для него это было бы уроком. Глядишь, может, повзрослел бы чуток, ума-разума набрался. Но вы послали его на задание в роли громотвода, вы хотели увидеть, откуда по нему ударит молния, так? Вот я и сделал так, чтобы этот самый ближайший представитель Академии прослеживал за ним.

— Понятно. Ясно теперь, почему Тубинг проявил такую удивительную дисциплинированность. Видите ли, Лайоно, точно такое же распоряжение дала ему я. А раз он получил эти указания от нас обоих независимо, нечего обвинять его в том, что он так сильно опасается приближения наших кораблей. Но как же так вышло, Коделл, что вы не проконсультировались со мной, прежде чем дать ему такие инструкции?

— Если бы я посвящал вас во все детали моей работы, у вас не осталось бы времени на работу Мэра. А как вышло, что вы не сообщили мне о том, что так проинструктировали Тубинга?

Бранно скорчила кислую мину.

— Если бы я посвящала вас во все, чем занимаюсь сама, Лайоно, вы бы слишком много знали. Но это так, мелочи, равно как и тревога Тубинга, как и любой фортель, который могут выкинуть сейшельцы. Меня гораздо больше интересует Тревайз.

— Наши разведчики запеленговали Компора. Он следует за Тревайзом, и оба они крайне медленно и осторожно приближаются к Гее.

— У меня полные отчеты этих разведчиков, Лайоно. Совершенно ясно, что и Тревайз, и Компор принимают Гею всерьез.

— Да, Господин Мэр, вот ведь дела какие: все считают Гею выдумкой, суеверием, а между тем про себя думают: «а вдруг»... Даже наш Тубинг не совсем спокоен на этот счет. Не исключено, что такова хитрая политика сейшельцев. Если старательно распространять слухи о таинственном и могущественном мире, мире, приближаться к которому опасно, в конце концов люди отвернутся от такого мира, а заодно — от его ближайших соседей, таких, как Сейшельский Союз.

— Вы думаете, Мул отвернулся от Сейшельского Союза поэтому?

— Вероятно.

— Но вряд ли вы думаете, что Академия не трогала Сейшелл из-за Геи, ведь у нас даже не было сведений о существовании такого мира.

— Признаю: в наших архивах нет упоминаний о Гее, но нет и другого объяснения умеренности нашей политики в отношении Сейшелла.

— Ну что ж, будем надеяться, что Тубинг тревожится понапрасну, и сейшельское правительство твердо убеждено, что приближаться к Гее смерти подобно.

— Что из этого следует?

— А то, что Сейшельский Союз не будет иметь ничего против нашего приближения к Гее. И чем меньше они будут противиться нашему продвижению, тем более они будут убеждаться в том, что это они позволили Гее погубить нас. Они посчитают, что мы получим превосходный урок — для себя и для всех будущих захватчиков.

— А что, если их уверенность не будет лишена оснований, Мэр? Что, если Гея действительно смертельно опасна?

Бранно улыбнулась:

— Ну вот, и вы туда же: «а вдруг, а если»...

— Я должен учитывать все варианты, Мэр. Это моя работа.

— Если Гея смертельно опасна, они захватят Тревайза. Это его работа — послужить громоотводом. Есть еще и Компор. На него тоже обратят внимание, надеюсь.

— Надеетесь? На что? И почему?

— Потому, что тогда они отвлекутся и недооценят наши силы. Тогда легче будет все уладить.

— А вдруг мы недооценим их?

— Нет, — равнодушно ответила Бранно.

— Но ведь эти... геяне могут оказаться чем-то или кем-то, о чем мы и понятия не имеем, и потому не сможем верно оценить степень их опасности. Нужно и такую вероятность учитывать.

— Вот как? Почему у вас возникла такая мысль, Лайоно?

— Потому что мне кажется, думаю, я верно угадал ваши мысли: вы полагаете, что в худшем случае Гея — это Вторая Академия. Вы, вероятно, убеждены в этом. Однако история Сейшелла и в имперские времена не лишена интереса. Только Сейшелл ухитрился сохранить самоуправление. Только Сейшеллу удалось платить смехотворно низкие налоги во времена так называемых «плохих» Императоров. Короче говоря, такое впечатление, что, если Гея охраняет Сейшелл, она занималась этим и во времена Империи.

— И что?

— Как — что? Вторая Академия ведет свое существование не дольше, чем наша, — со времен Гэри Селдона. Второй Академии во времена Империи не было, а Гея была. Следовательно, Гея — не Вторая Академия. Что-то другое — не исключено, нечто страшнее.

— Неизвестностью меня не напугаешь, Лайоно. Оружие может быть двух видов: физическое и психологическое, а мы готовы противостоять и тому и другому... Возвращайтесь на свой корабль и держите отряд на границе Сейшельского Союза. Этот корабль один пойдет к Гее, но оставайтесь на связи днем и ночью и будьте готовы добраться до нас одним Прыжком, если

потребуется. Идите, Лайоно, меня тошнит от вашей кислой физиономии.

— Один вопрос. Последний. Вы уверены в том, что делаете?

— Да, — устало ответила Бранно. — Я тоже изучила историю Сейшелла и поняла, что Второй Академией Гея быть не может. Но, как я уже сказала, у меня есть подробные отчеты от разведчиков, и судя по ним...

— Да?

— Короче: я знаю, где находится Вторая Академия. Мы позаботимся сначала о Гее, Лайоно, а после перейдем к Трентору.

Глава 17

ГЕЯ

70

Тревайз с трудом пережил долгие часы, пока корабль, вылетевший с орбитальной станции, добирался до них.

Будь ситуация более обычной, Тревайз послал бы сигнал вызова, попытался бы наладить связь. Если бы ответа не последовало, предпринял бы какое-то решительное действие.

Но он был безоружен, ответа ждать было нечего, и не оставалось ничего другого — только ждать. Компьютер ни на какие его призывы не отвечал, если речь шла о действиях за пределами корабля.

А внутри все работало нормально, все системы жизнеобеспечения — в полном порядке. И он сам, и Пелорат физически чувствовали себя, как обычно. Но от этого толку было мало. Умом Тревайз понимал, что жизнь висит на волоске, неизвестность угнетала его. У него даже аппетит пропал, и поэтому он ошарашенно поглядел на Пелората, который как ни в чем не бывало откупорил маленький контейнер с куриным филе и принялся спокойно, методично поглощать содержимое.

— Эй, Джен! — окликнул его Тревайз. — Что за пакость ты ешь? Воняет жутко!

Пелорат удивленно принюхался.

— Нормально пахнет, Голан.

Тревайз расстроено покачал головой:

— Не обращай на меня внимания. Просто я в отчаянии. Только... ты бы вилку взял, что ли? А то пальцы у тебя будучи курицей воняют весь день.

Пелорат обескураженно воззрился на собственные пальцы.

— Виноват... Даже не заметил. Думал о чем-то другом.

— Наверное, — саркастично предположил Тревайз, — пытался угадать, какого именно вида существа придут к нам?

Ему было нестерпимо стыдно, что сам он не так спокоен, как Пелорат. Он ветеран флота (пусть даже в мирное время), а Пелорат — историк. И вот, пожалуйста, историк преспокойно вкушает курицу, а он...

Прожевав очередной кусок, Пелорат пустился в рассуждения:

— Невозможно, знаешь ли, представить, какое направление может принять эволюция в условиях, отличных от тех, что были на Земле. Вероятности не бесконечны, но их может быть много. Однако я возьму смелость предсказать, что здешние обитатели вовсе не обязательно жестоки и обойдутся с нами милосердно. Будь это не так, нас бы уже не было в живых.

— Смотри-ка, Джен, ты еще способен рассуждать, ты так спокоен. А у меня нервишки пошаливают, несмотря на транквилизацию. Внутри меня зреет желание встать во весь рост и вступить в бой! Почему, зачем к нам летит этот корабль и почему он летит так медленно, черт бы его побрал!

Пелорат сказал:

— Я человек пассивный, Голан. Всю жизнь провел за чтением сообщений в ожидании новых сообщений... Ничего не делал, только ждал. И сейчас жду. Ты же человек действия, потому тебе так больно, когда действовать невозможно.

Тревайз усмехнулся, напряжение немного спало.

— Видать, я недооценивал твоей способности к логической оценке, Джен.

— Да, недооценивал, — согласился Пелорат. — Даже наивный кабинетный ученый иногда кое-что смыслит в жизни.

— А опытный политик порой не смыслит ни черта.

— Я этого не говорил, Голан.

— Это я говорю. Раз так, надо действовать. Что я могу? Могу наблюдать. Корабль уже достаточно близ-

ко, можно разглядеть как следует... так... знаешь, он весьма, весьма примитивен.

— Да?

— Ну, если он — продукт деятельности негуманоидных умов и рук, то запросто может быть примитивным.

— Ты думаешь, это артефакт чужой цивилизации? — спросил Пелорат, и лицо его слегка порозовело.

— Не могу сказать. Но подозреваю, что артефакты, как бы сильно они ни отличались от культуры к культуре, никогда не бывают так пластичны, как продукты генетических различий.

— Это ты так думаешь. Нам известны лишь различные культуры, но не известны различные разумные виды, поэтому мы не можем судить, насколько сильно могут отличаться друг от друга артефакты.

Рыбы, дельфины, пингвины, креветки, даже двуногие неземного происхождения — наверное, есть и другие — решают проблему передвижения в вязкой среде за счет обтекаемости и внешне не отличаются друг от друга настолько сильно, насколько велики их генетические различия. С артефактами может быть то же самое.

— Но у всех перечисленных животных совершенно разные конечности. Разве можно сравнить ножки креветки с плавниками дельфина или лапами тюленя, видоизмененными крыльями пингвина? То же самое может быть и с артефактами.

— Как бы то ни было, — сказал Тревайз, — мне уже лучше. Болтовня о любой ерундистике с тобой, Джен, отлично успокаивает нервы. Кроме того, мы очень скоро узнаем, кто к нам пожалует. Этот корабль не оборудован устройством для стыковки, следовательно, то, что на нем летит, вынуждено будет воспользоваться перекидным трапом или нас пригласят туда по такому трапу перебраться. Ну а может быть, нам предложат какое-нибудь еще экзотическое средство переправы.

— Корабль большой?

— Компьютер, собака, молчит, а без него нельзя воспользоваться радаром, и размеры корабля определить пока невозможно... — К «Далекой Звезде», зме-

ясь, протянулся трап. Тревайз прищурился: — Либо там люди, либо какие-то существа применяют средство переправы, изобретенное людьми. Может быть, просто трап — единственное средство, которое можно использовать в таких условиях.

— А нельзя трубу какую-нибудь приспособить? Или, скажем, лестницу горизонтальную?

— Это все негибкие устройства. Слишком сложно соединиться. Нужно нечто, что соединяло бы в себе и прочность, и гибкость.

Конец трапа тупо ударил по обшивке «Далекой Звезды», послышался скрип — другой корабль уравнивал скорость. Наконец трап стал неподвижен относительно обоих кораблей.

Вскоре от поверхности другого корабля отделилась черная точка и стала увеличиваться в размерах — будто зрачок расширялся.

Тревайз буркнул:

— Так у них, значит, люк открывается... Расширяющаяся диафрагма, нескользкая плоскость.

— Что, не люди?

— Необязательно. Но занятно.

На трапе появилась фигурка.

— О... — разочарованно протянул Пелорат. — Человек, похоже.

— Почему? Пока ясно лишь, что у этого существа на теле пять выростов. Голова, две руки, две ноги — а может быть, и нет. Стой-ка!

— Что такое?

— Оно движется гораздо быстрее, чем я ожидал. А, ясно!

— Что?

— Какой-то вид ускорения. Не реактивный, похоже, но оно не перехватывает поручни руками. Кто знает, может, и не человек.

Существо передвигалось по трапу очень быстро, а казалось, ожидание тянется невыносимо долго. Наконец тот, кто добрался до них, коснулся обшивки.

— Сейчас войдет, кто бы он ни был, — стиснув зубы, проговорил Тревайз. — Чувствую непреодолимое желание заехать ему как следует, как только появится.

Он до боли сжал кулаки.

— Думаю, не стоит так настраиваться, — посоветовал Пелорат. — Вдруг оно сильнее нас? Оно сумеет управлять нашими умами. Может быть, на корабле еще есть такие же. Лучше подождать, пока не узнаем больше о том, с кем мы встретились,

— Ты рассуждаешь все логичнее, Джен, а я нет...

Люк открылся и наконец перед ними возникла фигура...

— Размеры почти обычные, — пробормотал Пелорат. — Скафандр сгодился бы человеку.

— Никогда не видел скафандра такой конструкции, но ничего нечеловеческого пока не вижу. Пока судить трудно.

Фигура в скафандре стояла перед ними, передняя конечность пришельца поднялась, чтобы снять шлем — если у него и было лицевое стекло, оно имело одно-стороннюю прозрачность.

Быстрым, ловким движением конечность прикоснулась к чему-то, к чему именно, Тревайз не успел заметить, и шлем тут же отсоединился.

Перед изумленными взорами путешественников предстало лицо молодой и красивой женщины.

71

Итак, Пелорат проиграл пари и старался сделать все возможное, чтобы не показать, как он огорчен.

— Вы... человек? — хрипло пробормотал он.

Брови женщины вскинулись, губы расплылись в улыбке. Не то она не поняла слов на чужом языке, не то ее удивил вопрос.

Рука ее быстро скользнула влево, скафандр разъехался, и она вышла из него. Некоторое время постояв на месте без содержимого, скафандр с легким вздохом, очень напоминающим человеческий, съехался и лег на пол.

Выйдя из скафандра, женщина оказалась еще моложе и красивее. Одежда на ней была свободная и прозрачная — нижнее белье туманными тенями просвечивало сквозь легкую ткань. Платье едва доходило до колен.

У нее была маленькая грудь, тонкая талия, полные, округлые бедра. От колена до бедра ноги были чуть полноваты, но икры стройные и лодыжки узкие. Густые темные волосы до плеч, большие карие глаза, пухлые, чуть несимметричные губы.

Она оглядела себя со всех сторон, и стало ясно, что вопрос она поняла:

— Разве я не **выгляжу**, как человек?

Говорила она на Стандартном Галактическом языке — правда, немного с расстановкой, будто старалась правильно подобрать слова.

Пелорат учтиво поклонился, улыбнулся и сказал:

— Не могу отрицать. Совсем как человек. Просто восхитительный человек.

Молодая женщина протянула руки, как бы приглашая осмотреть себя поближе.

— Надеюсь, это так, джентльмены. Мужчины погибли за это тело.

— Я бы предпочел жить ради него, — брякнул Пелорат, изумившись собственной галантности.

— Вы сделали правильный выбор, — самодовольно кивнула женщина. — Стоит кому-то добиться этого тела, и все вздохи тут же становятся вздохами восторга.

Она рассмеялась, и Пелорат рассмеялся вместе с ней.

Тревайз хмуро наблюдал за таким «содержательным» обменом информацией. Наконец ему надоело.

— Сколько вам лет? — грубо спросил он.

Женщина, казалось, немного **задумалась**.

— Двадцать три, джентльмены.

— Зачем вы пришли? Что вам здесь нужно?

— Я прибыла, чтобы сопроводить вас на Гею.

Речь ее немного утратила гладкость. Гласные превратились в дифтонги. «Прибыла» она произнесла как «пре-и-была», а «Гею» как «Ги-е-йю».

— Вы, девчонка, сопровождать нас?

Женщина выпрямилась во весь рост и ответила гордо:

— Я — это Гея, так же, как любой другой. Я дежурила на станции.

— Вы? Вы были одна на корабле?

— Да, — сказала она. — Это было все, что нужно.

— И теперь корабль пуст? И станция?

— Меня там больше нет, джентльмены, но она не пуста. Она там.

— Она? Она — это кто?

— Она — станция. Она — Гея. Я ей не нужна. Она сама держит ваш корабль.

— А что же вы, простите, делаете на станции?

— Дежурю.

Пелорат потянул Тревайза за рукав, а тот стряхнул его руку. Пелорат снова ухватил его за рукав и прошептал:

— Не кричи на нее так, Голан. Она совсем ребенок. Позволь, я все улажу.

Тревайз сердито мотнул головой, но Пелорат спросил:

— Молодая дама, как ваше имя?

Женщина просияла в ответ на добрый голос Пелората.

— Блосс, — ответила она.

— Блосс... — повторил Пелорат. — Чудесное имя. Но наверняка не полное.

— Конечно, нет. Имя из одного слога — это смешно. Нужно было бы все время удваивать его, и мы не смогли бы отличить одного от другого, и тогда мужчины не знали бы, за какое тело погибать. Мое полное имя — Блоссенобиарелла.

— Ох, это же язык сломать можно...

— Что вы? Всего семь слогов. Это совсем немного. У некоторых моих приятелей имена из пятнадцати слогов, и мы никогда не устаем комбинировать слоги в разных сочетаниях друг для друга. На «Блосс» я остановилась, когда мне стало пятнадцать. Мама называла меня Ноби — представляете?

— На Стандартном Галактическом «блосс» означает «экстаз» или «удивительное счастье», — сказал Пелорат.

— И на геянском языке тоже. Он не слишком сильно отличается от Галактического. А «экстаз» — это как раз то впечатление, которое мне хотелось бы производить.

— А меня зовут Джен Пелорат.

— Я знаю. А другого джентльмена, этого крикуна, — Голан Тревайз. Мы получили весточку с Сейшелла.

Тревайз подозрительно прищурился:

— Как это, интересно, вы получили весточку?

Блосс обернулась к нему и спокойно ответила.

— Не я лично. Гея.

Пелорат вмешался:

— Мисс Блисс, вы не будете возражать, если мы минутку побеседуем наедине с моим спутником?

— Нисколько. Но вообще нам надо торопиться.

— Мы недолго.

Пелорат подхватил Тревайза под локоть, и тот неохотно последовал за ним в соседнюю каюту, где Тревайз шепотом спросил:

— На кой черт? Это исчадие ада наверняка читает наши мысли.

— Читает или нет — неважно, просто психологически нужно было нам уединиться на минутку. Послушай, дружочек, не надо на нее так наскокивать. Сделать мы все равно ничего не можем, ну зачем же так грубо с ней себя вести? Она ведь тоже ничего сделать не может. Ее послали за нами, вот и все. На самом деле, пока она тут, с нами, мы, скорее всего, в безопасности. Они бы не послали ее сюда, если бы хотели уничтожить корабль. Будешь хамить, вот тогда, глядишь, и уничтожат и корабль, и нас в придачу после того, как заберут ее.

— Ненавижу беспомощность! — пробурчал Тревайз.

— Кто же ее любит, дружочек? Но если ты будешь вести себя как последний хам, беспомощности от этого не убавится. Будешь всего-навсего беспомощным грубияном, и все. О дружочек, только не обижайся — выходит, я тебе тоже грублю... но только эта девушка... она ни в чем не виновата!

— Джен, — прошипел Тревайз, — да она тебе в дочки годится!

Пелорат вытянулся в струнку, запрокинул голову.

— Тем более причина вежливо с ней обращаться. Кстати, я не понял, к чему ты это сказал.

Тревайз ненадолго задумался. Вскоре лицо его прояснилось.

— Ладно, — кивнул он. — Очень хорошо. Ты прав. Я неправ. Просто, понимаешь, жутко обидно, что за нами послали девчонку. Ну, послали бы военного, офицера какого-нибудь, тогда было бы ясно, что нас принимают всерьез. Но девушка? И она занимает ответственный пост на Гее? Говорит от имени планеты?

— Может быть, она говорит от имени правителя, а имя планеты — нечто вроде его почетного титула. Может быть, она имеет в виду правительство, совет какой-нибудь. Мы все-все узнаем, но только не веди себя так, будто ведешь допрос.

— Мужчины погибали за ее тело! — фыркнул Тревайз. — Ха! Было бы за что погибать!

— Но тебя же никто не просит погибать за него, Голан, — мягко проговорил Пелорат. — Ну пусть покочетничает немного. По-моему, она забавная и прямодушная.

Вернувшись в каюту, они застали Блисс около компьютера. Она стояла около него, склонив голову набок, сложив руки за спиной, будто боялась к нему прикоснуться.

Когда Пелорат и Тревайз вошли, пригнув головы в низком дверном проеме, она обернулась.

— Забавный у вас кораблик, — улыбнулась она. — Половины не понимаю в том, что вижу. Но если вы вздумаете преподнести мне подарок в честь нашего знакомства, будет в самый раз. Красиво... Мой корабль выглядит просто ужасно по сравнению с вашим. А вы... (тут ее лицо озарилось самым искренним любопытством) вы правда из Академии?

— Вы знаете об Академии? — спросил Пелорат.

— В школе мы изучали ее историю... в основном, из-за Мула.

— Почему из-за Мула, Блисс?

— Он один из нас, джентль... Простите, но какой слог вашего имени мне лучше произносить, обращаясь к вам?

— Либо Джен, либо Пел. Как вам больше нравится.

— Он один из нас, Пел, — улыбаясь объяснила Блисс. — Он родился на Гее, правда, никто не знает, где точно.

Тревайз не преминул съязвить:

— О, я себе представляю. Народный герой Геи, а Блисс?.. Меня можете звать «Трев», так и быть.

— О нет, он преступник, — решительно возразила Блисс. — Он покинул Гею без разрешения, а этого никому нельзя делать. Никто не знает, как он сделал это. Но он покинул Гею и, думаю, именно поэтому так плохо кончил. Академия победила его окончательно.

— Вторая Академия? — попытался уточнить Тревайз.

— Разве Академия не одна? Ах, наверное, если бы я как следует задумалась об этом, я бы узнала. Но история меня не очень-то интересует. Я привыкла жить так: меня интересует то, что лучше для Геи. И если мне неинтересна история, то это либо потому, что историков достаточно, либо потому, что я плохо адаптирована к истории. Наверное, меня обучали как космотехника. Мне поручают вот такие дежурства, и мне это как будто нравится и, конечно, мне бы это не понравилось, если бы...

Говорила она быстро, на одном дыхании, и Тревайзу с трудом удалось вставить вопрос:

— Гея... это кто?

Блисс изумленно уставилась на него.

— Просто Гея. Прошу вас, Пел и Трев, пока не будем об этом. Нам нужно поскорее приземлиться.

— Похоже, мы как раз этим и занимаемся. Или я неправ?

— Да, но медленно. Гея чувствует, что вы можете двигаться быстрее, если используете возможности вашего корабля. Можете сделать это?

— Могли бы, — саркастически кивнул Тревайз. — Но не кажется ли вам, что как только я обрету возможность управлять кораблем, я тут же рвану в совершенно противоположном направлении?

Блисс рассмеялась:

— Вы смешной! Нет, вы не сможете двигаться ни в каком направлении — только туда, куда хочет Гея. Вы можете двигаться быстрее туда, куда хочет Гея. Понимаете?

— Понимаю, — кивнул Тревайз. — И постараюсь больше не смешить вас. Где я должен совершить посадку?

— Неважно. Просто летите вниз, а опуститесь вы в нужном месте. Гея позаботится об этом.

— А вы останетесь с нами, Блисс? — спросил Пелорат с нескрываемой надеждой. — Вы позаботитесь о том, чтобы с нами хорошо обращались?

— Думаю, это можно будет устроить. Сейчас подумаю... обычная плата за мои услуги — я имею в виду такие услуги — может быть зачислена на мою балансовую карточку.

— А за другие услуги?
— О, вы очень милый старичок!
Пелорат поморщился.

72

На рывок к поверхности Геи Блисс отреагировала с наивным восторгом.

— И никакого ощущения ускорения! — воскликнула она.

— Это из-за гравитационного двигателя, — объяснил Пелорат. — Все ускоряется одновременно, и мы тоже, поэтому ничего не чувствуем.

— Но как он работает, Пел?

Пелорат пожал плечами:

— Думаю, Трев знает, но только он, похоже, сейчас не в настроении объяснять.

Тревайз нырнул в гравитационный колодец Геи почти безошибочно. Корабль вел себя точно так, как сказала Блисс. Он мог лишь слегка отклониться в сторону от вектора гравитационных сил. Попытка подняться вверх успехом не увенчалась. Корабль все еще ему не принадлежал.

— Не слишком ли быстро мы опускаемся? — тихо спросил Пелорат.

Тревайз несколько небрежно ответил:

— Молодая дама утверждает, что Гея позаботится о нас.

Блисс сказала:

— Конечно, Пел. Гея не сделает этому кораблю ничего дурного. Скажите, а у вас не найдется чего-нибудь перекусить?

— Найдется, конечно, — ответил Пелорат. — А чего бы вам хотелось?

— Чего угодно, только не мяса, — безразлично отозвалась Блисс. — Немного яиц, рыбы, овощей, если есть.

— Кое-что из еды мы взяли с Сейшелла, Блисс. Я точно не знаю, что в контейнере, но, может быть, вам понравится?

— Ну, не знаю, — пожала плечами Блисс. — Попробую. Не понравится — не буду есть.

— Люди на Гее — вегетарианцы? — спросил Тревайз.

— Многие, — кивнула Блисс. — Все зависит от того, в чем нуждается организм в определенное время. В последнее время мяса мне не хочется, значит, оно мне не нужно. И сладкого тоже не хочется. Хочется сыра и креветок. Вероятно, потому, что мне нужно похудеть.

Шлепнув себя по бедру, она сообщила:

— Вот тут надо бы сбросить фунтов пять-шесть.

— Но зачем? — искренне удивился Пелорат. — Так сидеть удобнее, наверное?

Блисс перегнула голову через плечо, чтобы лучше рассмотреть себя сзади.

— Ну да это неважно. Вес приходит и уходит, когда нужно. А мне нечего об этом беспокоиться.

Тревайз помалкивал, поскольку был занят управлением. Он немного замешкался, выбирая орбиту, и теперь корабль рассекал нижние слои экосферы планеты. Корабль все меньше и меньше повиновался Тревайзу. Как будто кто-то другой отнимал у него «Далекую Звезду», научившись ею управлять. «Далекая Звезда», двигаясь как бы сама по себе, вошла в разреженные слои атмосферы и теперь снижалась медленно и плавно. Сама выбрала путь и заскользила по плавной нисходящей спирали.

Блисс, не обращая никакого внимания на свист трения обшивки, с удовольствием принялась к запаху пара, исходящему из открытого контейнера.

— Должно быть, вкусно, Пел. Если бы было невкусно, мне бы не захотелось этого есть. — Она запустила изящный пальчик в контейнер и облизнула его. — Верно угадали, Пел. Это креветки или что-то на них похожее. М-м-м... вкусно!

Обреченно махнув рукой, Тревайз встал и отошел от компьютера.

— Девушка, — обратился он к Блисс, как будто только что увидел ее.

— Меня зовут Блисс, — сердито ответила Блисс.

— Ладно, Блисс, вы знали наши имена?

— Да, Трев.

— А откуда вы их знали?

— Для моей работы было важно их узнать, и я их узнала.

— А вы знаете такое имя: Мунн Ли Компор?

— Если бы это было важно, знала бы. Раз я не знаю, кто это такой, значит, мистер Компор сюда не прибывает. И... (она ненадолго задумалась) никто, кроме вас, не прибывает.

— Поживем — увидим, — буркнул Тревайз.

Он посмотрел в иллюминатор. Вокруг планеты было много облаков, но облачный слой был не плотный, а разреженный, и облака были разбросаны на удивление равномерно. Пока трудно было разглядеть поверхность планеты.

Он включил радароскоп. Поверхность оказалась почти зеркальным отражением неба. Мир островов — очень похоже на Терминус, только островов было гораздо больше. Острова не слишком отличались один от другого по площади и находились не слишком далеко друг от друга. Этаким планетарный архипелаг. Корабль опускался под большим углом к экватору, но никаких признаков наличия полярных шапок не наблюдалось.

Трудно было судить и о какой-либо неравномерности распределения населения, судя по освещенности ночного полушария.

— Мы сядем где-нибудь поблизости от столицы, Блисс? — спросил Тревайз.

Блисс небрежно ответила:

— Гейя опустит вас в каком-нибудь удобном месте.

— Я бы предпочел город.

— Вы имеете в виду — большое скопление людей?

— Да.

— Это как Гейя решит.

Спуск продолжался. Тревайз решил развлечься и принялся угадывать, на какой именно остров сядет «Далекая Звезда».

Куда бы они ни сели, до посадки оставалось не меньше часа.

73

Корабль опустился тихо, почти как перышко. Они вышли друг за другом: Блисс, за ней Пелорат, последним шел Тревайз.

Погода напоминала раннее лето в Терминус-Сити. Дул легкий ветерок, утреннее солнце ярко светило с покрытых легкими облачками небес. Земля под ногами зеленела свежей травой. По правую руку выстроились ряды деревьев — видимо, сад; налево вдалеке виднелась линия морского побережья.

Воздух, казалось, весь гудел: вероятно, жужжали насекомые, доносился трепет птичьих крыльев или крыльев небольших летающих животных. Неподалеку раздавался скрип какого-то инструмента, может быть, садовых ножниц.

Первым заговорил Пелорат, но, как ни странно, не о том, что видел или слышал:

— Ах, как чудесно пахнет! Будто свежий яблочный сок.

Тревайз сказал:

— Вероятно, это — яблоневый сад. Яблочный сок, как известно, делают из яблок.

— А вот у вас на корабле, — фыркнула Блисс, — пахло, как... в общем, ужасно пахло.

— На корабле вы не жаловались, — буркнул Тревайз.

— Я вынуждена была соблюдать вежливость. Я была у вас в гостях.

— Почему бы вам и здесь не оставаться вежливой?

— Теперь я у себя дома. Здесь вы гости. Вот и ведите себя вежливо.

— Наверное, насчет запаха она права, Голан, — вступился Пелорат. — Можно как-нибудь проветрить корабль?

— Ага, — злорадно ответил Тревайз. — Конечно, можно устроить, если это маленькое создание заверит нас, что на корабле ничего не тронут. Пускай защитит его, если сможет.

Блисс сердито выпрямилась.

— Не такая уж я маленькая. А если уборка вашего корабля производится за счет неприкосновения к нему, то уверяю вас, неприкосновение будет большой радостью для меня.

— А теперь не будете ли вы так добры проводить нас к тому, кого вы называете Геей?

Блисс искренне удивилась.

— Не знаю, поверите ли вы, но я — Гея.

Тревайз смотрел на нее не мигая. Да, частенько ему приходилось слышать фразу «собраться с мыслями» в смысле переносном. Теперь у него было такое ощущение, будто он занимается этим буквально.

— Вы? — наконец выдавил он.

— Да. И земля тоже. И эти деревья. И вон тот кролик в траве. И тот мужчина, которого вы видите за деревьями. Вся планета и все на ней — это Гея. Все мы существуем как отдельные организмы, но у каждого есть своя доля в общем сознании. Неодушевленные предметы имеют меньшую долю, различные живые формы — ту или иную, а люди — самую большую. Но мы все участвуем в Гее.

Пелорат кивнул:

— Я думаю, Тревайз, Блосс хочет сказать, что Гея — нечто вроде коллективного разума.

— Я так и понял, — отозвался Тревайз. — Но кто же, в таком случае, правит вашим миром?

— Никто. Он сам собой правит. Деревья растут рядами, выбирая промежутки между собой, которые для них удобны. Они размножаются ровно настолько, насколько необходимо для замены по какой-то причине погибших. Люди собирают яблок столько, сколько нужно, а животные, насекомые и птицы поедают свою долю — и только свою долю.

— Вот как? И насекомые знают, какова их доля? — спросил Тревайз, не скрывая усмешки.

— Да, в некотором смысле знают. Когда нужно — идет дождь, иногда очень сильный, если так нужно, а порой наступает сухой сезон, когда необходимо это.

— И дождь знает, когда ему идти?

— Да, знает, — совершенно серьезно ответила Блосс. — Разве в вашем собственном организме разные клетки не знают, что им делать? Разве не знают они, когда нужно расти, а когда прекратить рост? Когда выделять соответствующие вещества, а когда нет, и если выделять — в каком количестве, — не больше и не меньше? Каждая клетка — это ведь маленькая независимая химическая фабрика, но каждая получает сырье из общего склада, а сырье доставляется к ней по общей транспортной сети, и все клетки-фабрики сбра-

сывают отходы в общую систему, и таким образом все клетки участвуют в общем сознании.

— Но это же замечательно! — с энтузиазмом подхватил Пелорат. — Вы говорите то есть о том, что планета являет собой суперорганизм, а вы клетка этого организма?

— Не совсем так. Я говорю об аналогии, а не об идентичности. Понимаете? Мы — не тождество клеток, мы — их аналоги.

— И чем же вы отличаетесь от клеток? — спросил Тревайз.

— Если говорить о людях, то мы сами состоим из множества клеток и являемся носителями коллективного сознания. Это коллективное сознание, этот разум отдельного человека — мой, например...

— Ну да, — кивнул Тревайз, — разум и тело, за которое погибают мужчины.

— Вот именно. Мой разум гораздо сильнее развит, чем разум каждой отдельной клетки моего организма, несравненно более развит. И тот факт, что каждый из нас, в свою очередь, является частью огромного коллективного разума, не опускает нас на уровень клеток. Я остаюсь человеком, и каждый человек остается человеком, но выше нас существует коллективный разум, более высокий, более могущественный, чем мой, — настолько же, насколько мой собственный разум выше разума каждой из моих клеток.

— Но кто-то отдал приказ о том, чтобы захватить наш корабль?

— Нет, не кто-то! Приказ отдала Гея. Мы все отдали такой приказ.

— И травка, и деревья, и пчелки, Блосс?

— Их участие очень невелико, но оно было. Как бы вам лучше объяснить... ну, скажем, если музыкант сочиняет симфонию, разве вы станете интересоваться, какая именно клетка его организма отдала команду сочинить симфонию, какая прослеживала за ее созданием?

— Насколько я понимаю, — задумчиво проговорил Пелорат, — коллективное сознание гораздо сильнее индивидуального, так же как, скажем, мышца сильнее каждой из клеток, ее составляющих. Следовательно,

несмотря на то что никто из обитателей Гее в отдельности не смог бы захватить наш корабль, это оказалось подвластно коллективному разуму.

— Совершенно верно, Пел.

— А я не понял, что ли? — огрызнулся Тревайз. — Было бы что понимать. Но что вам от нас нужно? Нападать на вас мы не собирались. Нам нужна была только информация. Зачем вы нас захватили?

— Чтобы поговорить с вами.

— А на корабле нельзя было поговорить?

Блисс грустно покачала головой:

— Я не знаю. Это не мое дело.

— Как? Разве вы — не часть группового разума?

— Да... но я не могу летать, как птичка, жужжать, как насекомое, или вырасти такой высокой, как дерево. Я делаю то, что лучше для меня, а для меня лучше, чтобы информацию вам передавала не я. Хотя все знания могли бы быть легко переданы мне, а через меня — вам.

— Кто же решил не передавать их вам?

— Все.

— А кто же ответит на наши вопросы?

— Дом.

— Кто такой Дом?

— Ну, — сказала Блисс, — его полное имя — Эндомандиовизамарондейсо... — и так далее. Разные люди называют его разными слогами в то или иное время, но мне он знаком как Дом. Думаю, вам обоим тоже лучше его так называть. Пожалуй, у него самая большая доля участия в Гее и живет он на этом острове. Он попросил разрешения встретиться с вами, и ему позволили...

— Кто же, если не секрет? — спросил Тревайз, и сам себе ответил: — Ах, ну да, как я забыл. все вы.

Блисс кивнула.

— А когда мы увидим Дома, Блисс? — спросил Пелорат.

— Прямо сейчас. Пойдемте, я отведу вас к нему, Пел. И вас, конечно, тоже, Трев.

— А потом уйдете? — с тревогой поинтересовался Пелорат.

— А вы не хотите, чтобы я уходила, Пел?

— Конечно не хочу!

— Ну вот, — сказала Блосс, как только они тронулись вслед за ней по гладковымощенной дорожке, что вилась по саду. — Мужчины сходят от меня с ума с первого взгляда. Самые дряхлые старикашки начинают резвиться, словно мальчишки.

Пелорат рассмеялся:

— На мальчишескую резвость я не слишком рассчитываю, но вряд ли бы разрезвился, даже если бы мог, когда бы не вы, Блосс.

— О, не наговаривайте на себя. В вас еще полно мальчишества. А я умею творить чудеса.

Тревайз нетерпеливо прервал их разговор:

— Когда мы доберемся туда, куда должны добратся, долго нам придется ждать этого вашего Дома?

— Он будет ждать вас. Ведь Дом с помощью Гея столько лет трудился, чтобы вы попали сюда.

Тревайз резко остановился, будто ему стукнули под коленки, и послал Пелорату выразительный взгляд. Тот одними губами проговорил:

— Ты был прав.

Блосс, глядя прямо перед собой, спокойно проговорила:

— Я знаю, Трев, вы подозревали, что я / мы / Гея проявляем к вам интерес.

— Я / мы / Гея? — тихо переспросил Пелорат.

Блосс улыбаясь обернулась к нему.

— У нас существует много самых разных местоимений, отражающих степень участия и индивидуальности на Гее. Я бы могла объяснить вам оттенки их значения, но пока хватит этого: «Я / мы / Гея». Прошу вас, Трев, пойдете. Дом ждет, а мне не хотелось бы заставлять ваши ноги идти быстрее. Это не так приятно, когда к такому не привык.

Тревайз пропустил ее вперед, сопровождая взглядом, полным глубочайшего подозрения.

74

Дом оказался мужчиной почтенных лет. Разговор с гостями он начал с того, что произнес все двести пятьдесят три слога своего имени нараспев, кое-где делая ударения.

— На самом деле, — пояснил он затем, — это моя краткая биография. Мое имя повествует слушателю, читателю или сенситиву, кто я такой, какова моя доля участия в целом, что мне удалось сделать за свою жизнь. Но уже более пятидесяти лет я довольствуюсь одним-единственным слогом своего имени — Дом. Когда рядом находятся другие Дома, меня можно называть Домандио, а когда я занимаюсь чем-либо профессионально, употребляются другие слоги. Лишь один раз в геянском году, в мой день рождения, мое полное имя всеми произносится в уме так, как я произнес его для вас вслух. Это замечательно, хотя для непосвященного немного непривычно.

Дом был высокий, худой — еще чуть-чуть, и его можно было бы назвать тощим. Глубокопосаженные глаза его искрились нежданной молодостью. Двигался он медленно, плавно. Края ноздрей тонкого, длинного, с горбинкой, носа, были чуть красноватые. Руки покрывала сеть расширенных вен, однако не было похоже, что он страдал ревматизмом. На нем был длинный, до лодыжек, хитон — серый, серебристый, совсем как седые волосы Дома. Босые ноги были обуты в сандалии.

— Сколько вам лет, сэр? — спросил Тревайз.

— Прошу, зови меня Дом, Трев. На Гее принято называть друг друга на «ты». Всякие другие обращения создают формальность и снижают возможность свободного обмена мыслями. В Стандартных Галактических годах мне исполнилось девяносто три, но настоящий праздник будет еще через много месяцев, когда мне исполнится девяносто геянских лет.

— Я бы вам... тебе больше семидесяти пяти не дал, Дом, — признался Тревайз.

— По геянским меркам, ничего удивительного — ни в том, что я дожил до такого возраста, ни в том, как я выгляжу, Трев. Ну что, мы уже поели?

Пелорат глянул в свою тарелку, где осталось довольно много непрезентабельной на вид еды, — угощали их крайне небрежно приготовленными мясными блюдами — и осторожно обратился к Дому:

— Дом, можно я попробую задать один чудной вопрос? Конечно, если он покажется тебе обидным, я больше никогда о таком спрашивать не буду.

— Спрашивай, — ободряюще улыбнулся Дом. — Я просто горю желанием поведать вам о Гее все, что вызывает ваше любопытство.

— Почему? — незамедлительно встрял Тревайз.

— Потому, что вы — почетные гости... Позволь, я выслушаю вопрос Пела.

— Если все живущие на Гее, — начал Пелорат, — участники коллективного разума, как же может быть такое, что ты, элемент коллектива, можешь есть вот это, что явно является другим элементом?

— Верно подмечено! Но все на планете совершает круговорот. Мы должны питаться, и все, что мы можем употреблять в пищу, — и растения, и животные — являются частями Геи. Но надо учесть, что ничто и никто из того, чем мы питаемся, не убивается ради забавы, из спортивного интереса, никто и ничто не убивается так, чтобы испытывать при этом ненужную боль. Видимо, мы немного переусердствовали сегодня с мясными блюдами — сами геяне не едят мяса больше, чем должны. Тебе не понравилось, Пел? А тебе, Трав? Ну, собственно, еда не для наслаждения предназначена. Вот еще о чем следует сказать: то, что съедено, в конце концов остается частью планетарного разума. Пока я жив, эти частицы включены в мое тело и вместе со мной участвуют в нем. Когда я умру, меня тоже съедят, пускай всего лишь бактерии, питающиеся продуктами распада, но и тогда я тоже буду частью общего разума, хотя доля моя станет несравненно меньше. Но когда-нибудь частицы меня попадут в другого человека или многих людей, и я стану их частями.

— Нечто вроде переселения душ, — кивнул Пелорат.

— Что, Пел?

— Я говорю о древнем веровании, до сих пор распространенном в некоторых мирах.

— А-а-а... Я о таком не слышал. Как-нибудь обязательно Расскажи мне.

— Но ведь твое индивидуальное сознание, — возразил Тревайз, — то, что теперь является Домом, никогда не возродится?

— Конечно, нет. Но разве это имеет значение? Я все равно буду частью Геи, а это главное. Среди нас есть

некоторые мистики, они предлагают попробовать создавать мемуары о предыдущих воплощениях, но Гея чувствует, что это практически неосуществимо, да и пользы от этого никакой. Это просто затуманило бы теперешнее сознание... Конечно, в будущем условия могут измениться и ощущения Геи тоже, но не думаю, что это скоро произойдет.

— Но зачем тебе умирать, Дом? — спросил Тревайз. — Ты прекрасно выглядишь в девяносто с гаком. Разве не может коллективное сознание...

Впервые за все время разговора Дом нахмурился.

— Никогда, — сурово отрезал он. — Только так я могу внести свою долю. Каждый новый индивидуум своими генами и молекулами вносит в Гею нечто новое — новые таланты, способности. Мы нуждаемся в них, и единственный способ этого добиться — уходить и давать жить другим. Я сделал больше других, но и у меня есть свой предел, и он приближается. Желание прожить больше положенного ни у кого не сильнее желания умереть до срока.

Тут, решив, видимо, что его тирада придала беседе несколько загробный оттенок, он встал и протянул обоим гостям руки.

— Пойдемте, Трев и Пел, я отведу вас в свою мастерскую. Я хочу показать вам кое-какие свои безделушки. Мастерю на досуге. Надеюсь, вы не станете смеяться над стариком за это маленькое чудачество.

Он провел их в другую комнату, где на маленьком круглом столике были разложены предметы, смутно напоминавшие очки, — сдвоенные дымчатые линзы.

— Это, — пояснил Дом, — «Партикуляры» моего собственного произведения. Не скажу, что я такой уж корифей в этой области, но я специализируюсь на неодушевленных предметах, которыми другие мастера не так увлекаются.

— Можно взять в руки? — спросил Пелорат. — Они не хрупкие?

— Нет-нет, можно даже на пол бросить — ничего не случится. Хотя лучше этого не делать. От сотрясения может ухудшиться острота зрения.

— Как ими пользоваться, Дом?

— Нужно поднести их к глазам, они сами к ним прилипнут. Свет они не пропускают, наоборот, отфильтровывают его, чтобы вы не отвлекались на постороннее, хотя ощущения достигают вашего мозга через оптический нерв. Ваше сознание обостряется и позволяет участвовать в других фасетах Геи. Другими словами, если вы посмотрите вот на эту стену, к примеру, вы как бы станете этой стеной и увидите ее так, как она сама себя видит,

— Восхитительно... — пробормотал Пелорат. — Можно попробовать?

— Конечно, Пел. Каждое из этих приспособлений сделано по-разному и по-разному отражает тот или иной аспект сознания стены... и любого другого неодушевленного предмета.

Пелорат осторожно взял странные очки, поднес их к глазам, и они тут же прилегли к векам. Пелорат вздрогнул от прикосновения и замер.

Дом посоветовал:

— Когда закончите наблюдение, коснитесь пальцами внешних краев Партикуляров. Они тут же отпадут.

Через некоторое время Пелорат так и сделал, часто заморгал и протер глаза.

— Что вы пережили? — спросил Дом.

— Это трудно описать. Казалось, стена мерцает, искрится, порой было впечатление, что она испускает какую-то жидкость. Еще казалось, будто у нее есть какой-то каркас, похожий на ребра. Временами она будто бы меняла симметрию. Мне... очень жаль, Дом, но красивым мне это не показалось.

Дом вздохнул.

— Вы не участвуете в Гее, потому не можете видеть того, что видим мы. Я этого очень боялся. Как жаль! Но уверяю вас, Партикуляры нужны не только для получения эстетического наслаждения, у них есть и практическое применение. Счастливая стена — это крепкая стена, способная простоять много лет, практичная и полезная.

— Счастливая стена? — изумленно переспросил Тревайз, не в силах сдержать улыбки.

Дом объяснил:

— Да, у стены тоже есть чувства, они слабы, туманны, но среди них есть и то, что аналогично нашему с вами понятию «счастье». Стена счастлива тогда, когда она надежно сложена, прочно закреплена на фундаменте, когда части ее уравновешены симметрией, когда она не испытывает нежелательной нагрузки и напряжения. Хороший дизайн может быть достигнут за счет правильного применения принципов механики, но при использовании нужных Партикуляров можно осуществить тончайшую настройку вплоть до атомного уровня. Ни один из скульпторов здесь на Гее не пренебрегает Партикулярами — без них он просто не способен создать истинный шедевр. Мне неплохо удаются эти конструкции — правда, нехорошо хвалить себя...

— А вот одушевленные Партикуляры, которые изготавливают другие, — продолжал Дом с воодушевлением человека, говорящего о любимом деле, — позволяют нам аналогичным образом поддерживать экологическое равновесие. Оно на Гее не слишком сложно, как и в других мирах, но, по крайней мере, у нас есть надежда сделать его более сложным и тем самым обогатить общее сознание.

Тревайз предостерегающе взял Пелората за локоть, видя, что тот сейчас разразится уймой вопросов.

— Откуда вам известно, — опередив товарища, спросил Тревайз, — что экологическое равновесие на планетах может быть более сложным, если вы говорите, что сейчас везде равновесие простое?

— Ах, — сказал Дом, и глаза его утонули в сеточке веселых морщинок. — Поймали старика на слове? Вы не хуже меня знаете, что прародина человечества Земля обладала сложнейшим экологическим равновесием. Просты в этом отношении только вторичные, производные миры.

Тут уж Пелорат не смог сдержаться:

— Но ведь именно эту проблему я и пытаюсь решить! Ей я посвятил всю свою жизнь. Почему только Земля была носителем сложной экологии? Что отличало ее от остальных миров? Почему миллионы и миллионы других миров Галактики, миров, способных стать носителями жизни, развили лишь примитивную

растительность вкупе с мелкими и неразумными формами жизни?

Дом сказал:

— У нас есть предание об этом, наверное, сказка. Не могу отвечать за его подлинность. Звучит как фантазия, как выдумка.

Тут вошла Блосс, которая в трапезе не участвовала. На ней была серебристая просторная, почти прозрачная туника.

Пелорат тут же вскочил:

— А я думал, ты нас совсем покинула...

— Вовсе нет. Просто у меня была работа. Можно мне теперь присоединиться к вам, Дом?

Дом тоже поднялся, а Тревайз и не подумал встать.

— Добро пожаловать. Моим старым глазам так приятно смотреть на тебя.

— Именно поэтому я и надела эту тунику. Пел выше таких вещей, а Треву они не нравятся.

Пелорат запротестовал:

— Почему это я выше? Если ты так считаешь, я надеюсь когда-нибудь удивить тебя.

— О, какой это будет восхитительный сюрприз! — проворковала Блосс и села. Сели и двое стариков. — Прошу, не надо из-за меня прерывать вашу беседу.

— Я как раз собирался поведать нашим гостям рассказ о Вечности, — пояснил Дом.

Чтобы понять эту историю, для начала вы должны уяснить, что существует множество различных Вселенных — практически бесконечное множество. Договоримся также о том, что каждое отдельно взятое событие может либо произойти, либо не произойти. Если оно происходит, оно может произойти тем или иным образом. И каждая из этих бесчисленных альтернатив может сказаться на будущем течении событий — в той или иной степени. Блосс, к примеру, могла прийти позже или раньше. Придя сейчас, она могла явиться в другом платье, могла не улыбнуться старикам, по обыкновению, тепло и сердечно. В каждом из вариантов этого маленького, незначительного события таится вариант другого, альтернативного течения событий во Вселенной в дальнейшем, каким бы незначительным на первый взгляд ни было событие.

Тревайз нетерпеливо поерзал в кресле.

— Похоже, вы излагаете один из основных принципов квантовой механики — он стар, как мир.

— А, так вы слышали об этом? Но продолжим. Представьте себе, что люди обрели возможность заморозить, зафиксировать все Вселенные, и по своему желанию переходить из одной в другую, и выбирать из них ту, которую сочтут «реальной», что бы ни значило это слово в данной связи.

— Я слышу твои слова, — сказал Тревайз, — и даже могу, пофантазив, представить себе то, что ты описываешь, но поверить в то, что такое возможно на самом деле, уволь, не могу.

— И я не могу, — согласился Дом. — Вот почему я говорю, что это похоже на сказку. И все же в сказке утверждается, будто на самом деле существовали те, кто умел выходить за границы времени и изучать бесконечные линии потенциальной Реальности. Эти люди назывались Вечными, а когда они покидали время, о них говорили, что они перешли в Вечность.

Их задача состояла в том, чтобы выбрать Реальность, наиболее оптимальную для человечества. Они осуществляли громадное число модификаций, и в предании это описано со множеством увлекательных подробностей, должен вам сказать, написано оно в эпической форме и очень длинное. Наконец, как там говорится, они отыскивали Вселенную, в которой Земля была единственной планетой в Галактике, где могла быть основана сложная экологическая система, возможно развитие разумных видов, способных разработать и развить технику и достичь в этом прогресса.

Это, решили они, и есть условия, которые обеспечат наивысшую безопасность человечества. Они зафиксировали данную линию событий и прекратили вмешательство. Теперь мы живем в Галактике, которая колонизирована и заселена только людьми и теми растениями, животными, микроорганизмами, которых люди несут с собой с планеты на планету и которые, как правило, побеждают и угнетают эндемичные формы жизни.

Где-то, в туманных далях вероятности, существуют другие Реальности, и там Галактика населена многими

видами разумных существ, но эти Реальности не достижимы, и мы одиноки в своей Реальности. От каждого события, от каждого действия в нашей Реальности тянутся новые нити, и в каждом отдельном случае лишь одна является продолжением Реальности, поэтому существует громадное количество потенциальных Вселенных, происходящих от нашей собственной. Но все они, скорее всего, сходны в том, что в них будет проживать всего один разумный вид, как в той Галактике, где мы живем сейчас... Хотя, наверное, точнее было бы сказать, что не исключен маленький процент альтернатив — обобщения опасны, когда ведешь речь о бесконечности. — Он умолк, смущенно пожал плечами и сказал: — Вот такая история. Она родилась задолго до создания Геи. За подлинность не отвечаю.

Трое слушателей молчали. Только Блисс кивнула — видимо, слышала уже эту историю — и подтвердила, что Дом все рассказал верно.

Пелорат хранил молчание еще с минуту, потом крепко сжал кулак и опустил его на подлокотник кресла.

— Нет, — заявил он убежденно. — Это ничего не дает. Подлинность предания нельзя определить умозрительно... но если отойти от такого подхода... представьте себе, что это правда! В той Вселенной, где мы живем, лишь на Земле развилась богатейшая экология, появился один-единственный разумный вид, и, следовательно, как бы то ни было — случайность это или предопределенность — в планете Земля должно быть нечто уникальное, и мы по-прежнему должны желать узнать, что это за уникальность.

Снова наступила тишина, которую нарушил голос Тревайза. Покачав головой, он сказал:

— Нет, Джен, так не получается. Скажем так: вероятность того, что по чистой случайности именно на Земле развились сложная экология и разумная жизнь, составляет один против миллиарда триллионов — единица против десяти в двадцать первой степени. Если это так, значит, одна из десяти в двадцать первой степени линий потенциальной Реальности должна являть собой такую Вселенную, и Вечные выбрали ее. Следовательно, мы живем в такой Вселенной, где Земля является единственной планетой со сложной экологией, где раз-

вилась разумная жизнь и получила развитие техника, но не потому, что в Земле есть нечто уникальное, а лишь потому, что совершенно случайно все это появилось на Земле, а не где-то в другом месте. Можно пойти дальше, — продолжал Тревайз. — Почему бы не предположить, что существуют линии Реальности, следуя по которым разумная жизнь могла развиваться только на Гее, или только на Сейшелле, или только на Терминусе — на любой планете, которая в теперешней Реальности, может быть, не является носителем какой-либо жизни вообще. Эти конкретные случаи — всего лишь крошечный процент от общего числа Реальностей, при которых в Галактике не один вид разумных существ, а гораздо больше... Думаю, если бы Вечные поискали получше, они бы отыскивали такую линию потенциальной Реальности, при которой на каждой из обитаемых планет развилась своя собственная разумная жизнь.

Пелорат возразил:

— С другой стороны, почему не предположить, что была обнаружена именно та Реальность, при которой Земля оказалась не такой, какой была бы при других вариантах, но при этом почему-то особенно подходила для развития разумной жизни? Можно пойти дальше и предположить, что была обнаружена нить Реальности, при которой вся Галактика была не такой, какой была бы при выборе другой линии, и находилась в таком состоянии, что для развития разумной жизни могла быть избрана только Земля.

— Можно, конечно, и так рассуждать, — согласился Тревайз, — но мое предположение кажется мне более логичным.

— Тут все очень субъективно, — сказал Пелорат и готов был продолжать спор, но Дом прервал его:

— Вы начали упражняться в логике, друзья. Не будем омрачать заумными беседами приятный вечер.

— Как скажешь, Дом, — с улыбкой откликнулся на это предложение Пелорат.

Тревайз, искоса поглядев на Bliss, которая, как ему показалось, разыгрывала напускную скромность и сидела молча, обхватив себя руками под грудью, спросил у Дома:

— Но откуда взялась Гея? Как возник ваш коллективный разум?

Дом откинул назад седую голову и весело рассмеялся:

— И тут сказки! Знаете, я порой много думаю об этом, когда перечитываю историю человечества. Как бы скрупулезно, подробно ни писались летописи, как бы их ни формализовали, ни компьютеризировали, с течением времени они устаревают. Рассказы обрастают подробностями, как нарастает снежный ком или как будто слоями пыли покрываются. И чем больше времени минует, тем толще слой пыли веков. В конце концов любая история нисходит до уровня сказки.

Пелорат кивнул:

— Нам, историкам, знаком этот процесс, Дом. Надо сказать, люди предпочитают именно сказки. «Обман приятнее истины», — так сказал Либель Геннерат примерно пятнадцать столетий назад. Теперь это зовется Законом Геннерата.

— Вот как?! — изумился Дом. — А я-то думал, что это — изобретение моего старческого цинизма. Ну что ж, значит, по закону Геннерата наше прошлое наполнено славой, блеском и выдумками... Знаете ли вы, что такое «робот»?

— Нам рассказали на Сейшелле, — сухо ответил Тревайз.

— Вы там видели робота?

— Нет. Нас спросили, знаем ли мы, что это такое, мы ответили отрицательно, и тогда нам рассказали.

— Понятно... Значит, вы знаете, вероятно, что некогда люди жили бок о бок с роботами, но ничего хорошего из этого не вышло.

— Так нам и сказали.

— Психология поведения роботов определялась тем, что зовется «Тремя Законами Роботехники». Есть несколько версий формулировки этих Законов. Наиболее распространена такая: 1) Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; 2) Робот должен повиноваться командам, которые ему дает человек, за исключением тех случаев, когда эти команды противоречат Первому Закону; 3) Робот должен заботиться о

своей безопасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам.

Чем умнее, чем совершеннее становились роботы, тем сильнее у них проявлялась склонность по-своему интерпретировать Законы, в особенности Первый — самый главный. Роботы трактовали Законы все более и более обобщенно и в конце концов пришли к выводу, что на них возложена роль спасителей и защитников человечества. А людям надоело, что с ними носятся, как с малыми детьми, и они восстали против опеки роботов.

Роботы были добры, универсально добры. Они действовали из соображений гуманности для блага людей, что, однако, делало их все более невыносимыми.

Каждый успех в роботехнике только усугублял положение. Стали появляться роботы с телепатическими способностями, и это означало, что у них появилась возможность управлять мыслями людей, и поведение людей стало еще более зависимым от воли роботов.

Кроме того, роботы становились все более и более похожими на людей внешне, но линия отношения их к людям оставалась прежней — только гонора да обидчивости поприбавилось. Все шло к неизбежному концу.

— Почему неизбежному? — спросил Пелорат, который очень внимательно слушал Дома.

— Вот до чего доводит следование логике, — горько вздохнул Дом. — Постепенно роботы стали настолько умны, настолько человечны, что им стало жаль людей — они поняли, что, заботясь о них, лишают людей свободы выбора, и заботятся-то о них уже не ради них самих, а ради себя. Прошло еще какое-то время, и роботы решили, что пришла пора оставить людей без присмотра, чтобы они сами о себе заботились, как бы ни были легкомысленны и беспомощны.

Поэтому, как говорится в легенде, роботы и создали каким-то образом Вечность и стали Вечными. Они отыскивали Реальность, в которой, по их понятиям, люди пребывали бы в наибольшей безопасности — одни во всей Галактике. Затем, сделав все от них зависящее для нашей защиты, роботы добровольно прекратили существование, последовав тем самым Первому Закону, и с тех пор мы стали людьми — нашу жизнь, наш прогресс, все наши успехи мы вершим в одиночестве.

Дом умолк, по очереди поглядел на Тревайза и Пелората и спросил:

— Ну как, верите в это?

Тревайз медленно покачал головой:

— Нет. Ничего подобного в исторической литературе я не читал и даже не слышал ни о чем подобном. А ты, Джен?

— В чем-то схожие с этим мифы существуют, — уклончиво отозвался Пелорат.

— Мифов, Джен, всяких хватает, и выдумать можно все, что угодно. Я говорю об истории, об исторических документах.

— Я понял. Ничего такого нет, насколько мне известно.

— Я несколько не удивлен, — кивнул Дом. ... Прежде чем роботы исчезли, многие отряды людей успели отправиться заселять миры, где роботов не было. Они улетали далеко, в глубокий космос, предпринимая собственные попытки обрести свободу. Они покидали перенаселенную Землю, где вели долгую борьбу с роботами. В новых мирах люди создавали свою жизнь наново и не хотели вспоминать о том, как их больно и горько унижали, как они, словно малые дети, жили когда-то с роботами-няньками. Записей о прошлом они не вели и постепенно обо всем забыли.

— Маловероятно, — скептически проговорил Тревайз.

— Нет, Голан, — обернулся к нему Пелорат. — Вовсе не маловероятно. Сообщества создают собственную историю и тяготеют к тому, чтобы забыть, стереть из памяти плохое — либо забывая об этом напрочь, либо сочиняя совершенно фантастические героические эпосы. Правители Империи изо всех сил старались уничтожить знания о доимперском прошлом Галактики, чтобы заставить ауру имперского величия сиять сильнее. Потом: практически отсутствуют сведения о временах до начала гиперпространственных полетов. Ты знаешь, что само существование Земли — тайна для большинства людей.

Тревайз пожал плечами:

— Возможно, Джен, возможно. Но если Галактика забыла роботов, то как же вышло, что Гея о них помнит?

Мелодично рассмеявшись, на его вопрос ответила Блосс:

— А мы другие, не такие, как все!

— Да? И в чем же, если не секрет?

Дом вмещался:

— Нет, Блосс, позволь, я объясню. Дорогие гости, мы действительно другие. Из всех отрядов переселенцев, что стремились убежать от власти роботов, те, что добрались в конце концов до Геи, пойдя по следам тех, что добрались до Сейшелла, — были единственными, кто принял от роботов дар телепатии.

Это действительно дар, талант. Он передается по наследству и от рождения есть у каждого человека, но развивать его нужно старательно и тонко. Много поколений должно прожить и умереть, прежде чем этот талант достигнет вершины, но когда его направленно развивают, постепенно он начинает питать сам себя. Мы занимались этим более двадцати тысяч лет, но Чувство Геи даже теперь не достигнуто нами полностью. Давно, очень давно, за счет телепатии мы узнали о возможности существования коллективного сознания — вначале только среди людей, потом и среди животных, растений, а всего лишь несколько столетий назад — среди неодушевленной природы и предметов.

И поскольку этим мы обязаны роботам, мы и не забыли о них. Мы считаем их не няньками, а учителями. Мы чувствуем, что они открыли для нас такое, от чего мы никогда не сможем отвернуться, и вспоминаем о них с благодарностью.

— Получается, — прищурился Тревайз, — что вы детища роботов в прошлом, а теперь — детища коллективного сознания. Но не утратили ли вы человечности тогда и сейчас?

— Тут другое, Трев. Сейчас мы делаем то, что сами хотим. Это наш собственный выбор, он никем нам не навязан. Мы помним об этом. И еще в одном мы не такие, как все. Мы — одни в Галактике. Нет другого такого мира, как Гея.

— Как вы можете утверждать такое?

— Мы бы знали, Трев. Мы бы обязательно обнаружили признаки коллективного разума, даже если бы он существовал на другом краю Галактики. Мы обнаружили начатки такого разума в вашей Второй Академии, к примеру, но это произошло всего два столетия назад.

— Во времена Мула.

— Да. Одного из нас, — печально вздохнул Дом. — Он был изменником, он покинул Гею. А мы были так наивны, что не верили в самую возможность такого оборота событий, поэтому вовремя не приняли мер, чтобы остановить его. Потом, потом, когда мы перенесли наше внимание во Внешние Миры, мы узнали о тех, кого вы зовете Второй Академией, и предоставили это им.

Тревайз несколько мгновений смотрел на Дома не мигая, затем процедил сквозь зубы:

— Вот они, наши учебнички истории! — Покачав головой, он спросил погромче: — А не трусость ли это со стороны Геи? Мул же ваш, вам бы и карты в руки?

— Ты прав. Но когда мы наконец обратили взор к Галактике, мы поняли, как были слепы до сих пор, и трагедия Мула для нас оказалась спасительной. Именно тогда мы осознали, какая великая опасность грозит нам, какой страшный кризис. Но он не наступил тогда, когда мы были не готовы к нему. Спасибо за это случаю с Мулом.

— Что за кризис?

— Угроза нашего уничтожения.

— Не могу поверить. Вы выстояли против Империи, против Мула, против Сейшелла. Они не коснулись вас. Вы обладаете коллективным разумом, способным захватить корабль в космосе, на расстоянии миллионов километров от Геи. Чего вам бояться? Посмотрите на Блисс. Непохоже, чтобы ее что-то беспокоило. Она и не думает ни о каком кризисе.

Блисс забросила ногу на подлокотник кресла и кокетливо пошевелила пальцами.

— О чем мне беспокоиться, Трев? Ты все уладишь.

— Я?! — вскричал Тревайз.

Дом сказал:

— Гея специально доставила тебя сюда. Именно ты должен разрешить наш кризис.

Тревайз долго изумленно смотрел на Дома, и постепенно изумление перешло в дикую ярость.

— Я?! Это почему же, черт бы вас подрал, я? Какое мне дело до этого?

— Как бы то ни было, Трев, — почти с гипнотическим спокойствием проговорил Дом, — ты. Только ты. Во всей Галактике — только ты.

Глава 18

СТОЛКНОВЕНИЕ

75

Стор Гендибаль подбирался к Гее так же осторожно, как Тревайз. Теперь, когда ее солнце выглядело внушительным диском и смотреть на него можно было лишь сквозь плотные фильтры, он сделал еще одну остановку, чтобы поразмыслить.

Сура Нови сидела рядом, время от времени робко поглядывая на него. Наконец она решилась спросить:

— Господин?

— Что, Нови? — безразлично отозвался Гендибаль.

— Вы несчастны?

— Нет. Я задумчив. Помнишь это слово? Пытаюсь решить — то ли быстрее двигаться вперед, то ли выждать подольше. И хватит ли мне храбрости, Нови?

— Я думаю, вы всегда очень храбрый, Господин.

— Но порой храбрость означает глупость, не так ли?

Нови улыбнулась:

— Как Господин ученый может быть глупым? А это — солнце или нет, Господин?

Она указала в иллюминатор.

Гендибаль кивнул.

После нерешительной паузы Нови спросила:

— Это то самое солнце, что освещает Трентор? Думское солнце?

— Нет, Нови, — ответил Гендибаль. — Это совсем другое солнце. Солнц очень много — их миллиарды.

— А! В голове-то я это знала, но никак поверить не могла. Как это получается, Господин, что головой знаешь, а не веришь?

Гендибаль едва заметно улыбнулся.

— В твоей голове, Нови... — начал Гендибаль и, сказав это, автоматически скользнул в ее сознание, по привычке нежно погладив его для начала. Так он делал всегда, чтобы успокоить ее, прогнать тревогу. Потом он собирался выйти и вовсе не намеревался задерживаться в сознании Нови надолго... если бы нечто не заставило его задержаться.

То, что он ощутил, не поддавалось описанию, не укладывалось не только в ментальные термины, но и ни в какие вообще! Поэтически говоря — сознание Нови светилось! Тихим, легким, едва заметным светом.

Это было возможно в единственном случае: если поблизости находилось ментальное поле — столь слабое, что Гендибаль при всей своей подготовке и способностях вряд ли бы заметил какое-либо воздействие.

— Нови, как ты себя чувствуешь? — резко спросил он.

Она широко раскрыла глаза.

— Хорошо, Господин.

— У тебя не кружится голова? Закрой глаза и не двигайся, пока я не скажу «можно».

Она послушно закрыла глаза. Гендибаль старательно, осторожно стер все внешние ощущения, успокоил ее мысли, убаюкал эмоции, принялся скользить по поверхности... нет, он не чувствовал ничего, кроме сияния, а оно было таким слабым, что он был готов убедить себя, что ему это только кажется.

— «Можно», — сказал он, и Нови открыла глаза.

— Как ты себя чувствуешь, Нови?

— Очень спокойно, Господин. Я как будто отдохнула.

Явно воздействие было слишком незначительным и пока не вызвало никаких изменений.

Он повернулся к компьютеру и принялся сражаться с ним. Гендибаль был вынужден признаться самому себе, что пока не слишком ловко управляет с этим компьютером. Может быть, дело было в том, что он слишком сильно привык пользоваться своим сознани-

ем напрямую, а тут присутствовал элемент посредничества. Но искал он сейчас не чужеродное сознание, а чужой корабль, который как раз легче было найти с помощью компьютера.

И он нашел его, именно такой, какой предполагал найти. Корабль находился примерно в полумиллионе километров и по конструкции очень напоминал его собственный, но был больше и сложнее.

Обнаружив корабль с помощью компьютера, Гендибаль мог перейти к тому, чтобы обследовать его посредством собственного сознания. Он послал концентрированный пучок ментальных лучей и ощупал им корабль изнутри и снаружи.

Затем он послал импульс своего сознания к планете Гея, преодолел несколько миллионов километров пространства и вернулся, так и не сумев определить, что же было источником поля: планета, корабль или то и другое.

Он сказал:

— Нови, сядь, пожалуйста, ко мне поближе.

— Господин, есть опасность?

— Тебе не стоит волноваться, Нови. Я позабочусь о том, чтобы ты была жива и здорова.

— Господин, я не боюсь за то, чтобы я была жива и здорова. Если есть опасность, я хочу суметь помочь вам.

Гендибаль смягчился.

— Нови, ты уже помогла. Благодаря тебе я узнал об... одной мелочи, а узнать было крайне важно. Без тебя я бы попался в ловушку, а выбираться было бы тяжело.

— Это я своей головой сделала, Господин, как вы объясняли?! — потрясенно спросила Нови.

— Именно так, Нови. Ни один прибор не сумел бы сравниться с твоим сознанием. Даже мое сознание не могло бы — оно чересчур сложное.

Лицо Нови озарила радостная улыбка.

— Я так рада, что смогла помочь...

Гендибаль улыбнулся и кивнул. «К сожалению, — подумал он, — понадобится и другая помощь». А как

не хотелось никого просить о помощи! Это было его дело, и только его!

Увы, к месту событий спешили другие...

76

А на Тренторе Квиндор Шендесс все с большим трудом выносил груз ответственности поста Первого Оратора. С тех пор как корабль, унесший Гендибала, растаял в черноте небес, он не созывал Заседаний Стола и пребывал в постоянных размышлениях.

Мудро ли он поступил, разрешив Гендибалу лететь в одиночестве? Да, Гендибаль — блестящий Оратор, великолепный менталист, но он может переоценивать себя. Самонадеянность — вот его главный порок, а мой, горько подумал Шендесс, старческая усталость.

Снова и снова приходил ему на память Прим Пальвер, который носился из конца в конец Галактики, чтобы все поставить на свои места; и Шендессу казалось теперь, что это было жутко опасно. Разве способен еще кто-то сравниться с Примом Пальвером? Даже Гендибаль? И потом — Пальвер брал с собой жену...

Да, Гендибаль взял с собой эту думлянку, но разве можно ее принимать всерьез? Жена Пальвера и сама была Оратором, кстати, неплохим.

Шендесс чувствовал, как с каждым днем стареет все сильнее, ожидая весточки от Гендибала. А весточки все не было, и с каждым днем росли его беспокойство и тревога.

Нужно было послать целую флотилию...

Нет... Стол не позволил бы...

И все-таки...

Он спал тяжелым сном, когда наконец пришел сигнал. Ночь была ветреная, и Шендесс заснул с трудом. Как ребенку, ему все слышались какие-то голоса в завывании ветра. Перед тем как заснуть, он убаюкал себя сладостной мечтой об отставке, мечтой, далекой от реальности: Деларми была бы тут как тут...

Он почувствовал сигнал и проснулся, сел в кровати.

— У тебя все в порядке, мальчик? — спросил он.

— В полном порядке, — ответил Гендибаль. — Не хотите ли наладить визуальную связь для полноты общения?

— Может быть, но немного попозже, — ответил Шендесс. — Сначала расскажи, каково положение?

Гендибаль почувствовал, что Шендесс только что проснулся и как сильно он устал и постарел за последние дни. Поэтому решил говорить осторожно и бережно.

— Я нахожусь в окрестностях обитаемой планеты Гея, название которой, насколько мне известно, не значится ни в одном из галактических перечней.

— Это мир тех, кто трудился над сохранением Плана? Мир Анти-Мулов?

— Вероятно, Первый Оратор. Можно это предполагать. Во-первых, корабль, на борту которого Тревайз и Пелорат, вплотную подошел к Гее и, скорее всего, совершил там посадку. Во-вторых, здесь, в космосе, примерно в полумиллионе километров от меня, находится военный корабль Первой Академии.

— Да, столь сильный интерес вряд ли без причины.

— Первый Оратор, интересы не могут быть независимыми. Я нахожусь тут, поскольку слежу за Тревайзом. Военный корабль Академии может находиться тут по этой же самой причине. Остается только понять, зачем здесь Тревайз.

— Собираешься последовать за ним на планету?

— Я обдумывал такую возможность, но... кое-что случилось. Сейчас я нахожусь в ста миллионах километров от Гей и ощущаю в пространстве вокруг себя ментальное поле — однородное и очень слабое. Сам бы я не узнал о его наличии, если бы не обнаружил воздействия на сознание думянки. У нее необычное сознание — я именно поэтому согласился взять ее с собой.

— Значит, ты был прав, поступив так. Знала об этом Оратор Деларми, как ты думаешь?

— Когда настаивала, чтобы я взял думянку с собой? Вряд ли... но я рад, что этим воспользовался, Первый Оратор.

— Рад, что все так вышло. Ты думаешь, источником поля является планета Гея?

— Чтобы убедиться в этом, нужно произвести замеры в далеко отстоящих друг от друга точках пространства и

выяснить, обладает ли поле сферической симметрией. Единичная проба, которую я пока успел произвести, показала, что это вероятно, но пока неточно. Проводить более подробное обследование мне показалось небезопасным в присутствии военного корабля Первой Академии.

— Убежден, он не представляет опасности.

— Может быть. Но я пока не уверен в том, что корабль не является источником поля, Первый Оратор.

— Но как они...

— Первый Оратор, позвольте прервать вас. Мы ничего не знаем об успехах, достигнутых Первой Академией в области техники. Они ведут себя с вызывающей самоуверенностью и могут преподнести нам массу сюрпризов. Очень может быть, что они постигли тайны менталики с помощью каких-то своих приборов. Коротче говоря, Первый Оратор, я столкнулся либо с их менталикой, либо с менталикой планеты. Если источник поля — корабль, то их менталика слишком слаба, чтобы остановить меня. Но ее может хватить, чтобы затормозить мои действия, и тогда они смогут уничтожить меня с помощью физического оружия, которого на корабле предостаточно. С другой стороны, если источником поля является планета, само наличие поля на таком расстоянии от нее может означать, что около ее поверхности оно весьма интенсивно — гораздо сильнее, чем я смогу вынести и побороть. В обоих случаях необходимо создать общую сеть, и в случае необходимости все резервы Трентора должны быть предоставлены в мое распоряжение.

Первый Оратор опешил.

— Общая сеть? Но мы никогда не пользовались ею, даже не думали об этом никогда — только во времена Мула...

— Нынешний кризис будет посерьезнее того, что был во времена Мула, Первый Оратор.

— Не уверен, что Стол согласится.

— Не думаю, что вам стоит спрашивать их согласия, Первый Оратор. Вы должны объявить чрезвычайное положение.

— На каком основании?

— Расскажите им то, что я вам рассказал, Первый Оратор.

— Оратор Деларми скажет, что вы трус и дилетант, сошедший с ума от страха.

Гендибаль ответил не сразу.

— Да, она запросто может сказать что-нибудь в таком духе, Первый Оратор, но пусть говорит все, что ей вздумается. Я переживу. На карте сейчас не моя гордость, не мое самолюбие, а самое существование Второй Академии.

77

Харла Бранно утрюмо улыбнулась, и морщины глубже залегли на ее грубом, некрасивом лице.

— Думаю, пора покончить с этим. Я готова встретиться и сразиться с ними.

— Вы все еще уверены в том, что делаете? — спросил Коделл.

— Если бы я на самом деле сошла с ума, Лайоно, разве вы бы настаивали столь упорно на том, чтобы остаться со мной на этом корабле?

Коделл пожал плечами:

— Видимо, я остался здесь для того, чтобы попробовать остановить, переубедить вас, как минимум — замедлить ваши действия, пока вы не зашли слишком далеко. Но, конечно, если вы не сошли с ума...

— Что тогда?

— Тогда... тогда мне не хотелось бы, чтобы только вы одна стали достоянием будущей истории. Пусть тогда знают, что я тоже был рядом с вами, и гадают, кому принадлежит заслуга, а?

— Умно, Лайоно, умно, но совершенно напрасно. Я столько времени стояла за чужим тронном, являя реальную силу, что вряд ли кто-то поверит, что я с кем-то поменялась ролями во время собственного правления.

— Поживем — увидим.

— Увидим? Вряд ли. Исторической оценке суждено появиться лишь тогда, когда нас с вами уже не будет на этом свете. Как бы то ни было, я не боюсь. Ни за свое место в истории, ни за это .. — она ткнула указательным пальцем в видовой иллюминатор.

— Корабль Компора, — сказал Коделл.

— Верно, корабль Компора, — кивнула Бранно. — Но Компора там нет. Один из наших разведчиков наблюдал пересадку. Корабль Компора встретился с другим кораблем, Компор перешел в этот корабль, а двое перешли в его корабль.

Бранно довольно потеряла руки.

— Тревайз сыграл свою роль замечательно. Он стал моим громоотводом. Он помог мне понять, откуда ударила молния. Корабль, встретившийся с кораблем Компора, из Второй Академии.

— Интересно, откуда у вас такая уверенность? — спросил Коделл, вынув изо рта трубку и набивая ее новой порцией табака.

— Все очень просто. Я давно начала задумываться над тем, не находится ли Компор под контролем Второй Академии. Уж больно гладенько у него жизнь текла. Все просто-таки ложилось к его ногам. И потом: такие блестящие успехи в гиперпространственных гонках! То, что он предал Тревайза, в принципе, можно объяснить самой обычной подлостью амбициозного политика; но сделал он это со столь исключительной последовательностью и скрупулезностью, что мне увиделось за этим нечто большее, чем только амбиции.

— Догадки, всего лишь догадки, Мэр...

— Догадки превратились в уверенность, когда ему удалось проследить за кораблем Тревайза после серии Прыжков.

— Ему помогал компьютер, Мэр.

Бранно, откинув голову, расхохоталась:

— Дорогой мой Лайоно, вы настолько погрязли в изобретении всяких хитростей, что просто забыли, насколько удачны могут оказаться самые тривиальные уловки. Я послала Компора следить за Тревайзом, но не потому, что мне это было так безумно необходимо. Какая в этом была нужда? Как бы ни старался Тревайз держать в секрете свои передвижения, он все равно засветился бы в каком-то мире, не относящемся к Академии. Его современнейший корабль, ярко выраженный акцент, деньги — валюта Академии... Он тут же привлек бы к себе внимание. А в случае опасности он незамедлительно обратился бы к представителям Академии за помощью, что, собственно, и сделал на Сейшелле — ведь мы сразу же узнали обо всем, что

он там делал, незамедлительно и без всякой помощи Компора. Нет, — задумчиво продолжала она, — Компор был послан для того, чтобы засветить Компора же. И это нам удалось, потому что его компьютер был с маленьким дефектом. Все было в порядке — вот только за серией Прыжков он с его помощью ну никак не смог бы проследить. Однако это ему легко удалось.

— Я посмотрю, вы мне о многом не говорите, Мэр, пока почему-либо не решаетесь, что должны сказать.

— Я скрываю от вас только то, Коделл, что вам знать необязательно. Я отдаю вам должное и пользуюсь вашей помощью, но у моего к вам доверия есть жесткие границы — так же как у вашего ко мне, и не вздумайте отрицать.

— Не собираюсь, — сухо отозвался Коделл. — И надеюсь когда-нибудь напомнить вам об этом. Но, может быть, у вас найдется еще что-нибудь сообщить мне из того, что мне позволено знать сейчас? Естественно, если Компор — человек Второй Академии, то и корабль оттуда. Это ясно.

— Ну до чего же приятно с вами говорить, Лайоно! Вы потрясающе догадливы! Как видите, Вторая Академия даже не пытается замести следы. Они рассчитывают, что, когда понадобится, сумеют сделать это, но это не так. Разве Второй Академии могло такое в голову прийти — воспользоваться кораблем чужой конструкции, даже зная, что мы имеем полную возможность определить, где он произведен, по типу использования энергии, если бы ее люди не были уверены, что запросто могут стереть любые воспоминания из любого сознания? И что же? Нашему разведывательному кораблю удалось выявить тип корабля, который приблизился к кораблю Компора, за считанные минуты.

— И теперь, вероятно, Вторая Академия сотрет знания об этом?

— Если сумеет, — отрезала Бранно. — Но они могут обнаружить, что положение дел несколько изменилось.

Коделл сказал:

— Ранее вы утверждали, что знаете, где находится Вторая Академия. Вы сказали, что покончите с Геей, а потом приметесь за Трентор. Из этого я заключаю, что тот, другой корабль — с Трентора.

— Верно заключаете. Удивлены?

— Не очень, — медленно покачал головой Коделл. — Эблинг Мис, Торан и Байта Дарелл — все они побывали на Тренторе в то время, когда был положен конец деяниям Мула. Аркади Дарелл, внучка Байты, родилась на Тренторе и побывала там снова, после чего, как мы счита, Вторая Академия была уничтожена. В ее романе фигурирует некто Прим Пальвер, представившийся тренторианским торговцем; он сыграл ключевую роль в развитии событий и появлялся везде в самое подходящее время. Вполне очевидно, что Вторая Академия могла располагаться на Тренторе — там в свое время жил Гэри Селдон, который создал обе Академии.

— Да, удивительно очевидно — никому и в голову не приходило. Вторая Академия позаботилась об этом. Именно поэтому меня и удивляет, что теперь они ведут себя столь самоуверенно.

Коделл высказал предположение:

— Может быть, нам не стоит с такой готовностью принимать их версию происходящего? Но, как вы думаете, откуда узнал Тревайз, что Вторая Академия до сих пор существует? И почему его не остановили?

Бранно подняла руку с растопыренными пальцами и стала по очереди загибать их.

— Во-первых, Тревайз крайне необычный человек: есть в нем что-то особенное, несмотря на его горячность, дерзость и опасную неспособность верно оценивать реальность. В чем именно состоит его исключительность, я до сих пор не поняла. Во-вторых, Вторая Академия не бездействовала. Компор все знал и висел у Тревайза на хвосте, а в конце концов выдал его мне. Они надеялись, что Тревайза заставлю замолчать я, а им и вмешиваться не придется. В-третьих, когда я приняла не совсем те меры, которые от меня ожидали, — не казнила Тревайза, не засадила за решетку, не отдала распоряжения применить психозондирование, а просто-напросто вышвырнула его в космос, — Вторая Академия забеспокоилась. Они решились на откровенное действие — послали свой корабль за ним вдогонку. О мой восхитительный громоотвод! — закончила она, растянув губы в злорадной усмешке.

— Каков же будет наш следующий шаг? — спросил Коделл.

— Мы сразимся с этим человеком из Второй Академии. Мы уже постепенно подбираемся к нему.

78

Гендибаль и Нови сидели рядышком и смотрели в иллюминатор.

Нови была напугана — Гендибаль прекрасно видел это, видел, как она всеми силами старается побороть страх. Но он ничем не мог помочь ей, поскольку считал нецелесообразным как-либо касаться сейчас ее сознания — нельзя было вуалировать ее реакцию на воздействие слабого ментального поля, окружавшего их.

Военный корабль Академии медленно приближался — медленно, но верно. Он был большой — команда не меньше шести человек. Оружия там было вполне достаточно для того, чтобы не только защитить себя, но в случае необходимости разбить в пух и прах весь Флот Второй Академии — если, конечно, учитывать только физическую мощь.

Поведение корабля позволяло кое о чем задуматься. Даже если бы он был источником ментального поля, вряд ли бы он стал лезть в пасть Второй Академии столь легкомысленно. Могло это быть по неведению? Могло, и у неведения могло быть несколько степеней.

Либо капитан корабля не знал о том, что Компора сменили, либо не знал, что сменил его сотрудник Второй Академии, либо понятия не имел, что такое — сотрудник Второй Академии.

Либо (Гендибаль старался учесть все варианты) корабль таки является носителем ментального поля и именно поэтому идет вперед столь самоуверенно. А уж это могло означать одно из двух: либо его ведет некто, страдающий манией величия, либо корабль несет оружие гораздо более могущественное, чем мог себе представить Гендибаль.

Варианты... варианты... До окончательного вывода было еще далеко.

Он внимательно исследовал сознание Нови. Нови неспособна была сознательно реагировать на воздействие ментального поля. Гендибаль мог, но его сознание не могло регистрировать столь слабое поле, как то дано

было Нови. Этот парадокс следовало изучить в будущем: результаты, возможно, превзошли бы все ожидания, и, в принципе, это было намного важнее приближающегося к ним корабля.

На самом деле Гендибаль еще тогда, когда впервые ощутил красоту, простоту и симметрию сознания Нови, интуитивно почувствовал, какие громадные возможности оно таит в себе, и испытал тихую гордость — вот какая у него превосходная интуиция! Ораторы всегда кичились своими интуитивными способностями, но не была ли интуиция подменой возможности замерять ментальное поле физическими методами? Как легко прикрывать невежество мистическим словом «интуиция». Как долго еще можно было продолжать переоценивать менталику и недооценивать физику?

Слепая гордыня... Но когда я стану Первым Оратором, думал Гендибаль, все переменится, все будет иначе. Нужно будет сузить пропасть между Второй Академией и Первой. И Вторая Академия больше не столкнется с угрозой уничтожения, даже тогда, когда монополия на менталику хотя бы немного ускользнет из ее рук.

А она начинала ускользать. Либо Первая Академия достигла в этой области определенных успехов, либо образовался альянс Первой Академии с Анти-Мулами. Эта мысль пришла ему в голову впервые, он вздрогнул, поежился.

Мысли проносились в его сознании с быстротой, свойственной Ораторам. Он размышлял, ни на секунду не выпуская из поля зрения сознание Нови. А оно по-прежнему светило, но свечение не усиливалось по мере приближения корабля Первой Академии.

Само по себе это вовсе не означало, что корабль не является носителем ментального поля. Достоверно известно, что ментальное поле не подчиняется закону прямой пропорциональности и не возрастает его интенсивность по мере сокращения расстояния между эмиттером и реципиентом. В этом состояло его отличие от электромагнитного и гравитационного полей. Но полной независимости от расстояния не было. Реакция сознания Нови должна была демонстрировать выявляемое нарастание свечения по мере приближения военного корабля — хотя бы какое-то нарастание.

(Как же могло случиться, что за пять столетий ни один сотрудник Второй Академии, начиная с самого Гэри Селдона, ни разу не задумался о выявлении наличия взаимосвязи между интенсивностью менталики и расстоянием? Нет, игнорированию физики должен быть положен конец, мысленно поклялся Гендибаль.)

Если военный корабль был носителем ментального поля и летящие на нем не сомневались, что движутся навстречу сотруднику Второй Академии, разве не должны они были увеличить интенсивность поля до максимума, прежде чем начать сближение? Тогда бы сознание Нови обязательно зарегистрировало усиление воздействия!

Но этого не происходило...

Гендибаль уверенно исключил возможность наличия ментального поля у корабля. Нет, приближался он исключительно по неведению, и, как физическую угрозу, его необходимо было обезвредить.

Ментальное поле, конечно, никуда не делось, но исходить оно могло только от Геи. Ничего особо приятного в этом не было, но сейчас корабль был ближе и важнее. Надо было избавиться от него, а потом устремить свое внимание к миру Анти-Мулов.

Гендибаль ждал. Корабль должен был либо произвести какое-то действие, либо подойти настолько близко, чтобы Гендибаль обрел возможность действовать решительно и быстро.

Корабль медленно шел на сближение, потом все быстрее и быстрее — но не предпринимал ровным счетом ничего. Наконец Гендибаль решил, что теперь силы его удара будет достаточно. Те, что на борту корабля, не ощутят ни боли, ни других неприятных ощущений — просто обнаружат, что мышцы спины и конечностей почему-то не совсем охотно реагируют на их желания что-либо сделать.

Гендибаль сузил, сфокусировал ментальное поле, излучаемое его сознанием. Набрав интенсивность, оно пересекло расстояние между кораблями со скоростью света, и Гендибаль тут же отпрянул, пораженный до самой глубины души.

Корабль Академии был защищен мощным ментальным экраном, плотность которого нарастала параллельно интенсивности ментального поля Гендибала... Нет,

не по неведению шел к нему этот корабль; он обладал неожиданным оружием, хорошо, если пассивным.

79

— Ага! — довольно проговорила Бранно. — Он попытался атаковать, Лайоно, смотрите!

Стрелка психометра дрогнула, пошла вверх и затрепетала.

Разработка противоментального экранирования шла уже сто двадцать лет. Ученые Академии занимались этим в обстановке строжайшей секретности, разве что только разработка психиистории группой Гэри Селдона могла тягаться с ним в этом. Пять поколений ученых трудились над поэтапной модернизацией устройства, принцип которого не был подкреплён фундаментальной теорией.

Трудно было судить, добились ли бы они успеха, не будь изобретен психометр — прибор, способный определять эффективность действия ментального экрана. Никто не мог объяснить, как он работает, но все говорило о том, что это — устройство, способное измерять неизмеряемое и выдавать в цифровом выражении неисчислимое. У Бранно было сильное подозрение (которое с ней разделяли и некоторые ученые), что, если бы когда-нибудь Первой Академии удалось постичь принцип действия психометра, она сравнялась бы со Второй Академией по способности управлять сознаниями.

Но это — в будущем. В настоящее время хватало и экрана, за которым стояло грандиозное превосходство по физическому оружию.

Бранно послала сигнал — запись синтезированного мужского голоса, звучавшего плоско и мертвенно:

«Вызываю корабль «Якокая Звезда» и членов его экипажа. Вы силой захватили корабль Флота Федерации Академии, совершив пиратский налет. Вам предлагается сдать корабль и немедленно сдаться самим. В противном случае будет начата атака».

— Мэр Терминуса Бранно, — зазвучал голос отвечавшего, — я знаю, что вы на корабле. Пиратского налета на «Яркую Звезду» не было. Меня пригласил на

ее борт капитан карабля Мунн Ли Компор с Терминуса. Я прошу вас вступить со мной в переговоры для обсуждения вопросов чрезвычайной важности для нас обоих.

Коделл наклонился к Бранно и прошептал:

— Позвольте мне поговорить с ним, Мэр.

Она резко отстранила его рукой.

— Это мое дело, Лайоно.

Настроив передатчик, она заговорила голосом не менее грозным и лишенным эмоций, чем только что звучавший синтезированный:

— Человек Второй Академии, осознайте свое положение. Если вы не сдадитесь немедленно, мы взорвем ваш корабль, мы готовы сделать это. Мы ничего не теряем, вы не нужны нам как источник информации. Мы знаем, что вы с Трентора, и как только мы расправимся с вами, мы расправимся и с Трентором. Мы не против того, чтобы дать вам время на раздумья, но долго слушать вас не станем, поскольку сказать вам по сути нечего.

— В таком случае, — сказал Гендибаль, — позвольте мне высказаться быстро и только по делу. Ваше поле несовершенно и не может быть совершенным. Вы переоценили его возможности и недооценили мои. Я могу захватить и взять под контроль ваши сознания. Не так легко, конечно, как если бы у вас не было защитного экрана, но достаточно легко. Как только вы попытаетесь применить оружие, я нанесу удар, и вот что советую понять: не будь у вас экрана, я бы видоизменил ваше сознание мягко, не причинив вам никакого вреда. При наличии экрана я вынужден буду нанести сокрушительный удар — сделать такое я способен, но не ждите от меня ни жалости, ни снисхождения. Ваше сознание будет поражено необратимо и жестоко. Другими словами: вы не сможете мне помешать, наоборот, я помешаю вам и буду вынужден сделать худшее, чем просто убить вас. Вы превратитесь в безмозглых скотов. Хотите рискнуть?

Бранно сказала:

— Вы знаете, что не можете сделать того, о чем говорите.

— Следовательно, вы хотите рискнуть? Учтите, я вас предупредил.

Коделл снова наклонился к Бранно и хрипло прошептал:

— Ради Селдона, Мэр...

Примерно секунда прошла, и ответ Гендибалья долетел до военного корабля.

— Я слежу за вашими мыслями, Коделл. Не стоит шептаться. Я слежу также и за мыслями Мэра. Она пока не приняла решения, поэтому не паникуйте раньше времени. Я прекрасно знаю: ваш экран недостаточно прочен, в нем есть прореха.

— Его интенсивность можно увеличить, — возразила Мэр.

— Так же, как и мое ментальное могущество, — парировал Гендибаль.

— Может быть, но я сижу здесь спокойно и управляю физическими приборами, обеспечивающими действие экрана, и заниматься этим могу сколь угодно долго. Вам же для пробивания экрана надо применять ментальную энергию. Вы устанете.

— Пока не устал, — заявил Гендибаль. — Уже сейчас ни один из вас не способен отдать ни единого приказа никому из членов команды вашего корабля и других кораблей. Я держу вас под контролем и пока, повторяю, не причиню вам вреда, но не делайте попыток выйти из-под контроля: иначе мне придется усилить интенсивность моего ментального поля, и последствия будут именно такими, как я обещал.

— Я подожду, — сказала Бранно, демонстративно сложив руки на груди. — Вы устанете, а когда устанете, приказы будут отданы. Мы не станем уничтожать вас — вы к тому времени будете совершенно безвредны, я отдам приказ об уничтожении Трентора. Весь Флот Академии выступит против него. Хотите спасти ваш мир — сдавайтесь. Вашей организации не уцелеть во время этой оргии разрушения, как в дни Великого Побоища.

— А вам не кажется, Мэр, что я успею уничтожить вас, как только почувствую первые признаки усталости, и тем самым спасу свой мир?

— Вы этого не сделаете. Ваша главная цель — сохранить План Селдона. Уничтожив Мэра Терминуса, вы нанесете удар по престижу Первой Академии, всеоб-

щей вере в нее. Ее могущество дрогнет, а это вызовет колоссальный прилив воодушевления ее врагов по всей Галактике. Следствием явится такой грандиозный разрыв в ткани Плана, что для вас это окажется не менее ужасно, чем уничтожение Трентора. Все равно вы должны будете сдаться.

— Я могу вас уничтожить. Хотите поспорить?

Бранно сделала глубокий вдох, грудь ее колыхнулась, и она медленно, с натугой выдохнула.

— Да! — решительно проговорила она.

Коделл мертвенно побледнел.

80

Гендибаль разглядывал изображение Бранно, визуализированное им в воздухе неподалеку от стены отсека. Действие экрана сказывалось — изображение было зыбким, слегка подрагивало. Фигура мужчины, сидевшего рядом с Бранно, была почти не различима — Гендибаль на него свою энергию не тратил. Все его внимание, все силы были сконцентрированы на Мэре.

Точности ради надо сказать, что она его изображения не видела и не могла знать, что он тоже не один, что у него есть спутница. Бранно не могла видеть выражения лица Гендибаля, его движений и делать какие-либо выводы на этом основании. В этом отношении преимущество было на его стороне.

Он сказал ей чистую правду. Он действительно мог превратить ее в кусок мяса за счет колоссальных затрат ментальной силы, и при этом необратимо поразить ее сознание.

Но не глала и она. Уничтожить ее означало нанести сокрушительный удар по Плану — сродни удару Мула. Даже хуже: ведь теперь игра зашла слишком далеко, и оставалось гораздо меньше времени на обдумывание контратаки и последующих шагов для выправления ситуации.

Хуже того: существовала Гея — таинственная, непознанная, испускавшая слабое, изматывающее ментальное излучение...

На мгновение он коснулся сознания Нови, чтобы убедиться, что оно все еще светится. Да, оно светилось, и никаких перемен не произошло.

Нови обернулась, хотя не могла ощутить прикосновения Гендибала, и спросила:

— Господин, вон там у стены какой-то бледный туман. Это с ним вы говорите?

Вероятно, за счет контакта с его сознанием она увидела дымку. Гендибаль приложил палец к губам.

— Не бойся, Нови. Закрой глаза, отдохни.

Он сказал громче:

— Предположим, Мэр, вы выиграете, и я сдамся. И что потом? В упоении самонадеянностью, напрасно положившись на ваш противоментальный экран, как на панацею, вы и ваши преемники предпримете губительно поспешные попытки распространить вашу власть на всю Галактику. Сделав так, вы на самом деле оттянете сроки создания Второй Империи, поскольку также нарушите План Селдона.

Бранно сказала:

— Я совсем не удивлена, что вы не осмеливаетесь немедленно обрушить на меня свой удар. Видимо, вы уже поняли, что вообще не решитесь этого сделать.

— Не обольщайтесь, — ответил Гендибаль. — Слушайте меня. Большая часть Галактики все еще не принадлежит Академии, и население там настроено против нее. Даже внутри Федерации есть области, где народ еще не позабыл дней своей независимости. Если Академия поспешит расправиться со мной, она избавит, излечит часть Галактики от пассивности, разъединения и слабости. Вы спровоцируете ваших противников на объединение, начнется мятеж внутри Федерации и за ее пределами.

— Вы грозите мне пучком соломинок, — фыркнула Бранно. — У нас достаточно сил, чтобы поразить всех врагов, даже если бы против нас объединилась вся Галактика. Нет проблем.

— Проблем нет пока, Мэр. Не заблуждайтесь, не делайте скоропалительных выводов, не полагайтесь на то, что лежит на поверхности. Вы можете провозгласить создание Второй Империи, но сохранить ее, удер-

жать не сумеете. Каждые десять лет вам придется завоевывать ее заново.

— Ну что ж, будем заниматься этим, пока наши противники не устанут, как устанете вы.

— Не устанут они — и я не устану. Нет, такое не сможет продолжаться долго. Существует другая, более опасная угроза псевдо-Империи, которую вы собираетесь провозгласить. Такая Империя будет держаться только за счет превосходящей физической мощи, вам нужно будет постоянно поддерживать состояние боевой готовности, и генералы Академии впервые в истории обретут более высокое и важное положение, чем гражданские власти. Ваша псевдо-Империя распадется на милитаристские регионы, власть в которых возьмут в свои руки отдельные высокопоставленные военные. Наступит анархия, вы скатитесь к варварству, которое может продлиться долее тридцати тысячелетий, предсказанных Селдоном в случае незапуска его Плана в действие.

— Детские угрозы. Математическая основа Плана Селдона всего лишь прогнозирует вероятности, но никак не неизбежность.

— Мэр Бранно, — сурово проговорил Гендигаль, — забудьте о Плане Селдона. Вы не понимаете его математической стороны и не можете даже приблизительно представить, как это выглядит визуально. Вероятно, вам это и не нужно. Судя по тому, какой пост вы занимаете и удерживаете, вы — опытный и удачливый политик. Даже более того: вы отважный политик — решились на такое опасное пари! Послушайтесь своего опыта, своего политического чутья. Вспомните политическую и военную историю человечества, все то, что вам известно о людской природе, о том, как действуют, реагируют и взаимодействуют простые люди, политики и военные, и вы увидите — прав я или нет.

— Даже если вы правы, человек из Второй Академии, мы должны рискнуть. Под мудрым руководством, при условии непрерывного развития и модернизации техники как в менталике, так и в физике, мы сумеем победить. Гэри Селдон не мог предвидеть такого прогресса. Никак не мог. Где в Плане учтено создание в Первой Академии противоментального экрана? Да и

вообще, зачем нам хотеть, чтобы План был? Мы рискуем основать Вторую Империю без него. Проиграть без него будет лучше, чем преуспеть при его наличии. Нам не нужна такая Империя, где мы будем марионетками в руках тайных кукловодов из Второй Академии.

— Вы говорите так только потому, что не понимаете, что будет означать такой проигрыш для народа Галактики.

— Может быть! — упрямо мотнула головой Бранно. — Вы начинаете уставать, человек из Второй Академии?

— Вовсе нет. И позвольте поговорить с вами о той альтернативе, которой мы пока не касались. Может быть, никому из нас не стоит сдаваться? Мы находимся в окрестностях планеты под названием Гея.

— Мне это известно.

— А известно ли вам, что, вероятно, именно там родился Мул?

— Попробуйте подтвердить ваше заявление.

— Планета окружена ментальным полем. Она родина множества Мулов. Уничтожьте Вторую Академию — станете рабами этой планеты Мулов. Что плохого сделала вам Вторая Академия, какой вред она вам причинила, помимо надуманного вами? А потом спросите себя, сколько горя вам принес Мул?

— Пока, кроме необоснованных заявлений, я ничего от вас не слышу.

— Пока мы остаемся здесь, я ничего другого не могу вам предложить. Я предлагаю перемирие. Держите свой экран включенным, если не доверяете мне, но будьте готовы действовать вместе со мной. Давайте вместе приблизимся к этой планете, и когда вы убедитесь, что она опасна, я уничтожу ее ментальное поле, а вы отдадите приказ вашим кораблям захватить ее.

— А потом?

— Потом? Потом будет Первая Академия против Второй, без постороннего вмешательства. Будет честная схватка — сейчас нам нет смысла драться: обе Академии в одинаковой опасности.

— Почему вы не сказали об этом раньше?

— Я думал, что и так сумею убедить вас в том, что мы не враги и могли бы сотрудничать. Поскольку это

мне не удалось, я предлагаю хотя бы такое сотрудничество.

Бранно задумалась, склонив голову. Потом сказала:

— Вы хотите убаюкать меня колыбельной песенкой. Как вы, один-одинешенек, можете уничтожить ментальное поле целой планеты? Целой планеты Мулов? Это настолько нелепо, что я не могу поверить в искренность вашего предложения.

— Я не один, — ответил Гендибаль. — За мной — все могущество Второй Академии. Силы, переданные через меня, возьмут под контроль Гею. Кстати, если понадобится, эти силы могут сделать так, что ваш пресловутый экран растает, как дым.

— Если так, зачем вам моя помощь?

— Во-первых, затем, что одной ликвидации поля недостаточно. Вторая Академия не может заниматься этим вечно, как и я не могу до конца своих дней танцевать с вами этот словесный менуэт. Нам нужно, чтобы в бой вступили ваши корабли... И потом, если я словами не могу убедить вас, что две Академии не должны видеть друг в друге противников, может быть, совместное деяние жизненной важности убедит вас в этом. Там, где слова бесполезны, дела убедительнее.

После долгой паузы Бранно сказала:

— Мне бы хотелось совместно с вами поближе подойти к Гее. Никаких гарантий я не даю.

— Этого будет достаточно, — сказал Гендибаль, склонившись к компьютеру.

— Нет, Господин, — раздался внезапно голос Нови. — До сих пор я молчала, но не надо ничего делать. Мы должны дождаться Советника Тревайза с Терминуса.

Глава 19

РЕШЕНИЕ

81

Джен Пелорат расстроено, даже немного капризно проговорил:

— Эх, Голан, ну никому нет дела до того, что я впервые за свою жизнь — не такую уж долгую, Блосс, — путешествую в космосе. Просто ужасно — стоит только попасть в какой-то мир, не успеешь оглянуться, а ты уже опять в космосе, так и не поняв ничего. Уже второй раз, между прочим.

— Но если бы, — улыбнулась Блосс, — ты задержался в предыдущем мире, то не встретил бы меня еще кто знает как долго. Уверена, ты не сожалеешь о прежней поспешности?

— Не жалею. Конечно, моя... моя милая, не жалею...

— И хотя на этот раз тебе тоже пришлось покидать Гею, у тебя есть я, а я — это Гея, равноправная ее частица, можно сказать — вся Гея.

Тревайз, хмуро слушавший их воркование, буркнул:

— Не нравится мне все это... Почему Дом не полетел вместе с нами? Черт подери, никак не привыкну к вашим односложным именам! У него имя из двухсот пятидесяти слогов, а мы пользуемся только одним. Да. Так почему он не полетел с нами вместе со всеми этими двумястами пятьюдесятью слогами? Если все так важно, если от этого зависит существование Геи, почему он не полетел, чтобы руководить нами?

— Но здесь я, Трев, — возразила Блосс, — а я — Гея ровно настолько же, насколько Дом.

Поведя глазами в сторону и затем внимательно посмотрев на него, она спросила:

— Значит, тебя тоже раздражает, когда я зову тебя Трев?

— Да. Раздражает, представь себе. Я имею не меньше тебя права на собственные привычки. Меня зовут Тревайз. Два слога: Тре-вайз.

— Прекрасно. Мне не хотелось бы сердить тебя, Тревайз.

— Я не сержусь. Я взбешен.

Он резко встал, прошел в другой конец каюты, переступив по дороге через вытянутые ноги Пелората, который испуганно подобрал их. Вернулся, остановился, развернулся и в упор уставился на Блисс.

— Послушай! Я сам себе не хозяин! Меня приволокли с Терминуса на Гею, и даже тогда, когда я начал подозревать, что меня сюда тащат, я ничего не мог поделать. Потом, когда я попал сюда, мне объявляют, что я обязан спасти Гею. Почему? С какой стати? Что мне Гея? Что я Гее? Почему это я должен спасти ее? Неужели из всех квинтиллионов людей в Галактике не нашлось больше никого, кто мог бы это сделать?

— Пожалуйста, Тревайз, — умоляюще проговорила Блисс. Куда девалось ее кокетство? — Не злись. Вот видишь, я правильно произношу твое имя и буду говорить очень серьезно. Дом просил, чтобы ты был спокоен.

— Клянусь всеми планетами в Галактике — обитаемыми и необитаемыми, не желаю я быть спокоен! Если я такая важная, такая незаменимая фигура, разве я не заслуживаю, чтобы мне все объяснили? Для начала спрашиваю еще раз: почему Дом не отправился с нами? Разве для него недостаточно важно быть здесь, на «Далекой Звезде», вместе с нами?

— Но он здесь, Тревайз, — сказала Блисс. — Пока здесь я, и он здесь, и все, кто живет на Гее, тоже здесь.

— Это тебе так кажется, это ты так думаешь, но я так думать не привык. Я не геянин. Мы не можем погрузить на наш корабль целую планету, можем взять только одного человека. Мы взяли тебя, а Дом — часть

тебя. Отлично. Почему мы не могли взять Дома, а ты была бы его частью?

— Во-первых, — ответила Блисс, — Пел... то есть — Пе-ло-рат, попросил, чтобы с вами полетела я. Я, а не Дом.

— Он был галантен. Элементарная вежливость. Кому бы пришлось в голову принимать это всерьез?

— О нет, дружочек дорогой, — возразил Пелорат, поднявшись и густо краснея. — Я был совершенно серьезен. Я не хочу, чтобы ты понял меня неправильно. Я думаю, что совершенно неважно, какой именно компонент Геи будет вместе с нами на борту, и для меня приятнее, чтобы этим компонентом была Блисс, а не Дом, да и тебе это должно быть более приятно. Голан, ну что ты ведешь себя так... ребячески?

— Я? Я?! — рявкнул Тревайз, грозно нахмурившись. — Ладно, пусть так. Все равно, — он ткнул пальцем в сторону Блисс, — чего бы от меня ни ожидали, уверяю тебя, и пальцем не пошевелю, пока со мной не будут обращаться как с человеком. Для начала два вопроса: что я должен делать? И почему — я?

Блисс широко раскрыла глаза и отшатнулась.

— Пожалуйста, — проговорила она, прижав руки к груди. — Сейчас я не могу тебе этого сказать. Вся Гея не может сказать тебе этого. Ты *должен* добраться до места, поначалу ничего не зная. Там ты *должен* все узнать. Потом *должен* будешь сделать то, что *должен*. Но спокойно, не поддаваясь эмоциям. Если ты будешь так же нервничать, как сейчас, все будет бессмысленно. Гея погибнет. Ты должен переменить настроение, а я не знаю, как этого добиться.

— А Дом знал бы, если бы был здесь? — требовательно спросил Тревайз.

— Дом здесь, — ответила Блисс. — Он /я/ мы не знаем, как переменить твоё настроение и успокоить тебя. Мы не знаем людей, которые не чувствуют своего места в схеме событий, не чувствуют себя частью огромного целого.

— Нет, это не так, — упрямо проговорил Тревайз. — Вы смогли захватить наш корабль на дальнем расстоянии от Геи и заставили нас успокоиться, когда мы были

беспомощны. Ну так успокой меня сейчас! И не притворяйся, будто не можешь.

— Но мы не должны этого делать. Сейчас не должны. Если мы что-то изменим или настроим по-другому в тебе сейчас, пользы от тебя будет не больше, чем от любого другого человека в Галактике. На твою помощь мы можем положиться лишь потому, что ты — это ты и ты должен остаться самим собой. Если мы хоть как-то коснемся тебя сейчас, мы погибли. Прошу тебя. Ты должен успокоиться сам.

— Ни за какие коврижки, мисс, пока вы не скажете мне кое-чего, что мне нужно знать.

— Блосс, можно я попробую? — вмешался Пелорат. — Голан, давай уйдем в другую каюту. Или ты, Блосс, пожалуйста, выйди.

Блосс, медленно пятясь к двери, вышла. Пелорат закрыл за ней дверь.

Тревайз сказал:

— Она все видит, слышит и чувствует. Какая разница?

— Для меня разница есть, — сказал Пелорат. — Я хотел остаться с тобой наедине, пускай даже это будет иллюзия... Голан, ты боишься.

— Не дури.

— Боишься, Голан. Ты не знаешь, куда мы летим, с чем ты встретишься, чего от тебя ждут. Имеешь полное право бояться.

— Да не боюсь же я ничего!

— Боишься, не спорь. Может быть, тебя не пугает физическая опасность, как меня, к примеру. Я боялся вылететь в космос, боялся каждого нового мира, каждой новой, незнакомой вещи. Но, в конце концов, я прожил полвека замкнутой, оторванной от мира жизнью отшельника, а ты служил во Флоте, занимался политикой, все время варился в самой гуще событий — и дома, и в Галактике. И все-таки я старался побороть страх, и ты мне в этом помог. За то время, что мы пробыли вместе, ты был терпелив, добр ко мне, ты все понимал и прощал, и благодаря тебе я перестал трусить и старался вести себя хорошо. Позволь же отплатить тебе благодарностью и помочь тебе, дружок.

— Говорю тебе: я ничего не боюсь.

— А я тебе еще раз повторяю: боишься. Если не чего-то еще, то как минимум возложенной на тебя ответственности. Совершенно очевидно: от тебя зависит судьба целого мира и, если у тебя не получится, тебе придется жить дальше с сознанием того, что ты повинен в его гибели. Ты думаешь примерно так: «какое право они имеют возлагать на меня такую ответственность? Ответственность за мир, который для меня равным счетом ничего не значит?» Ты боишься не только неудачи, как любой на твоём месте, но тебя попросту бесит то, что тебя поставили в такое положение, когда ты вынужден бояться.

— Все неправда, от начала до конца.

— Не думаю. Позволь мне встать на твоё место. Я все сделаю. Чего бы ни ждали от тебя, я добровольно согласен заменить тебя. Я думаю, большой физической силы не потребуется, иначе любое техническое устройство заменило бы тебя с успехом. Не думаю я также, что это нечто такое, чтобы потребовалась менталика — этим Гея располагает в достаточном количестве. Это что-то такое... ну, в общем, я не знаю, но если для этого не надо ни силы, ни менталики, то все остальное у меня точно такое же, как у тебя, и я готов принять ответственность на себя.

Тревайз резко и подозрительно спросил:

— С чего это вдруг ты так рвешься в бой?

Пелорат стыдливо потупил взор.

— Голан... — хрипло проговорил он. — У меня была жена. Я знал женщин. Но они никогда много не значили для меня. Было забавно. Иногда приятно. Но никогда ничего такого важного. Но она...

— Кто? Блисс?!

— Она другая... почему-то... для меня...

— Клянусь Терминусом, Джен, ей известно каждое слово, которое ты произносишь.

— Неважно. Она и так все знает... Мне хочется сделать ей приятное. Я готов взять на себя это дело, рискнуть как угодно, только для того, чтобы она... хорошо обо мне подумала.

— Джен, она — ребенок!

— Нет, не ребенок... впрочем, мне все равно, что ты о ней думаешь.

— А тебе не приходит в голову, что она о тебе думает?

— Что я старик? Какая разница? Она — часть великого целого, а я — нет. Одно это — непреодолимая стена между нами. Ты думаешь, я ослеп и не вижу этого? Но я ничего не прошу у нее. Ничего мне не надо, только, чтобы она...

— Думала о тебе хорошо?

— Да. Нет. Мне все равно, как она ко мне относится. Лишь бы относилась... как-то.

— И ради этого ты готов взять на себя мою работу? Но, Джен, разве ты не слышал? Ты им не нужен. По какой-то непонятной причине, космос их раздери, им нужен я.

— Но если ты не можешь, значит, им кто-нибудь нужен, а я — все-таки лучше, чем ничего, правда же?

Тревайз покачал головой:

— Просто в голове не укладывается... Седина в бороду — бес в ребро. Джен, ты пытаешься корчить из себя героя, готового погибнуть за ее тело.

— Не говори так, Голан. Сейчас не до шуток.

Тревайз был готов рассмеяться, но встретился глазами с отчаянным взглядом Пелората, и вместо улыбки откашлялся.

— Наверное, ты прав, Джен. Позови ее. Позови.

Блисс вошла, слегка поеживаясь.

— Мне очень жаль, Пел, — сказала она тихо. — Но ты не сможешь заменить его. Или Тревайз, или никто.

— Отлично, — кивнул Тревайз. — Я буду спокоен. Что бы там ни было, постараюсь все сделать. Что угодно, лишь бы не заставлял Джена корчить из себя героя любовного романа — в его-то возрасте.

— Да знаю я свой возраст... — промямлил Пелорат и махнул рукой.

Блисс подошла к нему, нежно коснулась рукой его плеча.

— Пел, — сказала она ласково, — я... я думаю о тебе хорошо.

Пелорат отвернулся.

— Все нормально, Блисс. Не надо меня утешать.

— Я тебя не утешаю, Пел. Я очень, очень хорошо о тебе думаю.

82

Вначале отдаленно, туманно, потом все сильнее и яснее Сура Нови стала ощущать, что она — Суранови-рембластриан, вспомнила, что, когда была маленькая, родители звали ее «Су», а друзья — «Ви».

На самом деле она никогда не забывала об этом, но все это таилось где-то очень глубоко в ней. И никогда ее воспоминания не были захоронены столь надежно, как в этот, последний месяц. Никогда раньше ей не доводилось находиться так близко к человеку, чье сознание было столь могущественно...

Но теперь ее час пробил. Сама она не хотела этого, но сопротивляться не могла. Огромный океан ее внутреннего мира выталкивал на поверхность, уносил могучими волнами маленькую ее частичку ради великой цели.

Творившиеся в ней перемены давались ей нелегко, но вскоре наступила радость — как у всякого, кто сбрасывает маску. Впервые за долгие годы она оказалась так близко от Геи.

Она радостно вспомнила одно животное, форму жизни, которая так нравилась ей, когда она маленькой девочкой жила на Гее. Поняв чувства этого существа как свои собственные, она ощутила еще острее происходящие с ней метаморфозы. Она ощутила себя бабочкой, выходящей из кокона.

83

Стор Гендибаль сурово, не отрываясь, смотрел в глаза Суры Нови. Он был настолько поражен, что на мгновение ослабил соединение с сознанием Мэра Бранно. Но ничего ужасного не случилось — он получил поддержку, на которую вовсе не рассчитывал.

— Что тебе известно о Советнике Тревайзе, Нови?

И тут же, потрясенный тем, как видоизменилось ее сознание, в ужасе прокричал:

— Что ты такое?!

Он попытался схватить и удержать ее сознание, но обнаружил, что это ему не под силу.

Трагическая тень промелькнула по лицу Нови.

— Господин, — начала она и тут же поправилась: — Оратор Гендибаль, мое настоящее имя — Сурановирембластриан, и я с Геи.

Вот и все, что она сказала словами, а Гендибаль, охваченный дикой яростью, до предела усилил свое ментальное излучение и ударил по ее сознанию так, что ему показалось, будто кровь вскипела у него в сосудах! Ничего не вышло — она умело и решительно отвела его удар. Но сознание свое не закрыла. Не могла или не хотела?

Он заговорил с ней так, как говорил бы с другим Оратором:

— Ты сыграла свою роль, затащила меня сюда, предала... Ты одна из тех, кто породил Мулу.

— Мул — предатель, Оратор. Я / мы — не Мулы. Я / мы — это Гея.

Вся сущность Геи была передана ему кратко и полно — гораздо подробнее, чем можно было передать словами.

— Целая живая планета... — пробормотал Гендибаль.

— Да, и обладающая ментальным полем, которое гораздо сильнее вашего отдельного. Прошу вас, не сопротивляйтесь этой силе. Мне бы не хотелось, чтобы вам был причинен вред.

— Даже как живая планета вы не сильнее, чем мои соратники с Трентора. Мы тоже живая планета, если на то пошло.

— Вы всего-навсего ментальное сообщество, всего несколько тысяч людей, Оратор, и вы не можете рассчитывать на поддержку своих товарищей, я ее заблокировала. Проверьте — убедитесь сами.

— Что ты собираешься делать, Гея?

— Думаю, Оратор, вы можете по-прежнему называть меня Нови. Да, я сейчас действую от имени Геи, но для вас я — Нови.

— Так что ты собираешься делать, Гея?

Послышался ментальный эквивалент печального вздоха. Нови ответила:

— Мы сохраним тройственное перемирие. Мы будем удерживать Мэра Бранно через ее экран, я помогу вам в этом, и мы не устанем. Вы, вероятно, будете удерживать мое сознание, а я — ваше, и оба мы не устанем от этого. Так все и останется.

— И до каких пор?

— Я вам объяснила: мы ожидаем Советника Тревайза с Терминуса. Только он разорвет эти цепи. Так, как он решит.

84

Компьютер на борту «Далекой Звезды» обнаружил поблизости два корабля. Тревайз наблюдал за обоими на плоском экране.

Оба корабля были производства Академии. Один был точной копией «Далекой Звезды» — корабль Компора, без сомнений. Другой — больше и мощнее.

Тревайз обернулся к Блисс и спросил:

— Ну что происходит? Теперь ты можешь меня просветить?

— Да! Не волнуйся. Они не сделают тебе ничего плохого.

— Вот интересно — почему это все так уверены, что я просто весь дрожу от страха? — ехидно поинтересовался Тревайз.

— Пусть она говорит, Голан, — вмешался Пелорат. — Не кричи на нее.

Тревайз шутливо поднял руки вверх.

— Не буду кричать. Говорите, леди.

Блисс сказала:

— На большом корабле находится правительница вашей Академии. С ней...

Тревайз удивился не на шутку.

— Правительница? Что — старуха Бранно?

— Уверена, ее титул звучит не так. Но она женщина, это верно.

Блисс помолчала немного, как будто внимательно прислушивалась к голосу великого организма, частью которого была.

— Ее имя Харлабранно. Немного странно — имя всего из четырех слогов, когда она занимает такой высокий пост в своей стране, но, вероятно, у негеян свои привычки.

— Думаю, — сказал Тревайз, — тебе можно называть ее «Бранн», если тебе так больше нравится. Но что она тут делает? Почему не сидит на... Все ясно. Гея и ее сюда приволокла. Зачем?

На этот вопрос Блисс не ответила.

— С ней, — продолжала она, — Лайонокоделл, пять слогов, хотя он ее подчиненный. Должное уважение явно отсутствует. Он важный чиновник в вашем мире. С ними еще четверо, они умеют владеть и управлять оружием. Сказать их имена?

— Нет. Я так понимаю, что на втором корабле находится Мунн Ли Компор и представляет Вторую Академию. Так вы сюда обе Академии вытянули... Зачем?

— Не совсем так, Трев... то есть Тревайз.

— Ой, да ладно, пускай будет «Трев», не рассыплюсь.

— Не совсем так, Трев. Компор покинул этот корабль, и его сменили двое людей. Один из них — Сторгендибаль — важный деятель Второй Академии. Его называют Оратором.

— Важный деятель? Вероятно, обладает ментальной силой?

— О да. Очень могучей силой.

— Ты справишься?

— Конечно. Второй человек, который находится вместе с ним на этом корабле, — Гея.

— Ваш человек?

— Да, ее зовут Сурановирембластриан. Хотя, не будь она так долго вдали от меня / нас, ее имя теперь было бы длиннее.

— Способна ли она выдержать схватку с важным деятелем Второй Академии?

— Его удерживает не она сама, а вся Гея. Она / мы / я способны уничтожить его.

— Она это и собирается сделать? Уничтожить его и Бранно? Что это значит? Гея хочет разбить обе Академии и основать собственную Галактическую Империю? Ренессанс Мула? Да это почище Мула будет...

— Нет, нет, Трев. Только не волнуйся. Тебе нельзя. Все трое находятся в неразрывной связке. Они ждут.

— Чего?

— Твоего решения.

— Снова здорово... **Какого** решения? **Почему моего?**

— Прошу тебя, Трев, — сказала Блисс. — Скоро все объяснится. Я / мы / она сказали тебе ровно столько, сколько могли пока сказать.

85

Бранно устало, обреченно проговорила:

— Я совершила ошибку, Лайоно и, вероятно, фатальную.

— Следует ли в этом признаваться? — одними губами спросил Коделл.

— Им известно все, о чем я думаю. Так что говори не говори — хуже не будет. Точно так же им известно все, о чем думаете вы, когда даже не шевелите губами... Надо было дождаться, когда наши ученые доведут мощь экрана до предела...

Коделл спросил:

— Как вы могли такое предвидеть, Мэр? Если бы мы ждали, пока экран укрепится вдвое, втрое, вчетверо, нам пришлось бы ждать вечно. По правде говоря, я очень жалею, что мы сами потащились сюда. Пусть бы такие эксперименты ставились на ком-то другом. Пусть хоть бы на вашем возлюбленном громоотводе.

Бранно вздохнула.

— Я не хотела дать им времени на передышку, Лайоно. Но тут вы попали в точку. Я должна была ждать до тех пор, пока экран не стал бы непробиваем. Ну, если не совсем непробиваемым, то хотя бы более плотным. Я знала, что пока в нем — большая прореха, но ждать больше не могла. Ждать, пока залепят дыру, — значило ждать, пока истечет мой срок пребывания на посту Мэра, а я так хотела, чтобы все произошло, пока я у власти! Как последняя дура, убедила себя в том, что экран выдержит. Не желала слушать никаких предостережений — ваших, к примеру.

— Мы все еще можем победить, если будем терпеливы.

— Да? Вы можете отдать приказ выстрелить по этому кораблю?

— Нет. Не могу, Мэр. Эта мысль почему-то мне противна.

— Мне тоже. Даже если бы вы или я смогли отдать приказ, никто из команды не сумел бы его выполнить.

— Это пока, Мэр, но обстоятельства могут измениться. На самом деле намечается выход нового актера на сцену.

Он указал в иллюминатор. Корабельный компьютер автоматически фокусировал изображение, делал его более плоским, как только в поле зрения бортовых систем попадал новый объект.

— Можете добавить увеличение, Лайоно?

— Без проблем. Необычайно ловок все-таки этот мужичок из Второй Академии. Все, что ему не мешает, мы можем проделывать с легкостью.

— Так... — пробормотала Бранно, изучая вид в иллюминаторе. — «Далекая Звезда» собственной персоной. На борту, скорее всего, Тревайз и Пелорат, если и этих не сменили людишки из Второй Академии. Громотвод мой постарался на славу. Эх... — она скрипнула зубами... — был бы у меня экран поплотнее...

— Терпение и спокойствие! — проговорил Коделл.

В отсеке управления послышался чей-то голос, и почему-то Бранно поняла, что он звучит не в звуковом диапазоне. Она слышала его прямо у себя в сознании. Взгляда Коделла было достаточно, чтобы понять, что он ощутил то же самое.

Голос спросил:

— Вы слышите меня, Мэр Бранно? Если да, не трудитесь отвечать. Просто подумайте об этом.

— Кто вы? — тихо спросила Бранно.

— Я — Гея, — был ответ.

86

Все три корабля застыли в неподвижности и медленно кружили вокруг Геи, как три спутника, сопровождая Гею в бесконечном пути вокруг ее солнца.

Тревайз смотрел в иллюминатор. Он устал от догадок — какова могла быть его роль, ради чего его притащили сюда через тысячи парсеков.

Звук, раздавшийся у него в сознании, не испугал его. Он как будто ждал именно этого.

Голос произнес:

— Вы слышите меня, Голан Тревайз? Если да, не трудитесь отвечать. Просто подумайте об этом.

Голан оглянулся. Пелорат ошарашенно оглядывался по сторонам, значит, тоже услышал. Блосс, сложив руки на коленях, сидела спокойно, но Тревайз не сомневался — она тоже услышала голос.

Пропустив мимо ушей предложение оперировать только мыслями, он сказал вслух, старательно выговаривая каждое слово:

— Пока я не пойму, что происходит, я не сделаю ничего, о чем бы меня ни попросили.

— Скоро поймете, — ответил Голос.

87

— Все вы, — сказала Нови, — будете слышать меня у себя в сознании. Все вы можете отвечать мне мысленно. Я сделаю так, что вы будете слышать друг друга. Никаких задержек связи не будет — ментальное поле распространяется со скоростью света, а мы не так далеко друг от друга. Начнем с того, что все мы попали сюда не случайно.

— Каким образом? — послышался голос Мэра Бранно.

— Не за счет ментальной «обработки», — ответила Нови. — Гея не вмешивалась ни в чье сознание. Это не в наших правилах. Мы просто воспользовались вашими амбициями. Мэр Бранно хотела без промедлений основать Вторую Академию. Оратор Гендибаль мечтал стать Первым Оратором. Было достаточно усилить эти желания и направить их в нужное русло.

— Я знаю, как попал сюда, — упрямо заявил Гендибаль.

И на самом деле — он знал. Он знал, почему ему так хотелось отправиться в космос, почему он стара-

тельно преследовал Тревайза, так уверен, что все ему подвластно...

Все дело было в Нови. О, Нови!

— С вами был особый случай, Оратор Гендибаль. Ваши амбиции были велики, но у вас мягкий, добрый характер, что значительно облегчило задачу. Вы добры к любому, кто, по вашему мнению, во всех отношениях ниже вас. Я воспользовалась этим, и обернула все против вас. Мне / нам очень стыдно, и оправданием мне / нам может послужить лишь то, что Галактика в опасности.

Нови помолчала. Когда она заговорила вновь, голос ее, хотя говорила она без помощи голосовых связок, стал более печален, на лбу залегли горькие морщинки.

— Час пробил. Гея не могла больше ждать. В последнем столетии люди с Терминуса занимались разработкой противоментального экрана. Оставленные на произвол судьбы, они бы уже в следующем поколении стали неуязвимы даже для Геи и могли совершенно беспрепятственно всюду применять свое физическое оружие. Галактика не выстояла бы против них, они основали бы Вторую Империю образца Первой Академии вопреки Плану Селдона, вопреки воле народа Трентора и народа Геи. Мэра Бранно нужно было каким-то образом вынудить к действиям до того, как разработка экрана будет завершена.

Теперь — о Тренторе. План Селдона работал превосходно, потому что за его выполнением прослеживала сама Гея. В течение последнего столетия пост Первого Оратора занимали спокойные, рассудительные люди. Но вот вверх стремительно взлетел Стор Гендибаль. Он непременно стал бы Первым Оратором, и при нем позиция Трентора стала бы активной. Он сконцентрировал бы свои усилия на развитии физической мощи Трентора, ополчился бы против Терминуса до того, как закончилась бы разработка противоментального экрана, и победил бы Первую Академию. План Селдона был бы доведен до конца и увенчался бы созданием Второй Галактической Империи — Империи образца Трентора, вопреки воле народов Терминуса и Геи. Следова-

тельно, и Гендибала нужно было вынудить к действиям до того, как он стал Первым Оратором.

Гея упорно и старательно трудилась несколько десятилетий напролет, и нам удалось свести обе Академии в нужном месте в нужное время. Повторяю я все это для того, главным образом, чтобы Советник Тревайз лучше понял, в чем дело.

— А я не понимаю, — немедленно встрял Тревайз, снова заговорив вслух. — Что такого ужасного в любой из версий Галактической Империи?

Нови ответила:

— Вторая Империя, созданная по образу и подобию Терминуса, будет милитаристской, основанной насильно, удерживаемой насильно. Она всего-навсего возродит в себе Первую Империю. Так думает Гея. Вторая Империя, созданная по образу и подобию Трентора, будет покровительственной, будет основана на расчетах и удерживается с помощью расчетов — это будет вечно живой труп. Так думает Гея.

— А что Гея может предложить взамен? — поинтересовался Тревайз.

— Огромную Гею! Галаксию! Чтобы каждая из обитаемых планет стала такой же живой, как Гея. Чтобы все планеты, живые планеты, объединились для более высокой и великой гиперпространственной жизни. Чтобы в этом приняли участие и ненаселенные планеты. И звезды. Каждый атом межзвездного газа. Может быть — даже огромная черная дыра в центре Галактики. Живая Галактика, наиболее благоприятная для всего живого, — как это было бы прекрасно! Жизнь, непохожая на ту, что была когда-то, и никаких повторений ошибок прошлого...

— Зато новых хоть отбавляй, — саркастически пробурчал Тревайз.

— Геей накоплен тысячелетний опыт.

— Но не на уровне Галактики.

— Да, но все-таки, какова моя роль во всем этом?

Голос Геи, транслируемый через сознание Нови, прогремел как раскат грома:

— Выбрать! Какой должна быть Галактика!

Наступило долгое, мучительное молчание. И вот голос Тревайза (наконец, ментальный — он был слишком ошеломлен, чтобы пошевелить губами) проговорил:

— Почему я?

Нови сказала:

— Сами мы не можем ничего поделать, хотя смогли точно выбрать момент времени, когда ни Трентор, ни Терминус еще не стали настолько могущественны, что остановить их было бы уже нельзя, пока между ними не установилось бы смертельно опасное равновесие, которое разорвало бы Галактику. Мы нашли вас, Советник... хотя не совсем так. Люди с Трентора разыскивали вас через человека по имени Компор, хотя даже не предполагали, что на самом деле нашли. А вслед за ними на вас обратили внимание мы. Голан Тревайз, вы обладаете удивительным даром принимать верные решения.

— Отрицаю, — отрезал Тревайз.

— Обладаете и не раз подтверждали это. Вы всегда действуете уверенно. Мы хотим, чтобы сейчас вы совершили выбор от имени всей Галактики. Вероятно, вам не хочется взваливать на себя груз ответственности. Вам захочется всеми силами отказаться от совершения выбора. И тем не менее вы будете понимать, что это верно. Вы будете уверены. А потом сделаете выбор. Когда мы нашли вас, мы поняли, что нашли верного человека, и многие годы потом разрабатывали такую схему стечения событий, чтобы не потребовалось ментальное вмешательство и чтобы вы трое: Мэр Бранно, Оратор Гендигаль и Советник Тревайз — одновременно оказались поблизости от Геи. Это нам, как видите, удалось.

Тревайз спросил:

— Но разве, Гея, сейчас, здесь тебе не под силу побороть Мэра и Оратора? Разве ты сама не можешь основать эту живую Галактику без всякой моей помощи? Если можешь, почему не сделаешь этого?

Нови сказала:

— Не знаю, сумею ли объяснить так, чтобы вы были удовлетворены. Гея была основана тысячи лет назад с помощью роботов, которые когда-то служили людям, но теперь больше не служат. Они сумели убедить нас,

что выжить мы сможем, лишь строго повинуюсь Трем Законам Роботехники, примененным ко всему живому. Первый Закон для нас звучит так: Гея не может причинить вред ничему живому или за счет бездействия допустить, чтобы всему живому был причинен вред. Мы следовали этому закону на протяжении всей нашей истории, и по-другому просто не можем.

В результате теперь мы беспомощны. Мы не можем насильно навязать нашу точку зрения о Живой Галактике квинтиллионам человеческих существ и бесконечному числу других форм жизни и тем самым, вероятно, причинить вред многим. Но мы не можем безучастно наблюдать, как Галактика наполовину уничтожит себя в борьбе, которую мы в силах предотвратить. Мы не знаем, что дешевле обойдется Галактике — действие или бездействие, поддержка нами Трентора или поддержка Терминуса. Пусть же Советник Тревайз решит, и каково бы ни было решение, Гея повинуется ему.

Тревайз спросил:

— А как это, интересно, должно выглядеть?

Нови сказала:

— У вас есть компьютер. Люди с Терминуса, создав его, сделали больше, чем хотели. Компьютер на борту вашего корабля включает в себя частицу Геи. Положите ваши руки на контакты и думайте. Если вы подумаете, например, что экран Мэра Бранно не проницаем, она тут же воспользуется оружием и уничтожит остальные два корабля, захватит власть над Геей, а потом над Трентором.

— И вы ничего не сделаете, чтобы предотвратить это?

— Пальцем не пошевелим. Если вы уверены, что власть Терминуса принесет Галактике меньше вреда, чем любой другой вариант, мы с радостью поможем этой власти установиться, даже ценой нашей собственной гибели... Вы можете также ощутить ментальное поле Оратора Гендибаля и подсоединиться к нему через компьютер. Тогда он избавится от меня. Потом он сумеет воздействовать на сознание Мэра, заберет ее корабли и тоже захватит власть над Геей. И Гея ничего не сделает, чтобы предотвратить это. Либо отыщите мое

ментальное поле и соединитесь с ним, и тогда будет положено начало существованию живой Галактики — не сразу, не при жизни нынешнего поколения, даже не при жизни следующего; но пройдут столетия трудов, и все эти столетия План Селдона будет выполняться. Вам выбирать.

Мэр Бранно вмешалась:

— Стойте! Не торопитесь! Могу я сказать?

— Говорите открыто, — сказала Нови. — Говорите и вы, Оратор Гендибаль.

Бранно сказала:

— Советник Тревайз, когда мы виделись с вами в последний раз, вы сказали: «Настанет день, Госпожа Мэр, и вам сможет понадобиться моя помощь. Тогда я поступлю, как сочту нужным, и не забуду вам этих двух дней». Уж не знаю, предвидели ли вы, что все так обернется, — видимо, либо интуитивно предчувствовали, либо у вас действительно столь редкий дар делать верные выводы, как говорит эта женщина, что толкует о живой Галактике. В любом случае вы были правы. Я прошу вас о помощи от имени всей Федерации. Может быть, вам не терпится поквитаться со мной за то, что я арестовала и выслала вас. Но не забывайте о том, что действовала я исключительно ради того, что считала лучшим для страны. Ну пусть я ошиблась, пусть вы думаете, что у меня на то были личные причины, — ошиблась я, а не Федерация. Не уничтожайте же всю Федерацию из желания отомстить мне. Помните: вы — гражданин Академии, вы — человек и вам не хочется быть цифрой в планах бескровных математиков с Трентора или еще меньше, чем цифрой в галактическом компоте жизни и нежити. Вы хотите, чтобы вы сами, и ваши друзья, и ваши потомки были независимыми носителями свободной воли. Остальное — чепуха. Эти, другие, скажут вам, будто бы наша Империя утвердится на крови и слезах. Но это вовсе не обязательно. Это зависит от нас — сделать так, чтобы это не произошло, или не сделать. В любом случае лучше добровольно проиграть, чем жить в бессмысленной, искусственной безопасности, словно винтики в машине. Поймите, сейчас вы должны сделать выбор как человеческое суще-

ство, обладающее свободой воли. Эти, с Геи, никакого решения принять не могут, кишка тонка, они зависят от вас. Они готовы самоуничтожиться, если вы им прикажете. Этого вы хотите для всей Галактики?

— Не знаю, как у меня со свободой, Мэр. Вероятно, с моим сознанием таки тонко поработали, так что я могу дать лишь желаемый ответ.

Нови вмешалась:

— Ваше сознание не тронуто. Если бы могли поставить вас на службу своим целям, эта встреча была бы бессмысленна. Будь мы настолько беспринципны, разве нас стала бы волновать судьба человечества?

Гендибаль сказал:

— Полагаю, теперь моя очередь высказаться. Советник Тревайз, раскройте глаза, смотрите на все шире, не замыкайтесь в рамках дешевого патриотизма. Терминус не выше Галактики, хотя вы там родились. Уже пять столетий Галактика живет по Плану Селдона. Этот процесс идет не только внутри границ Федерации, но и за их пределами... Вы были и являетесь частицей Плана Селдона, а это выше, чем роль гражданина и деятеля Первой Академии. Не сделайте же ничего такого, что нарушило бы План, пусть вами не овладеют ни патриотизм, ни романтические стремления к новому и неизведанному. Вторая Академия ни в коем случае не покусится на свободную волю человечества. Мы посредники, а не деспоты... Наша Вторая Империя будет фундаментально отличаться от Первой. На протяжении всей истории человечества в Галактике шли войны, проливалась кровь даже тогда, когда в вашей Академии царили мир и спокойствие. Выберите вариант Мэра Бранно, и не будет этому конца и края. Порочный, смертельный круг. План Селдона предлагает освободиться от всего этого наконец, но не ценой того, чтобы человек стал атомом в Галактике атомов, не ценой того, чтобы сравняться с травой, бактериями и пылью под ногами.

Нови сказала:

— Оратор Гендибаль верно описал вариант новой Империи, которую может создать Первая Академия. С описанием его собственного варианта я не согласна. Ораторы Трентора — люди, живые люди, со своими слабостями, с той же свободой воли, такие, как были

всегда. Разве нет на Тренторе изнурительной конкуренции, политики, борьбы за власть? Разве нет ссор, ненависти, скандалов, мести за Столом Ораторов? Хотелось бы вам повиноваться таким вершителям судеб? Пусть Оратор Гендибаль ответит честно — спросите его об этом.

— Нет нужды взывать к моей честности, — парировал Гендибаль. — Все это мне прекрасно известно: и конкуренция, и ненависть, и все остальное. Но когда решение принято, ему повинуются все. Из этого правила еще никогда не бывало исключений.

Тревайз спросил:

— А что, если я не сделаю выбора?

— Вы должны, — сказала Нови. — Вы поймете, что будет вернее, если вы сделаете выбор.

— А что, если попытаюсь, но не смогу?

— Вы должны.

— Сколько у меня времени? — спросил Тревайз.

— Сколько угодно, — ответила Нови, — пока вы не будете уверены в том, что выбрали правильно.

Потекли минуты. Тревайз застыл в молчании.

Все остальные тоже молчали, но Тревайзу казалось, что он слышит биение множества сердец.

Он слышал, как голос Харлы Бранно твердо, решительно проговорил: «Свободная воля!» А голос Оратора Гендибаля — «Руководство и мир». А голос Нови прошептал: «Жизнь»...

Тревайз обернулся и увидел, что Пелорат во все глаза, не мигая, смотрит на него.

— Все слышал, Джен?

— Да, Голан, слышал.

— Что скажешь?

— Решение не мне принимать.

— Ясно. Но что ты думаешь?

— Не знаю. Меня пугают все три варианта. И все-таки мне пришла в голову одна идея — совершенно особенная...

— Да?

— Когда мы только-только вылетели в космос, ты показывал мне Галактику. Помнишь?

— Конечно.

— Ты ускорил ее движение во времени, и она задвигалась. Я тогда сказал, как будто предугадал теперешний момент: «Галактика похожа на живое существо». Тебе не кажется, что она уже сейчас живая?

Уверенность осенила Тревайза, как только он вспомнил то мгновение. Он вспомнил и о том, что не так давно решил — Пелорат во всей этой истории сыграет не последнюю роль. Он поспешно отвернулся, чтобы не тратить времени ни на раздумья, ни на сомнения.

Он решительно опустил руки на контакты компьютера и подумал так решительно, как не думал никогда.

Он принял решение, решение, от которого зависела судьба Галактики.

ЭПИЛОГ

88

У Мэра Харлы Бранно не было причин для недовольства. Государственный визит не затянулся и при этом оказался необычайно продуктивным.

Она сказала без обычного высокомерия:

— Но, конечно, доверять им полностью нельзя.

Взгляд ее был устремлен в иллюминатор. Корабли Флота Академии один за другим уходили в гиперпространство и возвращались на базы.

Бесспорно, присутствие кораблей произвело должное впечатление на Сейшелл, однако никаких претензий и быть не могло: они не покинули космического пространства Академии и, как только Мэр Бранно отдала приказ, тут же без промедления удалились.

С другой стороны, Сейшелл прекрасно уразумел, что так же быстро корабли могут вернуться, если что. Этот маневр продемонстрировал одновременно и военную мощь Академии, и ее добрую волю.

Коделл сказал:

— Совершенно верно: доверять им полностью нельзя, как и никому в Галактике, и в интересах Сейшелла соблюдать все пункты договора. Мы повели себя благородно.

Бранно уточнила:

— Многое зависит от доработки деталей, думаю, это займет несколько месяцев. Общие положения можно набросать уже сейчас, но потом настанет черед мелочей: конкретные моменты организации карантинных мероприятий по импорту и экспорту, утряска вопроса по соответствию мер веса зерна и мяса и так далее.

— Знаю, но это действительно мелочи, а вы сделали великое дело, Мэр. Удар был точен и силен — зря я сомневался.

— Ну, будет вам, Лайоно. Дело состояло лишь в том, чтобы Академия учла самолюбие и гордость Сейшелла. В конце концов они сохраняли независимость со времен Империи.

— Да, и теперь они больше нам докучать не станут.

— Конечно, так что всего-то и надо было немного смирить собственную гордыню и дать им возможность продемонстрировать свою. Признаю, это мне далось нелегко, чтобы я, Мэр Федерации, власть которой простирается почти на всю Галактику, унизилась до того, что предприняла визит в провинциальную звездную систему, но главное было принять такое решение. А им какое удовольствие! Надо было поспорить, Лайоно, — они бы тут же согласились на мой визит, если бы мы подвели корабли к их границам, но это означало бы хорошую мину при плохой игре.

Коделл кивнул:

— А мы избежали внешних проявлений силы, продемонстрировав взамен ее сущность.

— Вот именно... Кому принадлежат эти золотые слова?

— Вроде бы так говорится в какой-то из пьес Эридена, но точно не помню. Надо будет поинтересоваться у кого-нибудь из наших литературных светил, когда вернемся.

— Если я вспомню. Нужно будет поскорее организовать ответный визит сейшельцев на Терминус и проследить за тем, чтобы они были приняты как равные. Боюсь, Лайоно, вам лично придется заняться проблемой безопасности их делегации. Некоторые наши горячие головы могут не до конца понять ситуацию, а было бы крайне неразумно подвергать наших высоких гостей хоть сколько-нибудь заметному унижению, ну мало ли — вдруг затеют что-то вроде демонстраций протеста...

— Безусловно, — согласился Коделл. — Кстати, удивительно мудро вы поступили, послав вперед Тревайза.

— Вы про моего громоотвода? Да, честно говоря, я сама от него не ожидала такой прыти. Он с таким

шумом ворвался в Сейшелл и вызвал такую бурю негодования с их стороны — поверить трудно. Молодчага! И какое прекрасное подспорье для моего визита — подумать только, гражданин Академии их немножко потревожил, а я уже тут как тут, с заверениями, что такое больше не повторится, и с благодарностью за их снисходительность.

— Замечательно!.. Кстати, вам не кажется, что было бы лучше забрать Тревайза с собой?

— Нет. Если честно, пусть он болтается где угодно, лишь бы не дома. На Терминусе от него покоя не будет. Его бредовая идея о существовании Второй Академии оказалась превосходной причиной для его ссылки, и, конечно, мы рассчитывали на то, что Пелорат потащит его на Сейшелл. Но чтобы он возвращался домой — нет, увольте! Опять начнет сеять смуту. Кто его знает, что он отчебучит в следующий раз.

Коделл крикнул:

— Да уж... Вряд ли отыщется более легковесный человек, чем ученый-фанатик. Я вот думаю — наверное, Пелората можно было и еще сильнее поднакачать.

— Веры в истинное существование мифической сейшельской Геи было вполне достаточно, но не будем больше об этом. Когда возвратимся, придется встретиться с Советом, нам потребуются их голоса для ратификации договора с Сейшеллом. К счастью, у нас имеется запись беседы с Тревайзом — достоверная, все честь по чести, подтверждающая, что он покинул Терминус добровольно. Принесу официальные извинения за кратковременный арест Тревайза, и Совет будет удовлетворен.

— Надеюсь, у вас это проскочит, Мэр, — сухо отозвался Коделл. — Только вот... вам не кажется, что Тревайз запросто может продолжить поиски Второй Академии?

— Пусть ищет, — пожала плечами Бранно. — Лишь бы на Терминусе этим не занимался. Чем бы дитя ни тешилось... Все равно ничего не найдет. Существование Второй Академии — такой же миф, как существование Геи для сейшельцев. — Она откинулась на спинку кресла, забросила руки за голову, излучая самодовольство: — А Сейшелл у нас теперь вот где (она крепко

сжала кулак). И к тому времени, когда они это поймут, будет поздно. Так что Академия жила, живет и будет жить, и никто ей не помешает.

— И заслуга эта целиком и полностью принадлежит вам, Мэр.

— Не сомневайтесь, это от меня не укрылось, Коделл, — улыбнулась Бранно, и их корабль, скользя в гиперпространство, вскоре вынырнул оттуда уже совсем неподалеку от Терминуса.

89

У Оратора Гендибала также не было причин для расстройств. Стычка с Первой Академией оказалась краткой, но исключительно результативной.

Он отправил на Трентор сообщение о триумфальной победе — короткое и сдержанное. Самое главное сейчас было — заверить Первого Оратора в том, что все прошло без сучка, без задоринки — в принципе, он и сам мог бы об этом догадаться — ведь объединенные усилия Второй Академии не понадобились. А детали можно будет сообщить попозже.

Тогда он расскажет о том, как ювелирная, почти незаметная манипуляция сознанием Мэра Бранно помогла в корне изменить направление ее намерений: вместо имперских амбиций появились чисто практические соображения, и она пошла на торговое соглашение с Сейшеллом. Он поведаст и о том, как умелая, произведенная на большом расстоянии обработка сознания лидера Сейшельского Союза привела к тому, что Мэр получила приглашение посетить Сейшелл с официальным визитом, как потом он напрямую договорился с Компором, чтобы тот вернулся на Терминус, дабы лично приглядывать за соблюдением договора. «Хрестоматийный пример, — думал Гендибал. — Вот как с помощью ювелирной менталики обстряпываются грандиозные по масштабу дела».

Деларми будет положена на обе лопатки, и очень скоро он займет пост Первого Оратора, как только на первом же заседании Стола расскажет в подробностях о блестяще проведенной операции.

Но даже от себя самого он скрывал, как важно было для него, что все время рядом с ним была Сура Нови, — хотя перед Ораторами особо распинаться об этом не собирался. Она не только помогла ему одержать победу, но сумела простить мальчишескую, нескрываемую радость, которую принесла ему эта победа (ведь он был человек, как и все Ораторы, и ничто человеческое ему было не чуждо). И как любому человеку, ему нужно было, чтобы его похвалили и порадовались вместе с ним, наверное, это было нужно ему не меньше, чем одобрение на заседании Стола Ораторов.

Нови, конечно, совершенно не поняла, что произошло, Гендибаль знал это, но она понимала, что он сделал все так, как хотел, как задумал, и она просто светилась от гордости за него. Гендибаль любовно погладил очертания сознания Нови...

— Без тебя я не справился бы, Нови, — сказал он. — Только благодаря тебе я смог понять, что у Первой Академии — у тех людей на большом корабле...

— Да, Господин, я понимаю, про кого вы говорите.

— Так вот, благодаря тебе я смог понять, что у них есть защитный экран, но сила их сознания невелика. И по тому, как они действовали на **твое** сознание, я сумел подобрать к ним ключик, понял, как проникнуть через экран и манипулировать их сознаниями.

Нови смущенно пробормотала:

— Я точно не понимаю, Господин, про что вы говорите... Но если бы я могла, я помогла бы вам еще лучше.

— Знаю, Нови. Но довольно и того, что ты сделала. Ты представить себе не можешь, как опасны могли быть эти люди. Я их вовремя остановил. Мэр теперь летит домой, про такое устройство, как противоментальный экран, и думать забыла. Она страшно довольна тем, что подписала торговое соглашение с Сейшеллом, это превратит его в еще один коммерческий придаток Академии. Правда, для того чтобы в Первой Академии навсегда позабыли о работе, проделанной в области создания экрана, нужно будет еще много потрудиться; это наше упущение, но это будет сделано обязательно.

Немного подумав над последними словами, Гендибаль тихо проговорил:

— Да, наша беда в том, что мы не слишком пристально наблюдали за Первой Академией. Как можно больше внимания должно быть уделено консолидации Галактики. Возможности менталики следует использовать для создания глобального сотрудничества на уровне сознания. Это не противоречит Плану. Я уверен в этом и приложу для этого все силы.

Нови встревоженно окликнула его:

— Господин...

— Прости, — улыбнулся Гендибаль. — Я говорю сам с собой. Нови, помнишь Руфиранта?

— Наглого крестьянина, что напал на вас, Господин? Еще бы мне его не помнить!

— Я уверен, его обработали агенты Первой Академии с помощью портативного экрана. Еще многое, многое на их совести... Представь только, что было бы, если бы не узнали об этом? Тогда я обманулся — не мог представить, что Первая Академия способна на такое, да еще примешался этот миф, это сейшельское суеверие — Гея... Тут мне тоже помогло твое сознание. Оно окончательно убедило меня, что источником поля был корабль, а не планеты.

Гендибаль довольно потер руки.

— Господин...

— Да, Нови?

— А вас наградят за то, что вы сделали?

— Конечно. Шендесс уйдет в отставку, и я стану Первым Оратором. Тогда я все возьму в свои руки. Мы больше не будем пассивными наблюдателями!

— Вы будете Первым Оратором?

— Да, Нови. Самым главным из ученых, самым могущественным.

— Самым главным?

О, как она расстроилась — невооруженным взглядом видно!

— Почему у тебя такое лицо, Нови? Разве ты не хочешь, чтобы меня вознаградили?

— Нет, Господин, очень хочу... Только... если вы станете самым главным над всеми учеными, вы не захотите, чтобы рядом с вами... была думлянка. Вам это... не подойдет.

— Почему, Нови? Кто посмеет сказать мне такое?

Порыв любви захлестнул Гендибала.

— Нови... Ты останешься со мной — всюду и всегда. Как я могу рискнуть вступить в схватку с цепными псами за Столом Ораторов, если тебя не будет рядом со мной! Твое чудесное сознание все расскажет мне — только они успеют задумать что-нибудь дурное. И вообще... — Казалось, он немного опешил от собственной откровенности. — И потом, я... мне... мне нравится, когда ты со мной, и мне так хотелось бы, чтобы ты была со мной всегда... То есть, конечно, если тебе этого тоже хочется...

— О Господин... — прошептала Нови.

Рука Гендибала нежно обняла ее за талию, а ее голова легла ему на плечо.

Где-то глубоко внутри, под непроницаемой для Гендибала оболочкой сознания Нови хранилась сущность Геи, ответственная за дальнейшее выполнение цели...

А Нови — Нови-думлянка была совершенно счастлива, так счастлива, что почти забыла, как далеко она от себя / их / всех, и сейчас хотела быть лишь такой, какой только казалась...

90

— Как славно, мы снова на Гее, — потирая руки и усиленно скрывая радость и облегчение, проговорил Пелорат.

— Гм-м-м... — промычал в ответ Тревайз.

— А знаешь, что мне Блисс сказала? Мэр на пути к Терминусу, она подписала торговый договор с Сейшеллом. А Оратор из Второй Академии летит на Трентор, убежденный в том, что именно он это устроил, а эта женщина, Нови, летит с ним, чтобы не упускать его из виду и присматривать, чтобы там, на Тренторе, все было в порядке в плане перехода к созданию живой Галактики. И ни одна из Академий не подозревает о существовании Геи. Это просто потрясающе!

— Я в курсе, — утрюмо буркнул Тревайз. — Меня оповестили. Но про то, что Гея существует, знаем мы с тобой, а у нас есть языки.

— Блосс говорит, что, даже если мы будем рассказывать, нам никто не поверит. И потом, что касается меня, то я не собираюсь покидать Гею.

Тревайз будто проснулся.

— Что ты сказал?

— Я хочу остаться здесь, Голан... Самому не верится, знаешь ли... Ведь всего несколько недель назад я жил один-одинешенек на Терминусе и жил бы еще бог знает сколько, думая только о том, что когда-нибудь смерть приберет меня, и ничего у меня не было, кроме моих записей и картотек; я думал, так оно и будет тянуться... И вдруг как удар грома — ни с того ни с сего я помчался странствовать по Галактике, окунулся в самую гущу галактического кризиса и... только не смейся! — повстречал Блосс.

— Я не смеюсь, Джен. Но ты знаешь, что делаешь?

— О да. Землей заниматься меня больше не тянет. Причину того, почему она оказалась единственным миром со сложной экологией и развитой разумной жизнью, нам адекватно объяснили. Ну, ты помнишь — Вечные.

— Помню. Значит, ты решил остаться на Гее?

— Да. Это решено. Земля — в прошлом. А я устал от прошлого. Гея — это будущее.

— Но ты не часть Геи, Джен. Или ты надеешься стать ее частью?

— Блосс говорит, что в каком-то смысле это возможно — если не в биологическом, то хотя бы в интеллектуальном. Она поможет мне.

— Но ведь она неотъемлемая часть Геи! Как же вы сможете жить общей жизнью, какие у вас могут быть общие интересы?..

Друзья беседовали на воздухе, и Тревайз печально обвел взглядом окрестности цветущего плодородного острова. За морем, на горизонте, виднелся другой остров, занавешенный сиреневой дымкой, и все вокруг было такое спокойное, живое и единое...

— Джен, — сказал Тревайз. — Подумай: она целый мир, а ты один-единственный человек. А вдруг ты ей надоешь? Она так молода...

— Голан, я думал об этом. Все эти дни только и делал, что думал об этом. Конечно, я могу ей надоесть.

Я не безумный романтик. Но... того, что она даст мне, пока я ей не прискучу, мне хватит. И так уже она дала мне очень много, так много — сколько никто мне в жизни не дал! Знаешь, если бы даже мне никогда не суждено было ее увидеть больше, я бы считал, что не зря прожил жизнь.

— В голове не укладывается, — тихо проговорил Голан. — Нет, все-таки ты безумный романтик и имей в виду, никем другим я тебя считать не намерен. Джен... мы знакомы без году неделя, но мы все время были рядом, вместе, и... ты уж прости, но... в общем, я успел тебя полюбить.

— И я тебя тоже! — горячо откликнулся Пелорат.

— Ну вот, и я не хочу, чтобы тебе было больно. Я должен поговорить с Блисс.

— Нет-нет, прошу тебя, только не это. Ты станешь кричать на нее, читать ей нотации! Не надо.

— Не бойся, не буду. Дело тут не только в тебе, и мне нужно переговорить с ней с глазу на глаз. Джен, я не хочу делать этого втайне от тебя! Прошу тебя, не упрямясь, пойми — это очень важно! Я всего лишь задам ей несколько вопросов. Если ее ответы устроят меня, я от души поздравляю тебя и буду за тебя спокоен, что бы ни случилось.

— Ты все испортишь... — покачал головой Пелорат.

— Даю честное слово, ничего не испорчу. Умоляю тебя...

— Ну, ладно... Но только повежливее, дружочек дорогой, хорошо?

— Обещаю, Джен.

91

— Пел сказал, что ты хочешь меня видеть? — спросила Блисс.

— Да, — ответил Тревайз.

Тревайз принимал Блисс в небольшой квартире, ему отведенной.

Она грациозно уселась, положила ногу на ногу и испытующе поглядела на него. Прекрасные карие глаза ее лучились светом, длинные темные волосы струились до плеч и блестили.

— Ты осуждаешь меня, да? — спросила она. — Я тебе с самого начала не понравилась?

Тревайз покачался с носка на пятку, пожал плечами:

— Ты умеешь читать мысли. Ты знаешь, что я о тебе думаю и почему.

Блисс медленно покачала головой:

— Твое сознание для Геи непостижимо. Ты знаешь это. Ты должен был принять решение сам по себе, и никто не должен был касаться твоего сознания. Когда мы захватили ваш корабль, я окружила тебя и Пела успокоительным полем только потому, что это было нужно тогда. Паника, ярость, гнев могли повредить тебе, а решающий момент был так близок... Вот и все. Большого я сделать не могла и не делала. Поэтому я не знаю, о чем ты думаешь.

— Решение, которого от меня ждали, принято. Я выбрал Гею и Галаксию. К чему тогда этот треп о нетронутом сознании, ясном разуме? Вы получили, что хотели, и теперь можете делать со мной все, что пожелаете.

— Нет, Голан. Ты неправ. Может быть, в будущем от тебя потребуются другие решения. Ты останешься таким, какой есть, и пока ты жив, ты уникален. Наверняка в Галактике есть другие, тебе подобные, они обязательно появятся в будущем, но пока **мы** знаем тебя и только тебя, и мы не можем сделать тебе что-то дурное.

Тревайз ненадолго задумался.

— Ты Гея, а я сейчас не хочу говорить с Геей. Я хочу потолковать с тобой лично, если это возможно.

— Возможно. Гея — не компот какой-нибудь. Я могу отключиться от Геи на некоторое время.

— Отлично. Ну, отключилась?

— Да.

— Тогда вот что. Во-первых, ты лгунья. Ко мне в сознание, когда я принимал решение, ты, может быть, и не забиралась, но зато заглянула в сознание к Джону.

— Ты так думаешь?

— Да, я так думаю. Потому что в решающее мгновение Пелорат напомнил мне о Галактике, некогда показавшейся ему живым существом, и именно это навело меня на принятие решения. Не исключено, что мысль

эта принадлежала ему, но ты помогла ее задействовать, не так ли?

Блисс ответила:

— Да, эта мысль была у него в сознании, но там было много всяких мыслей. Я просто расчистила дорогу для его воспоминания о живой Галактике. Именно эта мысль легко скользнула из полусознания в сознание и облеклась в слова. Запомни: я не сочинила эту мысль. Она была в его сознании.

— Тем не менее это означает, что косвенным образом мое сознание было обработано, и мое так называемое независимое решение претерпело некую подстежку?

— Гея решила, что это необходимо.

— Вот как! Ну что же, если тебе легче от этого, можешь увериться в собственном благородстве. Знай: я бы и сам, без всяких слов Джена, принял это решение. Джен мог сказать, что сказал, мог промолчать, мог пытаться склонить меня к другому решению. Я бы все равно решил так, как решил.

— Мне легче, — холодно отозвалась Блисс. — Ты это хотел сказать мне, когда просил о встрече?

— Нет.

— Что еще?

Тревайз пододвинул стул и сел перед Блисс так близко, что их колени почти соприкасались. Наклонившись вперед, он заговорил, чеканя каждое слово:

— Когда мы приближались к Гее, на орбитальной станции была ты. Именно ты захватила нас, именно ты явилась за нами, ты потом все время вертелась вокруг нас, вот только на ужине у Дома не была. А самое главное, ты была с нами на «Далекой Звезде» во время принятия решения. Ты, все время ты.

— Я Гея.

— Это ни о чем не говорит. Кролик — тоже Гея. Камушек — тоже Гея. Все на вашей планете — Гея, но не все Гея одинаковы. Кто-то больше, кто-то меньше. Так почему — ты?

— А ты как думаешь — почему?

Тревайз глубоко вдохнул и выпалил:

— Почему? Потому, я думаю, что ты не Гея. Ты больше чем Гея. — Блисс прыснула. Тревайз не отсту-

пался: — Когда я принял решение, та женщина, что была вместе с Оратором...

— Он звал ее Нови.

— Так вот, эта Нови сказала, что Гея основана роботами, которых теперь уже нет в помине, но в свое время они приучили геян повиноваться Трем Законам Роботехники.

— Так оно и есть.

— И роботов больше нет?

— Так сказала Нови.

— Нови не так сказала. Я точно запомнил ее слова. Она сказала: «Гея была основана роботами, которые когда-то служили людям, а теперь больше не служат».

— Но, Трев, разве это не означает, что они больше не существуют?

— Нет. Это означает, что они больше не служат людям. Но разве они не могут вместо этого править людьми?

— Смешно.

— Ну, не править, так руководить, наблюдать. Почему ты была рядом в то время, когда нужно было принять решение? Казалось бы, твое присутствие там было совершенно необязательно. Всю операцию вела Нови, она была Геей. Ты-то зачем была нужна? Разве только затем...

— Ну? Договаривай.

— Разве только затем, что ты тот самый куратор, прослеживающий за тем, чтобы Гея не забывала о Трех Законах Роботехники, если только ты не робот, так хитро сделанный, что тебя невозможно отличить от человека.

— Но если меня невозможно отличить от человека, — насмешливо отозвалась Блисс, — какие претензии?

Тревайз скрестил руки на груди, закинул ногу на ногу.

— А разве вы все не уверяли меня в моем исключительном таланте принимать верные решения, приходиться к единственно правильным выводам? Я сам этим не хвастался, это вы меня с пеной у рта в этом убеждаете, только это и твердите. В общем, так: с того самого мгновения, как ты явилась к нам на корабль, я почувствовал себя не в своей тарелке. Что-то в тебе было не

так... Уверяю тебя, я не меньше Пелората охотник до дамских прелестей, а внешне ты — хоть куда. Однако ты во мне никаких чувств не пробудила.

— Ты меня оскорбляешь.

Пропустив мимо ушей эту реплику, Тревайз продолжал:

— Как раз перед тем, как ты появилась у нас на корабле, мы с Дженем обсуждали возможность существования на Гее нечеловеческой цивилизации и даже заключили пари. Когда же ты появилась, Джен со свойственной ему непосредственностью спросил: «Вы — человек»? Может быть, робот не обязан говорить правду, но уверен, тут есть масса вариантов. Ты же ответила вопросом на вопрос. «Разве я не выгляжу, как человек?» — спросила ты. Да, Блосс, выглядишь ты, как человек, но ответь мне честно: человек ли ты? — Блосс молчала. — Так вот, — прищурился Тревайз, — видимо, уже тогда, в те самые первые мгновения я ощутил, что ты не женщина. Ты робот, откуда-то я знаю об этом. И все дальнейшие события только подтверждали мою догадку, в особенности твое отсутствие за ужином.

— Ты что, думаешь, я не умею есть? — улыбнулась Блосс. — Разве ты забыл, как я за обе щеки уплетала креветок у вас на корабле? Уверяю, есть я умею, и все остальные биологические функции у меня в полном порядке. И с сексом тоже все нормально — ты бы все равно про это спросил, я знаю. Но конечно, я и сама могу сказать вместо тебя — все это само по себе не говорит, что я не робот. Еще тысячи лет назад роботы были столь совершенны, что отличить их от человека мог лишь тот, кто владел секретами ментального поля, — у роботов, естественно, был другой мозг. Оратор Гендибаль мог бы определить, робот я или нет, если бы ему пришлось в голову об этом задуматься. Но он на меня внимания не обратил.

— Ну, ладно, у меня с менталикой туговато, и тем не менее я убежден, что ты робот.

— Ну и что из того, даже если это так? Нет-нет, я этого не признаю, но мне просто любопытно. Что, если я действительно робот?

— Признаваться необязательно. Я знаю, что ты робот. И если была мне нужна последняя капля в полную

чашу доказательств, я ее получил: как спокойно ты отреагировала на мое предложение отключиться от Геи! Будь ты действительно ее частью, ты бы не смогла этого сделать, уверен. Так позволь же спросить тебя: сколько на Гее таких, как ты, роботов-руководителей?

— А я повторяю: я не согласна с твоим заявлением, но все-таки что из того, если я робот?

— Если это так, я хочу знать: чего ты хочешь от Джена Пелората. Он мой друг, он немолод, но во многом — сущее дитя. Он вбил себе в голову, что влюблен в тебя, готов принять от тебя лишь то, что ты согласна дать ему, воображает, что ты уже многое для него сделала. Он пока не представляет, как это больно — полюбить и потерять любовь, и, если уж на то пошло, насколько больнее будет узнать, что ты не человек.

— А тебе знакома боль утраченной любви?

— У меня всякое бывало. Я не жил, как Джен, жизнью затворника. Я не жил под интеллектуальным наркозом, не вел заумных исследований, которые заслонили бы от меня весь мир, даже жену и ребенка. Джен жил именно так. И вот теперь, вдруг, с бухты-баракты, он готов бросить все это к твоим ногам. Я не хочу, чтобы ему было больно. Я оказал Гее услугу, я заслуживаю вознаграждения. Мне ничего не нужно, кроме твоего заверения, что с Дженем все будет хорошо.

— Я должна притвориться роботом и ответить тебе?

— Да, — твердо сказал Тревайз. — Прямо сейчас.

— Что ж, хорошо. Допустим, Трев, я робот и занимаю пост куратора. Допустим, существует еще несколько таких, как я. Допустим, мы встречаемся нечасто. Допустим, нами движет необходимость заботы о людях. Допустим, на Гее и нет настоящих людей, поскольку все тут являются составными частицами планетарного бытия. Допустим, мы заботимся о Гее. Допустим, в нас есть нечто, искони присущее роботам, — тяга к людям. Не пойми меня превратно — я не утверждаю, что мне уйма лет. Если я робот, то срок моего существования именно таков, как я вам с Дженем сообщила еще тогда, на корабле. Если я робот, то все у меня должно быть как у древних роботов, и забота о людях в том числе.

Пел — человек. Он не частица Геи. И в будущем не сможет стать ее частицей — для этого он слишком

стар. Он хочет остаться на Гее, со мной, и я не вызываю у него таких чувств, как у тебя. Он не думает, что я робот. Но мне он тоже нужен. Если предположить, что я робот, ты поймешь, что это вполне естественно. Роботы такого уровня обладают способностью испытывать весь спектр чувств человека — и любовь в том числе. Конечно, если тебе угодно настаивать, что я робот, ты не поверишь, что робот способен полюбить возвышенно, мистически, как умеют люди, но поведение мое было бы неотличимо от поведения влюбленной женщины, так что, какая разница?

Она умолкла и испытующе смотрела на него, гордая, довольная собой.

— Не хочешь ли ты сказать, что не бросишь его? — растерянно спросил Тревайз.

— Ну, коли ты считаешь меня роботом, то мог бы догадаться, что я точно его не брошу — мне не позволят Три Закона Роботехники. Если только он сам мне не прикажет, если я только не решу, что он действительно этого хочет и что ему будет больнее, если я останусь.

— Но разве ты не могла найти себе кого-нибудь помоложе?

— Кого? Вот ты, например, моложе, но тебе же я не нужна, как нужна Пелу. А раз я тебе не нужна, Первый Закон не позволил мне предпринимать попытки увлечь тебя.

— Ну, не меня. Кого-нибудь другого, помоложе.

— Нет. Все остальные на Гее — другие, не совсем настоящие люди — в восприятии робота, если я — робот.

— Ну а если ты не робот? — более мягко спросил Тревайз.

— Знаешь, ты уж выбери что-нибудь одно.

— Я повторяю: что, если ты не робот?

— Тогда я тебе вот что скажу: если я не робот, тогда это вообще не твое дело. Дело мое и Пела.

— Тогда я вернусь к вопросу о моем вознаграждении. Я прошу, я требую, чтобы ты не обижала его. Не будем больше обсуждать, кто ты есть на самом деле. Я прошу тебя, как одно разумное существо может попросить другое: обращай с ним хорошо.

Блисс тихо, нежно проговорила:

— Я буду относиться к нему бережно, но не тебе в награду, а лишь потому, что мне самой так хочется, ясно? — Она крикнула: «Пел!», и еще раз, погромче: «Пел!»

Вошел Пелорат, бледный, как полотно.

Блисс протянула ему руку.

— Иди сюда. Кажется, Тревайз что-то хочет сказать.

Пелорат сжал ее руку, а Тревайз взял за руки их обоих.

— Джен, — сказал он просто, — я счастлив за вас.

— О... дружочек дорогой, — пролепетал Пелорат, и у него слезы навернулись на глаза.

— Скорее всего, я покину Гею, — сказал Тревайз. — Сейчас как раз собираюсь сходить к Дому, потолковать об этом. Уж и не знаю, Джен, когда мы теперь свидимся, а ведь все-таки нам неплохо было вдвоем, а, старина?

— «Неплохо» не то слово, — улыбнулся Пелорат.

— Прощай, Блисс, спасибо тебе заранее.

— До свидания, Трев.

Помахав на прощание рукой им обоим, Тревайз решительно вышел из комнаты.

92

— Ты все сделал хорошо, Трев, — сказал Дом. — Именно этого я от тебя ожидал.

Они снова сидели за столом, уставленным блюдами с такими же невыразительными закусками, как в прошлый раз, но Тревайзу было не до еды. Не исключено, что это была его последняя трапеза на Гее.

— Да, — кивнул он, — ты этого от меня ожидал, но двигали мной собственные соображения.

— Не сомневаюсь, ты был уверен в правильности выбора.

— Уверен. Но не думаю, что в этом повинен какой-то мистический дар. Я выбрал Галаксию, следуя элементарной логике, и думаю, на такое решение был бы способен любой человек. Хочешь, объясню?

— Конечно, Трев, очень хочу.

— Итак, у меня было три варианта выбора: в пользу Первой Академии, в пользу Второй и в пользу Геи.

Выбери я Первую Академию, Мэр Бранно немедленно прибрала бы к рукам Вторую Академию и Гею. Останови я свой выбор на Второй, Оратор Гендибаль не замедлил бы захватить власть над Геей и Первой Академией. В обоих случаях сложилась бы необратимая ситуация, и окажись мой выбор неверен, последствия были бы катастрофичны.

Однако, выбирая Гею, я ничем особенно не рисковал, тогда обе Академии удовлетворились бы ощущением обманной победы, и все, в общем и целом, осталось бы, как было; ведь на построение Галаксии, как мне было сказано, уйдет жизнь не одного поколения.

Выбор в пользу Геи давал возможность выиграть время, корректировать события, или даже придавать им обратное течение в случае, если бы решение мое оказалось ошибочным.

Седые брови Дома слегка приподнялись. Глубоким, грудным баритоном он спросил:

— Ты все-таки сомневаешься в верности своего решения?

— Не то чтобы сомневаюсь, но чтобы убедиться окончательно, мне нужно кое-что сделать. Я хочу посетить Землю, если удастся ее отыскать.

— Если ты хочешь нас покинуть, мы не вправе тебя задерживать, Трев...

— Я не подарок для вашего мира.

— Пел тоже, но он остается, и мы рады предложить тебе остаться. Но скажи мне, зачем ты хочешь попасть на Землю?

— Думаю, ты понимаешь зачем.

— Нет.

— Вы не все рассказали мне, Дом. И ты, и остальные. Может быть, у вас есть на то причины, но мне хотелось, чтобы таких причин не было.

— Не понимаю, о чем ты.

— Видишь ли, Дом, в то время, когда я должен был принять решение, я с помощью моего компьютера на краткий миг как на ладони увидел сознания всех, кто был рядом, — Мэра Бранно, Оратора Гендибаля, Нови. За считанные мгновения мне открылось многое — ну

например, вся цепочка манипуляций Геи в отношении Трентора через Нови, то есть как было подстроено, что Гендибаль отправился к Гее.

— Да?

— Я увидел в сознании Гендибалю мысль, которая поразила меня: это касалось пропажи всех источников информации о Земле из Галактической Библиотеки.

— Они пропали?

— Да. Поэтому мне и показалось, что это очень важно. Настолько важно, что нужно, чтобы об этом не знала не только Вторая Академия, но и я. И уж если на меня свалилась ответственность за выбор в пользу Галаксии, я не собираюсь соглашаться на добровольное неведение. Так скажи мне, для чего понадобилось скрывать знания о Земле?

Дом торжественно проговорил:

— Трев, Гея к этой пропаже никакого отношения не имеет. Мы ничего об этом не знаем.

— Вы тут ни при чем?

— Абсолютно ни при чем.

Тревайз глубоко задумался, нахмурился, облизнув высохшие губы.

— Чьих же рук это дело, в таком случае? — растерянно спросил он.

— Не знаю. И цели не понимаю.

Они долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова, и наконец Дом сказал:

— Ты прав. Нам казалось, что найден окончательный ответ, однако, пока этот вопрос висит в воздухе, покоя не будет... Прошу тебя, побудь у нас немного, давай подумаем, что можно сделать. А потом ты сможешь улететь, получив от нас всю помощь, которая тебе потребуется.

— Благодарю, — улыбнулся Тревайз.

Содержание

Край Академии, роман, <i>перевод с английского Н. Сосновской</i>	5

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

В двенадцати книгах

Книга девятая

В оформлении использована работа
Стюарта Коули

Главный редактор *А. Захаренков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *Т. Бережных*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дунгина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Н. Жук*
Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Оформление шмуцтитолов: *А. Бибаиав*

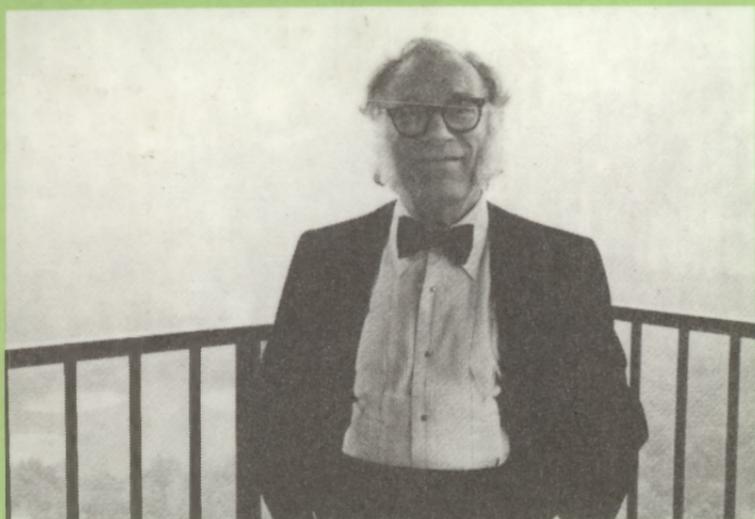
ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.11.94.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.
Гарнитура Балтика. Печать высокая.
Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 25,36. Уч.-изд. л. 25,5.
Тираж 18 500 экз. Заказ № 4-409.

Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV—1039, Рига, а/я 22
Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057 Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8

КРАЙ АКАДЕМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994